

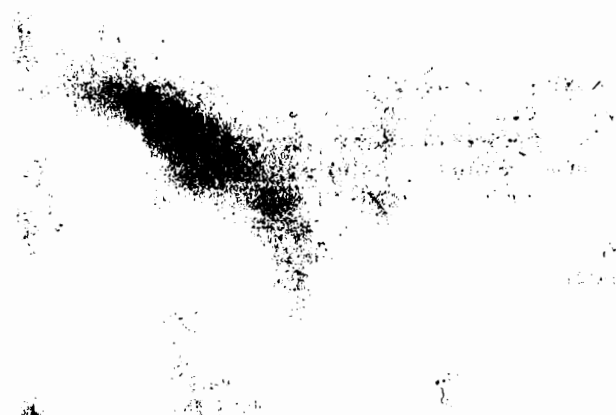
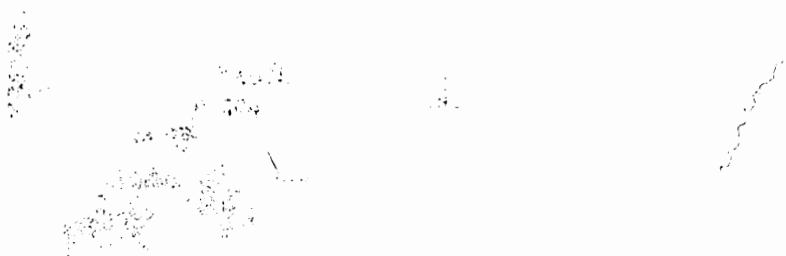
Владислав Кривик

Владислав Крапивин

Собрание
сочинений
в девяти
томах

Владислав Крапивин

Том 3

Издательство «91»
Екатеринбург 1992

ДБК 84Р7,
К78

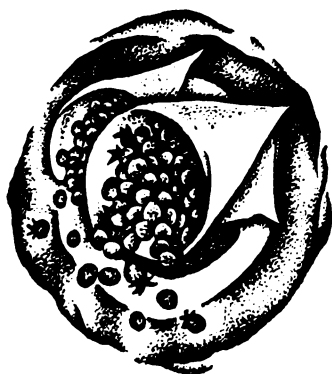
Художник П. В. Крапивин

К 4803010201-002 -92
92

© Владислав Крапивин, 1992

ОРУЖЕНОСЕЦ КАШКА

Повесть

Глава первая

Серафиме приснился дятел. Он сидел на сухом стволе сосны и целился носом в какую-то букашку. Потом он быстро откинулся назад, стукнул клювом по коре и снисходительно посмотрел на Серафиму черным блестящим зрачком. Серафима удивилась и открыла глаза.

Дятла, конечно, не было. Был некрашенный потолок с круглыми пятнами сучков, лампочка в самодельном абажуре и пестрый табель-календарь, припиленный над кроватью к стене из тесаных бревен.

А еще была стрела.

Она торчала над календарем, и белое хвостовое перо ее хищно дрожало.

«Так, — подумала Серафима. — Кажется, кто-то совершил покушение на мою жизнь. Только этого мне и не хватало».

Она с беспокойством взглянула на затянутое марлей окно. В марле ярко голубела круглая дырка. Серафиме захотелось поглубже забраться под одеяло.

— Нет, стоп, — сказала она себе. — Главное — не поддаваться панике.

Серафима была рассудительным человеком. Она прогнала страх и стала вспоминать, кому причинила зло и кто мог желать ей такой ужасной гибели.

Никому она не причиняла зла! Честное слово! Правда, вчера во время ужина она прогнала из столовой Мишку Зыкова, но он даже не обиделся. Он понимал, что сам виноват: ведь никто не заставлял его опускаться в компот нитику Генке Молоканову живого зеленого лягушонка...

«Не было покушения, — решила Серафима. — Стрела случайно влетела в окно, и теперь, наверно, ее хозяин прячется в кустах и с тревогой думает: узнают или не узнают? Попадет или не попадет?»

Она вскочила с кровати, натянула сарафан и шагнула на крыльцо.

В двух метрах от крыльца росла прямая береза. В стволе березы высоко, так что не дотянешься, торчали две стрелы. Одна — толстая и короткая, с черным вороньим пером, другая — длинная, без перьев, с зелеными полосками у наконечника.

— Не нравится мне это, — задумчиво сказала Серафима и огляделась.

Горнисты еще не сыграли побудку, и над лагерем висела сонная тишина. А солнце стояло уже высоко. Жестяные наконечники стрел, глубоко вонзившиеся в березу, горели серебряными точками.

Еще одна стрела взмыла над кустами черемухи, описала пологую дугу и ушла за дальние сосны. Она была яркая, с белыми перьями у хвоста. В зарослях черемухи затрещали ветки и послышались тихие напряженные голоса.

— Батюшки, — прошептала Серафима. — Волна...

Коротким словом «волна» в лагере называли массовые увлечения. Что такое массовое увлечение, каждому понятно. Допустим, один человек нашел на дороге обрезок жести и сделал из него свисток. Ходит и свистит. Другой человек услышал и думает: «У него есть свисток. А у меня нет свистка. Разве это жизнь?» Идет он тоже искать кусок жести. Режет ее, гнет и в конце концов гордо подбрасывает на ладони великолепную свистелку собственной конструкции. Потом подносит ее к губам и надувает щеки...

Когда у двух человек есть свистки, а у других нет, это большая несправедливость. И вот уже всюду стучат по металлу молотки и кирпичные обломки, сгибая в трубки

жестяные полоски. Воздух наполняется режущим свистом, и тишина рвется в мелкие клочки.

Это значит, что на лагерь накатил «свистковая» волна.

Вообще волны бывают разные: вредные и полезные, опасные и безобидные.

В начале первой смены прокатилась «шляпная» волна: мальчишки и девчонки мастерили из лопухов широкополые мексиканские шляпы, украшали их подвесками из сосновых шишек и пышным оперением из листьев папоротника. Ходить без такой шляпы считалось просто неприличным. Однако лопухи увядали быстро, а росли медленно, и волна утихла, когда в окрестностях лагеря был найден и вырван с корнем последний лопух.

Через неделю прошумела другая волна — «разбойничья». Несмотря на грозное название, она была очень спокойная. Все мирно сидели под деревьями и мастерили маленьких разбойников. Туловища лепили из глины, головы делали из шишек и репейника, руки и ноги — из веток, а усы — из сухих сосновых иголок. Потом эти разбойники стояли всюду: на подоконниках, на перилах, на спинках кроватей и даже на умывальниках. Наконец их собрали в пионерскую комнату и устроили выставку.

После «разбойничьей» волны прокатилась волна «ужасов». Всем захотелось наряжаться привидениями и кого-нибудь пугать. Мальчишки после отбоя малевали на голых животах страшные рожи, приматывали к голове деревянные рога и бесшумными скачками подкрадывались к девчоночьим дачам. Но девчонки не спали. Вымазав мелом лица и завернувшись в простыни, они со зловещим подвыванием бродили вокруг дач. В общем, привидений развелось видимо-невидимо, а пугать было некого.

Потом прошумело еще несколько волн, и самая грозная из них называлась «ракетная».

Ракеты с ядовитым шипением взмывали над полянами и, кувыркаясь, падали в кусты. Иногда они сгорали прямо на стартовой площадке. А ракета с гордым именем «Сириус-5» вышибла кухонное окно и утонула в котле с рассольником. Среди вожатых началась паника. Но эта волна угасла сама собой из-за недостатка реактивного горючего.

И вот — стрелы...

— Это, как я понимаю, не ракеты, — озабоченно сказал завхоз Семен Васильевич. — Горючего для них не требуется. А матерьялу сколько хочешь. Рядом с кухней сосновые чурки лежат. Сухие, будто порох. И прямослойные.

Я их для лучины припас, для растопки. Было восемь чурок, а теперь, значит, пять. Куда три пропали? Вон они в воздухе летают с перьями на хвостах. Вот так.

Все дружно вздохнули и повернулись к окну. За окном была усыпанная песком площадка, а на площадке — столб с репродуктором. В столбе, не очень высоко от земли, торчала стрела с огненным петушиным пером. Появился лохматый исцарапанный мальчишка в зеленых трусиках. Подошел к столбу. Поправил на плече маленький, сильно изогнутый лук. Поднял голову, подумал и лениво подпрыгнул, чтобы достать стрелу. Не достал. Почесал о плечо подбородок, снова поправил свой лук и неторопливо удалился.

— Вот-вот... — мрачно произнес Семен Васильевич. — Про это я говорю. Видали? Ему, тунеядцу несчастному, даже прыгнуть лень как следует. Потому что стрел у него и без этой хватает. Три сосновые чурки на стрелы пустили! Изверги...

— Три чурки, три чурки, три чурки... — басовито пропел вожатый первого отряда Сергей Привалов.

— Нет ничего смешного, Сергей Петрович, — строго и обиженно сказала старшая вожатая Светлана. — Здесь не опера, а педагогический совет лагеря. Дети могут получить увечья и травмы...

— Виноват, Светлана Николаевна, — откликнулся из угла Сергей. — Больше не буду. Хотя должен заметить, что увечья и травмы — это одно и то же.

— Товарищи, — укоризненно сказала директор лагеря Ольга Ивановна. — Света, Сережа, не надо. Вопрос-то серьезный. Продолжайте, Семен Васильевич.

— А чего продолжать. Кончать надо. Наконечники на всех стрелах, обратите внимание, жслезные, из жести. В виде конуса. Из консервных банок делаются. Где они банки берут, ума не приложу. А насчет дерева все ясно. Трех чурок нет? Нет. А из каждой не меньше сотни стрел должно получиться. А то и две. А еще обрезки досок на это пошли...

Он вздохнул, шумно поворочался на стуле и затих.

— Ольга Ивановна, у меня предложение. — Худая девушка в очках подняла руку. — Надо издать приказ, что стрелять из луков запрещается, а виновным грозит исключение. В своем отряде я уже объявила. Устно.

— Помогло? — печально спросила Ольга Ивановна.

— Ну... это ведь устно. А если приказ с вашей подписью повесить на доску объявлений...

— Не знаю, кто как, а я к этой доске и на сто шагов

не подойду, — заявила Светлана. — Ее превратили в щит для мишеней. Там уже висит, между прочим, один приказ — с выговором за самовольное купание. Кажется, Юрию Земцову. В этом приказе торчат четыре стрелы. Их не убирают. По-моему, нарочно... Я не понимаю, Сергей, что тут смешного!

— Я серьезен, как надгробие.

— Надгробие скоро понадобится мне. От такой жизни. Я поймала Игоря Каткова (кстати, он из твоего отряда) и говорю: «Вы другого занятия не могли найти? Вы без глаз останетесь». А он хоть бы хны!

— Да? А что он сказал? — с интересом спросил Сергей.

— Что, что... Он известный хулиган и болтун. Сам знаешь.

— Все-таки что ответил хулиган и болтун Катков?

— Как всегда, сказал глупость: «Купаться нам нельзя — говорят, утонете. Загорать нельзя — перегреетесь, в лес нельзя — заблудитесь, на карусель нельзя — закружитесь, стрелять тоже нельзя... А дышать можно?..» Нахал! Сам из речки по два часа не вылезит!.. Ну, Ольга Ивановна, Сергей опять смеется!

— В самом деле, Сережа... — Ольга Ивановна покачала головой. У нее было полное, совершенно нестрогое лицо и растерянные глаза. — Нехорошо, Сережа. Это ведь в твоём отряде больше всего стрелков. Даже девочки...

— Девять ребят и четыре девчонки. И еще пятеро делают луки, — уточнил Сергей.

— Блестящие показатели, — язвительно заметила Светлана. — Не отряд, а Золотая Орда. Твои методы работы. Вот у Серафимы, например, почему-то ни одного стрелка нет. А?

— Ну, они еще мальки, — ласково сказала Серафима. — Еще не научились. Научатся...

— Ты всегда заступаешься за Привалова!

Сергей встал.

— Дело ясное, — сказал он. — Волна есть волна. Стихия. Отбирать луки бесполезно. Сжигать стрелы — тоже. Стихию не остановить. Выход один: направить ее в безопасное русло.

— Сереженька, родной, направь! — с надеждой воскликнула Ольга Ивановна. — Я тебя потом за это на два дня в город отпущу!

— Нужно двадцать палаток, — сказал Сергей.

— Будут палатки! Одиннадцать есть, остальные в «Веселых искорках» попросим. А еще что нужно?

- Лист ватманской бумаги.
- И все?!
- И еще всю полноту власти.

В семь часов вечера на двери столовой появился лист с большими красными буквами:

**ВЕЛИКИЙ
и
НЕПОБЕДИМЫЙ
Рыцарский орден стрелков из лука
ОБЪЯВЛЯЕТ:**

§ 1

Для безопасности населения все стрелковые
тренировки переносятся в большой овраг.

§ 2

Назначается всеобщее стрелковое соревнование.
Победители будут участвовать
в грандиозном рыцарском турнире.

§ 3

Всякий, кто осмелится выпустить стрелу
на территории лагеря, будет объявлен вне закона,
лишен оружия и немедленно изгнан из славных
рядов ордена.

§ 4

Запись в
**ВЕЛИКИЙ И НЕПОБЕДИМЫЙ
РЫЦАРСКИЙ ОРДЕН**
производится в пионерской комнате.

Примечание:

Турнир будет через два дня.

Лист был пригвожден к двери черной тяжелой стрелой.

Глава вторая

— Работорговец ты, Новоселов, — сказал Сергей.

— Я?!

— Именно ты. Самый настоящий.

— Ладно. Спасибо.

Володя пнул попавшую под ноги шишку, отошел в сторону, сел под сосной и стал думать о несправедливости.

Вроде бы он не хуже других. За эти два дня все убедились, что стреляет он как надо. Ну ладно, этим хвастаться нечего: каждый стреляет как может. Но ведь он не только стрелы пускал, он и мишени малевал для соревнований, и оленя из фанеры помогал выпиливать, дистанции размечал в овраге. Никаких спасибо ему за это не надо, но оруженосца-то могли бы дать получше!

Это Сережа придумал, что у каждого участника турнира должен быть оруженосец. Для малышей из шестого отряда такое дело — самое подходящее. Стрелки из них никудышные, им и лук-то не натянуть как следует, а за улетевшими стрелами бегать они могут. И вообще, мало ли какая помощь потребуется во время турнира. Сразу и не угадаешь. А оруженосец всегда под рукой. Скажешь, и он сделает что нужно. И еще было решено, что, если стрелок победит в турнире, его оруженосец тоже считается победителем: славу и приз пополам.

В общем, здорово было придумано, и Володя ни за что не отказался бы от оруженосца, если бы дали ему кого-нибудь другого. Например, Мишку Зыкова — известного на весь лагерь семилетнего забияку с бесстрашными глазами. Или вон того худого малыша с незаживающими ссадинами на коленках и удивительным прозвищем Обезьяний Царь. Или, наконец, Сашку Макурина. Он хотя и увалень, но парень с головой, деловитый и не нытик.

Но достался Володе совсем другой оруженосец. Володя даже его фамилии точно не знал. Голубков или Голубев. Или Голубкин. Аркашка.

Полное имя для Аркашки оказалось, наверно, слишком длинным. Звали его просто Кашка. Он и в самом деле был как незаметная полевая кашка в траве — пройдешь и не увидишь. Может быть, в своем отряде, среди малышей, он и был чем-нибудь известен, кто знает. Но Володя на него никогда не обращал внимания. Потому что посмотришь — и взгляду не за что зацепиться: выгоревшие волосы, стоптанные сандалеты, серенькие штаны на лямках да голубая выцветшая майка. Вот и весь Кашка. Хоть бы

какой-нибудь значок на майку прицепил, или бы синяк заработал, или царапину какую-нибудь, чтобы знак отличия был. Да где уж ему!

По деревьям он не лазил, на речку не сбегал, в драки не лез, в лагерных концертах не участвовал. На линейках его не хвалили и не ругали, потому что ничего с ним не случалось. Это ведь не Зыков и не Обезьяний Царь. И не Светка Матюшова, которая однажды заманила в лагерь деревенского козла и натравила его на мальчишек из третьего отряда...

Как только Володя увидел, какого оруженосца ему подсунули, он чуть не застонал. Побежал к Сергею и в упор спросил:

— Больше никого дать не могли? Да?

— А чем тебе Кашка не нравится?

— Боже мой! — с отчаянием сказал Володя. — А чем он может нравиться? Инфузория какая-то.

— Ну, не валяй дурака. Обыкновенный он мальчишка.

Они стояли у фанерного домика, где была пионерская комната. Озабоченные важными делами, пробегали мимо ребята с охапками бумажных флажков, с фанерными щитами для мишеней и банками красок. Несколько человек остановились, чтобы посочувствовать Володе.

А Кашка сидел шагах в двадцати на лавочке. Сидел прямо и неподвижно, как в кино. Смотрел издаലെка на Сергея и Володю. Разговора он, кажется, не слышал, но о чем-то догадывался.

— Беспомощный он, как кролик, — тихо сказал Володя.

Сергей взял его за плечи.

— Вовка, ты пойми. Никто же их не назначал, этих оруженосцев. Все ребята сами выбирали и сами договаривались. Ну, кто виноват, что тебя тогда не было?

Володя обмяк. Когда Сережа разговаривал вот так просто и доверительно, спорить с ним было невозможно. И все-таки Володя высвободил плечи. Он сказал со сдержанной обидой:

— Я, между прочим, не гулял. Я мишени собирал в овраге. Все стрелять кончили и разбежались кто куда. А мишени нужны еще... А оруженосца мне вообще тогда не надо. Я не барин.

— Тебе-то, может быть, не надо... Но куда ты его денешь? Думаешь, ему не обидно?

Володя вздохнул.

— Ну, пойми. Ведь я же не нянька, — сказал он про-

никновенно. — Мне же стрелять надо будет, а не нос ему вытирать.

— Ну и будешь стрелять. Не стони раньше времени. — Сережа досадливо отмахнулся и нырнул в пионерскую комнату.

— Юрка! — Володя с надеждой повернулся к Юрику Земцову. — Слушай, Юрка, давай меняться, а? У тебя ведь Мишка Зыков. Давай, ты мне Мишку, а я тебе десять наконечников и Кашку.

Юрик обалдело глянул на Володю.

— Мишку?..

— Пятнадцать наконечников, — безнадежным тоном сказал Володя. — Все из желтой жести. Как золотые. Я их для турнира берег. Ну, семнадцать... А?

Вот тогда-то Сережа и сказал, не выходя из пионерской комнаты:

— Работорговец! Человека меняет на какие-то наконечники! Догадался...

Сейчас рыцари на земле повывелись. Но в далекие времена, когда на высоких горах стояли каменные замки, когда в темных дубравах водились буйные разбойники, а ученые-астрономы носили остроконечные колпаки с серебряными звездами, рыцарей было видимо-невидимо. Громыкая латами, как пустыми умывальниками, они съезжались в чистом поле, раскидывали шатры и устраивали турниры.

В лагере «Синие Камни» шатров не нашлось, но двухместные палатки Сережа достал. Их поставили на широкой поляне, окруженной частым березняком и зарослями шиповника. Девятнадцать палаток образовали большой круг, а двадцатая — командорская — стояла в середине. Получился настоящий рыцарский табор: с мочальными хвостами и пестрыми флажками на деревянных пиках у палаток, с разноцветными гербами на фанерных щитах, с синим стягом над главной палаткой. На стяге был похожий на полумесяц лук и красная стрела.

Двое суток должны жить в палатках те, кто победил в прошедших соревнованиях, — девятнадцать участников заключительного турнира. И их оруженосцы. Сорок воинов, сменяясь ежечасно, будут ночью охранять их покой и сон...

Володя шагал к палаткам. Двое часовых сурово глянули на него сквозь прорези картонных шлемов и скрестили копья.

— Пароль?

— Идите вы с паролем, — уныло сказал Володя. Развел копыя в стороны и, не оглядываясь, пошел дальше. Часовые посмотрели друг на друга, вздохнули и остались на месте.

Свою палатку Володя увидел сразу. Кто-то уже позаботился о нем. На тонком длинном древке рядом с палаткой был укреплен бумажный флажок с Володиным гербом: желтое яблоко, пробитое навывлет фиолетовой стрелой.

Но и без флажка Володя не ошибся бы. Потому что у входа сидел на корточках Кашка.

Он увидел своего командира и торопливо встал. Будто испугался чего-то. А может быть, и правда испугался. Стоял, неловко шевеля руками, и вопросительно смотрел на Володю.

«И чего смотрит, будто кролик на удава?» — подумал Володя. И почувствовал, как закипает досада.

В серых Кашкиных глазах было ожидание. Он готов был и улыбнуться, и робко съежиться — все зависело от того, что скажет Володя.

Володя все-таки сдержал раздражение. Надо было думать и о справедливости. Ведь этот несчастный Кашка, в конце концов, ни в чем не виноват.

Кашка ждал. Нужно было хоть что-то сказать ему.

— Ты почему не в столовой? — сказал Володя. И Кашка улыбнулся.

Улыбка была немножко виноватая и смешная, потому что у оруженосца не оказалось переднего зуба.

— Наш отряд уже пообедал, — объяснил Кашка. — Мы сегодня раньше всех...

— Значит, спать пора, наверно, — сказал Володя. — Мертвый час.

— Весь лагерь не спит, — осторожно заметил Кашка. Он, видимо, не знал, как принимать Володины слова. Как приказание или просто так?

Володя нырнул в палатку. Оруженосец полез следом.

Внутри все уже было готово: лежали два соломенных тюфяка под одеялами, две подушки. В карман, пришитый к парусиновой стенке, кто-то воткнул ветку шиповника с розовыми цветами.

— Это ты постарался? — с сомнением спросил Володя.

Кашка смущенно заморгал.

— Не я... Девочки приходили, большие. Мне сказали, чтобы я не мешался, а сами все сделали.

— Надо же... — озадаченно произнес Володя.

— Одну зовут Райка, — уточнил Кашка. Он как вполз в палатку, так и стоял на четвереньках, выжидательно глядя на Володю.

Володя сел на тюфяк. Делать было абсолютно нечего. Полагалось после обеда спать, но спать, когда никто не заставляет, мог только ненормальный. Как обращаться со своим оруженосцем и что вообще с ним делать, Володя тоже не знал. И от этого чувствовал себя при Кашке неловко и скованно.

— Где твои вещи? — спросил он.

— Вещи?

— Ну, полотенце, зубная щетка, мыло. Мы два дня будем жить здесь. Знаешь ведь...

— Я забыл, — обеспокоился Кашка. — Можно, я сбегаю за ними? Я быстро сбегаю.

«Можешь не торопиться», — подумал Володя. Но промолчал и кивнул.

Одному было хорошо. Володя вытянулся на тюфяке. Но тут же вспомнил, что и ему надо идти за своим «имуществом». Ну что же, идти так идти...

Недалеко от палатки его окликнули:

— Новоселов!

Это была Райка. Худая, коротко остриженная девчонка из второго отряда. Володя знал ее и до лагеря: они жили в соседних домах.

На Райке были черные штаны и синяя футболка, а над плечом торчал лук из можжевельника.

— Опять тренировалась?

Райка медленно покачала головой. Несмотря на воинственный наряд, она казалась немного смущенной.

— Коршун ходил над опушкой, — объяснила она. — Я хотела зацепить его. Черные перья нужны. Старые уже обтрепались на стрелах.

— Не попала?

Райка опять покачала головой. Она пошла рядом, сбивая пучком стрел колоски высокой травы.

В глубине души Володя был рад, что Райка промахнулась. Но это была скверная радость, и Володя разозлился на себя.

— У меня есть перья, — сказал он. — Только белые. Возьмешь?

— Я к черным привыкла.

— Как хочешь...

«Жаль, что она девчонка, — подумал Володя. — Завтра

я наверняка ей проиграю. Даже с ободранными перьями она обстреляет меня, как дошкольника».

— Это ты мою палатку оборудовала? — спросил он.

— Я. Ну и что?

— Так...

— Мы всем мальчишкам помогали, — поспешно сказала Райка. — Иначе же у вас кавардак будет.

— Да, наверно, — миролюбиво согласился Володя. Подумал и добавил: — Спасибо.

— Оруженосца не сменял? — осторожно спросила Райка.

— Куда там...

— Я бы тебе отдала своего, но у меня Светка Матюшова. Хохотать же все будут: у мальчишки оруженосец — девочка.

— Ладно уж... — сказал Володя.

Когда он вернулся в палатку, Кашка был уже на месте. Он сидел на тугом тюфяке, съевшись и уткнувшись острым подбородком в колено. Увидел Володю, поднял голову и торопливо сообщил:

— Я все принес.

— Ладно, — сказал Володя.

На коленке осталось от подбородка красное маленькое пятно. Кашка начал тереть его ладонью. Потом тихонько спросил, не поднимая глаз:

— Мне что надо делать?

— Пока ничего, — сдержанно сказал Володя. — Вернее, что хочешь.

— А завтра?

— Да и завтра тоже... Видно будет.

Кашка вздохнул.

— Есть еще такое правило, — вспомнил Володя. — Если со мной что-нибудь случится, ты за меня должен будешь стрелять. Но со мной ничего не случится.

— Конечно. — Кашка снова улыбнулся смешной своей улыбкой.

Снаружи раздался восторженный визг и хохот. Володя высунул голову. Из соседней палатки со свистом вылетела подушка, потом растрепанный Мишка Зыков, а за ним желтая мыльница. Мишка перевернулся через голову, ухватил мыльницу и швырнул ее в темную щель палатки.словно гранату в амбразуру вражеского дзота. После этого, прикрываясь подушкой, ринулся внутрь. Палатка захо-

дила ходуном. Все было ясно: Юрка Земцов и его оруженосец пришли друг другу по душе и развлекались всю.

Володя обернулся. Кашка прислушивался к веселому шуму. Глаза его были раскрыты широко-широко. Серые удивленные глаза под выгоревшими полосками бровей.

«Завидует, наверно», — подумал Володя. И вдруг пожалел малыша Кашку.

— Ерунда, — сказал он хмуро. — Земцов с Зыковым бесятся. Видно, делать им больше нечего. А мы... а у нас еще дело есть. Ты поможешь?

Кашка изумленно приоткрыл рот, потом заулыбался и кивнул.

Володя положил на колени пучок стрел.

— Смотри. Я их фиолетовыми чернилами выкрасил вместе с перьями. Хотел, чтобы от других отличались. В общем, дурака сваял: если в тень залетят, их и не видно совсем. Надо знаешь что сделать? Надо на каждой стреле повыше перьев, вот здесь, три красные полоски провести для яркости. Три таких кольца...

Володя придумал про кольца только сейчас, но выдумка и в самом деле была неплохая.

— В пионерской комнате у двери есть полка. Там с левой стороны банка с краской. Мы ею оленя вчера красили. И кисточки там же... Сделаешь, Кашка?

Кашка просиял.

...Начиналась последняя тренировка. Стрельба на скорость. Такая стрельба, когда медлить нельзя ни капельки. Выхватил стрелу, наложил на тетиву, натянул — р-раз...

И снова! Скорей! Скорей!

Мазать нельзя и мешкать опасно: через полминуты наблюдатель дернет за шнурок — и белая, с красным пятном, мишень свалится в кусты.

...Володя ждал сигнала. Привычный холодок пробежал по рукам. Вот-вот, сейчас... Кашка стоял рядом и держал наготове пучок фиолетовых стрел. Тройные красные колечки на стрелах горели, как огоньки. Постарался Кашка, молодец...

Резко дзенькнула консервная банка — сигнал!

Володя рванул из пучка стрелу. Он знал, что не промахнется. Лишь бы не сбиться в движениях! Длинный лук из сухой березы согнулся, набрав упругую силу. Конеч стрелы лежал на левом кулаке. Володя плавно повел рукой, направляя наконечник в центр мишени, и отпустил тетиву.

Щелк! Тетива, как всегда, звонко ударила о левый рукав. Но что-то влажное, липкое мазнуло по кулаку, а стрела клюнула и прошла на целый метр ниже мишени. Кто-то удивленно охнул.

Володя взглянул на руки: красная размазанная полоса на кулаке. Кровь? Наплевать! Он схватил вторую стрелу.

Стрела прилипала к пальцам. Красные кольца оставляли на руках яркие следы.

— Кашка, — тихо и яростно произнес Володя, — где ты брал краску?

Он увидел перепуганные Кашкины глаза.

— В тумбочке, — прошептал оруженосец. — На полке не было. Только какой-то «сурик».

Кругом сдержанно захихикали.

— Ба-ал-ван! — со звоном сказал Володя. Вырвал у Кашки стрелы и, не оглядываясь, пошел из оврага.

Володя пропустил ужин и возвращался к палаткам голодный и злой, как бенгальский тигр.

Часовые опасливо раздвинулись.

Володя мягкой походкой хищника вошел в палаточный городок.

Несмотря на поздний час, было совершенно светло: стояли долгие дни июля. Солнце еще выбрасывало из-за сосен длинные лучи.

Полости палатки оказались раскинуты, и Володя увидел Кашку издалека. Тот сидел на корточках спиной к выходу и что-то разглядывал на полу.

«Что с ним делать? — думал Володя. — Может, ухватить под мышку и утащить, как багаж, прямо к Сереже? Поставить перед Сережей этого горе-помощника, молча повернуться и уйти?.. Или не тащить? Лучше просто вытянуть стрелами пониже спины, и пусть бежит сам. А может быть, сначала все ему высказать? Да нет, не поймет он...»

Володя подошел ближе. Ага, вот оно что! Кашка собирал свое имущество. Он расстелил полотенце и укладывал на него зубную щетку, за ней зеленую, как лягушка, мыльницу, какую-то круглую коробку, пластилинового разбойника и оловянного мотоциклиста. Потом он попытался завязать все это в узелок. Но полотенце было маленьким, вещи вываливались. Особенно подло вела себя скользкая мыльница. Кашка принимался за работу снова и снова.

Острые Кашкины лопатки суетливо двигались под майкой. Правая лямка штанов падала с плеча, и Кашка все время поправлял ее. Он почему-то очень торопился.

Володя наклонил голову и остановился у входа. Он заслонил свет. Кашка вздрогнул и обернулся. Зеленая мыльница-лягушка вырвалась у него из пальцев и ускочила под тюфяк.

Володя молчал. Кашка тоже молчал. Так они смотрели друг на друга долго. Кашкины глаза испуганно блеснули в полутьме палатки. Потом у него шевельнулись губы, и Володя расслышал:

— Мне надо когда уходить? Сейчас или завтра?

Не надеялся Кашка на прощение. Маленький, остроплечий, придавленный своей виной, он сидел на корточках перед грозным рыцарем Фиолетовых Стрел и ждал ответа. Лямка опять съехала с плеча.

— Оруженосец... — скорбно сказал Володя. — Кто тебе разрешил уходить? Марш под одеяло! Давно уж отбой был для вашей малышни.

Но заснуть так рано никому не удалось. Чуть стемнело, и за палаточным кругом развели костер. Собрались у огня стрелки-рыцари, подошли ребята из лагеря. Только часовые остались на местах, и время от времени слышались в сумерках их завистливые вздохи.

Выбрались наружу и малыши-оруженосцы. Их попробовали отправить назад, в палатки, потому что самым маленьким полагалось спать. Но оруженосцы во главе с Мишкой Зыковым пригрозили забастовкой, и тогда им разрешили остаться.

Кашка тихо подошел к своему командиру, постоял рядом и осторожно спросил:

— Во-лодя... — Он почему-то оттягивал первый слог, когда произносил это имя. Словно оно было слишком трудным. А может быть, так получалось от нерешительности. — Во-лодя... Можно, я тоже посижу у костра?

— Сиди хоть до утра, — мрачно сказал Володя. Он хотел есть и думал, где добыть горбушку хлеба. Идти на кухню было бесполезно. Ее, конечно, уже закрыли.

Володю окликнули. На краю площадки, куда почти не долетали отблески огня, стояла Райка.

— Ну? — сказал Володя.

— Иди сюда.

Володя медленно поднялся с травы. Его чуть не тошнило от голода. Когда он подошел, Райка шепотом спросила:

— Есть хочешь?

— Еще бы...

Она протянула ему кусок пшеничного каравая и банку консервов. Володя вцепился зубами в горбушку и заурчал.

— Райка, — сказал он с набитым ртом. — Ты лучше всех мальчишек. Ты самый лучший мальчишка в лагере... Все эти тупоголовые рыцари расселись у костра и даже не подумали, что рядом человек околеваает с голоду. А ты...

— Да ладно, Вовка...

Володя с удивлением заметил, что Райка вроде бы смутилась. Отвернувшись вдруг, наклонила голову, стала обламывать ветку, уколола шиповником руку и начала, словно кошка, зализывать ладонь. Вот чудная! Будто ей в любви объяснились...

— Ешь консервы, — сказала она.

— А чем открыть?

— Возьми. — Она протянула консервный ключ.

— Где ты все это раздобыла?

— Трудно, что ли? У тети Даши на кухне попросила. Сказала, что ты не ел. Ты почему не ужинал?

— Вон из-за того типа. — Володя качнул головой в ту сторону, где, нахохлившись, присел у огня Кашка.

— А что он натворил? Я так и не поняла.

— Ну что... — Володя проглотил громадный кусок. — Надо было полоски на стрелах сделать. Я его попросил. А он вместо корабельного сурика, который сохнет за пятнадцать минут, раскопал где-то простую масляную краску. Ей два дня надо, чтобы высохнуть. Вот я и соскребал до самого вечера. Пятнадцать стрел, и на каждой по три полоски.

Райка сочувственно вздохнула:

— Все они такие. Светка моя к костру идти не хочет, придумала, что комары кусают, и в палатке одна сидеть боится. Я уж пойду... А на Кашку ты очень-то не злишься, он, наверно, переживает.

Володя отмахнулся.

— Я не злюсь. Бесполезно. Только он ничего не переживает. Сидит, и все. Огонь греет, комаров нет, что еще надо? Ну какие, Райка, у такой малявки переживания?

Глава третья

Но Володя ошибался. Были у Кашки и переживания и заботы.

Были у него и тайны.

Самая большая тайна — Кашкина Страна. Никакого названия Страна не имела. Кашка его не придумал. Страна — вот и все.

В Стране жили челотяпики.

Слово «челотяпики» Кашка выдумал сам. Оно означало то же, что «человечки», но было интереснее и смешнее.

Челотяпики были разные: Летчик из сломанного самолета; оловянный Мотоциклист; морской Капитан, сделанный из поплавка и спичек; старый ворчливый Шишан из еловый шишки и Матрешка — самая маленькая из всех матрешек. Раньше она сидела внутри остальных, а потом потерялась и попала в компанию челотяпиков.

Позже других появился шестой челотяпик — Альпинист, но про него речь пойдет дальше, потому что все надо рассказывать по порядку.

Прошлым летом дома у Кашки стряслась беда: сильно заболел отец. Он болел и раньше, но не очень, а на этот раз болезнь скрутила его крепко. Название у болезни было длинное и непонятное. Кашка не мог его запомнить. Но зато хорошо запомнил слова врача: «Операция нужна обязательно».

Кашкина семья жила не в городе, а в поселке Камшал. Это от города сто двадцать километров по железной дороге. В поселке врачи операцию делать не стали и сказали, что надо везти папу в областную больницу. Надо — значит, надо. Но ведь один папа ехать не мог, он даже по комнате двигался еле-еле. Пришлось маме брать на работе отпуск и ехать тоже. Она сказала, что будет жить в городе, пока отцу не сделают операцию.

Тепловоз прогудел, мама помахала рукой из вагонной двери, и поезд ушел. Он ушел, скрылся за поворотом, за станционными домами и тополями, а Кашка стоял и смотрел на блестящие рельсы. Рельсы отражали солнце. Рядом с Кашкой стояла бабушка. Это была незнакомая бабушка, папина мама. Ее звали баба Лиза. Она приехала только накануне, чтобы жить с Кашкой, пока не будет родителей. До этого Кашка ее не видел. Вернее, видел, когда был маленький, но забыл. Баба Лиза жила далеко, в Ишиме, и ее пришлось вызвать телеграммой.

Рельсы слепили глаза и выжимали слезы. Кашка глотнул воздух.

— Идем, — сказала баба Лиза.

Она повернулась и пошла с перрона, ни разу не оглянувшись на Кашку. Он побрел сзади. Вернее, сначала побрел, а потом засеменял, потому что баба Лиза шагала широко и быстро.

Она была высокая и худая. Кашка смотрел на прямую бабушкину спину с черным треугольником косынки и горько думал: «Худо будет теперь».

Баба Лиза оказалась хмурой и неразговорчивой. Целыми днями, сердито сжав серые губы, копалась в огороде. С Кашкой говорила мало: «Садись ешь... Сходи за хлебом... Руки помой... От дома не отходи... Ложись спать...» Вот и все. Может быть, у нее был такой характер, а может быть, она сердилась, что ее оторвали от домашних дел и заставили возиться с внуком. Кашка этого не знал и понять не старался. Он послушно бегал за хлебом в соседний магазин, старательно мыл руки перед обедом, вовремя укладывался на свою скрипучую раскладушку и от дома не уходил, потому что на целую неделю зарядили серые моросящие дожди.

На душе у Кашки было тоже пасмурно и пусто. А по вечерам эта пустота заполнялась едучей тоской. Кашка скрючивался под одеялом и щипал себя за нос, чтобы не заплакать. Он боялся плакать, потому что баба Лиза спала плохо, долго ворочалась и вздыхала за фанерной перегородкой.

Но однажды утром какой-то добрый ветер прогнал тучи, и в Кашкино окно глянуло умытое солнце. Глянуло, пощекотало Кашку лучами и позвало в дорогу.

— Ладно, — тихонько сказал Кашка и встал.

Он осторожно оделся, вынул из коробки оловянного Мотоциклиста и выбрался на непросохшее крыльцо.

Небо над Кашкой оказалось такое синее, что он даже дышать забыл. А земля сверкала. Перед рассветом прошел последний дождь, и травинки сгибались от тяжести стеклянных капель. А солнце огненными ручейками стекало по мокрым скатам железных крыш.

Чтобы не промочить в траве сандалии, Кашка снял их и пристегнул на животе к лямкам своих коротеньких штанов. Потом он прыгнул с крыльца. Холод, как мышонок, сразу юркнул под рубашку и зацарапал спину мелкими коготками. Но Кашка не вернулся в дом. Он поставил на

ладошку Мотоциклиста, зажужжал, как мотор, и помчался в конец переулка.

За переулком начинался луг с кустарниками, а дальше — березовые перелески и бор. Там лежала Кашкина Страна. Он торопился туда вместе с маленьким смелым Мотоциклистом.

На большой скорости они проскочили полосу кустарника и вынеслись на солнечный обсохший бугорок. Здесь Кашка залег среди высоких метелок овсяницы и пунцовых шариков клевера.

Он сжал в кулаке катушку от ниток.

На самом деле это была не катушка, а волшебная подзорная труба. Поднесешь к глазу — и видишь, как в светлом кружке обыкновенная трава превращается в заросли сказочного леса. Кажется, что все это переплетение узорчатых листьев, колосьев и цветов сразу становится громадным. Потому что смотришь снизу, травы убегают к горизонту и сливаются с настоящим лесом...

Кашка медленно обводил подзорной трубой джунгли, где жили непонятные существа, сумерки и тайны. Потом джунгли кончились, в круглый глазок трубы ударил синий свет, и Кашка увидел море.

Да, это было море. Переливалась солнечными блестками голубая вода, а по воде двигался белый парусник.

Кашка заморгал и убрал от глаза катушку. Море превратилось в крошечное луговое озеро. Но парусник не исчез. Кашка приподнялся на локтях. Одномачтовый корабль бежал к берегу, где горели на солнце желтые лютики. Парус был похож на косое крыло голубя. Кашка встал в полный рост. Тогда он услышал голоса и увидел хозяев парусника.

Это были мальчишки, и командовал ими Пимыч.

Почему его так прозвали, Кашка не знал. Но прозвище казалось очень подходящим. Пимыч был толстоватый, тяжелый, с большой головой, круглым лицом и с носом, похожим на растоптанный валенок. Ходил он вразвалку, смотрел лениво и говорил не торопясь. Мальчишки, однако, его слушались.

Кашка Пимыча боялся, а Пимыч Кашку, кажется, не любил. На это была причина: Кашкина мать работала контролером в поселковом кинотеатре «Луч» и не так давно выставила Пимыча на улицу, потому что он пробирался без билета. Пимыч ничего сказать ей не посмел, но на

крыльце кинотеатра увидел Кашку и показал ему круглый красный кулак. Кашка вздохнул и отвернулся. Он, конечно, не был виноват перед Пимычем, но понял, что все равно лучше с ним не встречаться.

Кашка и сейчас не забыл о похожем на большую грушу кулаке. Но он видел кораблик. Маленький, легкий такой и быстрый кораблик, который надо было обязательно рассмотреть как следует и, может быть, даже взять в руки. И это было сильнее осторожности.

Кашка тихо спустился с пригорка и встал у воды. Никто, кроме Пимыча, не взглянул на него. А Пимыч хмуро покосился, но ничего не сказал. Это немного ободрило Кашку.

Парусник уже пересек озерко и подходил к берегу, где ждали мальчишки. Но ему не повезло: на пути оказался островок. Вернее, круглая травянистая кочка. Она торчала метрах в пяти от суши и была похожа на лохматый затылок сидящего в озере великана.

Кораблик ткнулся в этот затылок носом и запутался в мокрых травяных прядях. Сразу стало понятно, что выбраться сам он не сможет, если только не случится большого шторма.

— Кто полезет? — спросил Пимыч. Сам он, конечно, лезть в воду не собирался.

Мальчишки стали переглядываться и сопеть. Разуваться, подворачивать штаны, идти в холодную от дождей воду и добираться к проклятой кочке по илистому дну — что тут хорошего?

Треугольник паруса белел за листьями осоки и просто изо всех сил притягивал к себе Кашку.

— Пимыч, — осторожно сказал Кашка. — Можно, я до стану?

— Пускай достает!.. — загалдели мальчишки.

— Не потонет...

— Конечно...

— Я бы сам достал, да у меня нога порезанная, — заявил похожий на худого котенка, большеухий Левка Махаев. На эти слова не обратили внимания: все знали, что Левка хитрый враль и лодырь.

Пимыч несколько секунд разглядывал Кашку и, наверно, думал: надо ли разрешать такое интересное дело человеку, мать которого прогоняет людей из кинотеатра. И вдруг разрешил:

— Ну, вали... Не поломай только.

Вода оказалась совсем не холодная. Только ноги силь-

но проваливались в илистую жижу. Кашка прошагал всего половину расстояния, а вода уже была ему выше колен. Но он даже на полсекунды не остановился.

Когда Кашка добрался до островка, вода замочила ему штаны и подобралась к пристегнутым на животе сандалиям. Но зато кораблик был вот он — рядышком. Кашка раздвинул водоросли и осторожно, как раненого голубя, поднял парусник на ладонях.

Он был маленький, но совсем как настоящий. Легонький, остроносый, с тонкими бортиками, рейками, блестящими колечками и тугими снастями. О таком как раз Кашка и мечтал. Он бы отправлял на этом корабле своих смелых челотяпиков в самые дальние плавания по лесным ручьям и озерам. Они бы открывали новые острова и страны. Кашка знал, где их можно открывать, только не было кораблика. Был морской Капитан, а плавать ему приходилось на обыкновенных щепках...

С берега уже кричали, чтобы Кашка не копался. Он вздохнул и пошел обратно.

Но он хитрил. Возвращался он гораздо медленнее. Осторожно вытягивал из илистой грязи ноги, далеко обходил редкие листья кувшинок, словно это были вовсе не кувшинки, а самая жгучая крапива. Ведь, пока он шагал здесь, среди воды, кораблик был вроде бы его, Кашкин. Можно было держать его, разглядывать, шептать команды и думать о дальних островах...

— Я бы уж давно достал, — противным голосом сказал Левка Махаев.

— Закройся ты, — лениво посоветовал ему Пимыч.

Пять метров до берега — путь недалекий. Все равно пришлось выйти на землю и отдать парусник.

— Штаны-то выжми, — ворчливо сказал Пимыч.

— А ну их, — отмахнулся Кашка. И вдруг попросил: — Пимыч, сделай мне такой... кораблик.

Он, конечно, понимал, что говорит самую настоящую глупость, но не смог удержаться. И удивился, когда не услышал в ответ обидного смеха.

Пимыч недовольно сказал:

— «Сделай»... Сам не можешь, что ли?

— Не могу, — без колебаний признался Кашка.

Конечно, как он мог? Разве сумеет он построить такое чудо?

— «Не могу»! — передразнил Пимыч. — А чего тут мочь? Тут и дела-то — два раза плюнуть. Все почти гото-

вое продается. Самую малость надо построгать да покрасить....

— Что продается? — не понял Кашка.

Но Пимыч молча возился с парусником. Наверно, устал от долгого разговора. Другие ребята сказали Кашке, что коробку с набором для модели яхты можно купить в раймаге на станции. И денег надо всего шестьдесят копеек.

Всего! У Кашки таких денег в жизни не бывало. Где он их возьмет?

— У матери попроси, — посоветовал Пимыч. — Небось даст...

— Мама уехала, — сказал Кашка и почувствовал, что в горле вырастает что-то твердое и угловатое, как маленький деревянный кубик.

— Ну, отец даст.

— У него операция. Они вместе уехали, — шепотом сказал Кашка. — Я с бабой Лизой живу...

— Ну... — начал Пимыч, но замолчал и задумался.

— А пускай сам заработает, — предложил Левка. — Чего попрошайничать?

— Как? — удивился Кашка.

— А как мы. На ягодах. Набери да продай на станции. По пятнадцать копеек за стакан если продавать, всего **четыре** стакана надо... Только тебе ведь не набрать **четыре** стакана...

Кашка снял с мокрых штанов прилипшую водоросль, заложил руки за спину и посмотрел на Левку, как на маленького. Он даже чуть не засмеялся. Кашка знал такие ягодные места, какие Левке, наверно, даже в мечтах не мечтались. Недаром Кашка умел делать открытия.

Мальчишки продавали ягоды на станционной платформе.

Кашка бывал здесь и раньше. Правда, на перроне он появлялся редко, нечего там было делать. Зато любил Кашка путешествовать под платформой. Она была старая, деревянная и держалась на высоких столбиках. Ходить под ней можно было не сгибаясь. Там стоял сумрак, словно в Кошечевом подземелье. Кряхтел и потрескивал потолок. Сыпался за воротник древесный сор. Вздрагивали на земляном полу солнечные полосы. А за дощатой стенкой, как чудовища, с тяжелым ревом пробегали вагонные колеса.

Здесь Кашка находил интересные вещи, которые падали сверху в щели: разные пуговицы, спичечные коробки с

незнакомыми наклейками, конфетные фантики, запонки... А один раз нашел он денежку — три копейки. Правда, в тот же вечер он ее потерял, но долго еще вспоминал об этой находке с удовольствием.

Но сейчас Кашке нужны были не три копейки, а целых шестьдесят. И шел Кашка не вниз, а наверх, на перрон. Осторожно прижимал к груди четыре кулька с луговой клубникой.

Мальчишки стояли, прислонившись к шаткому палисаднику. Вид у них был очень независимый. Будто они пришли не ягоды продавать, а просто поглазеть на зеленые вагоны подошедшего поезда, на тепловозы, на облака. А на пассажиров они вроде бы и не смотрели. Даже Левка Махаев стоял с равнодушно-кислым лицом, хотя у него уши дергались от волнения, когда пассажиры проходили близко, — так ему хотелось поскорее продать свою клубнику...

Кашка старался, чтобы все у него было как у других ребят. Он и кульки для ягод свернул не из газеты, а из листков старого папиного учебника. Так делали почему-то все мальчишки. Только держать себя независимо и гордо Кашка не умел. И пристроиться к ребятам он не решился, а они его не позвали. Может быть, и не заметили. Кашка ушел на другой конец платформы и встал у столба с железным плакатом: «Граждане! Ходить по путям опасно!»

Чувствовал себя торговец ягодами неважно. В животе было холодно, и все время хотелось глотать воздух. Будто вышел Кашка на опасное дело.

В глубине души он совсем не верил, что кто-то подойдет к нему и станет покупать промокшие кульки с клубникой. И не знал, что делать, если это случится. Но к нему подошли незаметно, откуда-то сбоку, и Кашка вздрогнул.

Покупателей было двое. Кашка заметил, что на них серые одинаковые пиджаки и синие фуфайки с белыми полосками у ворота. И какие-то значки на отворотах пиджаков. Лица у них тоже были похожие. Разные, но все-таки похожие. И как будто знакомые. Кашке вдруг показалось, что такие же лица — узковатые, с жесткими подбородками и легким прищуром глаз — были у летчиков, про которых он недавно смотрел кино. Только летчики выглядели постарше.

Кашке нравились люди с такими лицами.

— Продаешь? — спросил один, с золотисто-синим значком. — Почему?

В горле у Кашки что-то по-птичьи пискнуло.

— Пи...питнадцать коп...пеек, — выдавил он.

Тот, который спрашивал, наклонил голову и стал с интересом смотреть на Кашку. Так разглядывают какой-нибудь интересный пустячок, винтик, например, или брошку, если случайно найдут их на тротуаре... Потом он сказал негромко и печально:

— Слушай, ты... рыцарь наживы. Совесть у тебя есть?

Кашка считал, что есть. Но вообще-то вопрос был непонятный. При чем здесь совесть? И еще рыцарь какой-то...

— Ягоды... они хорошие, — на всякий случай сказал он.

— Я так и думал, — мрачно откликнулся человек с синим значком.

Тогда вмешался его товарищ:

— Борис... Ну чего пристал к парню? Он по такой же цене продает, как и все.

— Все они «как все», — с резкой усмешкой бросил Борис. — Я таким вот пацаненком был, когда на целину первые эшелоны шли. Мы со своих огородов помидоры тягали и к вагонам тащили, чтобы ребятам дать на дорогу. А тут — «питнадцать копеек».

Кашка почувствовал, что эти слова обидные. И все-таки не обиделся. Не сумел обидеться. Потому что Борис Кашке понравился.

А может быть, подумал Кашка, у него нет пятнадцати копеек? Ягод попробовать хочется, а денег нет.

Или, может быть, он думает, что Кашка жадный?

— Ну возьми... — простодушно сказал Кашка. Он почему-то даже не заметил, что обращается к Борису на «ты».

— Что? — не понял тот.

— Возьми так, — повторил Кашка со всей убедительностью. — Не надо копеек.

Что-то изменилось в лице у Бориса. Растерялся он или смутился. Запустил руку в карман пиджака, стал смотреть мимо Кашки и непонятно ответил:

— Благодарю. Я платежеспособен...

Но его спутник взял у Кашки ягоды и вложил кулек в ладонь Бориса:

— Бери, раз дают, — и подмигнул Кашке.

Кашка протянул кулек и ему. И услышал:

— А не жалко тебе?

Кашка удивился. Жалко? Наверно, этот человек не знает, сколько ягод можно отыскать на лесных буграх и полянах совсем недалеко от поселка.

Ну... конечно, хотелось купить поскорее кораблик. Но раз уж он одну порцию клубники отдал, значит, шестьде-

сят копеек все равно сегодня не заработать. Поэтому остальные ягоды вообще жалеть не стоит. Нисколько.

— Спасибо, — вдруг сказал Борис. — Знаешь что? Ты... — Он не договорил, потому что к ним подбежала девушка в серой куртке с блестящими застёжками. Веселая такая девушка, с пестрой косынкой, повязанной, как пионерский галстук.

— Ребята, вы где? Поезд отходит сейчас!

— Мы здесь, — коротко сообщил Борис. — Мы заняты. Поезд подождет.

— Один симпатичный юноша угощает нас ягодами, — объяснил товарищ Бориса.

— Только вас угощает? Или всех? — поинтересовалась девушка.

— Вот, берите, — сказал Кашка. Он уже не робел, не стеснялся. Чувствовал только смутную зависть: сейчас эти люди сядут в поезд и поедут, а он, Кашка, останется.

Ну ладно, пусть едут. Это, конечно, хорошие люди...

Да, но оставался еще один кулек.

— Куда же его? — растерянно спросил Кашка.

— Ешь сам, — хором сказали трое и побежали в конец поезда, к своему вагону.

Потом этот вагон медленно проехал мимо Кашки, и тот увидел в тамбуре всех троих. Они махали Кашке руками. И смеялись. А девушка даже сняла косынку с шеи и размахивала ею, как флагом.

Кашка торопливо замахал в ответ. Той рукой, в которой держал ягоды. Они сыпались из бумаги и падали на доски, как тяжелые дождевые капли, но Кашка не обращал внимания. Впервые в жизни он провожал хороших людей в далекую путь-дорогу. Хотя нет, недавно он провожал маму и папу, и мама тоже махала ему из вагона. Но тогда было грустное прощание, а сейчас веселое...

— Ну и дурак, — услышал Кашка за спиной. Обернулся. Это Левка Махаев обругал его. Он, значит, следил за Кашкой. Теперь Левка стоял рядом и смотрел с презрением.

— Пентюх необразованный, — сказал он. — Облапошили тебя, как деревяшку. Лопух ты...

Но Кашка чувствовал, что он не лопух. Он не забудет, как три незнакомых человека смеялись и махали ему из вагона. Левке, конечно, никто не махал, хотя он и продал все ягоды.

— Остался без яхты, ну и фиг с тобой, — закончил Левка и сплюнул. — Салага...

Кашка отошел. Издалека он осторожно сказал:

— Ты, Левка, наверно, сам салага. Я завтра еще четыре стакана набираю. И продам. И куплю кораблик. Вот...

Назавтра он собрал не четыре стакана, а семь. И сделал семь кулков. Четыре он решил, конечно, продать, а еще три... Ну, мало ли что... Вдруг случится, как вчера. Кашке очень запомнились улыбки трех друзей. С тех пор как уехали родители, ему еще никто не улыбался вот так, по-хорошему.

Но случилось не так. Сразу нарушились Кашкины планы. Подошел поезд, и на платформе появились...

Нет, сначала Кашка услышал песню. Шум колес уже затих, и песня ясно звучала за вагонными стеклами. Пели мужские голоса. Не громко, но как-то упруго. Это была немного печальная, но хорошая песня. Такая хорошая, что Кашка замер на секунду.

А голоса стали громче, и вот тогда появились на перроне моряки.

Они по одному прыгали с подножки, и песня вместе с ними вырывалась из вагона. Кашка разобрал последние слова:

Ночь бросает звезды на пески,
Поднятые сохнут якоря.
Спи, пока не гаснут маяки...

Потом пение оборвалось, и голоса смешались:

- Братцы, здесь и папирос не купишь!
- Сколько минут стоим?
- Станция Кам-шал... Ну и станция!
- О черт, курить хочется...
- Не лопнешь.
- А вдруг?

Они были не в бескозырках. Кто в черной фуражке с якорем, кто так, с непокрытой головой. День выдался ветреный, и синие воротники плескались у них за плечами. На рукавах черных матросок алели треугольные флажки и золотились нашивки.

Был среди них один — высокий, курчавый, словно негр. На плече он, как большую лопату, держал гитару. Он, кажется, первый и заметил Кашку. Именно его, а не других ребят. Потому что те стояли в дальнем конце платформы.

Моряки обступили Кашку. Их было не трое. Не четверо.

Даже не семеро. Он и мигнуть не успел, как разошлись по рукам все кульки. Просто разлетелись.

— Сколько за товар? — весело спросил гитарист. — Ну? Не стесняйся!

— Нисколько...

Они совсем не важничали перед Кашкой, эти громадные парни в черной, с золотом, форме. Спросили, как его зовут, а потом по очереди, щелкая каблуками, назвали себя:

— Сеня.

— Виктор.

— Сергей.

— Гена.

— С вашего позволения, Алексей Новиков, штурман дальнего плавания... будущий.

Оглушенный их веселым вниманием, Кашка только спросил:

— Дальнее — это в Африку?

— В Африку, в Индию, в Австралию, — подтвердил будущий штурман. — В обе Америки. Вокруг света. И если есть в моих словах хоть капля лжи, пусть меня поглотит Тускарора!

Тускарора представилась Кашке страшным чудовищем с черной пастью. Но ему тут же объяснили, что это не чудовище, а глубоководная ямища в Тихом океане и что эта ямища когда-нибудь обязательно поглотит будущего штурмана. Не столько за вранье, сколько за болтливость.

И снова, как вчера, исчезла, растаяла в этом веселье Кашкина робость. И тогда он сказал то, что очень хотел сказать:

— Можно, я спрошу?.. Вот вы... Это вы пели в вагоне? Это какая песня?

— А ну, мальчишки... — сказал курчавый гитарист с детским именем Павлик. И сбросил с плеча гитару.

И было совсем не смешно, было просто здорово, что взрослые мужчины так слаженно и серьезно пели колыбельную песню. Пели с какой-то суровой ласковостью: видимо, любили они эту колыбельную. Десять моряков пели для одного мальчишки. Ну и для себя, конечно, но главным образом для него, для Кашки:

Спят большие птицы средь лиан,
Спят моржи в домах из синих льдин,
Солнце спать ушло за океан,

Только ты не спишь..
Не спишь один...
Светят в море,
Светят огоньки,
Утихает сонная волна...
Спи, пока не гаснут маяки..
Спи..
И пусть не дрогнет тишина.

...Встревоженно просигналил тепловоз, и поезд пополз вдоль платформы. Но они все-таки допели до конца. А потом взъерошили Кашку волосы и бросились за вагоном.

Поезд ушел. А Кашка стоял на перроне, по которому с размаху пролетали серые тени облаков. И ветер лохматил ему волосы. И солнце щекотало уголки глаз. А тонкие ласточки мчались вдоль путей вслед убежавшему поезду. Так, наверно, чайки летят за уплывающими кораблями.

И облака, и тени, и ветер, и ласточки были как продолжение песни.

На следующий день Кашка уже не думал о деньгах. Белокрылый игрушечный кораблик почти позабылся. Потому что появилась другая радость: дальние поезда и веселые добрые люди с хорошими песнями. Кашка шел их встречать и нес им лесной подарок.

Когда Кашка подходил к лесенке, доски в боковой стенке платформы раздвинулись. Между ними показалась ушастая Левкина голова.

— Иди сюда, — потребовал Левка. — Ну, иди быстро, скажу что-то.

Кашка пошел. Бояться-то было нечего. Плохого он Левке, кажется, не делал. Левка придержал доску, и Кашка шагнул в пахнувший старым деревом полумрак.

В тот же миг из рук у него выбили кульки с ягодами. Потом его стукнули один раз по плечу, два раза по щеке и один раз по носу.

После этого он услышал Левкин голос:

— Еще раз притащишься с ягодами — башку свинтим! Добренький какой, денег ему не надо! Газуй отсюда, малявка полосатая!

Доски снова раздвинулись, и Кашку пинком выпроводили на свет.

Из носа капала кровь. Капли были круглые и красные, как ягоды. Кашка не боялся крови, но она падала на рубашку, и пришлось долго сидеть у палисадника с запрокинутой головой. Кашка сидел и думал.

Думал, как быть. Он знал, что заскучает теперь, если не будет встречать и провожать поезда. А показаться на станции нельзя, раз Левка дерется. Ну что он этому Левке сделал?

Жизнь снова становилась плохой и печальной. Только чуть-чуть радовало Кашку воспоминание о вчерашней песне. Но это была прошлая радость, а впереди никаких радостей не было...

Кровь унялась.

Кашка побрел за поселок. В лесном озерке он отстирал от крови рубашку и высушил на ветру.

Между прочим, за все это время он так ни разу и не заплакал.

Домой Кашка вернулся к вечеру.

Еще издали он увидел бабу Лизу. Она стояла у калитки строгая, прямая и неподвижная. Настроение у Кашки испортилось до самого конца. Но виноватым себя ни в чем он не чувствовал и поэтому не стал пугаться строгого бабушкиного вида. Только опустил голову и хотел бочком проскочить в калитку.

Пальцы бабу Лизы ухватили его за ухо.

Это были крепкие пальцы. Как деревянные щипцы. Они так защемили ухо, что Кашка пискнул, словно мышонок.

— Появился, — сухо сказала баба Лиза. — Вот и ладно. Вот теперь и поговорим.

За ухо она ввела растерянного Кашку во двор, остановила у крыльца и повернула к себе.

— Где был?

Кашка ежился и моргал. Не знал он, что сказать. Вылетели из головы все слова и где-то потерялись.

— Где был?! — тонко крикнула баба Лиза и вдруг хлопнула его ладошкой по щеке. Это было не больно. А обидеться или удивиться Кашка просто не успел. Только зажмурился и мотнул головой.

— Не кормит тебя бабка, да? — выкрикивала баба Лиза, и лицо ее некрасиво морщилось. — Деньги тебе, окаянному, понадобились?! На вокзале ягоды продаешь?! Бабку позорить вздумал!

— Я не продавал... — шепотом сказал Кашка. — Я не продавал... — Он очень хотел все объяснить, но слова не находились.

— Еще и врешь! — Баба Лиза ахнула и выпрямилась. — Еще и врать умеешь, негодник! Думаешь, люди не видели?! Где деньги?

— Нету...

--- Показывай карманы!

По карманов у Кашки не было. Иногда он для солидности засовывал ладони в прорези боковых застежек на штанишках, но ведь деньги туда не засунешь.

— Ну, ясно, — печально сказала баба Лиза. — Все, значит, на мороженом и проел. Ладно...

Она вдруг совершенно успокоилась. Видимо, приняла решение.

— Я твоего отца учила по-своему, человеком сделала. Тебя тоже воспитаю. Стой тут!

Она скрылась в доме, а Кашка стоял. Мог бы убежать, но стоял. «Что она хочет сделать?» — подумал он. Подумал без страха, а с какой-то едучей горечью.

— Не торговал я! — громко сказал он, и тут вместо слов пришли слезы. Кашка всхлипнул.

Баба Лиза появилась с громадным старым замком, который до этого валялся в кладовке. Его ключом Кашка иногда раскалывал косточки от компота.

— Ты у меня насидишься в темноте! — пообещала баба Лиза. — Ты мне про все расскажешь, когда с мышами переночуешь.

Кашка по-настоящему заплакал. Он никогда в жизни не боялся ни темноты, ни мышей и плакал не от страха, а от обиды и беспомощности.

На секунду что-то изменилось в твердом бабушкином лице. Но Кашка ее лица не видел. Только голос ее услышал:

— Марш в сарай!

Она подтолкнула Кашку с крыльца. Он закусил губу и, сдерживая всхлипывания, побрел к сарайчику, где лежали дрова и всякие ненужные вещи. «Умру я, — тоскливо думал Кашка. — Заболею и умру... Она даже слушать не хочет... Убегу куда-нибудь. В дальние города...» Но он не убегал, а обреченно шагал к своей тюрьме. Баба Лиза шла следом.

Но когда до сарайчика осталось несколько шагов, земля тяжело ухнула. Будто рядом упал мешок с картошкой. Только это был не мешок. Это прыгнул с забора Пимыч.

Кашка так никогда и не понял, откуда Пимыч узнал о его беде и почему решил помочь.

Поднявшись, Пимыч отряхнул колени, встал между Кашкой и бабой Лизой и бесстрашно сказал ей:

— Тебе, старая, не стыдно? Нашла на ком силу пробовать, на таком пацаненке...

Бабушка ахнула и уронила замок.

— Ах ты... Ах ты!.. — начала она, а Пимыч наклонил набок голову и продолжал негромко и укоризненно:

— Чего ахать-то? Лучше бы спросила его, как он торговал. Он и денег-то не брал ни копейки ни с кого. Всяких дураков слушаешь, а с ним поговорить не можешь. Скорей за ухо...

— Иди, иди... — жалобно сказала баба Лиза и отмахнулась, словно Пимыч был нечистой силой. — Иди-ка ты отсюда. Небось сам тоже... Иди... Куда пошел, вон она, калитка-то...

— Нам здесь удобнее, — солидно заметил Пимыч и тяжело взгромоздился на забор. Сверху он сказал: — Ты, Кашка, не бойся. — И прыгнул.

Опять дрогнула земля. Баба Лиза посмотрела на упавший замок, слабо махнула рукой и устало побрела к дому. Будто Кашки и на свете не было.

Он смотрел ей вслед, пока не закрылась дверь. Потом пошел на крыльцо, устроился на ступеньке и прислонился головой к перилам. Большой радости Кашка не чувствовал. Только удивление: «Вот так Пимыч!» Но и удивление скоро прошло. Все было правильно. Совсем невиноватого Кашку хотели посадить в сарай, а ведь справедливость-то должна быть на свете. Вот Пимыч и пришел, чтобы справедливость победила. Папа Кашке про это объяснил однажды: если человек не виноват, справедливость всегда победит.

Кашка стал думать про папу. И про маму. Про то, как сделают операцию и все будет хорошо. Все опять соберутся вместе. И не надо будет вечером, когда подкрадывается тоска, щипать себя за нос, чтобы сдержать слезы.

Мысли были спокойные и не печальные. Шелестели у крыльца листья рябины, поезда шумели за домами. Кашка чуть-чуть задремал.

Он вздрогнул, когда сзади открылась дверь.

— Иди творогу поешь, — с ненастоящей сердитостью проговорила баба Лиза. — Цельный день бегал где-то, а теперь и в избу идти не хочет.

Кашка медленно поднялся и пошел в дом.

Он сидел на кухне и ковырял чайной ложкой творог.

— Ешь, — велела баба Лиза.

— Не хочется.

— «Не хочется»... Глянь-ка, губы надул. Уж больно обидчивый.

Кашка был не обидчивый. Просто ему не хотелось есть. И веселым быть не хотелось.

Может быть, мне еще прощения у тебя попросить? — поинтересовалась баба Лиза.

Кашке совсем не нужно было, чтобы у него просили прощения.

— Ну, чего ты молчишь-то? — тихо спросила она.

А что ему говорить?

Баба Лиза вздохнула:

— Старая я стала...

Кашка украдкой оглянулся. Она сидела, отвернувшись к окошку. Совсем нестрогая, согнувшаяся...

— Давай я за хлебом схожу, — сказал Кашка. — А то скоро закроют магазин...

После этого случая Кашка получил свободу. Он мог бродить где угодно с утра до вечера. Баба Лиза не ругалась. Только охала, когда он появлялся с оторванными пуговицами, расцарапанными ногами и сосновыми иглами в волосах.

— Господи Исусе! Где тебя гоняет нечистая сила?

«Нечистая сила» гоняла Кашку по всей его Стране. По сухим, заросшим соснами буграм. По оврагам, доверху набитым темной зеленью: там наглухо переплелись кусты смородины, ядовитая, как гадюка, крапива и какие-то сырые пахучие травы. По лугам и по мелколесью, где среди тонких березок и ольховника попадались мохнатые коряги, похожие на припавших к земле чудовищ. По влажным тропинкам и скрипучим мостикам, по ручьям и болотистым кочкам.

Кашка делал открытия.

Он сажал своих друзей-челотяпиков в карман (если баба Лиза давала рубашку с карманом) или сжимал их в кулаке и с утра отправлялся в путешествие.

Но к середине дня любая тропинка все равно выводила его на станцию. В это время один за другим останавливались здесь три дальних поезда.

Левка Михаев больше не прогонял Кашку. Когда они встречались, Левка отворачивался, ворчал и плевался. Под глазом у него был небольшой светло-сиреневый синяк. Откуда он появился, Кашка не знал.

А другие мальчишки обращались с Кашкой совсем хорошо. Пимыч даже сказал:

— Если к тебе кто полезет, ты мне его покажи. Я ему — во... — Кашка опять увидел кулак, похожий на грушу.

И тогда, полный благодарности, Кашка пообещал:

— Знаешь что, Пимыч? Когда мама придет, я ее попрошу, чтобы она тебя всегда в кино пускала без билетов...

Он был уверен, что мама не откажет в такой просьбе. Узнает, как Пимыч заступался за Кашку, и обязательно разрешит ему ходить в кино сколько хочется.

Пимыч подумал, покачал головой.

— Ладно... Мне это зачем? Я и с билетом могу... Мать-то когда придет?

Кашка вздохнул.

— Ну... скоро. Когда папа поправится.

— А бабка как? Злая?

— Да не... Теперь не злая. Только молчит и богу молится потихоньку... Пимыч, а зачем богу молятся, если его нет?

— Да мне откуда знать? Тот, кто молится, наверно, думает, что он есть.

— Разве им никто сказать не может, что его нет?

— Иди скажи своей бабке.

Кашка вспомнил бабу Лизу и подумал, что пусть уж лучше молится. Но разговор кончать не хотелось, и он рассказал Пимычу, как недавно к ним приходил дядя Миша, папин начальник в автоколонне. И как он уговаривал бабу Лизу отпустить Кашку в пионерский лагерь. А баба Лиза не пустила. Побоялась чего-то.

— А тебе в лагерь охота? — спросил Пимыч.

— Не знаю.

В лагере Кашка не бывал. Как там? Будет ли там что-нибудь хорошее? А здесь, по крайней мере, все было свое, знакомое: и поселок, и Страна, и друзья-челотяпики. Правда, не было поблизости ребят вроде Кашки, чтобы играть вместе. Или маленькие были совсем, или очень уж большие. Но зато Кашка мог встречать поезда. Мог бродить по ближнему лесу. Сидеть на крыше и смотреть на облака. Все это было привычно, и все это была радость.

И вот еще Пимыч...

Разговаривал Кашка с Пимычем не часто. Но зато у них появилась молчаливая игра. Когда Кашка приходил на станцию, он не поднимался на перрон по лесенке, а останавливался у края платформы и поднимал руку. Пимыч подходил вразвалку, хватал Кашку за кисть руки и подтягивал вверх сколько мог. Тогда Кашка цеплялся за кромку платформы левой коленкой — и готово, он уже на ногах. Все это делалось без слов.

Только однажды Кашка спросил:

— Пимыч, ты зачем ягоды продаешь? Денег нет, да?

— Мать велит, — хмуро сказал Пимыч.

На перроне Кашка занимал обычное место: у столба с плакатом. Если подходили сытые дядьки в пижамных штанах и с бутылками пива под мышкой или если появлялись рядом женщины с раздраженно-скупными лицами, с ненастоящими улыбками, Кашка угрюмо отворачивался.

— Не... Я не продаю.

Иногда к нему придирались:

— А зачем стоишь здесь?

— Встречаю, — отвечал Кашка.

Он и правда встречал. Встречал «своих» пассажиров. Он знал каких. Не всегда они были молоды и веселы, не всегда пели песни и дурачились, но обязательно в их глазах Кашка замечал теплый такой огонек и хорошую искорку любопытства.

— Ну, дорого ли продаешь? — спрашивали они и с усмешкой смотрели не на ягоды, а на самого продавца.

— Не... — отвечал Кашка. — Я просто так. Без денег.

Ему нравилось, что, услышав такие слова, люди глядели на него с веселым удивлением. И сам он неожиданно быстро научился смотреть таким людям в глаза радостно и открыто.

Глава четвертая

Но самого интересного человека встретил Кашка не на станции, а в лесу.

В тот день Кашке не везло: собрал он всего стакана полтора клубники. Правда, ягоды были крупные, спелые...

Прежде чем идти на станцию, Кашка решил навестить челотяпика Шишана, который жил в Подземной пещере один-одинешенек уже целых четыре дня. Старый Шишан был разведчиком. Он получил от Кашки задание исследовать все места вокруг пещеры, узнавать лесные новости, делать разные открытия и обо всем докладывать по радио. Но вчера и сегодня докладов от Шишана не поступало.

Подземная пещера находилась под одиноким разлапистым пнем в мелком березняке, рядом с железнодорожной насыпью. Примерно в километре от станции.

Кашка сквозь густую путаницу веток продрался на свободный зеленый пятачок, лег на живот перед пнем и запустил руку в черный лаз пещеры. Конечно! Шишан и не думал отправляться ни в какие экспедиции! Он спал на соломенной подстилке и в ус не дул. Кашка так и знал! Он вытащил лентя на свет.

— Дрыхнешь... А совесть у тебя есть?

Шишан обалдело молчал спросонок.

— Лодырь ты, — печально сказал Кашка.

Шишан хотел зевнуть, но сдержался. Кашка сел на пенёк, а взъерошенного елового Шишана посадил на колёно.

— Спишь и спишь! — выговаривал он. — Даже антенну поправить не можешь. Тунеядец... — Он сам поправил над пнем прутик антенны.

Молчание Шишана стало виноватым.

— Ладно... — смягчился Кашка. — На пенсию бы тебя.

Он стал думать, кого бы из челотяпиков поселить в Подземной пещере вместо Шишана. Можно Капитана, у него все равно корабля нет. Можно Матрешку... или нет, ее не надо. Ей скучно одной будет, маленькая еще...

За кустами, на высокой насыпи, загремел колесами, а потом зашипел тормозами поезд. «Семафор закрыт», — сообразил Кашка, но тут же про поезд забыл, потому что нечаянно опрокинул стеклянную банку с клубникой. Банка не разбилась, но крупные ягоды усаkali в траву и потерялись.

— Все из-за тебя, — сказал Кашка Шишану. — Ищи вот теперь.

Он выуживал из травы последних беглецов, когда зашумело, затрещало в кустах, будто шел медведь.

Кашка вскочил.

Вот тогда он и увидел Костю.

В ту минуту он не знал, конечно, что это Костя. Он просто стоял и смотрел на человека, который вышел из кустов. Был человек еще молодой, вроде тех моряков. Смуглый и светловолосый, в клетчатой, как шахматная доска, рубашке.

В руке у него был складной охотничий нож.

Кашка разглядел этот нож сразу. Узкое отточенное лезвие, медные перекладинки с крючками, колечко с петлей из ремешка и трещинка на пластмассовой желтой рукоятке. Да, и трещинку заметил Кашка, хотя почти вся рукоятка была скрыта в кулаке.

Кончиком ножа незнакомец что-то вырезал из малень-

кой коричневой деревяшки. Вырезал на ходу. Крошечные стружки послушно сыпались из-под лезвия.

Все это Кашка разглядел, наверно, в одну секунду. Потому что в следующую секунду человек с ножом остановился и поднял на Кашку глаза. Это были серьезные светло-коричневые глаза. Они внимательно смотрели на растерянного Кашку.

— Вот встреча... — сказал незнакомец тихо, словно про себя. И спросил: — А ты здесь что делаешь? Тоже ищешь свою жар-птицу?

— Не... я с ягодами, — ответил оробевший Кашка. Он не сводил взгляда с ножа. И при чем тут жар-птица?

Неизвестный человек зашелкнул лезвие, сунул нож в один карман, деревяшку в другой и без улыбки объяснил:

— Я не разбойник. Я вон с того поезда. — Он кивнул в сторону насыпи. — Эта колымага застряла перед семафором и, говорят, будет стоять минут сорок. Что-то случилось на станции. Интересно, что? Не знаешь?

Кашка не знал. Он сказал:

— Здесь разбойники не водятся. И жар-птицы не водятся.

— Кто знает... А вдруг водятся? Жар-птицы...

— Не, — убежденно сказал Кашка.

Пассажир вздохнул.

— Ты не обращай внимания. Лопай свои ягоды, а я пойду.

Он шагнул от Кашки, но уходить раздумал. Словно вспомнил о чем-то и собрался спросить. Однако не спросил. Стоял и смотрел поверх кустов на вершины большого леса.

Бежали клочковатые облака, и быстрые тени их были как взмахи темных крыльев. Кашка смотрел на высокого незнакомца и видел его вместе с облаками. Видел сбоку его задумчивое лицо, белую полосу маленького старого шрама под ухом и волосы, словно раз и навсегда отброшенные назад ветром. Кашке хотелось сказать: «Я не буду лопать ягоды. Я их не для себя собираю. Если надо, берите. Только... кто вы? Вы далеко едете, да?»

Кашка сказал:

— Вы знаете песню про маяки?

— Какую? — ничуть не удивившись, спросил незнакомец. — Много песен про маяки.

— Там еще про птиц, — объяснил Кашка. — И про этих... про тюленей. Которые спят. И про ночь. Ее моряки пели.

— Не знаю. Я ведь не моряк.

«А кто?» — чуть не спросил Кашка, но не решился. И неловко сказал:

— Вы почему-то один едете...

— Ну и что? Разве нельзя?

— Да нет, можно... Только так не бывает, чтобы один человек. Чтобы такие... одни.

— Какие такие? Это интересно.

— Ну... — сказал Кашка. — Такие...

Он виновато замолчал. Не умел он объяснять. А хотел сказать, что такие вот молодые парни, люди с обветренными смуглыми лицами, готовые к шутке и к хорошему разговору с ним, с Кашкой, не ездят в одиночку. Студенты, спортсмены, моряки, геологи (Кашка их тоже встречал) всегда бывают вместе...

— А знаешь, твоя правда, — вдруг согласился незнакомец. — Я бы тоже ехал не один, да отстал от компании. Это чертовски скверно, когда отстаешь от своих. Да вот, пришлось... И настроение поэтому было просто слезное... Можно, я возьму одну ягоду?

— Все берите, — облегченно сказал Кашка. — Вы не горюйте, вы своих догоните.

Кашкин собеседник бросил в рот четыре ягоды, внимательно глянул на Кашку и вдруг улыбнулся. Улыбнулся так, будто не клубнику проглотил, а лекарство от печали.

— Знаешь, это ведь здорово, что я тебя встретил.

— Если бы я знал, я бы еще больше постарался набрать ягод, — простодушно сказал Кашка.

— Чудик ты, — ласково сказал незнакомец. Осторожно подвинул на пне Шишана и сел. — Давай знакомиться, пока мой экспресс не затрубил.

И они познакомились. И Кашка узнал, что этого человека зовут Костя.

— Ну, расскажи, — сказал Костя.

— А что? — растерялся Кашка. Нечего ему было рассказывать.

— Ну, вообще... Что ты за человек? Какая у тебя жизнь?.. Или вот про него расскажи. — Костя взял на ладонь челотяпика.

— А, это Шишан, — отмахнулся Кашка. — Разведчик он... Только он ленивый...

И незаметно Кашка начал рассказывать. Сначала про Шишана: какой он засоня и размазня. Потом про смелого Мотоциклиста, про Капитана, про кораблик. И дальше — про свою Страну, где живут малыши-челотяпики и где

можно увидеть дремучие леса и синий океан, если посмотреть в волшебную катушку... Он рассказывал так много потому, что Костя хорошо слушал. Спрашивал, когда Кашка замолкал. Помогал найти нужное слово, если Кашка не мог его вспомнить. Смотрел серьезно, и серьезность эта была безо всякой подделки.

Наконец Костя сказал:

— Значит, мы оба бродяги-путешественники.

— Ты путешественник? — спросил Кашка.

— Как и ты. Только моя Страна побольше... Слышал про Памир? Есть такие горы.

Кашка слышал, только не помнил, где и когда. Или по радио, или от папы. Но он помнил это название дальних гор. Он даже знал, что оно означает.

— Крыша Мира... — тихо сказал Кашка.

— Да, брат, это крыша... А про ледники ты знаешь?

Про ледники Кашка не знал. Правда, у них в сарае был ледник — небольшая яма с остатками зимнего слежавшегося снега. Вроде маленького погреба, чтобы хранить продукты. Но Кашка понимал, что не о таких ледниках говорит Костя.

— Это, наверно, где много льда, — сказал Кашка неуверенно.

— Это... ледяная река, — сказал Костя и прищуренно посмотрел на облака.

Кашка молчал. Ледяная река — это было непонятно.

— Массы льда, — сказал Костя. — Они ползут вниз по горным склонам. Ползут тихо-тихо, почти незаметно. Ведь это лед, а не вода. Но все-таки движутся. И у каждого ледника свой путь. Как у реки.

Кашка закрыл глаза и представил движение льдов. В шорохе прозрачных глыб, в перезвоне ломающихся льдинок они медленно и неотвратно надвигались, надвигались на Кашку всей тяжестью. Солнце разбивалось на блестящих гранях, но, несмотря на яркое сверкание, от ледяной реки веяло жгучим холодом. Кашка передернул плечами и открыл глаза.

— У каждого ледника свой путь, — повторил Костя. — Но один ледник сбился с пути. Пошел не туда, куда нужно. И это совершенно непонятно.

Он посмотрел на Кашку выжидательно и даже немного печально. Вот, мол, какая штука. Может быть, ты объяснишь, в чем тут дело? Но Кашка, разумеется, объяснить не мог.

— Непонятно, — снова сказал Костя. — Этот ледник нарушил все законы... В общем, надо пощупать его.

— По-щупать... — повторил Кашка и прыснул. Это показалось очень смешно — «пощупать» ледник, такую громадину.

Костя тоже засмеялся. И сказал:

— Такое дело. Приходится.

Он легко вскочил и встал над Кашкой — большой, сильный человек, с обветренным лицом путешественника, покоритель гор и ледяных рек.

— Пора. — Он протянул Кашке коричневую узкую ладонь. Может быть, он хотел просто попрощаться, но Кашка ухватился за ладонь, чтобы встать с травы. Ухватился и тоже вскочил.

Они вышли из кустов к насыпи.

— Надо ехать, — сказал Костя.

Вдали над линией уже горел зеленый кружок семафора, и вверх по насыпи бежали к вагонам пассажиры. Костя чуть улыбнулся Кашке и разжал руку.

Кашка вдруг почувствовал, что расставаться жаль. Горько стало ему. Не так горько, как в тот день, когда провожал маму и папу, но тоже невесело.

— До свиданья, — тихо сказал Кашка и стал смотреть на зеленый семафор.

Костя торопливо шагнул к поезду. Шагнул, остановился вдруг и сказал:

— Подожди.

Он что-то вынул из кармана, вернулся и вложил в Кашкину ладонь твердую деревяшку. А потом бросился за вагоном, который уже тронулся.

На ладони у Кашки лежал челотяпик. Вырезанный из дерева путешественник. С рюкзачком, с остроконечным топориком, чтобы вырубать в скалах ступеньки. Кашка знал, что таких путешественников называют альпинистами, он про них кино смотрел. У Альпиниста был задорный вид и улыбающееся лицо.

Когда Кашка поднял глаза от подарка, он уже не увидел Костю. Вагон был далеко. В его дверь еще прыгали на ходу пассажиры.

И некому было сказать спасибо.

Потом, вспоминая и вспоминая эту встречу, Кашка, наверно, многое поймет. Поймет, почему было грустно расставаться с Костей. Кашка ведь и раньше встречал хоро-

них людей, но провожал их без печали, потому что знал: будут другие встречи. А в этот раз Кашка не думал о других. Когда-нибудь он догадается, что Костя мог стать хорошим другом — ведь они оба путешественники. А еще позже Кашка подумает: «Наверно, наша встреча помогла ему сделаться веселее». Потому что отстать от своих — это не значит просто опоздать на поезд, где едут друзья...

Однако в то время ни о чем таком Кашка не думал.

Уже приехали мама и папа и укатила в Ишим баба Лиза. Уехал в город Пимыч — поступать в техникум. Говорят, он заходил перед отъездом, спрашивал Кашку, но тот болтался в лесу и попрощаться не успел. Уже поступил Кашка в первый класс и получил там прозвище Тишка (от слова «тихо»); хорошо, что потом попала в класс девочка, еще более тихая, чем Кашка, и прозвище перешло к ней. Уже кончился сентябрь, и пришла пора всех челотяников переселить из леса домой, в коробку из-под ботинок. Уже успел Кашка получить два нагоняя — от мамы и от отца — за то, что вытащил из погребка остатки льда и сделал во дворе ледник для Костиного Альпиниста.

И еще один раз Кашке попало. За то, что поздно вернулся домой. Но об этом случае он думал без огорчения, потому что помнил про костер.

В тот день, возвращаясь из школы, Кашка забрел в лес. Целый месяц он здесь не был. Стояла серая осенняя погода, и шумели вершины. Но и такой хмурый лес Кашке нравился.

Кашка бродил долго и зашел так далеко, как не заходил еще ни разу. Пересек сосновый бор и вышел к песчаному обрыву, под которым бежал ручеек. Вдоль ручья, по другому берегу, шла дорога. Наверно, она вела в поселок. Кашка решил по ней вернуться к дому.

Он съехал вниз вместе с пластами сырого песка. Здесь ручей казался не таким узким, как сверху. Темная вода завивалась в воронки и крутила листья, принесенные из дальнего березового леса.

Через этот ручей надо было прыгать.

Чтобы отрезать себе обратный путь, Кашка перебросил на другой берег портфель. Потом собрался с духом и прыгнул сам. Он перелетел через ручей удачно, даже ног не замочил, но его ждала другая неприятность. Оказавшись на дороге, Кашка понял, что не знает, в какую сторону идти.

Сначала Кашка сел на портфель и решил ждать прохожих или машину, чтобы узнать правильный путь. Ни беспокойства, ни страха он не чувствовал, хотя и понимал, что дома попадет за такое опоздание.

Но скоро ему стало холодно. Он поднялся и пошел вверх по ручью, наугад.

Кашке повезло. И дело не в том, что он выбрал правильную дорогу. В конце концов он все равно бы вышел к дому. Ему повезло потому, что в своем знакомом лесу, уже недалеко от поселка, он увидел костер.

Огонь разожгли незнакомые ребята. Среди черных сосен и облетевших берез играло желтое летучее пламя.

Кашка несмело подошел к огню.

— Я погреться, — сказал он, хотя никто не спрашивал.

Большие мальчишки молча раздвинулись и впустили Кашку в свой круг.

Они не садились на землю, потому что земля была сырой и холодной. Стояли и жарили на прутьях куски хлеба. Кто-то сунул Кашке в ладонь теплый подсохший ломтик. Все молчали, и Кашка молчал. У огня молчать легко. Огонь с треском перемалывал сучья. Быстрые языки его взлетали выше головы, рвались на клочья, скручивались в кольца.

Вот тогда впервые Кашка и подумал: «Огонь как живой. Он похож на жар-птицу...»

Может быть, Костя и спрашивал Кашку про костер? «А ты что здесь делаешь? Тоже ищешь свою жар-птицу?»

Костер высоко выбрасывал оранжевые перья и жаром дышал в лицо. Но Кашка не отходил. Ему было хорошо среди молчаливых мальчишек у кипучего пламени. Так хорошо, будто он получил письмо от Кости.

Но ребята разобрали рюкзаки и ушли. У них была своя дорога. А перед этим они затоптали, засыпали костер. И он умер. Осталось только угольное пятно с низкими сизыми дымками. Кашка торопливо зашагал домой.

Но он не забыл слова, которые пришли к нему у огня:

«Костер как живой, он похож на жар-птицу...»

Это были не простые слова. Они — как строчка из песни. Повторялись и повторялись сами собой. Словно просили продолжения...

С тех пор прошел почти год. Чуть поменьше года. Кашка многое узнал и понял. Он умел теперь находить на карте Москву, Тихий океан, Кубу. И Памир. Мог считать до

тысячи (а может быть, и больше, только не хватало терпения). Сам читал книжки, и не только тоненькие, а даже такие, как «Приключения Карика и Вали». Он твердо не верил в чудеса и сказки, потому что знал: их не бывает. Лишь одной сказке, своей, он немножко верил. Верил, что огонь живой. Иначе все непонятно. Если он не живой, то почему рождается, живет и умирает? Почему бывает и веселым и печальным, сердитым и добрым? И почему, когда горит костер, хочется быть к нему поближе?..

В июне Кашку отправили в пионерский лагерь. Собирался Кашка с охотой, но в лагере затосковал. И места, и ребята были чужими, а быстро привыкать и знакомиться Кашка не умел. Он слонялся по лагерю, глотал потихоньку слезы и, когда никто не видел и не слышал, шепотом разговаривал с челотяпиками — Мотоциклистом и Альпинистом. Но они были все-таки челотяпики, а не люди. И сейчас даже зловредному Левке Махаеву Кашка обрадовался бы, как другу. А мимо пробегали незнакомые мальчишки и девчонки. Иногда окликали Кашку, кричали что-то веселое. Но никто не догадался заглянуть в его тоскливые глаза.

Лишь вечером второго дня Кашка повеселел. Было праздничное открытие лагеря, и на костровой поляне развели большой огонь. Костер примирил Кашку с лагерной жизнью. «Наверно, его будут зажигать каждый вечер», — думал Кашка. А когда стало известно, что костры здесь редкость и что, может быть, ни одного больше не будет до самого конца смены, Кашка уже почти привык жить в «Синих Камнях», и тоска по дому стала совсем несильной.

А костер все-таки зажгли снова. В честь стрелков — участников турнира. И оруженосец Кашка сел на траву, чтобы смотреть в огонь и думать о жар-птице. Иногда он жмурился, и следы пламени танцевали в глазах, складывались в непонятные рисунки. «Если не открывать глаза, то можно заснуть здесь и, наверно, можно увидеть во сне настоящую жар-птицу», — подумал Кашка.

Вдруг она в самом деле приснится... жар-птица. Ведь костер... как живой, он похож на жар-птицу. Она... сегодня, наверно, приснится...

Так вот, сами собой, и сложились эти слова. Кашка улыбнулся такой удаче, нащупал локтем березовый пенек и привалился к нему.

Гудело пламя, и теплый воздух волнами перекачивался через Кашку. Искры возносились в небо и смешивались со

звездами. Звезды мерцали так, как, наверно, мерцают маяки, которые не гаснут. Оранжевая жар-птица плясала на поляне, разбрасывая золотые перья. У нее были красные лапы и зеленые глаза-бусинки...

Спи, пока не гаснут маяки...

Глава пятая

Ребята один за другим уходили с поляны. У огня осталось человек десять. Костер прогорел, головешки стреляли пучками желтых искр и рассыпались на красные кубики. По ним змейками пробегали пепельные тени.

Володя долго смотрел на угли, и, когда оторвал взгляд, в глазах затанцевали зеленые бабочки. Потом они растаяли, и Володя увидел черные березы. Над березами висел тонкий светлый месяц. Вдруг месяц начал расплываться, и Володя почувствовал, что слипаются ресницы. Больше всего захотелось добраться до постели и залезть под одеяло.

В палатке он включил фонарик и положил его так, чтобы свет отражался от парусинового потолка. Затем стянул рубашку и бросил на матрац. Не на свой, а на соседний. На Кашкин. И только тут сообразил, что Кашкина постель пуста.

Володя был настолько утомлен, что даже не смог разозлиться. «Пусть... — подумал он. — Никуда этот несчастный Кашка не денется...»

Да, но вдруг он все-таки куда-нибудь денется? Забредет в темные кусты и начнет скулить от страха. Или еще что-нибудь... Отвечай потом за него...

Володя чуть не заплакал от усталости и досады. «Чтоб он провалился, этот оруженосец!» Пришлось тащиться к угасающему костру.

Кашка спал у березового пенька. Спал, как на кровати: подложил под щеку ладони, подтянул к животу перепачканные золой колени и, наверно, видел во сне что-то хорошее, потому что улыбался.

Над Кашкой стояла Райка. Она заметила Володю и сказала жалобно и нараспев:

— Позабыли бедного оруженосца. Бросили маленького.

У Володи пропало желание ругаться. При Райке приходилось быть сдержанным и сильным.

— Я думал, он давно в палатке, — объяснил Володя и взял Кашку за плечо: — Вставай.

— Дождик будет... — пробормотал Кашка и заулыбался во сне еще шире.

Райка тихонько засмеялась.

— «Дождик», — сказал Володя сквозь зубы. — А ну вставай! — Он тряхнул оруженосца покрепче.

— М-м... — ответил Кашка и разогнул одну ногу.

— Безнадежное дело, — вмешалась Райка. — Тащить придется.

— Придется...

Кашка оказался легоньким. Володя нес его на руках, как охапку сухих дров. Кашкины волосы мягко щекотали ему плечо, а ноги болтались и колотили пятками по бедру.

— Спокойной ночи, — сказала вслед Райка.

— Угу... — откликнулся Володя.

В палатке он не очень аккуратно брякнул оруженосца на постель и сдернул с него сандалии. Потом посмотрел на Кашкины штаны. Они были вымазаны сажей и землей. А новые простыни светились, как нетронутый снег. Володя чертыхнулся и начал вытряхивать оруженосца из штанов.

Коричневая куколка выпала из Кашкиного карманчика. Это был деревянный Альпинист.

— Смотри-ка ты.. — озадаченно сказал Володя.

Маленький путешественник глядел на него из-под козырька крошечной фуражки. Но ведь Володя ничего не знал. Он подержал Альпиниста на ладони, аккуратно спрятал его на старое место и опять взялся за спящего оруженосца.

А когда Кашка был наконец уложен, Володя почувствовал, что спать уже не хочется. И вдруг ему стало смешно. По-настоящему смешно. «Рыцарь Фиолетовых Стрел, — сказал он себе. — Рыцарь Пеленок и Сосок. Ну и влип же ты, рыцарь...»

Володя лег поверх одеяла и выключил фонарик. «Провалю завтра свою стрельбу», — подумал он, однако особенно беспокойства не почувствовал.

В палатке звенел одинокий комар. В узкой прорези входа синело ночное небо. Потом туда протиснулся месяц и зацепился за край парусины отточенным рожком. На поляне кто-то подбросил на угли сухие ветки, и в палатке запрыгали рыжие отблески.

И этот комариный звон, этот месяц и отсветы огня да еще легкий запах дыма отвлекли Володю от мыслей о стрелах, о Кашке, о турнире.

Потому что он вспомнил прошлогоднее лето. Вспомнил Белый Ключ. Костры над озерами. Отражение месяца в черной воде. Стрекоз с шестиугольными глазами. Обиды и радости прошлых каникул.

В том году, окончив пятый класс, Володя устроил дома бунт. Когда мама показала путевку с толстошеким лупоглазым горнистом и палатками на картинке, Володя сунул руки в карманы, посмотрел за окно и четко произнес:

— Не поеду.

Он устоял под первой волной упреков, угроз и уговоров. Когда мама сделала передышку, он повторил:

— Не хочу.

— Изверг, — сказала мама. — Эгоист. Я с таким трудом... Вот подожди, придет папа.

Пришел папа, и все повторилось при нем.

В заключение мама попробовала заплакать. Володя держался.

— Может быть, объяснишь, что это за фокусы? — спросил папа.

— Объясню, — сказал Володя. — Объяснить — это пожалуйста. За что я должен мучиться почти целый месяц? В столовую — строим, из столовой — строим, купаться раз в день по пять минут, да и то не всегда. Зато спать по два часа в день — обязательно! За смену это сорок восемь часов. Это двое полных суток, убитых наповал! За что? А палатки только на картинках! Издевательство...

— По его мнению, режим — это издевательство, — сухо сказала мама и отвернулась. Весь вид ее говорил: «Полубуйтесь, кого мы вырастили».

Володя зажал в себе шевельнувшуюся совесть и нахально сказал:

— Вы нарочно хотите, чтобы я мучился.

Мама сурово выпрямилась и вышла из комнаты. Папа нерешительно спросил:

— Может быть, тебе уши надрать?

— Пожалуйста, — равнодушно откликнулся Володя. — Это не поможет.

— Чего же ты хочешь?

Володя промолчал. У него была ясная цель.

— Ты же знаешь, что с мамой в Кисловодск нельзя, там санаторий для взрослых. Дома одному — тоже не жизнь.

Володя это знал.

— Уж не хочешь ли со мной на раскопки?

Именно этого Володя и хотел. Больше всего на свете. Но вслух это высказать не решился и неопределенно пожал плечами.

— Вовка, нельзя, — тихо сказал папа. — Не разрешат. В прошлом году у одного из сотрудников дочка заблудилась в песках, и теперь не разрешают детей брать. Специальный приказ по институту. Разве бы я не взял тебя?

Чувствуя предательскую слезу, Володя шепотом попрощался:

— Ты скажи, что мне не с кем остаться.

— Тогда меня отстранят.

Это был тупик. Тупик, потому что Володя уже поверил, что в лагерь ему действительно очень не хочется.

— Ну, аллах с ним, с лагерем, — решил папа. — Давай так. Ты поедешь в Белый Ключ.

В Белом Ключе жил дядя Юра, папин друг. Он заведовал там школой. Володя его хорошо знал. Это был сутулый, очень высокий человек, похожий на совхозного механика или бригадира-строителя и ничуть не похожий на школьного директора. Иногда он приезжал в город на разные семинары и совещания, и по вечерам Володя и он с молчаливым озорством резались в шашки. Стук стоял такой, будто шла игра в домино. Проиграв очередную партию, дядя Юра распрямлялся за столом, потягивался и говорил:

— Силен... Ты, Володька, приезжай к нам в гости. С Надеждой познакомишься. Она, брат, тебе не проиграет. — И опять нагибался над доской. — А ну давай...

Знакомство с неизвестной Надеждой не казалось Володе заманчивым, но сейчас выхода не было.

Маме доказали, что Володя не маленький и до Белого Ключа доедет один.

Он действительно доехал благополучно, дал со станции домой телеграмму, быстро отыскал дом дяди Юры, был встречен, накормлен обедом и — заскучал.

Дядя Юра, занятый ремонтом школы, исчез из дома. Надежды тоже не было. Ее бабушка, небольшая старушка сурового вида, погромыхивала в кухне сковородками.

Володя сидел в незнакомой комнате, чувствуя неловкость от своего безделья и оттого, что он, кажется, лишний в этом доме. С горькой печалью вспоминал об отвергнутой лагерной путевке.

К счастью, вернулся дядя Юра. Заглянул в комнату и весело приказал:

— Володька! Долой кручину! Обживешься, познакомишься, дело найдешь! А пока шел бы погулял. Поселок посмотришь. Может, с нашими хлопцами знакомство завести.

Володя с облегчением ушел из дому. Он двинулся наугад, и улица привела его к большому пруду с берегами, поросшими черемухой и ольшаником. Володя продрался к воде. Он разулся и побрел вдоль берега, отыскивая место, годное для купания. Но везде было топкое илистое дно и угрожающе торчали зеленые клинки осоки.

— Болото, — сказал Володя.

В трясине одобрительно заорали лягушки. Володя плюнул, ушел от пруда и уже другой дорогой вернулся к дому.

На крыльце Володя увидел девчонку. Она остервенело терла мокрой тряпкой ступени. Короткая тощая коса сердито моталась у ее плеча.

«Надежда», — понял Володя.

Здороваться с незнакомой девчонкой было неловко. А знакомиться с девчонками Володя не умел. Можно было бы тихонько уйти и погулять, пока Надежда моет крыльцо, но Володя не успел. Она его заметила. Быстро глянула на него из-под нависших прядей, отвернувшись, выжала над громадным ведром тряпку и снова принялась безжалостно драить половицу.

И нельзя уже было отступать. Смешно. Тогда Володя решил, что пройдет в дом, не сказав ни слова. Не обратит никакого внимания. В конце концов, он не обязан обращать внимание на всяких лохматых злюк. А то, что она злюка, сразу видно. Вон как чешет тряпкой!

Володя сделал равнодушное лицо и зашагал к дому. Широко и независимо. Но у крыльца он все-таки остановился. Желтые мокрые доски просто светились от чистоты. Страшно было ступать на них пыльными подошвами. И чтобы не оставлять лишних следов, Володя решил прыгнуть сразу на верхнюю ступеньку.

И прыгнул.

Это был отличный прыжок. Быстрый такой и красивый. Как у спортсмена-разрядника. Но спортсменам не суют под ноги тяжелые ведра. А ему сунули. Раздался железный грохот и шум воды.

Володя стоял наверху, Надежда на средней ступеньке, а ведро лежало на земле и перекатывалось с боку на бок. По желтым половицам бежали мутные струи.

— Слон, — тихо, но отчетливо произнесла Надежда.

— Я нечаянно, — сказал Володя виновато, но с сердитой ноткой. Он здорово трахнулся о ведро ногой.

— За «нечаянно» бьют отчаянно, — заявила Надежда. Она, кажется, обрадовалась, что можно прицепиться.

А Володя почувствовал облегчение: как-никак знакомство началось. Он объяснил этой девчонке почти дружелюбно:

— Я думал, успею проскочить, пока ты ведро двигаешь.

— За «пока» бьют бока, — неумолимо ответила Надежда. Бросила на Володю свехпрезрительный взгляд и принялась тряпкой собирать со ступеней воду.

Или у нее были неприятности, или такой дурацкий характер? Распсиховаться из-за пустяка!

Володя плюнул через перила и прислонился к косяку. И усмехнулся.

— Ты что-то все про одно и то же. Все «бьют» да «бьют». Ты, что ли, бить будешь?

— Ладно, топай отсюда, — сказала она, не разгибаясь.

— Захочу — уйду, захочу — не уйду. Не к тебе приехал.

Надежда выпрямилась и глянула на Володю с некоторым интересом. У нее были узкие светлые глаза и белое широкое лицо. Круглое, словно донышко от кастрюли. Со всем не годилось ей такое лицо, потому что сама Надежда была тонкая, вернее, худая и ростом не маленькая. Наверное, с Володю.

Смотрела она молча секунды три. Потом произнесла чуть нараспев:

— Па-адумаешь! Не ко мне он приехал...

— А вот па-адумай.

— Больно надо. Ходят тут стилиаги всякие... Полуштанник расписной.

Она, видимо, намекала на его шорты с блестящими заклепками и новую рубашку в большую чёрно-жёлтую клетку. Ну и что? Не сам же он клепки ставил и клетки малевал! Или, может, ему в лохмотьях надо было приехать? Он даже не разозлился. Растерялся как-то.

— Вот... дура ненормальная.

Она подбоченилась и ехидно спросила:

— А бывают нормальные дуры?

— Бывают, — обрадованно сказал Володя. Теперь он знал, как ответить. — Бывают. Это которые знают про се-

бя, что они дуры, и никуда не суются. А ненормальные считают себя умными! Это вроде тебя...

Трах! Показалось Володе, что с крыши сорвался железный лист и плашмя хлестнул по щеке. Но это не лист! Это была Надеждина ладонь, мокрая и твердая! И в тот же миг Надежда кошачьим прыжком отскочила шагов на пять.

— Слопал блин? Еще хочешь? Ы-ы-ы... — Она выставила язык, свернутый в аккуратную трубочку. Лицо у нее сделалось продолговатым, а глаза совсем спрятались в щелочках белесых коротких ресниц. Вдруг она повернулась и побежала к калитке.

Володя ощутил, как в него наливается холодное и тяжелое, словно ртуть, бешенство. Он, прищурившись, смотрел ей вслед, а руки его действовали сами собой. Молниеносно отыскивали в заднем кармане рогатку, одним рывком распутали резину. Нашупали в другом кармане глиняный шарик. Володя даже и не думал, что может промахнуться. Он точно знал, что вlepит ей твердую глиняную пулю между лопаток, прямо по тому месту, где колотится растрепанный конец тощей косы. И тогда девчонка завертится, взбрыкивая худыми ногами, и завоет на весь Белый Ключ.

И он бы попал! Но проклятая Надежда споткнулась и полетела носом в лопухи. А шарик свистнул над ней и угодил в корчагу. Эта посуда стояла на перевернутой бочке, сохла после мытья. Получив глиняный заряд, она как-то неловко крикнула. От маленькой черной дырки вверх и вниз разошлись змеистые трещины, и корчага лопнула, как громадная оранжевая почка. Одна половинка осталась на бочке, а другая плюхнулась в траву.

Надежда встала, отряхнула подол и многозначительно сказала:

— Т-так...

Володя спустился с крыльца и молча прошел в калитку. Мимо Надежды. Ни на нее, ни на разбитую посудину он даже краем глаза не взглянул, но на душе было тошно. Он подумал даже, что хорошо бы махнуть на все рукой и прямо сейчас, не заходя за вещами, укатить домой.

За станционными березами обрадованно закричал электровоз.

Володя сунул руку в карман и нашупал один пятак и шесть глиняных шариков. В другом кармане было три шарика. В третьем... В общем, карманов было много, а денег — пять копеек. Остальные лежали в чемоданчике, а он стоял в доме.

Володя почти час бродил по улицам Белого Ключа. Они заросли подорожником и одуванчиками. Даже в пыльных колеях упрямо торчали острые травинки. Было тихо и пусто. Прохожие встречались редко-редко. Только по тропинкам вдоль заборов сновали деловитые коты, а по дороге вереницами ходили белые утки.

На плетнях висели рыжие блестящие кринки и напоминали Володе о неприятности с корчагой. На одну из кринок неизвестно откуда взлетел тощий петух. Потоптался на шатком доньшке, наклонил голову и одним глазом укоризненно уставился на незнакомого городского мальчишку: «Ага! Значит, это ты бьешь посуду из рогатки! Ну-ну...»

— Пошел вон, дохлятина, — сказал ему Володя.

Петух оскорбленно заорал, захлопал крыльями и свалился в лебеду.

Улицы поселка сходились на площади. Впрочем, это место лишь называлось площадью, а на самом деле там был невысокий зеленый бугор. На нем росли редкие, наклонившиеся в разные стороны березы, а на самом верху стояла большая красная церковь без креста. Володя подошел и увидел синюю вывеску: «Клуб».

По обеим сторонам каменного крыльца стояли фанерные щиты для рекламы. На правом белела новая афиша: «Концерт артистов областной филармонии. Ю. Жаров, С. Шалимов, П. Пяткин — эстрадное трио. Л. Чарский — оригинальный жанр. А. Якоби — песни советских и зарубежных композиторов...»

Все это было совсем неинтересно. Володя вздохнул и повернулся к левому щиту. Щит был пуст. На некрашеной фанере кто-то размашисто написал мелом: «Антипов! Когда кино привезешь?» А пониже виднелись нацарапанные кирпичом слова: «Антип — нахальный тип». Буквы были неровные. Видно, тот, кто писал, торопился ужасно.

Хорошо, когда надо торопиться. А Володе спешить было некуда. Хоть совсем не возвращайся в дом, где живет вредная лунолицая девчонка... Но он вернулся. Очень захотелось есть, да и все равно весь день бродить не будешь.

Он пришел в самый неподходящий момент! Во дворе разбирался вопрос о разбитой корчаге. Разбирала его бабушка. Надежда сидела на крыльце и равнодушно смотрела поверх забора. Дядя Юра у дверей сарая насаживал топор на топорище и внимательно слушал бабушкину речь.

— Корова бессовестная, неуклюжая! Глаза бы мои не глядели, — громким плачущим голосом говорила бабушка, но лицо ее было не жалобным, а суровым. — В чем я тесто

буду ставить, а? Ну, в чем? А, молчишь? Нечего глазищами-то по небу рыскать, отвечала бы лучше! Думала, угощу мальчонку пирогом, а тут вон чего!

«Не до пирога уж, быть бы живу», — отметил про себя Володя. Он остановился в калитке, с опасением глядя на сердитую старушку.

— Обойдется он без твоего пирога, — сказала отвратительная Надежда и зевнула.

— Обойдется! Это ты обойдешься! Где я такую посуду найду? Ее и в городе теперь не сыщешь! — Бабушка горестно склонилась над черепками. — Большая да крепкая была...

— Крепкая... — с презрением бросила Надежда. — Чего ж она с одного щелчка развалилась?

— Со щелчка! — вскипела бабушка. — Голову бы свою щелкала такими щелчками. Разбила и сидит, будто и дело не ее!

— Если кто-то думает, что я буду рыдать из-за разбитого горшка, так это просто смех, — сказала Надежда.

— Горшка! — ахнула бабушка.

— Ну и фрукт же ты, Надежда, — подал голос дядя Юра. — Возьму я в одну руку твою косу, а в другую этот веник...

Надежда стрельнула глазами в его сторону и слегка напружинила ноги.

— Если кто-то думает, что меня можно догнать, так это просто смех.

— А если кто-то думает, что пойдет сегодня в клуб на концерт, так это просто хохот, — заключил дядя Юра.

— Ну и ладно, — заговорила Надежда. — Подумаешь! Больно мне надо всяких фокусников смотреть... Будто я нарочно ее разбила! Ну и ладно, идите сами в свой клуб.

«Кислое дело, — подумал Володя. — Ждать дальше некуда».

Вздыхнув про себя, он оттолкнулся плечом от калитки и заговорил:

— Врет ведь она, дядя Юра. Эту посудину я расколотил.

Дядя Юра воткнул насаженный топор в чурбак и распрямился.

— А, вернулся, — сказал он. — Ну как погулял?

— Нет, в самом деле я, — повторил Володя. — Из рогатки нечаянно. Я хотел в нее попасть. — Он мстительно кивнул в сторону Надежды. — Прицелился, а ее угораздило на ровном месте запнуться.

— Ишь ты, какое дело, — с интересом сказал дядя Юра. — А чего вы не поделили?

— Да так. Ерунда...

— Все одно, через нее это, — вмешалась бабушка. — Кто же это в хорошего человека станет из рогатки пулять? Надежда поднялась и гордо ушла в дом.

Идти вечером в клуб она отказалась. Володя подумал и тоже не пошел. На концерт отправились дядя Юра и мать Надежды, которая вернулась с дежурства на почте.

Бабушка заняла у соседей корчагу и заводила на кухне тесто.

Володя вышел на крыльцо, не зная, куда себя девать. Надежда кормила кур. Она покосилась на Володю, хмыкнула и сказала:

— Заступник какой... Цып-цып-цып, жрите вы, прорвы... Больно мне надо, чтоб за меня заступались. Кажется, я никого не просила вмешиваться...

— Я не ради тебя вмешался, а ради собственной совести, — внушительно сказал Володя.

— Па-думаешь! Ради совести!

— Ты па-думай. Полезно, — ядовито предложил он и с беспокойством вспомнил, что разговор днем начинался так же и кончился печально. «Фиг с тобой, — решил Володя. — Буду молчать».

Надежда вдруг разогнала кур и сказала:

— Айда на пруд. Искупаемся.

— Мне не жарко, — сухо ответил Володя.

— Простудиться боишься?

— Да где там у вас купаться? Трясина кругом!

Он думал, что Надежда опять разозлится. Но она миролюбиво объяснила:

— Ты не туда ходил. Надо к плотине. Там вода прозрачная и дно с песком. Пойдешь?

— Ну, пойдем.

Они шагали сначала молча, а потом завели отрывистый, но уже не сердитый разговор: «В этом доме у нас библиотека». — «Хорошая?» — «Да так...» — «Тихо у вас». — «Здесь не город». — «Конечно». — «Сейчас к тому же все в клубе». — «Ты зря не пошла». — «А ты?» — «Не хочется». — «И мне...»

В конце пути уже позабылась ссора, и Володя подумал, что Надежда — девчонка неплохая, только характер у нее не очень.

Было около семи часов вечера. Солнце стояло еще высоко и до дна просвечивало зеленую воду. На дне тускло блестели песчинки. Вода сонно ворчала под плотиной и, пробившись через нее тонкой струйкой, прыгала в заросшее русло ручья. Пахло сырым деревом и разогретой травой. Кусты обступили пруд вплотную, и в этой зеленой тишине хотелось почему-то говорить шепотом.

— Можно с берега заходить или с плотины прыгать, — вполголоса заговорила Надежда. — Наши мальчишки прыгают с плотины. Только там опасно: колья торчат.

«Надо же! «Наши мальчишки»!» — подумал Володя. Он разделся и пошел на середину плотины, цепко ощупывая босыми ступнями шершавые бревна. Надежда торопливо сказала вслед:

— Мне неохота в воду лезть. Я сегодня три раза купалась.

Володя остановился над водой. Глубина казалась порядочной. Колья, торчащие со дна, были отлично видны. Володя присел, распрямился и по дуге ушел в воду.

На глубине он открыл глаза. В мутно-зеленом сумраке колья чернели, как костяк громадной рыбы. Поверхность воды снизу казалась блестящей и непрозрачной. Володя пробил ее головой и неторопливо поплыл к берегу. Выбрался и запрыгал на крохотном песчаном пятачке, чтобы вытряхнуть из ушей воду. Ресницы были мокрые, и Надежду он видел расплывчато, будто сквозь стекло, залитое дождем.

— Хорошая вода, — сказал Володя. — Только болотом отдает немного.

— Мы привыкли... Зато здесь рыба водится. Наши мальчишки все время рыбачат... А в городе река большая?

— Конечно. У нас же судоверфь громадная.

— Поглядеть бы, а? — как-то по-хорошему, доверчиво сказала Надежда.

— Разве ты никогда в городе не была?

— Была, конечно. Только все как-то мельком. Ну, в театр, в музей сходишь, и домой пора...

— Ты приезжай, — предложил Володя и сел рядом. — У нас теперь летний трамплин построили. Планетарий скоро откроют. Пристань новую строят, чтобы танкеры с нефтью принимать. Это тебе не музей.

— Я постараюсь, — пообещала она. — Только тут у нас тоже места хорошие. Вот увидишь.

— А почему такое название — Белый Ключ?

— Скала есть за поселком. Она не совсем белая, но светлая. Светло-серая. Рядом родник. Вот и название такое, старинное. Потом сходим туда, если хочешь.

— Сходим....

Жизнь как будто налаживалась. Все теперь нравилось Володе: и тишина, и пруд с россыпью солнечных бликов, с зеленой тенью у плотины, и притихшая Надежда, и даже болотный привкус теплой воды.

Затрещав слюдяными крыльями, прилетела стрекоза и села Володе на локоть. Она была блестящая, красная, с оранжевыми крапинками на крыльях.

— Смотри-ка ты! Никогда таких не видел, — удивился Володя. — Черных видел, голубых, зеленых, а таких — ни разу.

— У нас их сколько хочешь, — оживилась Надежда.

Держа локоть со стрекозой на весу, Володя разглядывал эту живую модель аэроплана.

— Ну и глазищи... Смотри, в них солнце отражается.

— Ага, — отозвалась Надежда.

— Ты погляди, оно не кружками отражается, а шестиугольниками. Знаешь, почему?

— Ой, верно! Почему?

— У нее каждый глаз из мелких глазков состоит. Как будто из ячеек таких шестиугольных. Вот и отражение такое. Это мне один семиклассник рассказывал, Борька Тимофеев. Он в нашем доме живет.

Надежда молчала. Она прислушивалась. Володя снова перевел взгляд на стрекозу и тряхнул рукой.

— Старт!

Крылатая гостья с треском ринулась в полет.

— Стрекоза — шестиугольные глаза... — с усмешкой сказал ей вслед Володя.

И услышал:

— Вранье это...

Голос Надежды был злой и скучный.

Она стояла теперь и враждебно смотрела на Володю сверху вниз.

— Врет твой Борька Тимофеев! — громко повторила она. — И ты врешь! Думаешь, из города приехал и можешь про что хочешь трепаться?! Звонарь несчастный!

Она по-кошачьи отпрыгнула и скрылась в кустах, только ветки закачались. Володя ошарашенно посмотрел на эти ветки и запоздало крикнул:

— Пиявка тебя, что ли, укусила?!

Особой злости он не почувствовал. «Дикая какая-то, — решил он. — Не поймешь, с чего взорвалась. Ну ее...»

Уходить от пруда не хотелось. Он посидел еще полчаса, просто так, ни о чем особенном не думая, а потом оделся и лениво побрел к дому.

...На полпути он встретил тех, которые хотели его бить.

Они шли сомкнутой шеренгой. Володя почувствовал смутную тревогу и на всякий случай свернул к забору. Но они, тоже будто случайно, перешли с дороги к самому краю улицы. Больше влиять было нельзя: и неловко, и бесполезно. Володя вздохнул, принял беззаботный вид и неторопливо двинулся навстречу опасности.

Опасность состояла из четырех человек. В середине шагали двое мальчишек Володиного возраста или чуть постарше. Один, белобрысый и толстогубый, был в голубой майке, прожженной на животе, и в обтрепанных лыжных штанах. Он показался Володе добродушным и не очень опасным. Зато второй, высокий темноволосый мальчишка, отутюженный и стройный, как граф Монте-Кристо, не понравился Володе совершенно. Он шел, лениво покусывая какой-то трубчатый стебель, и, кажется, смотрел на Володю с холодным любопытством. Будто на бабочку для коллекции, для которой уже готова булавка.

По сторонам от этих двух шли пацаны поменьше. Оба рыжие, но не одинаковые. Один — с волосами медно-красного оттенка, толстощекий и коренастый. Второй — золотисто-желтый, с большим, как полумесяц, ртом и длинными, тонкими, словно бамбуковые удочки, ногами.

В голове у Володи совсем некстати запрыгали строчки забытого стихотворения:

Четверка дружная ребят
Идет по мостовой...

Дружная четверка приближалась с неторопливостью уверенного в удаче хищника. Володя тоже не спешил. Но все-таки они двигались, и наконец остался промежуток всего в пять шагов. Тогда «граф Монте-Кристо» сказал: — Стой.

Неизвестно, кому он скомандовал: своим ребятам или Володе. Остановились все.

Белобрысый мальчишка в прожженной майке ощупал Володю светло-голубыми глазами и неторопливо спросил:

— Это ты, что ли, к Веткиным из города приехал?

Володя постарался спрятать за насмешливым тоном острую настроженность.

— Я, что ли... А что?

— Мы тебя сейчас лупить будем, — сообщил «граф». — Если у тебя оправдания какие-нибудь есть, давай говори. — Голос у него был басовитый и мрачный.

Оправданий Володя не имел. Был у него только вопрос: — За что?

— Ты ваньку не валяй, — сказал «граф». — Смотри, Юрка, он будто и не знает.

Голубоглазый Юрка спросил в упор:

— Ты Надьку зачем задеваешь?

«Ябеда, предательница!» — подумал Володя и ответил: — Что-то не помню.

— Ну, сейчас припомнишь, — пообещал Юрка. Рыжие адъютанты выжидательно глянули на своих командиров: «Уже начинать?»

«Туда же, малявки», — беззлобно подумал Володя.

Сзади была пустая дорога, и Володя знал, что никто его не задержит и никто не догонит. Но бежать по улице и думать, что, может быть, из каждого окна с насмешкой и любопытством смотрят на это незнакомые жители Белого Ключа!

А не бежать — излупят.

— Когда я ее задевал? — хмуро спросил он.

— Он ее утром два раза бил и вечером один раз. И стрелял из рогатки, — доложил Юрке медноволосый. При этом на Володю он не смотрел и жевал большое желтое яблоко. Интересно, где он достал такое яблоко в июне?

— Вранье же это, ребята! — самым искренним тоном сказал Володя. — Ну зачем я ее бить буду? Только из рогатки один раз, да и то мимо. И она же первая виновата!

— Гляди, как выкручивается! — сказал тонконогий мальчишка голосом писклявым и беспощадным.

Юрка втянул воздух и решительно поддернул штаны, давая понять, что разговор кончен.

— Четверо на одного? — спросил Володя и подбоченился. Не для фасону, а для того, чтобы легче было скользнуть правой ладонью в задний карман.

— А че? — поинтересовался «граф». — Нельзя?

— Даже семеро, — сказал Володя. — Вон к вам пополнение ползет.

Хитрость удалась. Они оглянулись, и Володя успел отскочить еще шагов на пять. А когда разозленные мальчишки развернулись для нападения, он уже стоял с растянутой и наведенной рогаткой. Он знал, что делает, но выхода не было.

— Ну? — сказал он, переглатывая от волнения. — Что встали? Давайте! Я успею выстрелить два или три раза. Два — это точно. Врежу между глаз без промаха. Так что двое — сразу с копыт. А с остальными видно будет.

— А если смажешь? — неуверенно спросил «граф».

Остальные промолчали, беспокойно поглядывая на Володино оружие.

— Ты, рыжий, подбрось яблоко, — резко сказал Володя.

— Зачем?

— Подбрось. Успеешь еще сжевать. Выше бросай.

Хозяин яблока вопросительно глянул на Юрку, но тот не отрывал взгляда от рогатки.

— Ну, бросил... — Яблоко темным мячиком взлетело в вечернее небо.

Резина шелкнула с резкостью пастушьего кнута. «Мячик» в небе дернулся, и от него отлетел осколок. Потом яблоко упало на дорогу, и четверо мальчишек бросились к нему.

Володя обошел их и зашагал к дому, на ходу перезажывая рогатку. Он шел и очень боялся услышать за собой топот. Но топота не было.

Надежда оказалась дома и вела себя так, будто ничего не случилось. Расспрашивала родителей про концерт и жалела, что пришлось им смотреть такую сонную дребедень. Улыбалась Володе, когда ужинали, и подливала ему в кружку холодного молока.

— Все в порядке? Дипломатические отношения установлены? — спросил дядя Юра.

— На высшем уровне, — сказал Володя.

Надежда улыбалась.

— Слушай, Надя, — сказал Володя, — есть тут такой Юрка. Ходит в майке с дырой на пузе. Как его фамилия?

— А, это, наверно, Перевозчиков, — невинным голосом откликнулась Надежда. — А что?

— А ничего, — нежно сказал Володя. — Привет тебе от него.

Перед сном он вышел за калитку, сдернул с рогатки резину и забросил ее в крапиву. Потом зажал в кулаках гладкие деревянные рожки и рванул их в разные стороны. С громким хрустом рогатка разломилась. Это было очень

грустно, однако ничего другого сделать Володя не мог. Еще в прошлом году, когда появилась опасность, что Большая Игра перерастет в Большую Войну, Володя вместе с другими мальчишками пообещал, что не поднимет рогатку ни на человека, ни на зверя, ни на птицу. Это случилось на берегу ручья, когда Сережа Вересов поднял с земли своего белого почтаря, перемазанного кровью, и, ничуть не скрывая слез, сказал:

— Сперва в голубей стреляете, потом в людей будете? Фашисты...

Вот после такого случая обе стороны и приняли «Закон об оружии».

А сегодня Володя нарушил этот закон дважды...

Утром Володя вышел на улицу.

Больше всего на свете в любых делах он не терпел неясности. Поэтому все неприятные вопросы старался решать как можно быстрее. Жить так было спокойнее и проще.

Сейчас его беспокоила мысль о здешних мальчишках. Драться с ними со всеми он не мог. А жить здесь целый месяц и прятаться все равно нельзя. Глупо это. Хуже всего именно то, что это глупо и смешно. Через несколько дней все ребята со смехом будут говорить, что в доме Веткиных живет новый мальчишка, которого надо поймать и отлупить. Многие даже не спросят, зачем это надо.

Может, и не поймают, но от насмешек все равно не скроешься, а они страшнее кулаков...

Володя шел серединой улицы, зорко поглядывая по сторонам. Он ступал неторопливо и твердо, как человек, уверенный в своей безопасности.

Но улица была пуста.

Лишь на следующем квартале он увидел первого местного жителя. Житель этот, лет пяти или шести, в длинных, разлохмаченных внизу штанах и голый до пояса, сидел на верхнем бревне золотистого нового сруба. Он был погружен в мысли.

— Эй! — окликнул Володя. — Ты там что делаешь?

— Сижу, — последовал ответ.

— Высоко там у тебя?

— Ага.

— А дом, где Юрка Перевозчиков живет, тебе видать оттуда?

— Его откуда хочешь видать, — сообщил местный житель. — Вон он, ихний дом, с ведром на трубе.

— Ясно. — Володя направился к дому с ведром на трубе.

— Драться будете? — оживился малыш. Видно, он был в курсе дела.

— Там посмотрим, — откликнулся Володя.

— Я отсюда буду глядеть, — сообщил мальчишка.

Володя двинулся вдоль низкого, сколоченного из березовых жердей забора и неожиданно увидел во дворе Юрку. Тот вытаскивал из сарайчика рогатые деревянные козлы, на которых пилят дрова. Юрка тянул их за «рога», и козлы упирались нестругаными ногами, как живой упрямый козел.

Володя взялся за березовую жердь и махнул через ограду. Юрка воевал со зловредным деревянным зверем и ничего не заметил.

Володя остановился у него за спиной.

— Привет, — сказал он.

Юрка обернулся, медленно разгибаясь и опуская руки. Он заулыбался растерянно и даже виновато.

— Здорóво... — наконец ответил он. — Ты как это... не через калитку.

— Да так вот. Через забор, — не отвечая на улыбку, объяснил Володя. — Поговорить надо. Время есть?

— Да... есть...

— Ну вот... Тогда послушай, — начал Володя, старательно подбирая слова. — Я здесь буду жить целый месяц. Драться с вами мне неинтересно. Вас много... Я не боюсь, но получится плохо: вы меня каждый раз станете разделять так, что будь здоров. Приеду я такой разукрашенный домой... Ну что я нашим ребятам скажу? Они же не поверят, что тут все на одного нападают, потому что они до сих пор про такое свинство не слышали. В общем, если хотите, давайте один на один. По очереди.

Во время этой речи Юрка неуверенно моргал и все время хотел что-то сказать. А когда Володя кончил, он опять растянул в улыбке толстые губы и махнул рукой:

— Да брось ты это... Мы же просто так. Мы сперва не тебя, а Надьку бить хотели, а она повстречалась и разнылась. Говорит, мне от приезжего Володьки и так досталось, а тут еще вы. Говорит, заступились бы лучше... Мы и пошли заступаться. Ее-то мы всегда отлупить успеем.

— А за что? — с облегчением спросил Володя.

— За многое, — сказал Юрка и снова яростно вцепился в деревянного зверя.

— Подожди, — вмешался Володя. — Надо набок повернуть, а то не пролезет. Давай... А, черт, по ноге въехал. Вчера этим же местом об ведро треснулся...

Юрка, поднатужившись, притащил березовое бревнышко, принес из сарая пилу. Одну ручку пилы начал примащивать к старой диванной пружине, прибитой к стене.

— Техника, — объяснил он с неловкой усмешкой. — Может, полегче будет.

— Еще не пробовал?

— Не пробовал. Вчера только придумал.

— Ну и плюнь на эту технику. Ничего не выйдет. Я дома тоже устраивал. Все зря.

— Разве у вас дома тоже печка есть?

— Раньше была. Потом новую квартиру получили, с батареями.

— Да еще небось газ? А тут, чтоб обед сварить, и то пилишь, пилишь...

— А ну, давай, — сказал Володя.

Пилили молча. Тайком испытывали силу друг друга. Когда бревно распалось на два чурбака, Юрка заметил:

— А стреляешь ты классно.

«Отстрелялся теперь», — подумал Володя. И сказал:

— Тренировка.

— Долго тренировался?

— С прошлого года... Игра такая была. У нас в квартале три дома, и наш как раз посередине. А из тех домов ребята против нас были. Им между собой надо связь держать, а мы не даем. Тогда они придумали бутылки с записками по ручью пускать. Есть позади домов овражек с ручьем. Сначала еще почтовых голубей посылали, да не вышло, вот они и придумали эти записки. А с нашей стороны к ручью не подойти: берег высокий и скользко. Весна была. Тогда и пришлось нам тренироваться: бутылки в воде расстреливать...

— Ловко, — одобрил Юрка. Покатал ногой березовый чурбак и спросил: — Ты на наших озерах не был?

— Нигде я еще не был...

— Завтра пойдем, — предложил Юрка. — У нас маленький бредешок есть. Он самодельный, из мешковины, да ничего, таскать можно. Караси с тарелку попадают...

И в эту секунду, наверно, волшебник, который командует временем, сорвал какую-то пружину. Время рванулось и понеслось, как лыжник с трамплина. И когда Во-

лодя вспоминал потом Белый Ключ, ему казалось, что все события произошли за один день, только день был долгий. И вспоминалось все не по порядку: стук дождя по перевернутой лодке; костры и маленькие золотые караси; месяц, тоже похожий на золотого карасика; вечерние улицы поселка и стремительный бег по огородам — игра в разведчиков; хохот в полутемном клубе: кинемеханик Антипов пустил ленту задом наперед; звонкие удары по мячу; хриловатый шепот Кольки Пальмина — «граф» рассказывает на сеновале страшную историю... И опять костры, отражение месяца, черные вершины леса...

И Надежда.

Была она какая-то разная. То гоняла футбол с мальчишками и ходила на рыбалку, то вдруг вскипала не из-за чего и, отругав ребят, убегала домой. То вдруг начинала жаловаться Володьке на остальных мальчишек и на свою скучную жизнь. А потом опять как ни в чем не бывало мчалась вместе со всеми в клуб, чтобы захватить в кинозале места получше. А когда помогали ремонтировать школу, взяла и вдруг мазанула Володю по щеке голубой масляной краской. А кисть была большая, шириной в ладонь...

И все-таки Володя вспоминал об этой девчонке без обиды. Попрощались они хорошо, и Надежда шепотом попросила:

— Ты еще приезжай...

А осенью он получил письмо:

«Здравствуй, Вова!»

Ты не сердись, что я все время ссорилась, ладно? Это я из-за Катьки. Она такая дура. Я боялась, что она смеяться начнет, что мы все время вместе. Помнишь, когда мы на пруду сидели, когда ты только приехал, я разозлилась и убежала. Это я Катькин голос в кустах услышала и думала, что она следит за нами. Это глупо, конечно. Надо было ее отлупить, вот и все. А когда ты уехал, я шла со станции и Катьку встретила. Я думала, она смеяться будет, что я тебя провожала, а она стала вздыхать и говорит, что хорошо, что ты уехал, а то она боялась в тебя влюбиться. Вот дура! Верно? Без тебя скучно. Ты приезжай на будущий год, все ребята про тебя спрашивают, и я говорю, что придешь...»

Это было такое письмо, будто и не девчонка писала. Без хитрости и ужимок, честное. И Володе вдруг до чертиков захотелось опять в Белый Ключ. Больше всего на свете захотелось. Если бы его тогда спросили, куда он больше хочет: в кругосветное путешествие или в Белый Ключ, он бы, наверно, махнул рукой на кругосветное путешествие.

Володя дочитал письмо и засмеялся. Он подумал, что даже не помнит, что это за Катька, о которой пишет Надежда.

А поехать на будущий год в Белый Ключ не удалось. В мае у Надежды умерла бабушка, и, конечно, Веткиным было не до гостей.

Володя уехал в лагерь «Синие Камни». Он оказался здесь впервые, и ему даже понравилось. Лагерь был небольшой. Никто не гонял ребят строем в столовую и на прогулку. Никто строго не следил, чтобы спали в тихий час. По-настоящему запрещалось только то, что действительно было опасно: купаться в одиночку и уходить далеко в лес. Река крутила воронки, а лес чем дальше, тем делался глуше и темнее.

Воспитателей в отрядах не было, были только вожаемые. Жизнь у них оказалась нелегкая, и, наверно, поэтому особых развлечений придумать они не могли. Но от скуки никто не страдал, потому что на лагерь накатывали «волны».

И последней накатила стрелковая волна.

Глава шестая

Ночью во сне Кашка сбросил одеяло. А утром из росистой травы скользнул в палатку холод и разбудил оруженосца.

Вздрагивая, Кашка натянул одеяло до носа и стал смотреть на парусиновый потолок. Солнце светило сквозь кусты и отпечатало на палатке запутанный узор ветвей и листьев. Потом на ветке появилась озорная тень воробья. Покачалась и улетела. Это было совсем как кино.

Кашка полежал, согреваясь, откинул одеяло до плеч и повернулся к Володе.

Володя крепко спал, разбросав худые коричневые руки.

Кашка подполз на коленках и наклонился над своим командиром.

Сейчас командир не казался таким взрослым и суровым. У него тихо вздрагивали ресницы, а припухшие губы чуть приоткрылись, и лицо было немножко жалобным.

«Он хороший, только он вчера рассердился», — решил Кашка. Но тут его взгляд упал на стрелы. Оперенные хвосты стрел пучком торчали из-под Володиной подушки. Повыше перьев на фиолетовых древках краска была соскоблена, и дерево желтело неровными полосками. Кашка пожегся и торопливо отполз к своей постели. Все вспомнилось...

Но ведь Володя не прогнал его все-таки. Он даже и не ругался почти. И у костра остаться разрешил. У костра было так хорошо... Да, а что случилось потом? Кашка помнил только танцующий огонь и горящие искры в небе...

Он посмотрел на свою одежду, аккуратно сложенную рядом с подушкой. Никогда он так ее не складывал...

Володя зашевелился, повернулся на бок, сунув ладонь под щеку, и улыбнулся, не открывая глаз.

Кашка тоже улыбнулся и выбрался из палатки.

Роса уже высохла, но было еще прохладно. Кашка затанцевал и задергал плечами, однако за одеждой не вернулся, побоялся разбудить Володю.

Рыцарский стан мирно спал под утренним солнцем. Чтобы согреться, Кашка пробежался по кругу. У входа в палаточный городок, привалившись друг к другу, бессовестно дрыхли часовые.

Из центральной палатки вылез заспанный горнист Алешка Званцев в картонной мушкетерской шляпе и красной ситцевой мантии. На изнанке мантии были заметны следы меловых букв: «ДОБ... ПОЖ...» Алешка сердито глянул на малька-оруженосца, расставил босые ноги и хрипло затрубил.

Часовые ошалело вскочили и вытянулись.

Начинался турнирный день.

Сначала слышалось повизгивание блоков, потом из-за кустов появлялся олень. Он пересекал поляну и через несколько секунд скрывался в чаще.

Красный фанерный олень... Он скользил по проволоке ровно и не так уж быстро. Попасть было нетрудно. Однако с первого выстрела Володе не повезло.

Нет, он не промахнулся. Фиолетовая стрела красиво

ударила в длинную оленью шею. Она пробила фанеру насквозь и осталась торчать, покачиваясь вместе с оленем. Выглядело это великолепно, и над кустами вознесся восторженный рев болельщиков. Но Володя-то знал цену этому выстрелу!

Он целился не в шею! Глупо было бы рисковать ради красивого попадания. Володя хотел вогнать стрелу прямо в корпус, но она скользнула выше и лишь случайно воткнулась в тонкую шею оленя. Это было все равно что промах. По крайней мере для Володи. Уверенность ушла от него, и, взяв из рук оруженосца вторую стрелу, Володя уже не знал, попадет ли она в цель.

Обидно! Если бы это случилось раньше, когда еще стреляли по круглым мишеням, Володя бы и не переживал. Ну, проиграл и проиграл. Победа казалась тогда еще и далекой и недоступной. Райка успела выпустить одиннадцать стрел и выбила восемьдесят шесть очков. А Юрка Земцов, совсем неожиданно, восемьдесят пять. Догнать их казалось невозможным. Но Володя потом догнал. За счет скорости. Он шел очко в очко с хладнокровной, не знающей промаха Райкой. И поэтому волновался. Если бы отставал — наплевать. Если бы обогнал — значит, и переживать нечего. Но сейчас все решал олень, решали последние выстрелы. И тут дрогнула рука.

Вторая стрела вообще не задела оленя. Зрители растерянно запереговаривались.

«Мазила косорукий. Мусорщик, а не стрелок», — бессиленно обругал себя Володя.

Ему не нужны были почести победителя. По крайней мере сейчас он чувствовал, что не нужны. Обидно было другое: проиграть в последний момент, проиграть из-за того, что стали противно вздрагивать локти и пропала точность, словно лук стал чужим, а расстояние до мишени неизвестным.

«Псих», — сказал он себе, но это не помогло.

Володя потянулся за третьей стрелой и увидел глаза Кашки.

Кашка нес свою службу исправно и неутомимо. Помогал менять мишени, ловко подавал на растопыренных пальцах стрелы, а когда кончалась очередная стрельба, не дрогнув, бросался собирать их в зарослях шиповника и крапивы. Он машинально расчесывал изжаленные ноги, машинально жевал принесенные из столовой бутерброды

и не слышал ничего, кроме упругих щелчков спущенной тетивы, шороха стрел, ударов жестяных наконечников о мишени да еще шелеста травы, если стрела пролетала мимо цели.

И только одного хотел Кашка в тот день: чтобы как можно меньше Володиных стрел шелестело в траве.

Когда в руках у Володи растягивался длинный тонкий лук, в Кашке тоже что-то натягивалось и дрожало. А когда щелкала тетива, Кашка вздрагивал, и сердце у него срывалось. И в тот короткий миг, пока стрела летела к цели, он много раз успевал повторить про себя: «Попади! Ну попади же! Попади обязательно!» И когда стрела вдруг не слушалась, Кашка смотрел на Володю растерянно и удивленно: «Почему она так?»

Но Володя не видел лица оруженосца. Весь день он видел только его маленькие растопыренные пальцы с фиолетовыми стрелами. Пальцы, которые в нужную секунду подносили стрелу. Ничего другого и не было нужно Володе.

А Кашке было нужно многое, только он сам не догадывался об этом. Ему нужно было, чтобы Володя хоть мельком взглянул на него и вполголоса сказал: «Молодец, Кашка». Или, может быть, взял бы его за плечо и шепотом спросил: «Не устал?» И тогда бы Кашка отчаянно замотал головой и, крикнув: «Не... Нисколько!» — еще быстрее ринулся бы в колючие джунгли за стрелой, случайно пролетевшей мимо цели.

Но Кашка не догадывался, что ему этого хочется. Это желание было где-то позади другого, самого главного, которое называлось «Володина победа». И Кашка был уверен, что Володя, когда станет чемпионом, обязательно скажет: «Мы с тобой молодцы, верно?» Скажет негромко, чтобы слышали только они двое. Так почему-то казалось Кашке.

«Попади! Ну попади же! Попади обязательно!»

Каждую стрелу он провожал этим заклятием. И губы у него шевелились. Но вслух Кашка не сказал ни слова. Разве можно говорить под руку!

Он видел, что дела у Володи идут неплохо, и знал, что победу решит олень. Он, кажется, один из всех, кроме Володи, почувствовал неладное, когда стрела вонзилась оленю в шею.

Когда вторая стрела, не задев оленя, ушла в заросли, Кашка впервые с досадой подумал: «Не могли уж расчислить место как следует. Царапайся опять...» Но эта посторонняя мысль скользнула, не оставив следа. И вместо нее пришла тяжелая, ноющая тревога.

«Что же ты делаешь!» — думал Кашка, с отчаянием глядя на Володю.

А Володя смотрел вслед улетевшей стреле, и руки у него были опущены. Лук, зажатый в левом кулаке, висел, как коромысло.

Завизжали блоки, и олень задом наперед проехал на старт. Володя тряхнул плечами и повернулся, чтобы взять третью стрелу.

Вот тогда он и увидел глаза оруженосца.

«Володя, не надо! Не стреляй мимо! — умоляли они. — Целься как следует. Ну пожалуйста! Ты же можешь, Володя!»

«Ну, чем тебе помочь?» — спрашивали Кашкины глаза.

«Ох и умотался ты, бедняга», — с неожиданной жалостью подумал Володя. Впервые за сегодняшний день он как следует разглядел Кашку. На щеке оруженосца от уха до подбородка алела свежая царапина. Волосы растрепались, рубашка у ворота порвалась, одна ляпка была оторвана и обмотана вокруг пояса, а штаны сбились на сторону, так что боковая застежка оказалась где-то на животе. И ноги в ссадинах, синяках и белых полосах расчесов.

«Досталось тебе, Кашка, верно?»

Но Кашка молча просил об одном: «Целься как следует. Попади, попади в оленя!»

«Попробую», — глазами ответил Володя.

Опять визгливо запели в кустах блоки: олень пошел пересекать лужайку.

«Не было ничего, — сказал себе Володя. — Не было тех двух стрел. Все сначала».

В самом деле, что случилось? Или лук ему дали другой, или мишень сделалась крохотной, или он вдруг сразу разучился стрелять? Ерунда какая!

Олень был уже на виду. Володя аккуратно вставил тетиву в прорезь стрелы и выстрелил навскидку. Он был уверен, что стрела воткнется точно в середину фанерного туловища, чуть пониже круглого сучка, который проглядывал сквозь краску.

Стрела ударила выше сучка, но это уже не расстроило и не обескуражило Володю.

Остальные семь стрел он выпустил спокойно, как на тренировке. И каждый раз олень уносил стрелу с собой. Только одна, последняя, улетела в кусты. Она прошла выше цели и отбила отросток оленьего рога. И хотя живому оленю такой выстрел не принес бы особого вреда, здесь, на турнире, это попадание все равно засчитывалось.

Юрка Земцов смазал по оленю четыре раза, и все теперь зависело от того, как станет стрелять Райка. Володя был уверен, что она ни одну стрелу не истратит зря. Значит, он проиграл. Мысль эта стала прочной, и Володя следил за Райкой без напрасного волнения.

Райка стреляла с красивой небрежностью. Она не растягивала лук до конца и бросала стрелы с «навесом», по дуге. Они ударяли не сильно, даже не всегда втыкались, но каждый выстрел был очень точным.

Все делалось быстро и одинаково: визг блоков, щелчок тетивы, удар наконечника о фанеру — короткий такой, негромкий стук.

И Володя вздрогнул, как бы очнувшись, когда после девятого выстрела не услышал этого стука.

«Что это? Мимо?»

Да, мимо...

Кашка сидел рядом с Володей, и на лице его было страдание! Он желал Райке всяческих бед и неудач. Чтобы лопнула тетива! Чтобы поскользнулась нога! Чтобы жгучая оса села ей во время выстрела на локоть!

Он не повторял теперь никаких заклятий, только отчаянными глазами провожал каждую стрелу. Словно мог взглядом отвести ее от мишени.

Он еще надеялся на чудо.

И когда наконец стрела свистнула мимо оленя, он привстал с травы и с тревожной радостью подался вперед. Чудо случилось! Вернее, полчуда. Все решала теперь последняя стрела.

А Райке словно было безразлично. Словно и не было промаха. Со спокойным лицом прицелилась она последний раз...

Стало тихо.

Кашка отвернулся. Не мог он на это смотреть. Хоть бы уж скорей стреляла!

По длинной упругой травинке ползла божья коровка.

Не красная, а желтая, будто капля меда с маковыми зернышками.

Кашка сложил пальцы для щелчка. «Если улетит — Райка промажет. Если свалится — Райка попадет», — загадал он. И щелкнул по травинке. Притворившись неживой, божья коровка, словно твердое семечко, свалилась на лист подорожника.

Щелк — сорвалась тетива. И Кашка зажмурился, готовый услышать противный стук стрелы о мишень.

Не было стука...

Гвалт болельщиков оглушил Кашку.

Вскочив, Кашка ликующими глазами смотрел на Володю. Но тот продолжал сидеть. Он сидел, и, кажется, не было на его лице радости.

Медленно подошла Райка.

— Ну, поздравляю, — сказала она. — Ох, устала я, даже голова болит.

— Разве не будем перестреливать? — недоуменно спросил Володя.

— Зачем? У тебя же девять очков. А у меня восемь...

— Ах да, — сказал Володя, морща лоб. И вдруг засмеялся: — Знаешь, Райка, я забыл, что первый раз тоже попал. Это случайно вышло, и я все время думал, что смазал...

Райка кивнула и отошла.

Подбегали ребята.

И тогда наконец Володя сделал то, что должен был сделать. Он сказал Кашке:

— А мы с тобой все-таки молодцы...

Кашка просиял.

Позже, когда уже утих шум поздравлений и все начали расходиться, Володя пошел к Райкиной палатке. Непонятное ощущение вины перед Райкой не давало ему покоя. словно одно очко досталось ему обманом. Он понимал, что это ерунда, но беспокойство не проходило. И чтобы прогнать его, он должен был найти сейчас Райку, поговорить с ней просто так, о разных пустяках, и увидеть, что у нее нет ни обиды, ни подозрения.

Но в палатке Райки не оказалось. Ее оруженосец — Светка — сидела с надутым лицом и взглянула на Володю косо. Ни о чем спрашивать ее он не стал.

Он увидел Райку сам, когда обогнул палатку и направился к лагерю. Райка стояла, прислонившись лбом к стене, и плечи ее вздрагивали.

Володя подошел и неловко тронул ее за локоть. Райка обернулась, и он отступил одновременно с досадой и облегчением.

Она не плакала, а смеялась.

На лбу ее темнели пятнышки смолы...

Призовой пирог Володя и Кашка едва попробовали: желающих угоститься набралась целая толпа.

Грамота, которую вручили Кашке, была очень красивая. Он долго рассматривал ее, когда остался один. Потом свернул в трубку и перевязал ниткой, которую выдернул из подола рубашки. Сбегал в лагерь и спрятал грамоту в тумбочке.

После этого вернулся Кашка к палаткам.

Палатки уже убирали, и Володи здесь не было.

Неужели все кончилось? Неужели праздник угас?

Нет, не все. Вечером был еще костер. И Кашка сидел совсем рядом с Володей. Сидел молча и смотрел на огонь. Лишь один раз спросил:

— Во-лодя... А еще будет турнир?

— Едва ли, — сказал Володя. — Слушай, ты не видел Юрку Земцова?

Глава седьмая

На лес, на лагерь наваливалась гроза. Сверху, прямо от зенита, набухшие дождями и тревогой, медленно падали тучи. Лиловые, беспросветные, в тонких и кривых проблесках молний. Их ватная масса заглушала гром, и были только молнии и тишина.

Все ждали первого грома и рассыпчатого удара тяжелых капель: одни для того, чтобы с хохотом выскочить под упругие струи, другие для того, чтобы вздохнуть с облегчением — шум ливня заглушает страх перед грозой.

Аллеи и площадки опустели, дачи притихли. В потемневших стеклах отражались молнии, а в траве змейками пробегали маленькие ветры.

Только три человека не укрылись от грозы. Вожатый Сережа был сегодня дежурным и проверял, все ли готово

к удару непогоды. Володя еще не успел зайти в дом: он возвращался из леса. Третьим был Кашка: он вынырнул из боковой аллеи и зашагал следом за Володи́ей, а потом догнал его.

— Во-лодя... А вот у индейцев тоже есть луки... Эти луки далеко стреляют?

— Что? Не знаю, — ответил Володя, не сбавляя шага. — Далеко, наверно... Конечно, далеко. Беги под крышу, сейчас такой дождь грянет.

Кашка остался на аллее. Он поднял голову и, кажется, только сейчас увидел, что делается в небе. Но на грозное движение туч он смотрел равнодушно и не двинулся с места.

Сережа стоял на крыльце под навесом. Он видел Володю и Кашку, слышал их разговор. Но вот Володя ушел, а Кашка остался, и вокруг него уже падали в песок тяжелые, как пули, капли.

Сережа прыгнул с крыльца.

— Пойдем. Ну что ты здесь стоишь? Это все равно зря.

Он привел Кашку под навес, и они стали смотреть, как нарастает дождь.

Грянул и радостно раскатился над лагерем гром: вздрогнули стекла и половицы. А Кашка не вздрогнул. Он спросил шепотом:

— А еще будет турнир?

— Нет, — сказал Сережа. — Неинтересно устраивать два одинаковых дела подряд... Да и при чем здесь турнир, Кашка?

Он положил руку на маленькое плечо бывшего оруженосца и хотел еще что-то сказать. Но из соседней дачи с хохотом выскочили мальчишки в трусиках и начали прыгать под дождем.

— Тебе так не хочется, — полувопросительно проговорил Сережа. — Да, Кашка?

— Не...

Кашка осторожно, но решительно освободил плечо и повернулся к двери. В ту же секунду дверь открылась, и на крыльцо выскочила Серафима.

— Господи, наконец-то! Опять ты, Голубев, где-то пропал! Мало мне еще забот...

— Мы тут с ним беседовали, — заступился Сережа.

— Ну, да! Он с самого утра пропадает! Все с тобой беседует?

Кашка боком скользнул в дверь.

— Он в последние дни все время куда-то исчезает, — пожаловалась Серафима. — Просто горе одно. Такой тихий, дисциплинированный мальчишка был, а теперь... Я его искать пошла, а тут гроза. Я этих гроз больше смерти боюсь.

— А вот они не боятся. — Сережа кивнул в сторону веселящихся мальчишек.

— Ну... сейчас дождь. При дожде уже не так страшно...

— Да, — сказал Сережа.

— Ты какой-то понурый, — сказала Серафима. — Надоело дежурить?

— Это само собой... Да нет, не то. Вот сейчас я смотрел... Понимаешь, есть два человека. И один ходит за другим прямо по следам. Смотрит на него преданными глазами. А тот, второй, ничего не хочет замечать. И обидно видеть, как он теряет верного друга. А сказать ничего не скажешь. Насильно дружбу не привьешь.

— Ну уж... не замечает, — выговорила Серафима и медленно покраснела. — Может быть, это просто... характер такой. Может быть, она... он... тоже...

«С ума сойти! — ахнул про себя Сергей. — О чем это она?»

«Волна» отшумела и улеглась. Турнирные заботы остались позади. Луки и стрелы были собраны в пионерскую комнату на выставку. Появлялись новые дела.

И только один человек, бывший оруженосец Кашка, грустил. Кашке был нужен Володя.

Неужели все может так быстро кончиться? Костры, палатки. Стрелы. Красный олень... «Мы с тобой все-таки молодцы...» Все было — и ничего нет...

То, что Кашка ходит за ним по пятам, Володя заметил только после разговора с Серафимой. Она спросила его:

— Слушай! Где, в конце концов, Кашка Голубев?

Серафима была всего на пять лет старше Володи, и он чувствовал себя с ней как равный.

— Опомнись, — сказал он. — Я-то при чем? Может быть, я нянька? После турнира я его и не видел.

— Не видел! — возмутилась Серафима. — Он за тобой как на буксире таскается! Что я, слепая, что ли!

— Не знаю, — вежливо сказал Володя. — И не помню, что встречал его в эти дни.

Но тут же вспомнил. Он действительно много раз встречал Кашку, и тот всегда о чем-нибудь спрашивал: «Володя... А если залезть на большую сосну, то на сколько ки-

лометров будет видно?», «Володя, можно, я спрошу? Что быстрее летит — стрела или ласточка?».

Володе казалось, что это случайные встречи, и он сразу забывал про них. Он ушел от Серафимы, а буквально через пять минут, когда отправился на волейбольную площадку, обнаружил, что Кашка тащится сзади.

— Стой, — строго сказал Володя. — Объясни, зачем ты ходишь за мной как тень? Чего ты от меня хочешь?

Кашка заморгал и сделал вид, что шел по своим делам.

— Только не ври, — сурово предупредил Володя.

Но Кашка соврал. Он отвел глаза и пробормотал, что идет качаться на качелях, которые рядом с волейбольной площадкой.

Тогда Володя растерялся. Что он мог сделать? Не мог же он запретить Кашке ходить где вздумается. Каждый человек сам выбирает себе дороги и ходит где хочет. Да, это так. Но что будет, когда все заметят, какой у Володи появился хвост? Смех будет по всему лагерю. А это штука скверная, когда все над тобой смеются и сделать ничего нельзя. Дурацкое такое положение.

— Мало тебе других дорог? — сердито сказал Володя. Но что еще сказать, не придумал.

А Кашка, глядя ему в лицо, спросил:

— Во-лодя. Раз турнир кончился, я уже не оружено-сец?

Потом Володя будет думать, что все началось с собачки. С того момента, когда появилась эта бурая зверюга. Ему будет казаться, что именно тогда он немного иначе взглянул на Кашку.

А на самом деле все началось раньше. Вот сейчас, когда, вдруг потеряв на секунду твердость, Володя не сказал Кашке «нет». Он только пробормотал:

— Иди ты на свои качели.

И Кашка пошел за ним следом.

Володя неплохо изучил окрестный лес и часто уходил в него, когда надоедала суэта в лагере. Лес был похож на тот, который окружал Белый Ключ. Те же усыпанные пятнами солнца и хвоей бугры, мшистые камни, скалы и родники. И озера с темной водой.

В лагерь Володя возвращался вовремя, и никто не замечал его дальних отлучек.

Володя привык, что никто не следит за ним. И когда он однажды услышал за собой осторожные шаги, вздрогнул от неожиданности. Но это был не шпион и не хищный зверь. Сзади шел Кашка.

Глаза их встретились. Кашка опустил на колено и стал подтягивать ремешок сандалии. Володя медленно подходил. Кашка теребил ремешок и ждал гнева на свою голову.

— Иди домой, — сдержанно сказал Володя. Ему не хотелось ничего выяснять и ругаться тоже не хотелось.

— Куда? — тихо спросил Кашка.

— В лагерь, — отчетливо сказал Володя.

— Но куда? — уже громче повторил Кашка и оглянулся. — Я же не помню.

И Володя понял, что Кашка крался по пятам и не запомнил обратную дорогу. Один он теперь очень легко может заблудиться: лагерь далеко.

— Олух ты. Ну что ты за мной, как намагниченный, таскаешься?

Кашка медленно встал. Он смотрел в сторону, и в уголках глаз у него росли слезинки.

— Ну и ходи теперь за мной весь день, — мрачно решил Володя. — А влетит тебе от Серафимы — сам виноват.

— Может, не влетит, — шепотом сказал Кашка и улыбнулся. — Во-лодя... А мы будем ходить весь день, да?

И тогда Володя подумал: «Пусть. Ведь не мешает».

Они пошли молча. Володя хотел срезать тросточку. Нужна была невысокая, тонкая и с прямой верхушкой сосенка. Такие растут в чаще молодняка.

— Подожди, а то исцарапаешься, — предупредил Володя и нырнул в колючие ветки. Через минуту он выбрался с метровой верхушкой маленькой сосны.

— Пойдем... Хорошая будет палочка.

— Хорошая, — согласился Кашка.

Они шли через солнечный лес, постепенно сворачивая к лагерю, и Кашка смотрел, как ловко Володя срезает на ходу ветки с будущей тросточки. Нож у Володи был маленький, перочинный, но почему-то вспомнились Кашке шумливые кусты у насыпи, пенек, под которым жил Шишан, и Костя, вырезающий Альпиниста.

И вдруг испугался Кашка: а где Альпинист? Не потерялся ли? Кашка схватился за карман. Альпинист, конечно, был там. Облегченно передохнув, Кашка вытащил его: пусть поглядит на свет.

Володя ненадолго оставил свою работу.

— Кашка, откуда этот человечек? Забавный... Ты его сам вырезал?

— Не, не сам. Это Костин... — Кашка подумал и объяснил: — Костя на Памире. Он изучает ледники.

Володя осторожно спросил:

— Он твой брат?

— Он мой друг, — с неожиданной резкостью сказал Кашка. И впервые взглянул на Володю как равный. Даже с вызовом.

Так уж получилось. Вырвались эти слова, и будто сам Костя встал рядом. Да, он был друг. Никто-никто на свете не мог сказать, что Кашка соврал. И Володя, конечно, не мог. Он только подумал, что это очень странно: откуда у Кашки такие друзья?

— Покажи.

Кашка положил Альпиниста ему в ладонь. Деревянный путешественник был легонький, как спичка. Сейчас Володя разглядел, что вырезан Альпинист очень аккуратно и точно. Были заметны даже пряжки на лямках рюкзака и рубчики на толстых подошвах ботинок. Маленький покоритель вершин улыбался весело и беззаботно. Однако, приглядевшись, Володя увидел на крошечном коричневом лбу и у рта ниточки-морщинки.

— Ты с ним играешь? — спросил Володя.

— Ага... иногда, — признался Кашка. Он опять притих и сделался прежним малышом-оруженосцем.

— Это хороший путешественник, — серьезно сказал Володя. — С ним хорошо играть. Он может плавать, ходить по лесам, по пустыням, подниматься на вершины...

— Он поднимался, — осторожно вставил Кашка, и в голосе его была боязнь: может быть, Володя смеется?

Но Володя не любил насмешек и редко насмехался сам. Пусть Кашка видит, что он, Володя, хоть и большой, но тоже понимает игры и тайны.

— Можно еще сделать его парашютистом, — сказал он. — С воздуха можно забрасывать его в самые неведомые земли.

— Как парашютистом?

— Да очень просто. Нужен только платок и нитки для парашюта.

Кашка нерешительно вертел в пальцах Альпиниста.

— Во-лодя... А он не потеряется?

— Куда он денется? За дерево не зацепится, можно на поляне запускать.

— Платка все равно нет, — сказал Кашка и оттянул пустой кармашек. — И ниток нет.

— Платка нет; это понятно, — снисходительно согласился Володя. — Но ниток... Как же ты живешь без ниток? А если что оторвется, чем пришьешь?

— У Серафимы есть. Она пришивает.

— У Серафимы вас — целая птицеферма. Есть ей время возиться... Вон у тебя лямка сколько дней уже оторвана. Так и таскаешь. Никто пришить не может...

Они вышли на лужайку, опоясанную кольцом березовой поросли. Лужайка была ровная, с низенькой одинаковой травой, как на стадионе. Только с одного края, у самой тропинки, приподнялся из-под земли серый плоский камень.

Место для испытаний парашюта было отличное.

Володя вынул платок, до сих пор лежавший в кармане без всякого употребления. Платок был слегка помятый и запылившийся на сгибах, но для парашюта вполне годился. Потом Володя вытащил из воротника иголку с намотанной черной ниткой. Кашка следил за ним с радостным интересом.

— Сейчас попробуем, — сказал Володя. — Только сначала лямку тебе пришью. А то ходишь обормотом.

— Лучше ее совсем оборвать, — рассудительно заметил Кашка. — Я пробовал, да она крепко держится. Давай ножикомотрежем.

— Давай отрежем обе, — сказал Володя. — И ходи вообще без штанов... Ну-ка, повернись. И не дергайся, а то иголка воткнется.

Он говорил с сердитым удовольствием и про себя удивлялся. Неужели это и вправду может быть приятно? Командовать вот таким мальком, зная, что он тебе послушен, пришивать ему лямки и делать парашюты... Ерунда какая-то... И смех... Вот бы кто-нибудь из ребят появился здесь и увидел, как победитель турнира стоит позади Кашки на коленях и чинит ему штаны!

Лагерь недалеко, и черт может занести кого-нибудь сюда.

И занес.

Крадучись, выбрался на лужайку Генка Молоканов.

...Молоканов был попрошайка и жадина. Это — самое главное, чем он отличался от других. Правда, жадность у него была не на все вещи, а только на мелочи: на разные самоделки, патронные гильзы, стеклянные пузырьки, знач-

ки, полавки и прочую дребедень. Он их выпрашивал. Даже не менялся никогда, а только выпрашивал. Если меняться, значит, надо что-то отдавать, а это было для Генки горькой мукой.

А выпрашивать он умел, наверно, лучше всех на земном шаре. В голове у него появлялась такая жалобность и такая убедительность, что камни могли растаять, как мороженое в июльский полдень. «Ну, послушай, — негромко и проникновенно говорил Молоканов, — тебе эта штука все равно ни к чему. Ну, поиграешь и выбросишь. Или потеряешь. Или надоест она. Понимаешь, она для тебя — пустяк, а для меня очень важная... Ну дай, а? Ну правда, дай... Я тебе такое спасибо скажу...»

«А на фиг мне твое спасибо?» — спрашивал лишенный чувствительности собеседник.

Генка широко раскрывал голубые, как незабудки, глаза и кротко отвечал: «Не знаю... Но ведь эта штука тебе тоже ни за чем. А мне для пользы».

«Для какой пользы?»

«Для коллекции».

Когда Молоканову начинали объяснять, что не бывает коллекций, где вместе собраны жестяные свистки, огрызки цветных карандашей, куклы из еловых шишек и разные пуговицы, Генка тихо говорил: «Ну и что? А у меня бывает».

И человек сдавался. «Пусть, — думал он. — Мне эта вещь и в самом деле не очень нужна, а он вон как из-за нее убивается...»

И если попадался мальчишка с сердцем тверже камня, он все равно отступал. Потому что другим путем отвязаться от Генки было нельзя. Даже колотили его, но без всякого толку.

Правда, иногда, чтобы досадить Генке, кто-нибудь говорил: «Даром не отдам. Давай меняться на компот. На три стакана». И Молоканов погружался в тягостное раздумье. Компот он любил почти так же, как свою коллекцию, и расставался с ним крайне мучительно. Глядя на его страдания, ребята давились от смеха. Однако скоро было решено: на компот не меняться. Дело в том, что, отдав свою порцию, Генка тут же принимался выпрашивать у других и таким образом добывал два или три стакана.

...Вот такой человек и появился на лужайке, где Володя заканчивал ремонт Кашкиных штанов.

От неожиданности Володя загнал иглу в указательный

палец, тихо взвыл и вскочил. Но Молоканов почти не обратил ни на него, ни на Кашку внимания. Глазами хищника он неотрывно смотрел на Альпиниста, который лежал на развернутом платке. Нежным голосом Генка сказал:

— Это чей такой, а?

— Тебе чего надо? — невежливо спросил Володя. — Мало тебе места в лесу? Зачем притащился?

— Я голоса услышал и заглянул...

— Заглянул, а теперь мотай обратно, — посоветовал Володя.

Молоканов, однако, не спешил.

— А чья это куколка?

— Не твоя. Сам ты куколка, — сказал Володя и незаметно оторвал нитку с иголкой от Кашкиных штанов.

— Это мой, — почував свободу, заявил Кашка. Поднял Альпиниста и стал заворачивать в платок.

Генка понял, что надо спешить.

— Дай, а? — жалобно начал он.

Кашка оглянулся на Володю и бесстрашно сказал:

— Иди отсюда. Скоро лопнешь от жадности.

Надо заметить, что Молоканов был невысок и толст. Когда на это намекали, он обижался. Но сейчас он подавил обиду ради добычи.

— Дай, а? — повторил он.

— Пошел вон, — неумолимым ровным голосом произнес Володя, и Генка понял, что хорошая деревянная куколка, такая нужная для коллекции, потеряна навсегда.

Оставалось только одно — отомстить. И, отпрыгнув подалеже, Молоканов противно проблеял:

— Жилы! Жадюги! Бэ-э!

А потом так же отвратительно спел:

Есть у Вовочки дружок —
От горшка один вершок!
Вова ходит с ним как нянька —
Это очень хорошо!

Несмотря на полноту, бегал Молоканов, как заяц. Володя так и не настиг его, только загнал в жесткий низкорослый ельник. С полминуты он стоял и с удовольствием слушал, как жалобно кряхтит среди колючих веток несчастный попрошайка. Кряхтит, а выйти боится.

Потом Володя зашагал обратно. Он шел и со злостью думал, что глупый Молоканов не сам сочинил эту дразнилку. Значит, она известна не одному Генке. Может быть, ее все уже знают. Наслушаешься теперь!

А все из-за этого тихони-оруженосца.

Нет, пора прекращать такую волынку. Надо подойти и сказать сразу: «Вот что, друг, игрушки кончились. Турниров больше не будет. У меня свои дела, у тебя свое безделье. Топай своей дорогой. Привет».

А то в самом деле в няньки запишут.

С этой мыслью, решительный и злой, вернулся Володя на поляну. Кашка сидел у камня и ждал. Он почуял неладное и обеспокоенно стал подниматься навстречу.

— Слушай, ты... — начал Володя.

И в ту же секунду увидел собаку.

Это был грязно-бурый, с черными пятнами, зверь. Он с коротким рычанием прыгнул из кустов и через поляну скачками бросился к ребятам. Володя знал, что большие псы умнее и добродушнее мелких шавок. Они не нападают зря. Но в этой собаке была злость и тупость. Володя успел заметить желтые зубы под вздернутой слюнявой губой. Нет, собака не собиралась шутить. Видимо, был это сторожевой свирепый пес, ничему не обученный и одичавший на цепи. Теперь каким-то путем он обрел свободу и, наверно, решил мстить людям.

Все эти мысли промелькнули мгновенно. И последняя была об оруженосце.

— Беги, Кашка! — крикнул Володя, не отрывая глаз от скачущего пса и отводя назад руку с сосновой тросточкой, чтобы встретить зверя хлестким ударом по морде. Ударить, когда он прыгнет! Изю всех сил!

А может быть, он — волк?

Володя подумал об этом, когда пес был в пяти скачках. А когда он сделал еще скачок, на поляну вышел его хозяин.

Лесник, или охотник, или просто местный житель. В форменной фуражке и кителе, похожем на железнодорожный.

— Рекс! — негромко крикнул он.

Бурый зверь с размаху остановился и присел, будто его ухватила за хвост крепкая рука.

— Назад! — сказал хозяин собаки металлическим голосом.

И громадный пес, прижав маленькие уши, побрел назад. На полпути он по-щенячьи лег на брюхо и пополз к человеку, словно просил прощения.

— Не бойтесь, — с короткой усмешкой сказал тот. Повернулся и сразу исчез в кустах. За ним скользнул в березняк понурый Рекс. А у Володи сразу ослабли руки, и

сосновая тросточка показалась тяжелой, как железный лом. Пришел противный, тягучий страх.

— У, зверюга, — пробормотал Володя. Он медленно повернулся, чтобы уйти и позабыть про свой страх и слабость. Но не ушел. Он увидел Кашку.

Кашка никуда не убегал. Он стоял в двух шагах, прочно расставив ноги, и держал наперевес кривую березовую палицу. Глаза у него стали совершенно круглые от отчаянного ужаса или от такой же отчаянной решимости, а рот был приоткрыт, словно Кашка хотел сказать «мама» и остановился на полуслове. Видимо, он еще не понял, что опасность ушла. Несколько секунд Володя смотрел на него с изумлением. Потом сказал:

— Все. Отбой.

Кашка уронил свое оружие. Он хотел улыбнуться, но только сморщился, как котенок, собравшийся чихнуть. И вдруг заплакал. Сначала несильно, а потом безудержными крупными слезами.

— Ты что? — Володя растерялся. — Кашка, слышишь... Ну перестань.

Кашка попробовал перестать и не сумел. Володя замолчал. Что тут делать? Успокаивать плачущих — нелегкое умение.

— Ну, хватит воду лить, — наконец проговорил он. — Слышишь? Кашка... Перестань выть!

Кашка послушно кивнул и всхлипнул еще несколько раз. Потом виновато улыбнулся щербатой своей улыбкой и сказал, глядя в сторону:

— Я их, проклятых, боюсь... Я когда маленький был, меня собака укусила. Вот... — Он повернулся и показал сзади под коленкой несколько белых бугорочков — следы зубов.

— Ладно уж, — с неумелой ласковостью сказал Володя. — Все уж прошло ведь... Да, а ты почему не убежал? Я тебе крикнул: беги! Ну?

Кашка поднял еще залитые слезами глаза. И тихонько спросил:

— А ты?

— Ну, я... Что — я? От собаки нельзя бегать. Я-то знаю про это. А ты? Ты ведь мог убежать, раз я остался.

— Да, остался... — прошептал Кашка. — Она вон какая. Как волк. А ты с такой палочкой остался. С тоненькой...

Они разом взглянули на Володину тросточку и разом перевели глаза на кривую Кашкину дубинку.

И что-то словно сдвинулось в душе у Володи. Растая-

ла вся его твердость. Захотелось вдруг сделать совершенно непонятное: взять за узенькие плечи этого сероглазого пацаненка, притянуть поближе и сказать: «Эх ты, Кашка, Кашка. Оруженосец...»

Конечно, ничего такого Володя не сделал. Не умел он так. Девчонки это умеют, а он не может. Только взял он Кашку за руку и сказал:

— Идем... А собака-то трусливая. Хозяин крикнул, а она сразу на пузо...

Кашкины глаза просыхали. Он взглянул на Володю серьезно, почти строго. И ответил:

— Он плохой человек. Хороших людей собаки так не боятся. Он, наверно, ее бьет.

— Да? Да, пожалуй... — согласился Володя. — А ты... ты ничего человек, Кашка.

Это все, что он сумел сказать верному оруженосцу. Не всегда нужно много слов. Кашке хватило и этих. Радость запела в нем, как серебряная труба. Но чтобы хоть немного походить на сдержанного Володю, Кашка радость спрятал и проговорил:

— Жалко. Сейчас уж, наверно, на обед пора. Так и не доделал ты тросточку.

— Подумаешь, беда, — отмахнулся Володя. — Завтра доделаем.

— Что? — изумленно спросил Кашка.

— Завтра доделаем, — повторил Володя. — А что?

Он сказал не «доделаю», а «доделаем»!

ДО-ДЕ-ЛА-ЕМ!

Глава восьмая

Кашка был счастлив полностью. До конца. Больше он ничего не хотел. Он шел с Володей. Шел на ту лужайку, где вчера повстречали страшную собаку и где камень. Там они будут разводить костер. Вдвоем. Кашка шагал не сзади, а рядом. Володя сам зашел за ним и небрежно сказал Серафиме:

— Мы с Кашкой погуляем. Не бойся, он со мной будет.

И вот они идут. Володя сказал, что хочет обжечь в костре тросточку. Вчера вечером он вырезал на ее коре шахматные кубики, полосы, треугольники, кольца. На ог-

не вся тросточка потемнеет, а потом Володя снимет кору, и на обуглившемся дереве останутся белые узоры...

День был прохладный. Солнце лишь изредка проглядывало в разрывы облаков. Кашка отправился в путь в одной рубашонке и поеживался. Но он был рад: когда холодно, еще приятней сидеть у костра.

В лесу ветер стал слабее, и, когда пришли к поляне, Кашка почти согрелся.

Набрали сухих веток и сложили у камня.

— Кашка, ты про костер помалкивай, а то будет нам нахлобучка, — предупредил Володя.

— Я помалк... помолк... буду помалкивать. А у тебя есть спички?

— У меня стекло есть. От бинокля. Надо только солнца дожидаться. Вот смотри...

В Кашкину ладонь круглой льдинкой скользнуло выпуклое стеклышко. Кашка бережно взял его за края и навел себе на локоть, чтобы в увеличенном виде рассмотреть одну из царапин. Солнце выпрыгнуло из-за облака и кольнуло кожу огненной точкой. Кашка ойкнул, уронил линзу и засмеялся.

— Ага! — сказал Володя — Ты не шути. Это солнечная энергия.

— И костер загорится?

— Как миленький. Сбегай к соснам, принеси сухих иголок. Они как порох.

Кашка, подпрыгивая, бросился за растопкой. Он бежал, а в голове плясали прискакавшие откуда-то коротенькие строчки:

Я веток найду,
Я костер разведу!
Я иголок найду,
Я костер разведу!

«Костер как живой...» — вспомнил он и вдруг понял, что все эти строчки соединяются в стихи!

Кашка пошел не спеша. С самого начала повторил все, что сочинилось. Получилось здорово, только нужно было придумать немножко не так. Вот как надо:

Я веток найду, я иголок найду,
На нашей поляне костер разведу,
Костер как живой...

Нет, еще немножко не так.

«Я веток сухих и иголок найду...» Потому что для костров нужны только сухие ветки.

Но тут Кашке стало жаль стеклышка, для которого не осталось места в стихах. Он попробовал вставить его вместо поляны. Сначала слова не хотели укладываться в строчку, а потом вдруг легли, и Кашка даже подскочил от радости.

Я веток сухих и иголок найду,
Стеклом от бинокля огонь разведу,
Костер как живой...

Когда Кашка с пригоршней сухой сосновой хвои примчался к Володе, рядом с ним он увидел Райку.

Райка и Володя беседовали. Кашке это не понравилось. Хотел он быть вдвоем с Володей. Только с ним, чтобы никто-никто не мешал. И зачем Райка сюда притащилась? Да и разговор был какой-то пустой.

— Такой холод сегодня, — говорила Райка. — Просто дрожь берет.

— Угу, — откликнулся Володя.

— Ты наших девчонок не видел?

— Нет, не встречал, — сказал Володя, склоняясь над сучьями для костра.

— Хотела в волейбол поразмяться, а на площадке нет никого.

— Бродят где-нибудь, — заметил Володя и переломил о колено толстую ветку. — А, Кашка! Давай сюда, сыпь. Как раз солнце.

— Здравствуй, Кашка! — почему-то обрадовалась Райка.

— Здравствуй, — сумрачно сказал он и занялся костром.

— Просто удивительно, как он вырос, твой оруженосец, — обратилась Райка к Володе. — Когда в лагерь приехали, он гораздо меньше был. А сейчас какой-то вытянутый стал. Или мне кажется.

— Кажется, — сказал Володя. — За две недели нельзя заметно вырасти.

«Правильно», — подумал Кашка.

Райка еще постояла рядом, потом нерешительно проговорила:

— Пойду поищу наших.

— Только про костер не рассказывай, — предупредил Володя.

Райка ушла.

— Она хотела, чтобы мы позвали ее с нами сидеть, — сказал Кашка и нахмурился.

— Да брось ты, — возразил Володя. — Очень ей надо с нами сидеть. Она девчонок ищет.

Он взял стекло и послал на иголки солнечный колющий лучик. От яркой точки вырос и разбежался огонек. Лизнул ветки.

Через минуту, когда костер уже победно стрелял искрами и кружил пламя, Кашка спросил:

— Это ведь не в последний раз, да? Мы потом ведь еще можем разжечь?

— Хоть каждый день... Ты, Кашка, садись. Садись рядом.

И Кашка сел. Он сел так, что плечом чувствовал Володин локоть.

— Я стихи придумал, — вдруг сказал Кашка. — Про костер. — Он смотрел в неяркое дневное пламя и напряженно ждал, что скажет Володя. Волны теплого воздуха перекачивались через ноги, а спине было холодно. Поэтому Кашка немного вздрагивал.

— Стихи? — переспросил Володя. — Сам придумал?

— Ага...

— Надо же... Я один раз пробовал стихи сочинить... Для одной девчонки. Ну, ничего не получилось. А у тебя получилось?

— Ага, — снова сказал Кашка.

— Почитай, а?

Нет, Кашка не мог так сразу. Неловко было и страшно.

— Я не умею. Я лучше напишу и отдам. Тебе... Ладно?

— Ну ладно. Только не забудь...

«...Только не забудь», — сказал Володя и вдруг понял, что ему в самом деле интересно, какие стихи получились у Кашки. И приятно, что Кашка сказал ему об этих стихах. И еще он с удивлением почувствовал, что плевать ему на любые насмешки насчет нянек и всякой ерунды. То есть не совсем плевать. Кто будет дразниться, тот получит. Но Кашку от себя Володя прогонять не станет и бегать от него не будет.

И вот еще что странно: никогда никому Володя не рассказывал, что однажды пытался сочинить стихи для Надежды, а Кашке сказал об этом сразу, спокойно и доверчиво...

— Ты не забудь написать,— повторил он.— Я твои стихи домой увезу. На память...

«Домой увезу», — сказал он, и Кашку вдруг кольнуло предчувствие близкой беды. Именно беды.

Ведь совсем скоро придет день, когда Володя уедет в город. А Кашка — в Камшал. В разные стороны.

В разные стороны...

Он до сих пор не думал об этом. Но сейчас начал думать и понял, что уже никак не прогнать это ожидание близкого печального отъезда. Никак. Потому что все равно придет этот день. Дни идут быстро.

Ну почему, почему он и Володя живут так далеко друг от друга?

— Во-лодя... — встревоженно начал Кашка. — Знаешь что, Володя? Я придумал. Поедем к нам в гости. Когда лагерь кончится.

Он только сейчас это придумал. Сию минуту. Но это был выход. Если Володя поедет, ему, может быть, понравится в Камшале. И тогда, может быть, он захочет приехать еще раз. И еще. А ему понравится! Там они каждый день будут жечь большие костры...

Володя вынул из огня обожженную тросточку. Она дымилась, и по обугленной коре бегали искры.

— Ну, Кашка... — неуверенно сказал Володя. — Ты и придумал... Тебе, наверно, дома влетит. Скажут, кого это ты притащил...

— Не! Не скажут!

— И мне влетит. Все домой приедут, а меня нет. Знаешь, какой переполох будет!

— А ты письмо напиши. Если напишешь, тоже влетит? — упавшим голосом спросил Кашка.

— Если напишу? Нет, тогда не влетит... Ну, я не знаю. Там видно будет, ладно, Кашка?

— Ладно... А что видно?

— Мало ли что. До конца смены еще вон сколько дней. Вдруг что-нибудь случится! Или ты раздумаешь. Или еще что-нибудь.

— Не раздумаю, — с отчаянной твердостью сказал Кашка. — Володя! А если не случится? И если не что-нибудь? Тогда поедешь?

— Ну, посмотрим... Камшал отсюда сколько километров? Сорок? Сорок — это недалеко, ладно... Ты садись как следует. Возьми куртку, а то у тебя зубы стучат.

— Тепло, — лениво сказал Кашка, чувствуя громадное облегчение и усталость от прошедшей тревоги.

— Ногам тепло, а спине холодно. Дай накрою...

Куртка пахла смолой и березовым дымом.

Володя ножиком снимал с палки остатки коры. Черные кубики и треугольники сыпались Кашке на колени. Свежая белизна узора ярко выделялась на дереве, потемневшем от огня.

Глава девятая

Ночью Кашка писал письмо. Попросил у Вальки — Обезьяньего Царя — фонарик, укрылся с головой и выводил в тетрадке крупные буквы:

«Здрастуй мама. Я живу здесь хорошо. Мама у меня есть друк. Ево зовут Валодя. Мама можно Валодя приедет вгости мы будем вместе гулять и за ягодами. Мама я живу хорошо патамушто Володя. Я сочинил стихи...»

После стихов писать было нечего. Кашка с облегчением вздохнул и поставил такую точку, что проколол бумагу.

Но тут он вспомнил, что обещал подарить стихи Володе. Что же, писать еще раз? Столько слов! Таких длинных! Сочинить все это было, пожалуй, легче, чем написать...

Кашка подумал и аккуратно оторвал половинку письма со стихами. Маме он их и так расскажет, когда приедет. А это — Володе...

А утром, когда позавтракали, Кашка исчез.

Серафима ходила по лагерю и тихо рычала от злости. Больше всего она не любила, когда кто-нибудь из малышей пропадал из виду...

— Пусть уж лучше на головах пляшут, только чтобы у меня на глазах, — часто повторяла она.

Кашка никогда не дрался и на голове не плясал. Это было просто чудесно. Правда, в последнее время начал он где-то пропадать, но потом выяснилось, что он уходит с Володей, и Серафима успокоилась.

Однако сегодня он исчез один. Володю Серафима увидела на веранде первой дачи, а Кашки там не было.

— Слушай, где твой оруженосец? — раздраженно заговорила Серафима. — Целый час бегаю по лагерю, высунув

язык. Не могу найти ни его, ни тебя. У меня по плану разучивание песни, а твой Голубев...

— Не говори так много слов, — сквозь зубы отозвался Володя. Он сидел на перилах веранды и зашивал покрывку волейбольного мяча. Иголлка не хотела втыкаться в толстый панцирь и втыкалась в пальцы.

— Где Кашка? — повторила Серафима.

— Что я, на цепи его держу? У-ых... ф-ф-ф... — Он сунул в рот палец и с ненавистью уставился на иголку. Нитка выскочила из ушка.

— Дьявол тебя проглотит! — в сердцах сказал Володя.

— Меня? — возмутилась Серафима.

«Тебя — само собой», — подумал Володя, но вслух попросил:

— Вдерни мне нитку... пожалуйста.

— Ну тебя с ниткой!

Она пустилась дальше на поиски.

Конечно, Серафима не догадывалась, что и Володю встревожило исчезновение Кашки. Он проводил вожатую глазами и прыгнул в траву, проклиная бестолкового оруженосца, Серафиму, мячи, нитки, иголки и белый свет. Исколотый палец болел зверски. Покрывку Володя забросил в угол, а иголку забыл на перилах (потом на нее сядет Генка Молоканов, но это не входит в наш рассказ).

Кашку Серафима увидела неожиданно. Его и Мишку Зыкова вела навстречу Тося Крючкова. Она двигалась с суровым видом и держала мальчишек за воротники. Кашка шел покорно, только сопел, а Зыков лягал Тосю босыми пятками, возмущенно вскрикивал и хотел вырваться. Старался он зря: Тося была самой большой девчонкой в лагере. Посильнее многих мальчишек из первого отряда. Ростом с Серафиму.

— Получай, Сима, своих гавриков, — хриплым басом сказала Тося. — Дрались, понимаешь, в кустах, аж сучья трещали. Еле расцепила. Особенно вот этот. — Она трянула Кашку. Голова у Кашки мотнулась.

— Спасибо, — вздохнула Серафима. — Ты их, Тося, пусти. Не сбегут сейчас... Ну, что скажете?

Кашка ничего говорить не собирался. Зато у Мишки слова рванулись, как барабанная дробь. Частые, горячие, убедительные:

— Серафима Павловна! Он как бешеный! Мы сидим, а он — раз! Мы сидим с Валькой, разговариваем, а он —

трах! На меня! Как сумасшедший! Ни за что! Мы про него даже не говорили, сидим с Валькой на полянке у кустика, а он как выскочит! Трах по спине! Я думал, он играет, а он опять — раз! Изо всей силы, только мимо...

Столпившиеся вокруг свидетели подтвердили, что так и было. Кашка будто зверь набросился на невиноватого Зыкова.

— Я его отпихну, а он опять лезет. Я ему раз — прием. А он опять лезет! Он же драться не умеет, а сам лезет! — Честные Мишкины глаза смотрели без обиды и злости, было в них только удивление и жажда справедливости.

— Ладно, идите все, не мешайте, — решила Серафима. — Мы тут с ним разберемся. Идите, идите...

Зрители и свидетели нехотя разбрелись. Мишка отошел на три шага и нерешительно затоптался. Не знал, относятся ли слова Серафимы и к нему.

Серафима приступила к допросу:

— В чем дело, Голубев?

Кашка повертел головой так, будто легонький воротник рубашки натирал ему шею. И промолчал, конечно.

— Ну?

Кашка проглотил слюну и стал разглядывать землю.

— Будешь ты говорить, в конце концов? — сдерживаясь, спросила Серафима. — Что у вас случилось? Ты первый начал драку? Сам?

— Сам, — тихонько сказал Кашка.

Ну и ну! И это тихий, послушный Кашка Голубев, с которым не было ни забот, ни беспокойства!

— В чем же дело? — почти жалобно проговорила Серафима. — Была какая-нибудь причина?

Кашка подумал и нерешительно ответил:

— Была...

— Какая?!

Кашка прочно смотрел в землю.

— Может, он заболевший? — участливо спросил Мишка. Он был вполне доволен честными Кашкиными ответами и теперь уже сочувствовал ему.

Но Кашка не оценил такого благородства. Мрачно покосился на Зыкова.

— Ты сам заболевший...

Вот так и стояли они на широкой аллее, на самом солнцепеке, и вели какой-то бесполезный разговор. И это наконец совсем разозлило Серафиму. Она опять взялась за Кашку:

— Клещами я из тебя слова тянуть буду? Или говори сейчас же, или... — Что «или», она еще не придумала и сбилась. — Или... Встань, пожалуйста, как следует, когда с тобой говорят! Разболтались совсем... Что ты за живот держишься? Стукнул он тебя, что ли, по животу?

— Не стучал я! — возмущенно откликнулся Мишка.

— Не, не стукнул, — подтвердил Кашка.

Серафима редко брала своих малышей «в обработку», но сейчас решила не отступать.

— Опусты руки и подними голову, — деревянным голосом сказала она.

Кашка шевельнул руками, но совсем их не опустил и продолжал прижимать к животу локоть. Серафима сжала губы, решительно взяла Кашку за ладони и вытянула его руки по швам.

Тогда раздался тихий шелест, и из коротеньких Кашкиных штанин посыпались мятые конверты. Кашка подпрыгнул и уставился на них с таким испугом, словно это было что-то кусачее и ядовитое.

— Так... — тихо сказала Серафима. — А это что такое?

Но Кашка снова молчал, и опять вмешался его противник:

— Это письма. Он на почту, наверно, бегал. Да, Кашка?

— Да? — сурово спросила Серафима.

— Ага... — выдохнул Кашка.

— А кто тебе разрешил?

Никто ему не разрешал, зачем зря спрашивать. Просто не терпелось Кашке отправить свое письмо. Ведь до конца смены не так уж много дней осталось, а Кашке надо было дожидаться из дома ответа. Ну просто обязательно надо! А вдруг не успеет ответ? Эта мысль грызла Кашку с вечера, а утром беспокойство сделалось сильнее всяких страхов. Он скользнул из столовой и пустился в путь.

До деревни, где почта, всего-то два километра. И дорога прямая, не заблудишься. Кашка то шагом, то вприпрыжку двигался через лес. В одной руке письмо, в другой — березовая ветка и четыре копейки. И никого он не встретил на пути. Только на краю деревни хотели атаковать Кашку жирные нахальные гуси. Они выстроились поперек дороги шеренгой и выжидательно поглядывали на голые Кашкины ноги.

Гуси, они и есть гуси. Дурни... Кашка не спеша подошел поближе, рванулся вперед и на всем скаку врезался в белогусиный строй. Ветка будто сабля!

Он уже подлетал к почте, а сзади, вдалеке, все не смолкало бестолковое гусиное гоготанье.

На почте, в тесовой комнатенке, скучала за окошечком девушка, немного похожая на Серафиму. Тоже веснушчатая и светлая. Увидела Кашку и оживилась:

— Тебе что нужно, молодой человек?

«Молодой человек» протянул копейки.

— Конверт...

Девушка взяла деньги.

— Ага... А знаешь, ничего не выйдет. Денег-то мало. Это одна марка четыре копейки стоит, а конверт с маркой — пять.

Вот этого Кашка никак не ждал!

И такое, наверно, несчастное сделалось у него лицо, что девушка засмеялась и сказала:

— Ладно. Хочешь заработать конверт? На, получай. А за это отнесешь в лагерь письма. Тут восемь штук... Ты ведь из лагеря?

Кашка осторожно признался, что да, из лагеря. Он минут пять еще трудился над адресом, потом отдал девушке заклеенный конверт, получил письма и выпрыгнул на крыльцо.

— Не потеряй! — услышал он вслед.

— Не!

Он не потеряет! Все будет хорошо! Отлично все получилось! И лишь недалеко от лагеря с размаху остановила его тревожная мысль: а как же он отдаст письма? Ведь тогда узнают, что он бежал без спросу на почту.

Кашка растерянно затоптался в травянистой колее. Просто хоть обратно носи эти письма. Но ведь не понесешь же, в самом деле. И тут пришло счастливое решение: «Отдам Володе. Он что-нибудь придумает».

Кашка спрятал конверты под рубашку и двинулся к лагерной калитке.

Он был уже у отрядной дачи, и уже наперебой говорили ему, что Серафима ходит злая и разыскивает его. И он уже успел испугаться и расстроиться, потому что Серафимы боялся, а Володю не нашел. И вдруг в одну секунду позабылись испуг и тревога. Кашка услышал Мишкины слова. Мишка сидел среди кустиков и беседовал с Обезьяньим Царем. И они говорили такое!.. В общем, Кашка замер сперва, а потом в нем что-то сорвалось.

И он ринулся в битву так же стремительно и без оглядки, как недавно врубался в гусиные ряды...

— Кто тебе разрешил? — повторила Серафима. — Кто позволил без спроса уходить из лагеря? Знаешь, что за это бывает?

Кашка точно не знал. Наверно, что-то жуткое. Неужели исключат? А вдруг правда отправят сейчас домой? И не поедет к нему Володя...

Страшная беда, неминуемая, нависла над Кашкой. И казалось, не было спасения.

Но оно было. Оно пришло. Появился Володя.

Он тоже смотрел на Кашку не очень-то ласково. Но смотрел внимательно и увидел то, что Серафима не заметила сгоряча.

— Подожди, — хмуро сказал он Серафиме. — Не видишь, он весь в крови?

Конечно, Кашка не весь был в крови. Просто рука у него оказалась расцарапанной выше локтя. Кровь ползла медленными струйками.

— Покажи, — велел Володя. — Дрался, что ли?

— Это он сам о ветки расцарапался, честное октябринское, — жалобно заговорил Мишка Зыков. — Я его даже не стукнул ни разу.

Серафима поморщилась:

— Еще не легче! Теперь в медпункт его тащить. Бинты, йод, писк...

— Какой там писк, — сказал Володя. — Кашка, иди к Райке. У девчонок есть бинт. Да скажи, чтоб промыли. Ну, бегом, чего стоишь?

Кашка моргнул, приоткрыл рот, словно спросить хотел что-то. И сорвался с места.

Серафима растерянно посмотрела вслед. Потом запоздало возмутилась:

— Ты, Новоселов, собственно говоря, что распоряжаешься?

— Тебя пожалел, — усмехнулся Володя. — Сама же говоришь, что боишься писка.

— Не лагерь, а орда, — печально сказала Серафима. — Ну ладно. Я с вами еще разберусь.

— Разбирайся со мной, — серьезно попросил Володя. — А с Кашкой я разберусь сам.

— Великолечно! — Серафима подбоченилась и наклонила набок голову. — Может быть, теперь ты вожатый, а не я? Может быть, ты за мой отряд отвечаешь? Или я все-таки?

— Ну, ты... — мрачно согласился Володя. — А если ты... Если ты отвечаешь, то отвечай как надо, а не хватай сразу

человека за шиворот! Ты знаешь, зачем он бежал на почту? Ничего не знаешь. А сразу ругаешься! А может быть, он какое-то важное письмо ждет! — Володя почувствовал, что нашел слова, с которыми трудно спорить. И продолжал почти весело: — Может быть, у него дома что-нибудь случилось, может, он по ночам не спит... Ты его про это спросила?

— Не спит он, как же... — неуверенно проворчала Серафима. — Другой бы на его месте взял бы тогда и объяснил все. А он стоит и молчит...

— Другой на его месте, — ядовито сказал Володя, — взял бы да сунул все эти письма под пень в лесу или в яму какую-нибудь. И концы в воду. Никто бы и не узнал, что он на почту бежал. А он принес...

Может быть, Серафиме нечего было возразить. А может быть, она взглянула на рассыпанные по песку письма и увидела среди них то, которое очень ждала. В общем, она торопливо наклонилась, собрала конверты, проворчала, что все равно это дело Кашке, а заодно и Зыкову так не пройдет, и ушла.

Володя весело засвистел. Победа была за ним. Он уже хотел покинуть «поле битвы», но заметил у края аллеи, в траве, свернутый листик бумаги. Записка, что ли, какая-то? Она шевелилась под ветром, словно хотела выбраться из путаницы стебельков и листьев.

Володя развернул бумажку и увидел:

Стихи для Володи

Я веток сухих и иголок найду
Стиклом от бинокля огонь
развиду кастер как живой
он похож на жар птицу
Она мне севодне наверно
присница.

Володя аккуратно, уголок к уголку, свернул листик и спрятал в карман. Улыбнулся и пошел туда, где перевязывали раненого оруженосца.

Но Кашка уже сам летел навстречу. Распущенный бинт реял за ним, как выпел.

Сзади с возмущенными криками бежала Райка, а за ней еще три девчонки.

— Во-лодя... — Кашка остановился и никак не мог отдышаться. — Тут бумажка... с письмами была... Я потерял...

Володя вынул стихи.

— Эта?

Кашка начал улыбаться. Улыбка была смущенная и просительная.

— Я прочитал, — негромко сказал Володя. — Хорошие стихи. Правда, Кашка, хорошие. Честное слово... Ну, давай я завяжу руку.

— Вот придумал! — вмешалась Райка. — Нужен стерильный бинт. Смотри, он этот в песке извозил. Сорвался как сумасшедший. Девочки, дайте йод.

Она развернула новый моток бинта. Кашка послушно подставил локоть. Смотрел он не на Райку, а на Володю. Равнодушный к боли и совсем счастливый.

— Кашка, а зачем тебя на почту понесло? — поинтересовался Володя.

— Чтоб скорей письмо отправить. Чтобы мама скорей ответ написала... — Кашка замялся. Неудобно было объяснять Володе, что без маминого разрешения он побаивался везти к себе гостя.

— А дрался зачем?

Кашка насупился. Покосился на Райку.

— Я потом... скажу.

Райка завязала тесемки бинта.

— Пойдемте, девочки. Пусть они сскретничают.

Девчонки с независимым видом удалились. Даже их спины говорили: «Больно нужны нам ваши тайны!»

— Ну? — сказал Володя.

— Мишка Зыков говорил, будто она нарочно мимо стреляла... — Кашка сердито кивнул вслед Райке. — Нарочно, чтобы тебе первое место досталось. Потому что... Мишка — он дурак. Говорит: потому что она в тебя влюбилась.

— Тьфу ты... — Володя сказал это беззаботно, а у самого тут же заныло, заскребло на душе. Беспокойство — как злая мышь.

Он всегда не любил непонятные разговоры и загадки, полунамеки и хитрые взгляды. Это его злило. А здесь... Здесь было еще хуже. Он не понимал, что и почему хуже, только почувствовал: чтобы не стало совсем плохо, надо решить все мгновенно:

— Райка, стой!

Девчонки остановились, удивленно оглядываясь. Володя подошел почти вплотную.

— Слушай, — отчетливо сказал он. — Ребята говорят, что ты нарочно мазала по мишеням. Для меня. Да?

Девчонки приоткрыли рты. Райка сделала круглые глаза.

— Если да, скажи сразу, без дураков, — потребовал Володя.

Он смутно чувствовал, как рвутся между ними ниточки-паутинки. Ниточки, о которых он раньше не догадывался. Но рядом стоял весь натянувшийся, напряженно ждущий ответа Кашка, соучастник его победы, верный и доверчивый оруженосец. И это было главное.

— Скажи, — твердо повторил Володя.

Райка отступила к березе, запрокинула голову и принялась хохотать. Хохотала она старательно и громко.

«Аут», — мысленно произнес Володя. Он по-прежнему чувствовал досаду, но беспокойство исчезло.

— Пойдем, Кашка. Разве их поймешь, девчонок... Пошли. Ты мне pomoжешь просунуть нитку в иголку.

Дни убегали. Чем ближе к концу, тем скорей. А письмо для Кашки не приходило.

Дежурные отправлялись на почту после обеда, в тихий час, который тянулся не один, а два часа. И это время было для Кашки не сон, а мучение. По несколько раз он срывался с кровати и выскакивал из палаты, будто бы по неотложному делу. И смотрел, не возвращаются ли дежурные. Иногда Кашке удавалось встретить их, но такие встречи приносили одно расстройство: письма не было.

До прощального костра осталось четыре дня. Вернее, три с половиной.

Кашка лежал и смотрел на потолок. По деревянной балке ходила блестящая зеленая муха. Кашка загадал: если муха перейдет через длинную трещину, письмо сегодня будет обязательно. Муха через трещину не шла. Кашка то уговаривал, то ругал ее шепотом, но без всякой пользы. Муха погуляла вдоль балки и остановилась у круглого сучка. Неожиданно она стала толстеть, расти и превратилась в смешного челотяпика с усами и шпагой. Кашка не удивился такому делу, только не понял: как он там держится вниз головой. И еще оказалось, что сучок — это не сучок, а деревянная пробка. Челотяпик обхватил ее, начал раскачивать и наконец выдернул из гнезда. Пробка полетела вниз и хлопнула Кашку по лбу. Он моргнул и увидел, что ни пробки, ни челотяпика нет, а есть Алеша Малютов, который приготовился второй раз щелкнуть Кашку в лоб.

— Ждал письмо? На, — прошептал Алешка. — И вот еще, отдай своему Володьке...

Хороший человек Алешка! Просто чудо какой хороший! Кашка перевернулся на живот, рванул конверт. Скорей! Ой, длинное какое! «Здравствуй, милый сынок...» Так, это как всегда, это хорошо. «Папа здоров...» — это замечательно. «Бабушка пишет...» Неважно, что она пишет! Где же главное? Ой, вот! «Конечно, пусть приезжает, мы будем очень...»

Ура!

Кашка тихой молнией скользнул в коридор, а оттуда в соседнюю палату.

Большие мальчишки, конечно, не спали. Двое дулись в шахматы, один жевал печенье. Юрка Земцов целился в кого-то мыльницей, еще двое накачивали велосипедным насосом заштопанный волейбольный мяч. Мяч не накачивался и шипел. Мальчишки тоже шипели и ругались.

Володя лежал на животе и читал книжку.

— Володя, — ликующе зашептал Кашка, — смотри, мама пишет: «Пусть приезжает». Поедем, да?

Володя не сразу понял. Потом отбросил книгу. Ох, черт! Видно, Кашка всерьез вбил себе это в голову...

— Видишь, мама пишет: «Будем очень рады...»

Вот не было печали!

Но ведь он в самом деле тогда пообещал. Как же теперь выкрутиться?

А впрочем... Надо ли выкручиваться? Если уж обещал... Домой, конечно, уже хочется здорово. Но ведь Кашка тоже...

Володя сел в кровати. Эх ты, Кашка... Вот он стоит перед ним, тонконогий малыш-оруженосец. Смотрит радостными серыми глазами. Поверил уже.

А может, правда съездить? На пару дней. Дома, конечно, будет нахлобучка, но... наверно, не очень сильная. Райка отвезет записку. Папа поймет. Мама? Пошумит и тоже успокоится. В Белый Ключ ведь он тоже один ездил, а был на год младше.

Может, в самом деле съездить? А то разъедутся они с Кашкой в разные стороны и, кто знает, увидятся ли когда-нибудь еще?

— Ладно, Кашка. У нас ведь еще четыре дня. Договоримся.

— Три, — настороженно сказал Кашка. — А разве мы еще не договорились?

— Ну... Эх, пусть. Договорились. Если все будет в порядке, то договорились... А что это за письмо еще?

— Ой, оно тебе. Я забыл даже...

От кого бы это? Надо же, от Надежды! Интересно... Но он прочитает, когда никто не будет мешать. Так лучше...

— Ну, Кашка, иди досыпай. А то нам Серафима даст жизни.

— Даст, — радостно согласился Кашка.

Он исчез, а Володя распечатал письмо.

«Вова, здравствуй!

У меня радость. Папка наш едет в командировку в Ленинград и меня берет с собой. А по дороге мы к вам заедем на три дня. Ты мне весь город покажешь. Помнишь, ты обещал? И театр, и скелет мамонта в музее, и пристань, и летний трамплин. Я знаю, ты 23-го из лагеря приедешь. Мы к вам тоже двадцать третьего приедем. А к нам в Ключ ты собираешься? Встретимся — договоримся. Ура!

Н.»

...Юркина мыльница свистнула над Володиной головой, ударилась о стену и развалилась на половинки. Володя не шевельнулся. Он смотрел в письмо, будто хотел прочитать, какой же придумать выход. Но не было выхода. Тут или — или... Но никакого «или» быть не может. Потому что Надежда — это Белый Ключ, это озера с темной водой и чешуйками месяца, и звезды в разрыве листвы, и солнечные заросшие улицы, и веселье, и ночные костры...

Но... «Костер как живой, он похож на жар-птицу...»

Как же теперь ему объяснить? Как рассказать, что такое для него, для Володи, эта круглолицая строптивая девчонка?

Эх, Кашка, Кашка! Не везет тебе, оруженосец...

А Кашка, измученный ожиданием и счастьем, спал, лежа ничком поверх одеяла. Ему приснился большой красный самолет в очень синем утреннем небе. Он летел так низко, что пригибались верхушки берез. Самолет весело трещал и блестел стеклами.

Глава десятая

Это последнее утро было бессолнечным и сырым. Ночью шел дождь. Володя, просыпаясь, слышал сдержанный шепот капель и вздохи ветра. Сейчас дождя не было, но тяжелые облака так и не разошлись. Володя открыл глаза и увидел в окнах влажный пасмурный свет.

Вставать не хотелось. Володя закинул руки, вцепился в спинку кровати и потянулся. Заскрипела сетка. «Странно как-то получается, — подумал Володя. — Скоро я встану и, наверно, никогда в жизни уже не лягу на эту кровать. И в этой комнате, может быть, никогда уже не буду». Он разглядывал некрашенные доски потолка с привычным рисунком трещин и сучков. Прямо над головой были два круглых сучка, похожих на клоунские глаза, и третий, напоминавший сплюснутый нос. Под «носом» шла вдоль доски короткая широкая расщелина, будто растянутый в тонкую улыбку рот. Это было знакомое лицо потолка. Оно смотрело на Володю каждый вечер и каждое утро. Теперь уж не будет смотреть.

В приоткрытое, затянутое марлей окно сочился пахнущий дождем воздух. Володя поежился и выпустил железные прутья спинки.

Слева послышалось деловитое сопение. Володя повернул голову. Юрка Земцов сидел в кровати, держал на коленях рюкзак и укладывал в него свое имущество.

— Не терпится? — равнодушно спросил Володя.

— А зачем время терять? — Юрка повертел в руках лопнувшую по всем швам волейбольную покрышку (взять или выбросить?) и утопил ее в рюкзаке. — Сразу соберешься, потом забот меньше. А ты чего кислый? Все-таки домой едем. Неохота?

В самом деле, почему ему ничуть не весело? Ведь домой! Ведь так хотелось домой! Надежда приедет. Но тут же он понял почему.

Кашка...

Володя вспомнил вечерний разговор. Они встретились за оградой лагеря, среди больших сосен. Подальше от чужих глаз. Кашка сидел на пеньке и смотрел на Володю, подняв маленький острый подбородок.

— Никак не можешь, да? — тихо спросил он.

Володя покачал головой. Он смотрел в сторону. По траве прошелся ветер и пригнул головки подорожника.

— Не обижайся, Кашка, — сказал Володя.

Кашкины глаза стали удивленными. Он совсем не обижался. Как он мог обижаться на Володю? Раз Володя так решил, значит, так надо. Но было очень грустно, и Кашка все еще надеялся, что найдется какой-то выход. Может быть, Володя придумает.

— А если хоть на один денек? — шепотом спросил Кашка. — Тоже нельзя, да?

— Понимаешь, Кашка, никак... — Володя старался говорить очень мягко и убедительно.

Кашка медленно вздохнул. Его остренькие ключицы приподнялись и упали.

«Надо было сказать ему сразу, — болезненно подумал Володя. — Черт меня дернул тянуть это дело».

— Если бы не это письмо, мы бы обязательно поехали, — проговорил он. — Честное слово... Но мы ведь в будущем году опять встретимся, — добавил он почти жалобно.

— Ага... — откликнулся Кашка. Он сидел теперь согнувшись и расковыривал кору на пеньке. На Володю не смотрел.

Прозвучал за деревьями горн.

— Ну вот, — с облегчением произнес Володя. — Это вас на ужин зовут. Что-то рано сегодня...

Кашка медленно поднялся.

— Отряхнись, — сказал Володя. — Все штаны в мусоре.

Кашка покорно дал себя отряхнуть.

— Ну, все в порядке... Слушай, Кашка, давай попрощаемся сейчас. Мы же завтра на разных машинах уезжаем. Рано утром. Наверно, и увидаться не успеем. А на костер вас, наверно, не пустят, чтобы завтра не проспали.

Кашка кивнул. Он стоял, крутил на животе пуговицу рубашки и не знал, что сказать.

Володя взял двумя руками его маленькую ладонь. Ладонь была вялая. Совсем не такая, как раньше. Вчера дежурные не пустили Кашку в столовую, придрались к пятнам смолы на пальцах, и Володя потащил его отмывать руки. От тер их большущим куском мыла, а Кашка визжал, дурачился, и его скользкие ладони вырывались из Володиных пальцев, как живые карасята. А сейчас...

— Ну, беги, — сказал Володя. — Пора. Двигай, Кашка...

— Ага... — прошептал Кашка. — Я пошел.

И он зашагал к лагерю.

«Если бы можно было разорваться, — подумал Володя. — И домой, и к нему...»

Кашкина понурая фигурка мелькала среди потемневших сосен.

«Только бы он не заплакал», — подумал Володя.

...Но Кашка не плакал. Зачем? Так уже было. Уехал куда-то добрый мальчишка Пимыч. Ушел в далекие горы бесстрашный путешественник Костя. Все встречаются, а потом расстаются. Нечего тут плакать...

Зато Кашка скоро приедет домой, и там будут мама и папа.

Кашка вспомнил о доме, и сразу все просветлело. Слезы растаяли. Кашка пошел дальше не опуская головы.

Но вот он вышел на лужайку, где они с Володией жгли костер. След костра был как черная заплатка на мохнатом травяном ковре. У Кашки опять заскребло в горле.

Завтрак был торопливым и коротким. Володя проглотил противный теплый компот и поскорей вернулся в свою дачу.

Юрик Земцов оказался прав: следовало собраться заранее. Почти все уже были готовы, а Володя искал под кроватями зубную щетку и фонарик...

Когда рюкзак был уложен, Володя заметил, что в комнате уже пусто.

Володя ловко бросил рюкзак за спину — обе лямки на одно плечо. Поправил ставшую непривычной кепку: он почти не носил ее в лагере. Взял в углу свою узорчатую тросточку.

Оглянулся на пороге.

Постели были убраны, на полу мусор: обрывки газет, сухие сосновые иглы и блестящая пряжка от сандалии. Плакат, на котором краснощекий горнист играл побудку, оторвался верхним углом от стены и повис, как приспущенный флаг. Видны были только ноги горниста и надпись: «Ура пионерскому лету!»

Вот и все. «Синие Камни», прощайте! Было хорошо, и поэтому сейчас грустно. Но впереди тоже много хорошего, и поэтому грустно не очень. Прощайте, скалы в дальнем конце просеки, алый шиповник по краям полян, желтые костры в сизых сумерках, красный олень, бегущий сквозь кусты... И маленький оруженосец Кашка...

Видно, так уж устроено в жизни. Встретятся два человека и сначала смотрят друг на друга хмуро и непонятливо, а когда эта хмурость исчезает и хочется быть вместе, вдруг наступает вот такой пасмурный день. И надо про-

щаться. Тут уж ничего не придумаешь, у каждого своя дорога.

«Не надо больше встречаться с Кашкой, — подумал Володя, сходя с крыльца. — Ни к чему с ним сейчас встречаться. Хорошего от этого не будет ни ему, ни мне. Он еще заплачет...»

Но Володе не повезло. Он обогнул дачу и увидел, что вдоль аллеи стоит длинная шеренга малышей. Уже одетые в дорогу, с рюкзаками и чемоданчиками, они выстроились для последней переключки. Ветер сеял водяную пыль, и малыши стояли непривычно тихие, присмиревшие. Серафима нервно размахивала листком бумаги и повторяла:

— До станции поедem в автобусе. Вместе с другими ребятами. Ведите себя как следует. На вокзале разделимся. Те, кто в город, поедут на электричке с Сергеем Петровичем. Те, кто в Новореченск и Камшал, поедут со мной. Повторяю...

«Значит, Сережи с нами не будет, — подумал Володя. — Наш грузовик пойдет в город по тракту, на станцию не заедет...»

Кашка стоял почти в конце шеренги. Был он сейчас совсем маленький. В мятой вельветовой кепчонке, в серой курточке, в сморщенных на коленках чулках. С большим портфелем, перевязанным веревочкой. Левый чулок сползал, и Кашка то и дело поддергивал его. Лицо у Кашки было совсем неулыбчивое и равнодушное: словно ему все равно, куда ехать и что делать.

Володе стало не по себе. Если бы он был девчонкой, он мог бы подумать: «У меня защемило сердце». Но он не был девчонкой и думать о таких нежностях не умел.

— Новоселов! В машину! — закричали издалека. — Воло-одя-а!

Кашка вздрогнул, распрямился. И конечно, увидел Володю.

Он глянул в упор, и в серых глазах его тут же вспыхнула крошечная надежда. И стала расти. «Ты передумал, да? Ты поедешь?»

«Уйти бы...» — тоскливо подумал Володя. И уйти было нельзя.

— Еще раз повторяю, — с надоедливой громкостью говорила Серафима. — Вести себя надо как следует, потому что... Новоселов, а тебе что надо? Не мешай ты нам...

— Ладно, потерпи, — сказал Володя. — Теперь уж не долго.

Он взял Кашку за плечи и, пятась, вывел его из строя. Так они пересекли аллею. Володя остановился, прислонившись рюкзаком к березе.

— Ну вот... — негромко сказал он. — Счастливо тебе, Кашка.

— Ага... Счастливо, — ответил Кашка шепотом и стал смотреть на свои сандалии. Сверху, с березовых листьев, падали увесистые капли.

Володе до смерти захотелось, чтобы все было как раньше. Чтобы вспыхнуло солнце, сверкающее, будто труба горниста; чтобы ветер обсушил деревья; чтобы стало тепло и ободренный Кашка улыбнулся своей чуть виноватой улыбкой. Но что же мог Володя сделать? Ведь не мог он разогнать тучи.

Кашка опустил голову так низко, что Володя не видел его лица. Видел только вельветовую кепку с кнопочкой, светлый затылок и тонкую Кашкину шею с желобком. Большая капля упала прямо в этот желобок и покатилась за воротник. Но Кашка только шевельнул плечами и не поднял головы.

— Ты ведь можешь написать письмо, — сказал Володя.

— Ага... — шепотом откликнулся Кашка. — А куда? — Он медленно поднял лицо.

— Я сейчас. Я адрес дам. — Володя сбросил рюкзак и торопливо зашарил по карманам. Он нашел все, что нужно: огрызок химического карандаша и какой-то бумажный клочок. Он развернул бумажку.

Это были Кашкины стихи.

Я веток сухих и иголок найду
Стиклом от бинокля огонь
развиду кастер как живой...

«Нельзя, — подумал Володя. — На этом никак нельзя».

Но больше не было бумаги. Тогда он снял кепку, растянул ее пальцами на березовом стволе и, мусоля карандаш, начал выводить на подкладке крупные буквы. Потом яростно рванул трескучий сатин.

— Вот, Кашка, адрес. Не потеряй эту тряпку. Где у тебя карман? Ага, вот сюда. Ты смотри пиши. Я тоже напишу. Обязательно, Кашка. Ладно?

— Ладно... — Кашка снова смотрел ему прямо в лицо. — Володя... А если ты только на сегодня съездишь? Хоть дорогу узнаешь. Это тоже нельзя, да?

— Голубев, Новоселов! Вы же держите всех! — окликнула Серафима. — На автобус пора!

Володя поднял из травы свою тросточку и вложил в Кашкину ладонь. Сжал его пальцы вокруг узорчатой ручьятки.

— Бери, — твердо сказал он. — Все. Пиши.

Он вскинул рюкзак и торопливо зашагал к своей машине. Оттуда уже звали его несколько голосов.

— До свидания! — запоздало крикнул Кашка.

Володя, не оглядываясь, махнул рукой.

Грузовик стоял у ворот лагеря. Все ребята уже были в кузове. С ними сидела худая очкастая Рита, вожатая третьего отряда.

Володя вскочил на колесо и перевалился через высокий борт.

— Володька! Мы место заняли! Иди! — услышал он и увидел Юрика Земцова. Юрка поднялся с передней скамейки и махал мятым беретом, на котором только что сидел. Там же, среди тюбетеек и фуражек, зеленела Райкина косынка.

— Сейчас, — сказал Володя. — Встал и поднял рюкзак. Поднял повыше, чтобы не зацепить чью-нибудь голову. Рюкзак был тяжелый, вытянутая рука дрожала.

— Ну-ка, пустите, — сказал Володя.

Мальчишки заворчали и задвигались.

— Шагай скорей! — звал Юрик.

Уже работал мотор, и дно кузова мелко вздрагивало под подошвами. Рюкзак тихо качался над головами.

— Сейчас, — зачем-то снова сказал Володя.

— Да возьмите же у него мешок! — не выдержала Райка. — Олухи, честное слово!

К рюкзаку потянулись чьи-то растопыренные ладони. Володя медленно отвел руку в сторону, за борт.

И разжал пальцы.

«Костер как живой, он похож на жар-птицу...»

Рюкзак тяжело шмякнулся у колеса, и Володя пружинисто прыгнул рядом. Он услышал, как в кузове ойкнула Райка.

Володя выхватил карандаш и листок с Кашкиными стихами — теперь было все равно. Он прижал бумагу к борту грузовика. Писал, пропуская буквы и запятые, и чувствовал, как убегают секунды. Потом крикнул:

— Райка!

Среди удивленных и встревоженных лиц он увидел над собой Райкино лицо.

— Слушай! — сказал он громко и отчетливо, чтобы ни одной секунды потом не тратить на повторение. — Зайдешь к нам, отдашь это. — Он протянул записку.

— Ой, Вовка! Ой, будет тебе дома... — быстро начала Райка, потому что поняла его сразу. — Ой, дурак...

Но он уже бежал, и наспех подхваченный рюкзак неуклюже прыгал у него за плечом.

— Новоселов! Что за фокусы! — Это кричала вслед Рита, но Володя не оглянулся. Больше всего он боялся одного: не успеть. Кеды скользили по сухим сосновым иголкам. Двигатель длинного красного автобуса уже гудел напряженно и нетерпеливо. Вот-вот захлопнется с коротким змеиным шипением дверь! И казалось Володе, что он уже слышит это шипение. Но, видимо, это был встречный ветер.

Он успел.

Он влетел в дверь, и она закрылась, едва не пришив рюкзак.

Сразу же Володя увидел Кашку. Он сидел у окна. Но смотрел он не в окно, а прямо перед собой, положив подбородок на спинку переднего сиденья. Рядом устроился Генка Молоканов. На пухлых коленях он держал Кашкину тросточку и с удовольствием ее рассматривал. «Выманил уже, скотина», — мельком подумал Володя. Он шагнул вперед и сурово сказал Молоканову:

— Геть.

Тот захлопал ресницами и безропотно сполз с сиденья. Что теперь делать с тросточкой, он не знал и нерешительно топтался рядом.

Кашка поднял голову. Выпрямился. И тоже заморгал. Автобус уже катил среди сосен, и по Кашкиному лицу пролетали быстрые тени.

Володя бросил на сиденье рюкзак, уперся в него кулаками. Так он и стоял, чуть согнувшись, и смотрел на Кашку.

Кашка начинал улыбаться.

В автобусе молчали. Сережа молчал и ребята.

Кашка медленно придвинулся к рюкзаку и обнял его левой рукой. словно это был не рюкзак, а кто-то живой

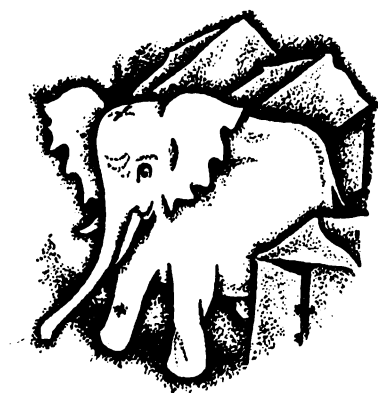
и добрый. И снова взглянул на Володю. Смотрел он снизу вверх, подняв острый подбородок. Улыбка его была все еще несмелая и немного смешная, потому что не хватало переднего зуба.

А Володя вдруг заметил, что глаза у Кашки не серые. Они светло-голубые с коричневыми крапинками.

1965 г.

БОЛТИК

Повесть

Вишневая пилотка

— Чудовищный кошмар, а не ребенок, — безнадежно сказала мама. — Ты доведешь меня до сердечного приступа, а сам простудишься насмерть.

«Чудовищный кошмар», третьеклассник Максим Рыбкин, пыхтел рядом с дверью, у полки с обувью. Он застегивал новые сандалии.

Старший брат, девятиклассник Андрей, крутился у большого зеркала: расчесывал маминым гребнем отросшую гриву. Он успокоил:

— Если простудится, то, может, не насмерть. Может, похлюпает носом, почихает и выживет.

— Сумасшедший дом, а не семья, — сказала мама. — Одного не загонишь в парикмахерскую, другой делает все, чтобы схватить воспаление легких... Игорь! Скажи хоть что-нибудь!

Папа высунулся из комнаты. В одной руке он держал отвертку, в другой электробритву. От бритвы едко пахло горелой изоляцией. Половина папиного лица была блестящая и гладкая. На другой половине искрилась от кори-

дальной лампочки светлая щетина. Папа захотел узнать, что случилось.

Что случилось? Их ненаглядный сын хочет уйти из дома раздетым. А на улице всего семь градусов!

Максим наконец справился с застежками и распрямился.

— Семь было в шесть часов. А сейчас уже согрелось.

— Ты хочешь моей гибели, — грустно сказала мама.

— Максим, — внушительно произнес папа, — ты — будущий мужчина и должен уступать женщинам в споре.

— Но если я уступлю, на кого я стану похож?! Вся форма изменится, и я буду как из пасти бегемота вынутый!

— Ах, как изящно! Сын интеллигентных родителей!.. Игорь, почему ты улыбаешься? Между прочим, когда среди родителей нет согласия, из детей вырастают правонарушители.

— Выходит, я почти готовый правонарушитель, — жизнерадостно заметил старший брат Андрей.

— По крайней мере, внешне, — сказала мама. — Длинноволосый гангстер из Чикаго.

— Пожалуй, что-то есть, — снисходительно согласился Андрей.

— Оставь в покое мой гребень, — велела мама и снова повернулась к Максиму: — Я уверена, что все дети придут на студию в пальто или куртках.

— Не придут. А если придут, им не так важно. Они в ряду стоят, и незаметно, если помятые. А я впереди, у самого... ми... крофона...

Последние слова Максим произнес угасшим голосом. Потому что взглянул на брата.

Андрей стоял к Максиму спиной, но его отражение смотрело на младшего братца ехидно и выразительно.

Сейчас скажет: «Оставьте в покое нашего солиста! Ему нельзя нервничать, а то он в самый важный момент вместо ноты «си» возьмет ноту «до».

Ух, слава богу, не сказал. Только хмыкнул. Максим торопливо объяснил родителям:

— Сами же станете говорить, что неряха, если увидитс на экране, что я мятый.

— Не лишено логики, — заметил папа.

— А ну вас, — сказала мама. — Пусть идет хоть голый. Не ребенок, а варвар.

Андрей наконец убрался от зеркала, и Максим скользнул на его место.

Какой же он варвар? Варвары косматые, немые,

страшные, вроде разбойников. А он вполне симпатичный человек. Вообще симпатичный, а в новой форме — особенно.

Форма темно-красная, а точнее — вишневого цвета. Жилетик с латунными пуговками — тугой в поясе и свободный в плечах — оставляет открытыми белые рукава и воротник рубашки. Легонькие штаны отглажены так, что торчат вперед складками, словно два топорика (а ноги у Максимики — как тонкие длинные рукоятки у этих топориков — еще не загорелые, светлые, будто свежеструганное дерево). На ногах красные сандалии. И носочки тоже красные. Форму недавно выдали в ансамбле, а обувь купила мама. Потому что Максим будет стоять впереди хора, и все на нем должно выглядеть как с игolocчки.

Все пока так и выглядят. А лучше всего пилотка. Тоже вишневая, из тонкого сукна, с белыми кантами на верхних швах и вышитыми серебром крылышками на левой стороне. Потому что младший хор в ансамбле называется «Крылышки».

А все вместе — два хора, два оркестра и танцевальная группа — называется так длинно, что сразу и не запомнишь: «Детский музыкально-хореографический ансамбль Дворца культуры имени Чкалова».

Дворец построен для летчиков. Говорят, когда-то в этом районе был главный аэродром. Потом появились реактивные лайнеры, летное поле стало тесным, и аэропорт перенесли далеко за город. На старом месте сохранилась только площадка для маленьких аэропланов и вертолетов. Но управление областного Аэрофлота тоже осталось здесь. А недалеко от управления — и Дворец культуры.

Максимкин отец — не летчик, он инженер на Строймаше. А мама — завуч в художественном училище. Ну и что? В ансамбле занимаются не только дети летчиков. Где их столько наберешь? Просто приходят ребята, которые живут не очень далеко. А Максим даже и не сам пришел в ансамбль. В марте на уроке пения услышал его суровый на вид дядя с рыжими клочкастыми бровями (все думали, что это инспектор горono). Услышал и грозно сказал после урока:

— А ну, голубчик, пошли со мной. Немедленно.

Максим охотно пошел, потому что сурового дядю он ничуть не испугался, а после пения ожидался диктант.

Они пришли во Дворец культуры, в большую комнату, где стоял трехногий сверкающий рояль. Его поднятая крышка напоминала косой китовый плавник, а клавиши —

пасть кашалота. Дядя с клочкастыми бровями начал давить на клавиши и требовать, чтобы Максим голосом повторял их музыку. Это было совсем нетрудно, и Максим повторял, только тихо, потому что стеснялся. Потом дядя стал играть песенку про кузнечика, которого сожрала бесовестная лягушка, — эту песню все знают. И Максим должен был петь. Наверно, у него не очень получилось. Дядя вдруг оборвал игру, поставил Максима между колен и сказал не сердито, а как-то жалобно:

— Дружище, не смущайся, пожалуйста. Очень прошу. Ты ведь можешь петь. Ты ведь, если откровенно говорить, любишь петь.

Максим слегка осмелел и тихонько сказал:

— Ага.

— Дома, когда ты один, ты наверняка поешь. Я в этом совершенно уверен.

Максим осмелел еще больше и ответил:

— Смотря что...

Дядя стремительно обрадовался:

— И прекрасно! Здорово! А что ты хочешь? Что любишь? Давай!

Максим вспомнил, что после диктанта еще природо-ведение, которое он (совершенно случайно) не выучил. И спросил:

— А можно с гитарой? Я с роялем не могу как-то...

Дядя сорвался с круглой табуретки, умчался из комнаты и тут же вернулся с блестящей гитарой.

— Что будем? Давай...

— Я названия не знаю...

— Ладно, посмотрим. Ты начинай, я подыграю.

Начал Максим, наверно, не очень здорово:

Приглушенно тлеют огни,
И лагерь наш в сумраке тонет...

Но голос его догнала гитара, и стало легче. И песня была такая, что если уж запел, то надо петь как следует. Потому что сразу кажется, что кругом опасность и скоро — в атаку.

В кустах не расседланы кони,
И песня в ночи не звенит...

Дальше Максим и сам не знал, как пел. Но, видимо, голос его звучал чисто и тревожно, потому что слова в песне были тревожно-звонкие:

Средь тонкой ночной тишины
Не дремлют повстанцев дружины.

Как нервы, стальные пружины
В ружейных замках взведены...

Когда песня кончилась, дядя отложил гитару и задумчиво сказал:

— Д-да, любопытно... Это откуда такое произведение?

— У брата слышал.

— Он тоже поет? — быстро спросил дядя.

— Да нет, у него на магнитофоне...

— Ну ладно, Максим Рыбкин. Меня зовут Анатолий Федорович, я руководитель ребячьего хора. И ты, дружище, от меня не сбегай, пожалуйста.

Максим не сбежал. Зачем? По крайней мере, можно было петь не стесняясь. Не то что дома, где мог услышать и начать дразниться Андрей. Правда, не все песни нравились, но что поделаешь? Так не бывает, чтоб все на свете нравилось. Зато одна песня, про первый полет, была для Максима самая лучшая.

С этой песней он и будет выступать сегодня на телевидении, на концерте, посвященном Дню пионерии.

Хорошо, что с этой песней! Пускай мама с папой не летчики, пускай он сам не летал еще ни разу, даже пассажиром, но раз он поет про летчиков, значит, хоть какое-то, хоть самое маленькое отношение к ним имеет. Значит, пилотку с крылышками носит не зря. Вот так!

Максим посильнее сдвинул пилотку на левый бок и еще раз с удовольствием оглядел себя в зеркале.

Конечно, хорошо, если бы уши были чуть поменьше и не торчали в стороны. И если бы вместо белобрысой коротенькой прически была темная и волнистая — не такая длинная, как у Андрея, но вроде. И если бы губы оказались потоньше, а нос попрямее и с мужественной горбинкой, как у папы. Но нет так нет. В общем-то Максим и так неплох.

Что ни говорите, а внешность для человека — важная вещь. Именно из-за внешности Максим попал в солисты. Конечно, ему это не говорили, но он догадался. Он случайно слышал после репетиции, как поспорили Анатолий Федорович и начальница всего ансамбля Алевтина Эдуардовна.

Анатолий Федорович только с виду грозный был, а на самом деле очень добрый. Он на ребят никогда не кричал, даже если баловались на репетициях. Но в тот раз, с

Алевтиной Эдуардовной, он разговаривал сердито. Они поссорились из-за Алика Тигрицкого.

— Пожалейте ребенка! — возмущался Анатолий Федорович. — Вы наслаждаетесь его голосом, как конфеткой, а весь хор сбивается и начинает хихикать, когда Алик поет: «Товарищ летчик, возьмите меня, я очень легкий!»

Это была правда. Хихикали. И Максим опять едва не засмеялся за кулисами. Потому что в самом деле — когда Алик, по прозвищу Шеф-повар, со своим круглым, как тугой мешок, животом и похожими на подушки коленями выходит к микрофону, под ним поскрипывает сцена.

— Но, дорогой Анатолий Федорович, — ласковым голосом возражала Алевтина Эдуардовна, — ведь у вас хор, а не балет. Прежде всего следует думать о звучании...

— Об искусстве надо думать! — почти зарычал Анатолий Федорович. — Целиком об искусстве! Когда посреди серьезной песни в зале начнется хохот, какое к черту звучание! И каково будет самому Тигрицкому? Нет уж, пускай поет о макаронах — там все на месте: и внешность, и голос, и содержание.

— Но как же песня о полете? Ведь мы все-таки чкаловцы!

— Будет вам песня! В хоре не один Алик с голосом...

Через день Анатолий Федорович оставил Максима после репетиции и осторожно спросил:

— Максимушка... Потянешь «Первый полет»?

Конечно, он знал, что эта песня Максиму больше всех нравится.

Максим оробел и застеснялся. Шепотом сказал:

— Не знаю... И на концерте?

— Там видно будет. Попробуем?

Первый раз получилось неважно. Потому что подошла Алевтина Эдуардовна и, поджав губы, смотрела на Анатолия Федоровича. Максим сбился.

— Ну ничего, — грустно сказал Анатолий Федорович. — Ничего, Рыбкин. Потом еще... Попытаемся.

Максиму стало жаль его. И он немного рассердился. И сказал:

— А можно еще раз?

Анатолий Федорович торопливо поднял крышку рояля.

— Еще? Ты хочешь?

Максим кивнул и зажмурился. И представил, как ветер качает ромашки на краю летного поля. И какие пушистые белые облака бывают над аэродромом, когда раннее утро... Он так это здорово представил, что пропустил начало.

— Ой, простите. Можно снова?

И опять пошло вступление:

Над травами,

которые

Качает ветер ласковый,

Над кашкой и ромашками

Растет веселый гром...

Это просыпаются разноцветные спортивные самолеты. Летчики прокручивают моторы. А на краю аэродрома собираются мальчишки — те, кто очень хочет в небо. Те, кто часто летает во сне.

Максиму почти каждую ночь снится, что он летает...

Он кончил петь и опять испугался. Не получилось?

Анатолий Федорович улыбался. Он посмотрел на Алевтину Эдуардовну и сказал:

— Э?

Посмотрел на Максима и сказал:

— Э!

И показал большой палец, хотя это, наверно, было не педагогично.

Конечно, голос у Алика гораздо лучше, чем у Максима, тут и спорить смешно. И умения у него больше. И фамилия Тигрицкий для солиста годится больше, чем Рыбкин. Но полет есть полет, если даже он не на самом деле, а в песне. Что поделаешь, если Алик весит килограммов пятьдесят, а Максим в два раза меньше!

И наверно, не только в этом дело. Максиму кажется, что Алику все равно, какую песню петь. Он про макароны и про летчиков поет одинаково. Наверно, Алику никогда не снится по ночам, что он летает. Недаром Алик совсем равнодушно отнесся к новой форме с серебряными крылышками на пилотке.

А форма что надо! Младшему хору завидовали даже старшие ребята. Конечно, не те большущие парни, которые поют басами, а кто перешел в большой хор недавно. Завидовали, хотя получили голубые костюмы с модными пиджаками и расклешенными брюками. Еще бы! Таких пилотов им не дали.

Но конечно, одна пилотка, без формы, выглядит не так хорошо. А мама этого не понимает.

— Надень хотя бы легкую курточку.

Братец Андрей глянул ехидно и выжидательно. Сейчас скажет: «Ну что ты, мама! Какая курточка? Надо,

чтобы все блестело. Представляешь, идет наш артист по городу, а прохожие оглядываются: ах, не из тех ли это мальчиков, которые только что выступали по телевизору? Ах, не он ли пел самую главную песню? Подумайте, какой молодец!»

И самое ужасное, что он будет прав. Потому что есть у Андрея скверная способность: он видит младшего брата насквозь.

— Ну что ты, мама! — начал Андрей, и Максим съехал в душе. — Какая курточка... На улице уже сплошное лето. Пускай закаляется.

Нет, временами брат бывает вполне порядочным человеком.

Мама сказала, что все это скоро кончится ее гибелью, и велела Максиму убираться.

— И не опаздывай к обеду. Пусть хоть в субботу семья пообедает вместе, по-человечески.

— Мам, ну как «не опаздывай»? Концерт кончится в час, а в школу — к половине второго. Мне только-только добежать.

— Здравствуй, моя радость! Почему же ты пошел без портфеля?

— А у нас не будет уроков. Будет экскурсия в парк.

— Представляю, как ты отделаешь в парке свой мундир... Не забудь пообедать в буфете.

— Ага... Ой, а деньги?

— Растяпа. Забыл?

— Да не забыл. Просто вчера кончились. Больше нет.

— Нет мелочи? А карманы звенят!

Мама отправилась в комнату и вернулась с Максимкиными школьными штанами и курткой. Тряхнула. Послышалось бряканье.

— Это же не деньги, — торопливо сказал Максим. — Это так... Я вытащить не успел.

И он поскорее начал вынимать из карманов то, что звякало: две гайки, связанные веревочкой, желтый латунный ключ, фотокассету без крышки, старинный пятак и сломанную запонку.

— У всех дети как дети, а у меня Плюшкин, — печально сообщила мама. — Убирай немедленно свои сокровища.

— Уберу, уберу.

Рядом с полкой для обуви стоял картонный ящик. Там по отделениям были разложены у Максима всякие вещи, из-за которых мама называла Максима Плюшкиным.

Вообще-то Плюшкин — это жадина помещик из книжки «Мертвые души», которую Максим не читал, только по телевизору видел такую пьесу. Было не очень интересно, однако он специально смотрел, чтобы выяснить, похож ли на Плюшкина.

Нет, Максим — не Плюшкин. Тот был сумасшедший скупердяй, а Максим просто жалеет брошенные вещи.

Вот, скажем, совсем небольшая вещь: значок с буквой «Д» и футбольным мячом — «Динамо». Кто-то старался, делал его, а потом он, наверно, висел на груди у болельщика. А затем — раз! — оказался на тротуаре: булавка отвалилась. Думаете, не обидно? Кто бы его пожалел, если не Максим? А булавку еще можно приделать, и значок пригодится кому-нибудь.

Или вот: граненая пробка от графина. Конечно, графин для нее сразу не подберешь, но можно пробку привязать и вертеть. Или смотреть сквозь нее. Все вокруг делается расплывчатым, танцующим, а от стеклянных граней разлетаются, как бабочки, разноцветные пятнышки.

Плюшкин никому ничего не давал, а Максиму не жалко. Если вам что-то надо — пожалуйста! И эту пробку, и значок, и подшипник, и колеса от игрушечного грузовичка, и голубую пепельницу с трещиной, и пластмассового солдатика, и мотки проволоки... Лишь бы для пользы. Лишь бы все были довольны: и вещи, и люди.

— Оставь в покое свой утиль и слушай меня, — сказала мама. — Мелких денег у меня нет. Возьми пять рублей и не вздумай потерять сдачу.

— Когда я терял? — слегка обиделся Максим.

— Хорошо, хоть этого за тобой не водится. Но кто знает... Куда ты их положишь?

На форме был только один карманчик — нагрудный. Плоский и тесный. Мама затолкала в него свернутую пятирублевую бумажку и два троллейбусных билетики.

— Смотри не вытряхни. А платок куда денешь?

— Зачем он мне? Мам, я побегу!

Мама улыбнулась, взяла Максима за уши, притянула и чмокнула в нос.

— Беги. Желаю удачи.

— Ни пуха ни пера! — крикнул из комнаты папа.

— Жми, старик, — сказал братец Андрей.

Про веселье, страх и смелость

Иногда кажется человеку, что внутри у него тугие струны и звонкие пружинки. Это если за окнами утро, золотое от солнца и синее от неба. И если впереди праздник. И сам ты ловкий, быстрый и красивый — легко скачешь вниз по лестнице с третьего этажа. Летит за тобой по ступеням пулеметный стук: тра-та-та-та-та! Вот сейчас, сейчас, через полсекунды, отскочит от удара ладонями дверь подъезда и кинутся тебе навстречу весенние улицы!

Ура!

Ой, нет...

Ура-то ура, а мама, кажется, была права.

Вернуться, что ли?

Но когда взят такой разгон, возвращаться невозможно. Да и примета плохая: удачи не будет. А Максиму сегодня удача нужна до зарезу!

Он обнял себя за плечи, постоял посреди двора, встряхнулся. Подышал на ладошки, потер ими ноги, на которых высыпали мелкие пупырышки. Ничего, это с непривычки. Он же не старая бабушка, чтобы кутаться и дрожать. К тому же на улице, на солнечной стороне, будет, наверно, теплее. Вперед!

И правда, на солнышке было не так холодно. Раз-два, раз-два! И скоро Максим перестал вздрагивать. Он уже не прыгал, а просто бойко шагал, стараясь обходить пушистые тени подстриженных «под шарик» тополей.

На тополях висели длинные зеленые сережки с мелкими семечками. Потом из семечек ползет щекочущий пух и разлетится по городу. Но это еще не сегодня, а когда совсем вырастут листья. А пока листья маленькие, острые. Листиковый детский сад. Даже издали видно, какие они клейкие и свежие.

На асфальте валялись желтые кожурки от лопнувших тополиных почек, похожие на раскрытые клювики. Они тоже липкие. Приклеились к новым Максимкиным подошвам. От этого сандалии перестали шелкать по тротуару. Но все равно Максим старался ступать твердо. И прохожие, кажется, с удовольствием оглядывались на такого смелого закаленного мальчика в необыкновенной форме...

Улица шла под горку. Большие здания кончились, и начинался квартал с деревенскими старыми домами. А там...

А там — чтоб он провалился! — на вторых от угла во-

ротах сидел Витька Транзя (сокращенная кличка от прозвища Транзистор). Что-то он там приколачивал — кажется, вертушку.

Да не важно, что он приколачивал, а важно, что сидел и поглядывал по сторонам. И пройти незамеченным не было никакой возможности.

Максим сбавил шаги, сердито вздохнул и... свернул направо.

Конечно, это был не очень храбрый поступок. Ну а что делать? Подлый Транзя обязательно прискребется. Если бы Максим шел в обычном костюме — тогда еще неизвестно. Может быть, Транзя и поленился бы спускаться с ворот. А увидев Максимкину вишневую форму, обязательно спрыгнет и загородит дорогу.

«Ах ты моя Рыбочка, ах крохотулечка! Какой красавчик! Какая курточка, какие штанишки, какие пуговики... А ну стой, когда старшие с тобой беседуют! Вот так... Ах, какая пилоточка! Дай-ка примерить...»

И что? Спорить? Бесполезно. Убегать? Стыдно. Стоять и ждать? Пилотку заберет, и неизвестно, что дальше. Может быть, и отдаст, а может быть, на крышу забросит. Да и самого Максима ловкой подножкой кинет в пыль и покачает. А потом сам же поднимет, будет чистить и «жалеть»: «Ах мой бедненький, упал нечаянно...»

У, Транзя ехидная... Чтоб тебя с ворот сбросило!.. Всегда ко всем, кто слабее, привязывается, а к Максиму чаще всех. Подойдет сзади незаметно, одной ладонью рот зажмет, а другой давай волосы выдирать на затылке. Намотает на ноготь — и дерг! А потом ладонью по шее — трах! Катись, мол... И так всюду: и на улице, и в школе.

Максим представил Транзину улыбочку — тонкую и длинную. А глаза, несмотря на улыбку, скучные какие-то. На губе болячка, а лицо будто серой пылью присыпано. Это, наверно, от курения. Транзя каждый день в туалете курит со старшеклассниками. Все про такое дело знают, и ничего ему все равно не бывает.

Что с таким сделаешь, если привяжется? Что?

Вообще-то Максим знал — что. Не такой уж Транзя сильный, ростом лишь чуточку выше Максима... Но нужна смелость, а Максим — трус.

Никто из людей, пожалуй, не знал про это. Но сам Максим про себя знал, что трус. Себя-то не обманешь. Иногда только забыть про это можно, а потом опять — испугаешься чего-нибудь, и на душе кисло. А делать нечего. Все равно жить надо, раз уж такой уродился. Трусы

ведь тоже люди. А жизнь у них нелегкая: трус должен все делать, как нормальные люди, да еще заботиться, чтобы никто не узнал про его боязливость.

Правда, есть надежда, что трусость пройдет. Ведь меняются же у людей с возрастом характеры. Может, и у Максима изменится. Может быть, даже скоро. И тогда Транзя не обрадуется. Максим и сегодня не так уж и боялся. Он, может, и не свернул бы в переулочек, если бы не новая форма.

В конце концов, у него скоро важное выступление. Не может он из-за какого-то Витьки Транзистора портить себе нервы. Не имеет права. У него должно быть веселое настроение... Тем более что утро такое хорошее. Небо отражается в стеклах, как в темной воде, а солнце отлетает от них горячими вспышками. И надо шагать!

Теперь, кажется, налево нужно повернуть, чтобы потом выйти на улицу Титова, где троллейбусы.

Максим повернул и оказался в переулке, где не бывал ни разу.

Не удивляйтесь. Он приехал в этот город недавно, после зимних каникул.

Раньше Максим жил в новом городе, который вырос вместе с большим заводом. Дома там были многоэтажные и в общем-то похожие друг на друга. Улицы прямые, без хитрых поворотов и закоулков. Максиму казалось тогда, что все города такие. А приехал сюда и увидел замечательную пестроту. Корпуса в двенадцать этажей поднимались над бревенчатыми домиками и старинными зданиями из красного кирпича. К этим зданиям лепилось железное кружево балконов. Улица Гоголя мимо нового гастронома и детского сада вдруг выводила к высокой церкви с башнями, куполами и узкими окнами. Правда, в церкви теперь никто не молился, а работала контора «Кинопрокат», но все равно интересно.

Максиму иногда казалось, что в этом городе полным-полно всяких тайн и кладов. И в самом деле, в газете один раз напечатали, что рабочие ломали старый дом и нашли в стене жестяную банку с золотыми монетами. Какой-то купец в давние времена запрятал. Но монеты — ерунда. Наверно, можно и оружие найти, которое с гражданской войны осталось! На чердаках этих старых домов может все что угодно оказаться. Вот бы отыскать маузер или шашку! В музей можно отдать на почетное место. Но не сразу, конечно, а сперва поиграть. Витька Транзя тогда ходил бы тихий, как мышка.

Жаль, что Максим живет в новом пятиэтажном доме, а не в таком вот маленьком и старинном, как этот, где плотники чинят ворота.

Ворота были красивые, большие. На потемневших створках деревянный узор, похожий на солнышко. Но уж слишком они покосились. И наверно, поэтому хозяева решили заменить столбы.

Двое мужчин тюкали топорами, вытесывали из соснового бревна балку.

Максим остановился. Очень здорово блестело отесанное дерево! Как слиток золота. И щепки отлетали тоже золотые. Одна — длинная и широкая — шлепнулась на траву недалеко от Максима.

Максим смело шагнул поближе. Плотники не Витька Транзистор, драться не будут.

— Дяденька, можно, я возьму щепку?

Плотники распрямились. Один был молодой и хмурый. Он, не выпуская топора, достал пачку «Беломора», щелчком выбил папиросу, вытянул ее губами. Стал на шаривать спички. Другой бросил топор и глянул на Максима. Он был старый, на худом подбородке и вокруг впалого рта — серебристая щетина, а глаза — синие-синие.

— Ух ты сверчок! — сказал старый дядька, будто очень обрадовался. И заулыбался. Стали видны редкие прокуренные зубы. — Щепку тебе? А чего ж, бери, коли надо, хоть все. Тебе зачем? На растопку, что ль?

— Да нет! Как сабля, — объяснил Максим и помахал рукой.

— Ну бери, бери саблю, воюй, чапаевец!

— Спасибо.

И Максим зашагал, оглядываясь иногда на хорошего старика. Плотники опять стучали по балке, но старший один раз придержал топор и посмотрел вслед Максиму.

А щепка была замечательная. С крепким сосновым запахом, с медными чешуйками коры на одном боку и свежим срезом на другом. Максим шагал, хлопая себя этим срезом по коленкам, и крошечные капельки смолы прилипали к коже.

Узенький тротуар повел мимо низкого забора из некрашенных реек. Здесь выросли уже довольно крупные лопухи. А из лопухов поднимались пыльные стебли прошлогоднего репейника. Большие, выше Максимки.

Максим жалел живые растения, но репейник-то был сухой. Самый подходящий, чтобы испробовать саблю. Максим красиво развернулся и рубанул. Ж-жих! Но толстые

стебли оказались словно из проволоки сплетенные. Верхушки только вздрагивали, а не падали. Р-раз, раз! Острые края щепки уже затупились, а упрямый репейник стоял, будто смеялся...

— Чего тут расхулиганился? А ну иди отсюда!

Это над забором появилась женская голова. Наверно, хозяйки огорода. Максим увидел тюрбан волос, обмотанный розовой косынкой, мелкие сережки и злющие глаза.

Сначала он вздрогнул, а потом удивился:

— Разве я хулиганю? Я играю.

— «Играю»! Ишь, размахался!

Максим пожал плечами.

— Вам разве жалко? Я старый репейник рублю.

— Домой иди и руби что хочешь!

«Дура какая-то», — подумал Максим, но вежливо сказал:

— Это же не ваш репейник. Он на улице растет.

Тетенька в розовой косынке несколько секунд хлопала губами и набирала воздух. Потом взорвалась:

— Ишь!.. «Не ваш»!.. Еще культурный на вид, а какой! Как со старшими... Сейчас собаку отцеплю!

Максим не испугался собаки. Но зачем связываться? Он пошел. Он даже не очень расстроился, а просто думал, какие разные встречаются люди...

Щепка стала зазубренной и теперь не годилась для оружия. Но все-таки было жаль ее — ведь она только что служила саблей.

В конце переулка, где уже виднелась улица Титова и мелькали желто-красные троллейбусы, Максим заметил синюю лужу. Наверное, она осталась от ночного дождика. Вот и хорошо! Пусть щепка станет корабликом. На краю тротуара Максим подобрал пустой спичечный коробок. Щепка — это корпус корабля, коробок — штурманская рубка. Счастливого плавания!

От парохода углом разбежались волны, и он ушел к другому берегу. Но Максим на тот берег не спешил. Он сидел на корточках и смотрел в перевернутое небо. Там, далеко внизу, в темно-синем воздухе плыло светлое расрепанное облако.

А на краю неба отражался сам Максим. Все такой же ладный и симпатичный — с белым треугольником рубашки в вырезе жилета, с крылышками на пилотке, с алой звездочкой над кармашком.

Звездочку Максим носит последние деньки. Послезавт-

ра на дружинном сборе его примут в пионеры. Многих в классе уже приняли, но Максиму старшая вожатая Римма Васильевна в тот раз сказала:

— Ты, Рыбкин, человек пока новый. Прояви себя в коллективе, а в мае решим.

Максим тогда расстроился: как себя проявлять, он не знал. Но, видно, как-то проявил, потому что сейчас решили принять. Наверно, уже менять решение не станут. Особенно если увидят, как он поет по телевизору...

Максимкины мысли прервала сирена. В переулок на полном ходу свернула «скорая помощь». Жизнь устроена сложно: у кого-то праздник, а у кого-то беда. Максим отскочил от лужи, чтобы не забрызгало. Проводил машину глазами. В кабине рядом с шофером сидела женщина в белом халате и белой шапочке — такой же, как у школьного врача Светланы Сергеевны. Той самой, которая делает ребятам прививки.

Вспомнил Максим Светлану Сергеевну, и тут же его стало грызть беспокойство. Потому что перед весенними каникулами, на уроке чтения, когда настал тот жуткий момент и учительница Софья Иосифовна сказала, что теперь в кабинет врача пойдут Иванов, Стременко и Рыбкин, Максим не выдержал. Он встал и удивительно спокойным голосом сообщил:

— А мне совсем недавно укол делали. В старой школе. Если снова, то, наверно, это вредно.

— Да? — подозрительно сказала Софья Иосифовна. — Тогда об этом должна быть запись в медицинской карте.

— Не знаю. Но мне точно делали. Я еще на другой день в школу не ходил, потому что температура была и болело.

Максим врал с холодным отчаянием человека, над которым висит смертельная опасность. Не было в нем тогда ничего сильнее страха.

Максим боялся в жизни многого. Хулиганов вроде Транзи. Оставаться в пустой квартире поздно вечером. Грозы, когда грохает над самой головой... Но страх перед уколами был особенный.

Всего два раза делали Максиму прививки — в первом и во втором классе. А страх был постоянный. Потому что кто знает, когда следующий раз? Конечно, Максим не всегда помнил о страхе. Но, собираясь в школу, он обязательно думал: «А вдруг сегодня?» И когда видел, что в

школьном вестибюле мелькает белый халат, сразу начинал мучиться: не готовятся ли? И если посреди урока в тихом коридоре начинали стучать каблучки, он вздрагивал. Сразу представлялась медсестра или врач. Она приближалась (стук-стук-стук) неотвратно, и в руке ее покачивалась блестящая круглая коробка, а внутри коробки — шприцы. Они похожи на громадных комаров с прозрачными брюшками и беспощадными жалами. Когда нажимают на поршень, из жала бьет удивительно тонкая струйка, а потом на кончике иглы повисает капля. А затем... «Ну, голубчик, повернись, не бойся...» Ага, не бойся!

И страшно не только потому, что больно. Хуже всего — жуткое ожидание, тихое звяканье металла, замирающее в душе. И неизбежность. Ведь куда не сбежишь, не спрячешься. И приходится через силу улыбаться и делать вид, что все это — чепуха на постном масле. Потому что есть одна вещь, еще более страшная, чем укол. Насмешки! Если узнают, что трус...

Ехидный, похожий на колючего морского конька Мишка Стременко и так уже подозрительно поглядывал в прошлый раз на Максима...

А каблучки: стук-стук-стук... Слава богу, мимо! Но это сейчас мимо. А ведь все равно когда-то настанет момент: «Рыбкин, к врачу...»

И вот он настал.

И Максим не выдержал. Он врал, хотя и понимал, что вранье очень скоро может открыться.

Не открылось. Наверно, поверили. Или забыли про Максима в суете многих дел. Но страх то и дело возвращался: вдруг узнают? Тогда — все. Во-первых, неизбежен сам укол. Во-вторых, весь класс будет смеяться. А Римма Васильевна скажет: «И ты, Рыбкин, после такого вранья надеешься стать пионером?»

Впрочем, сегодня в школе Максим почти не будет, потому что экскурсия. Завтра выходной. А послезавтра уже прием в пионеры. Наверняка ничего не успеет открыться. А дальше уже каникулы на носу.

За каникулы Максим подрастет и окрепнет. И воспитает силу воли. И смелость. Он и сейчас уже стал чуть-чуть смелее. Раньше боялся петь перед залом, а сейчас не боится. Ну, если по-честному, то самую капельку. Не боится, а волнуется.

И надо шагать, потому что до концерта не так уже много осталось времени.

Пора! Максим расправил плечи и... Ух ты! Рядом с

его сандалией лежала замечательная вещь! Винт с головкой и накрученной гайкой. Длинной с Максимкин мизинец, толщиной чуть побольше карандаша. Прекрасный новый болтик со свежей острой резьбой. Такой для чего хочешь пригодится!

Болтик был втоптан в сырую землю. Максим выковырнул его, наскоро отмыл в луже, вытер листом подорожника.

Жаль, что положить некуда. В плоский кармашек на жилете не сунешь: будет проступать под материей да и запахнуть может. Ну и ладно! Можно в кулаке нести. Хорошая находка — хорошая примета. Значит, все будет хорошо.

Полет

Максим не бывал еще в тех местах, где телестудия. Но заблудиться было трудно. Телемачта — высотой почти двести метров, и ее видно отовсюду. Можно пешком добраться, а можно и на троллейбусе. Анатолий Федорович объяснил Максиму, что надо проехать всего три перегона, и будет остановка «Телецентр».

В троллейбусе были свободные места, но Максим не сел. Он встал на задней площадке, спиной к окошку, и закинул руки за трубчатый поручень. Солнце сквозь стекло сразу начало припекать Максиму плечи, за окнами побежала назад веселая улица с разноцветными вывесками, большими деревьями и прозрачными стеклами магазинов.

Максим немного посмотрел на улицу и стал разглядывать болтик. У болтика была шестигранная головка. На головке — выпуклая цифра «12». А гайка плавно ходила по резьбе — не очень свободно и не очень туго. Ну просто прелесть что за винт! Даже мама, наверно, не скажет, что Максим — Плюшкин, потому что такой болтик кому угодно понравится...

На третьей остановке Максим выскочил на солнечный асфальт и сразу же задрал голову. Прямо над ним на страшную высоту взлетала кружевная телебашня. Среди редких белых облаков виднелись ее антенны, похожие на оперения стрел. Вот бы забраться!

Но тебе, пожалуй, заберутся! Башня — за высоким решетчатым забором, в заборе — проходная: красивый до-

мик с двумя окошками и дверью. А у двери стоит широкая тетя в берете со звездочкой, в синей куртке и с большой кобурой. Кобура спускается из-под куртки на двух ремешках — как у военных моряков и летчиков. А под кожаной крышкой (Максим сразу разглядел) торчит круглый металлический затылок рукоятки с кольцом. Значит, наган.

Максим огляделся. А где ребята? Ведь было сказано: собраться у входа.

Максим нерешительно шагнул к тете с наганом.

— Извините, пожалуйста. Здесь ребята должны были собраться, чтобы выступать. Вы не знаете?

Тетя обернулась и расплылась в улыбке:

— Еще один! Глянь, какой ладненький. Знаю, знаю, собираются. Велено сразу пропускать, чтобы не ждали. А то некоторые, вроде как ты, раздетые прискакали. Прозаб небось?

Вот тебе и на! Максим и думать забыл про холод. На улице настоящее летнее утро, даже ветерок и тот не холодит.

— Проходи, проходи, чижик, — сказала тетя и слегка отодвинулась. Максим скользнул было в щель между ее круглым боком и дверным косяком. И остановился. Рядом с собой, в небывалой близости, увидел он опять тугую кобуру с торчащей рукояткой.

— А он заряженный? — уважительным шепотом спросил Максим и поднял на тетю серьезные глаза. (Потрогать бы хоть пальчиком! Но нельзя, конечно.)

— Заряженный, — со вздохом сказала тетя. — Если не заряженный, чего тогда таскать зря тяжесть-то?

— А боевыми или холостыми?

Тетя-вахтер опять улыбнулась.

— Холостыми стреляют, когда кино снимают. А у меня пост.

— Это если шпионы полезут? — догадался Максим.

Потому что, в самом деле, если пролезут диверсанты да рванут телебашню, сколько железа посыплется на соседние кварталы! Все дома порасшибает!

— У меня не пролезут, — успокоила тетя и погладила кобуру. — У меня даже таракан не пролезет, не то что шпион. А хорошим людям — всегда пожалуйста... Ну, беги в дом, грейся, а то вон коленки-то синие...

— Вовсе не синие, — снисходительно объяснил Максим. — Это немного смола прилипла от щепки.

И он запрыгал через двор на одной ноге, а вторую под-

нял, чтобы помусоленным пальцем оттереть пятнышки смолы. А потом не стал. Все равно сразу не ототрешь. Да смола ведь не грязь. Ею даже, говорят, ревматизм лечат...

В вестибюле студии было уже полным-полно народа. И девчонки из хореографической группы, и длинноволосые, как Андрей, парни из старшего хора, и ребята из оркестра — с большими футлярами, где лежат всякие инструменты. И конечно, народ из «Крылышек».

Мама была права: большинство пришли в плащах, куртках или спортивных костюмах. Но Максим тоже был немножко прав: кое-кто появился так же, как и он, — не побоялись, что озябнут. И не только ребята из «Крылышек». Вон прислонился к стене круглолицый сероглазый мальчишка в такой же, как Максимкина, форме, только не в вишневой, а зеленовато-голубой. Значит, из музыкантов.

Небольшой, не старше Максима, а играет в оркестре! Интересно, на каком инструменте? Может, спросить? Нет, неловко почему-то.

Хотел Максим побежать к своим, из хора, но увидел, что мальчик-музыкант смотрит на него. Потом оттолкнулся от стенки, подошел к Максиму, голову набок наклонил и спросил:

— Тебя как зовут?

Глаза у него были веселые. Максиму понравилось, что он просто так вот подошел и спросил. И он ответил поскорее:

— Максим...

— Максим, купи слона.

— Какого... слона?

Лицо у мальчика стало слегка грустным. Он вздохнул:

— Все говорят «какого слона». А ты купи слона!

Глаза у него сделались хитроватыми.

«Игра такая!» — догадался Максим. Но не стал показывать, что догадался. Потому что незнакомый мальчик ему нравился и сделалось весело.

— Я бы купил... — начал он.

Мальчик опять вздохнул и перебил:

— Все говорят «я бы купил». А ты возьми и купи.

«Вроде «белого бычка», — подумал Максим. Но тут же почувствовал, что не совсем «вроде». Потому что представился ему слон — большой и печальный. Он стоял где-то,

привязанный за ногу к толстому столбу, и никто не хотел купить беднягу. Все только отговаривались.

— Если денег хватит, — серьезно сказал Максим.

— Все говорят «если денег хватит». А ты не считай — возьми и купи!

— А в квартиру влезет?

Мальчик понимающе улыбнулся.

— Все спрашивают: «В квартиру влезет?» А ты просто возьми и купи.

— Ладно!

— Все говорят «ладно»! А ты...

И тут принесло Маргариту Пенкину — старосту хора «Крылышки».

— Рыбкин! Где ты бродишь? Анатолий Федорович всех уже собирает! Распеваться пора!

— Ой-ей-ей! — насмешливо сказал Максим, чтобы мальчик из оркестра не подумал, будто он боится Ритки. — Где это я брожу? Наверно, за сто километров!

Он попрощался с мальчиком глазами и пошел за Пенкиной.

Они шагали длинным коридором, и Максим смотрел, как на Риткином затылке прыгают белые, с черными горошинами, банты.

— Пенкина, купи слона, — сказал он.

— Да ну вас! — бросила она, не обернувшись. — Все с ума посходили с этим слоном. И так переживаешь из-за концерта, а они еще...

Подумаешь, переживает. Может, Максим тоже волнуется, только не кричит об этом в коридоре.

Они пришли в комнату, где собрался хор «Крылышки». Оттого что на всех стенах были зеркала, казалось, будто народу здесь целая тысяча. Толпились, переговаривались, смеялись, ойкали от случайных и неслучайных толчков локтями. Те, кто пришли тепло одетые, укладывали теперь свои пальто и куртки на длинные столы. Вот будет потом неразбериха!

Алик Тигрицкий стащил через голову мохнатый громадный свитер и весело повернулся к Максиму. Он совсем не злился, что Максим будет вместо него петь песню про полет.

— Рыбкин, купи слона!

— Да я уж знаю, — сказал Максим.

— Все говорят «да я уж знаю», — обрадовался Алик.

И тут раздался голос Анатолия Федоровича:

— Друзья! Минутку внимания! Скоро начинаем. А пока — подготовимся...

И тогда у Максима и вправду от волнения засосало внутри.

Студия не похожа была на зрительный зал дворца. Вместо сцены — ступеньки и маленькие помосты разной высоты. Вместо стульев для зрителей тоже ступени — полукругом, как ряды на стадионе. Там уже сидели ребята в пионерской форме — зрители из разных школ. Ребят из ансамбля посадили вперемешку со зрителями. Под потолком включили целые шеренги прожекторов. И еще прожектора — большие, на длинных ногах. Их стекла были затянуты марлей, а то, наверно, можно было совсем ослепнуть.

Операторы катали по полу тяжелые камеры на высоких, похожих на столбы подставках. За камерами извивались черными змеями кабели.

Опять появился Анатолий Федорович.

— Эй, «Крылышки»! Полетели на сцену!

Что? Уже? Максима даже слегка затошнило от волнения. Но это была пока репетиция. Даже не репетиция, а прикидка: где кому стоять и сидеть. Оказалось, что хор не будет выстраиваться в три шеренги, как обычно, а ребята рассядутся вразброс на ступеньках и больших фанерных кубиках.

— Так будет естественнее, — сказала Анатолию Федоровичу кудрявая девушка с микрофоном на груди.

Анатолий Федорович нахмурил дремучие брови.

— Непривычно это. Что ж заранее не сказали?

— Ну, вы такие молодцы! Справитесь! Справитесь, ребята?

«Крылышки» радостно завопили, что справятся. Сидеть было интереснее, чем стоять рядами.

— Порепетировать бы, — сказал Анатолий Федорович.

Но девушка с микрофоном торопливо объяснила, что репетировать уже некогда: «Осветители и так затянули подготовку, и время поджигает».

Анатолий Федорович посмотрел ей вслед и позвал Алика и Максима.

— Ну что, коллеги? Страшновато?

Алик помотал головой. Солист Тигрицкий имел большой опыт и никогда не волновался. А Максим сказал:

— Маленько... Ох...

— Ничего, ничего. Вы уж не подведите... А то и так все через пень-колоду... Э, Максимушка, у тебя что с рукой?

А было не «с рукой», а «в руке». Болтик. Максим так его и носил в кулаке. Он разжал пальцы и показал нахodka:

— Некуда положить.

Ладошка была вспотевшая, красная, со следами смазки и рубчиками от резьбы.

Анатолий Федорович покачал головой. Вытянул из кармана платок и начал вытирать Максимкину руку. А потом и болтик.

— Это что? Талисманом запасся, чтобы не бояться? Э?

— Да нет, просто нашел. А куда девать?

— Ага! А я думал, это у тебя амулет для храбрости. Ты с ним петть собираешься?

— А можно?

— Ну... можно, наверно. Только ты уже постарайся.

Максим кивнул... и почувствовал, что волнение прошло. Стало спокойно, уютно и даже чуточку спать захотелось. Наверное, от тепла. Разные светильники и прожекторы так нагрели воздух, что стало как летом на черноморском пляже. Максим с сочувствием поглядел на старших ребят: как они жарятся в своих костюмах...

«Крылышки» опять рассыпались по зрительским местам. На площадку перед камерами выходили другие группы. Тоже что-то прикидывали, о чем-то спорили.

Наконец откуда-то сверху донесся радиоголос:

«Всем внимание! Сейчас начинаем!»

Старший хор — в голубых пиджаках и клешах — выстраивался на площадке.

Вышла вперед незнакомая женщина — молодая, в красивом пушистом свитере. Улыбнулась и заговорила отчетливо и весело:

— Дорогие ребята! Уважаемые телезрители! Сегодня в нашем концертном зале выступают юные артисты: певцы, музыканты, танцоры. Конечно, это пока не настоящие артисты, это такие же ребята, как вы. Просто они очень любят петть, плясать, играть на музыкальных инструментах. А учатся этому они в своем пионерском ансамбле...

Появилась ведущая — пятиклассница Светка Данилевская. И в навалившейся тишине голос ее был очень звонким:

— Выступает детский музыкально-хореографический ансамбль Дворца культуры имени Чкалова!

Потом еще минут пять: кто художественный руководитель, кто концертмейстер, кто дирижер, кто композитор...

Наконец старшие запели.

Максим назубок знал их программу и потому не очень слушал. Больше следил за операторами у камер. Иногда камеры поворачивались к зрителям. Значит, сейчас Максима видят в телевизорах! Мама видит, папа, Андрей. И ребята...

Максим старался изо всех сил сидеть солидно, а болтик покрепче стиснул в кулаке.

Хор спел две песни про космонавтов, потом про «Зарницу». После этого на площадке появился оркестр. Точнее, не весь оркестр, а несколько человек — самых младших. С трубами, флейтами и барабаном. Серебряный контрабас был таких размеров, что совсем упрятал под собой мальчишку-музыканта. Лишь ноги торчали да голубая пилотка. Барабан тоже оказался великанским. Однако и девчонка-барабанщица была не маленькая — худая, но высокая, выше всех.

А впереди оркестра встал тот мальчик, что встретился в коридоре: «Купи слона...» Он держал медные тарелки. Лицо у мальчика было серьезное. Но Максиму показалось, что за серьезностью прячется хитроватая улыбка: «Это я на первый взгляд такой спокойный, а вот как возьму да гряну...» Максим тихонько засмеялся и постарался встретиться с мальчиком глазами. Но тот стоял будто в строю — сдвинул пятки, опустил руки и глядел прямо перед собой. Ну и пусть. Все равно он с Максимом немножко знаком, и Максим рад, что выступает такой хороший человек. Жаль, что они раньше не встречались. А как встретишься? Хор и оркестр занимают в разные дни...

— Старинная мелодия! — объявила Данилевская. — Марш отдельного Кубанского пластунского батальона «Морской король»! Исполняет младшая группа духового оркестра! Дирижер Евгений Сергеевич Кочкин!

Евгения Сергеевича можно было бы звать просто Женей: он оказался чуть постарше Максимкиного брата Андрея. Евгений Сергеевич легко вспрыгнул на площадку и поднял руки. Маленький музыкант с тарелками покосился на дирижера и чуточку улыбнулся.

Они заиграли.

Марш был красивый. Местами немного печальный, но все равно боевой. Он Максиму очень понравился. А больше всего понравилось, как мальчик ударял тарелками. Гря-

нет, потом широко разведет и плавно опустит руки. Он был почему-то без пилотки, и после каждого удара у него от толчка воздуха торчком вставал отросший русский чубчик.

Максиму хотелось, чтобы марш звучал долго-долго. Но что поделаешь, он кончился. И тогда Максим захлопал вместе со зрителями изо всех сил. Жаль, что мальчик с тарелками не посмотрел на него: наверно, не заметил среди многих мальчишек и девчонок.

Ребята из танцевальной группы сплясали «Тройку», и наступила очередь «Крылышек». Народ в вишневых пилотках отовсюду стал сбегаться к площадке и усаживаться, как договорились. Получилось шумно и даже бестолково. «Неужели весь этот кавардак видно на экранах?» — с беспокоеством подумал Максим.

Наконец расселись.

Три большие телекамеры смотрели на них темными выпуклыми стеклами. На одной камере над объективом горела красная лампочка. Значит, эта камера как раз и работает. Максим старался на нее не смотреть. У него опять от волнения заныло внутри. Но тут он сообразил, что песня о полете еще не сейчас. Есть время, чтобы собрать всю смелость.

Рядом с камерой, так, чтобы не попасть на экраны, встал Анатолий Федорович.

Опять бойко затопала к микрофону Светка Данилевская.

— Выступает хор «Крылышки»! Художественный руководитель и дирижер Анатолий Федорович Вершков.

Зрители захлопали, а хор смотрел на Анатолия Федоровича. Тот незаметно кивнул, поднял руку: внимание...

Сначала вместе, без солистов, спели «Кузнечика»: как его слопала лягушка. Потом Алик пел свои «Макароны». Это шуточная песня, как один итальянец очень хочет похудеть, но ничего не может с собой поделывать: больше всего на свете он любит вкусные макароны и, как увидит, сразу на них набрасывается.

Алик пел здорово, смешно. Зрители долго хлопали и веселились.

А Максим понимал, что вот наступает и его минута. И даже ноги ослабели.

«А ну, прекрати, — сказал он себе строгим маминим голосом. — Прекрати сию же минуту. Изволь держать себя в руках!»

И это немножко помогло. Потом он увидел, как ему улыбнулся Анатолий Федорович, и эта улыбка тоже по-

Максим для убедительности еще крепче сжал болтик. Глянул поверх голов зрителей. Проекторы светили в глаза и грели, как летнее солнце. Максим слегка прищурился и запел:

Товарищ летчик!
Ну что вам стоит?
Я жду уже три недели...
Ведь это совсем-совсем простое
Для вас, для летчиков, дело.

Мне очень надо подняться в небо —
Я летчиком тоже хочу быть,
А в небе ни разу, ни разу не был...
Возьмите,
сделайте чудо!

Он пел, и ему уже казалось, что он в самом деле просит летчиков, чтобы взяли в полет. И если будет просить очень убедительно, изо всех сил, тогда, может быть, и в самом деле случится чудо.

Ведь я не прошусь ни в тайгу,
ни на полюс,
Ни в жаркие страны далекие.
Мне лишь на минуту взлететь над полем...
Возьмите!
Я очень легкий!

И потом, как последний, отчаянный довод:

Ведь я ничуть не боюсь высоты,
Я прыгал два раза с крыши!..

И тихо. На секунду тихо. И каждый раз, когда Максим кончал на этих словах, он чуточку боялся: возьмут? Он знал, что возьмут, и все равно с напряжением ждал, когда хор совсем развеет тревогу.

И хор закончил песню:

Рванули на клочья
воздух
винты,
Прижались от ветра трава и кусты:
Машина с мальчишкой рванулась —
все вышло!
Выше!
Выше...
Выше...

Песня затихла постепенно и плавно, как затихает звон мотора, когда самолет уходит к горизонту.

И стала нарастать тишина. Какая-то удивительно

плотная тишина и очень долгая. Что же это? Так и будет? А что теперь делать?

И вдруг кто-то хлопнул. И еще! И сразу рванулась, понеслась трескучая река аплодисментов, и Максим в первую секунду испугался — даже больше, чем тишины. Не так уж много народа, откуда же столько шума? Хлопают, хлопают. Кто-то даже крикнул: «Молодцы!» Как в хоккее. Максим растерянно оглянулся на хор. Ребята стояли и тоже хлопали. Подошел и встал рядом с Максимом Анатолий Федорович. Взял Максима за плечо. Максим глянул на него удивленно и вопросительно. Анатолий Федорович улыбнулся ему мельком, потом стал смотреть в зал и несколько раз поклонился. Быстрыми шагами подошла красивая женщина в пушистом свитере — та, что открывала концерт. Нагнулась сбоку над Максимом.

— Тебя зовут Максим? Поздравляю, Максим, ты хорошо пел. — И, выпрямившись, спросила: — Верно, ребята?

Аплодисменты опять налетели, как шумный ветер. А когда приутихли, она спросила:

— Тебе нравится петь?

— Ага... — сказал он сипловато от смущения. И поправился: — Да, нравится.

— Ты, наверно, не первый раз выступаешь на концерте?

— Первый... То есть солистом первый. И по телевизору...

— Ну, тем более поздравляю. Удачное начало... Ты кем хочешь быть, Максим?

Он беспомощно глянул на Анатолия Федоровича. Но тот ободряюще улыбнулся: «Держись».

— Я не знаю, — почти шепотом сказал Максим.

— Но все-таки! Может быть, летчиком?

— Может быть, — согласился Максим. Но обманывать не хотелось, и он опять повторил: — Не знаю... Правда, не знаю. Я еще не решил...

Кажется, это был неудачный ответ. А что сказать? Максим свел брови и досадливо потер лоб кулаком. Зрители засмеялись. Максим поспешно опустил руку.

Женщина в свитере тоже смеялась.

— Ничего, Максим, время еще есть, успеешь решить... А что у тебя в кулаке?

— Это так, болтик, — растерянно объяснил Максим и раскрыл ладошку.

— Интересно. А зачем он тебе?

Долго было про все рассказывать. Максим набрался храбрости, улыбнулся и сказал:

— Для крепкости...

«Ведь я ничуть не боюсь высоты...»

Лето вначале кажется сказкой. Потом привыкаешь, но первые дни — радость и праздник. А самый первый летний день — настоящее чудо. Все — чудо! Запах короткого дождика, который вымыл асфальт (хотя дождя не было, а проехала поливальная машина). Стайка желтых бабочек над газоном. Согретый воздух, обнимающий со всех сторон, отвесные лучи, которые греют плечи сквозь тоненький жилет и рубашку. И чудесная легкость: нет на тебе ни пальто, ни тесной куртки с кусачим воротником. Скачешь и словно купаешься в солнечном воздухе. А если разбежаться и посильнее ударить подошвами об асфальт, можно подскочить и полететь к облакам, похожим на большие белые парашюты.

Тепло, тепло, тепло... Даже не верится, что утром цапал ноги и шею колючий холодок. Те, кто пришли на студию одетыми, теперь тащили свое имущество под мышками. Только Алик Тигрицкий натянул свитер — он берег свой голос от малейшего дуновения.

«Крылышки» разлетались от проходной во все стороны — по своим улицам, домам, школам.

Максима догнала Маргарита Пенкина.

— Рыбкин, ты можешь стать гордостью ансамбля, если будешь работать над собой, — внушительно сказала Ритка. — И если не станешь зазнаваться.

Максим досадливо вздохнул и ускорил шаг вперед — чтобы не портить настроения. Ненормальная какая-то! Разве он хоть чуточку зазнается? Просто радуется, что все хорошо получилось. И все ребята радовались: песня-то обшая. Вон, левое плечо все еще гудит — это Вовка Семенов подошел, сказал: «Молоток!» — и трахнул с размаху ладонью. Дружески, конечно, однако крепко.

А на щеке, наверное, до сих пор красный кружок с четырьмя бугорками — след от пуговицы. Это Алексей Федорович прижал Максима к пиджаку. Из всех сил прижал и сказал:

— Молодчина, Максимушка, спасибо тебе.

А за что ему спасибо? Это всем на свете спасибо, что так здорово было. Алексею Федоровичу — за то, что учил и не сердился, когда Максим путался в нотах (если честно, то и сейчас путается, но, говорят, слух выручает). Мальчику-музыканту — за «слона», за сверкающие медные тарелки и боевой марш «Морской король». Алику — за то, что не обиделся. Вовке — за приятельский тумак. Женщине-диктору — за хорошие слова. И всем — кто слушал и хлопал... Летнему дню спасибо за тепло и радость. И мастеру, который сшил вишневую форму — такую, что в ней легко и песни петь, и по солнышку шагать вприпрыжку, и красивым быть: прохожие поглядывают и улыбаются... И крепкому железному болтику спасибо.

Максим шагал, радовался, перебрасывал болтик из ладони в ладонь. И вдруг подумал: а куда идти?

В школу рановато. Если поспешить, можно заскочить домой, узнать, понравилась ли передача. Но это будет неинтересный, торопливый разговор. Во-первых, мама засадит обедать, а есть совсем не хочется. Во-вторых, скажет, чтобы переодевался. Нечего, мол, казенную одежду трепать. Но в школьных штанах и куртке он заживо сварится — вон какое солнце! А новенькую пионерскую форму трогать нельзя: она приготовлена к послезавтрашнему сбору.

Но, по правде говоря, не только в этом дело. Просто хочется Максиму быть таким, как на выступлении. И не хвастовство это вовсе. Ну, может быть, только чуть-чуть... Просто он чувствует, что, если снимет форму «Крылышек», потеряет частичку радости. А зачем?

Нет, лучше уж сразу в школу. А чтобы не прийти слишком рано, можно попетлять по незнакомым улицам. На каждой улице — лето. И на каждой — что-то неизвестное. И все надо узнать. Ведь это теперь его, Максимкин, город.

Максим прикинул примерное направление к школе, перешел дорогу и свернул за угол.

Улица называлась Восточная и была тихая. Дома — разные: деревянные и каменные. Некоторые одноэтажные, а чаще по два и три этажа. Но все старые. И тротуары старые — не асфальтовые, а из стертых гранитных плит. В трещинах пробились яркая травка и желтели одуванчики. Максим шагал, стараясь не наступать на них.

В одном месте плиты были выворочены и улицу пере-

секала глубокая траншея. Видимо, водопроводчики меняли здесь трубы. Но сегодня была суббота, и никто не работал. Через траншею перекинут был мостик из досочек. Но это — на другой стороне улицы. Там, у чугунных узорчатых ворот, стояли две девчонки — наверно, класса из пятого — и поглядывали на Максима.

Максим посмотрел за траншею, и внутри у него слегка заглодело. Но как быть? В конце концов, нельзя же трусить всю жизнь!

Ведь я ничуть не боюсь высоты,
Я прыгал два раза с крыши...

Он отошел, вздохнул и крепко сжал болтик. И разбежался так, что ветер засвистел в ногах. Р-раз! Он перелетел! Мельком увидел под собой темную глубину траншеи с голубым осколком воды и упал на четвереньки в кучу рыхлой глины.

Вскочил, отряхнул глиняные крошки и пошел, не оглянувшись на девчонок.

Но так спокойно и независимо шел он недолго. Потому что на тихой улице послышался громкий плаксивый голос. Кто-то кричал и причитал за углом высокого дома.

Максим заторопился и свернул в переулочек.

На тротуаре стояла худая как палка тетенька в синем платье и клетчатом платке. Платок закрывал всю голову, лоб и шею. Голова была похожа на клетчатый шар с маленьким остроносом лицом.

Тетенька стояла прямо, как на сцене, и, глядя перед собой, голосила:

— Сгорим, сгорим-им ведь, паразит он проклятый, утюхта не выключен, и ушел, чтоб его машина переехала, опять наберется по уши, висельник окаянный!..

Толстый дядя в полосатой рубашке, две женщины с большими сумками и очень высокий гражданин в очках стояли неподалеку и переглядывались. Видно, понять не могли: что за невыключенный «утюх», который ушел куда-то, и почему его должна переехать машина.

Максиму тоже стало интересно, и сделалось немного жаль крикливую тетеньку.

Подошла еще женщина — видно, знакомая. Ухватила голосистую за локоть. Громко спросила:

— Что с тобой, Марина?

Тетенька с девчоночьим именем Марина стрельнула по сторонам глазами и опять запричитала:

— Только на минуту вышла к Нюре за маслом, велела

паразиту: «Никуда не уходи», ключ не взяла, а он уже смылся, дверь захлопнул! Только бы за воротник залить ради субботы, а что утюг горит, сообразить — ума нет! Ой, пожар будет на всю улицу! Ой, будет!.. Там газеты рядышком лежат, все равно что растопка...

— Ну ясно, — сказал толстый дядя женщинам. — Муж сбежал, ключа нет, утюг калится. Это надо же: уходить — и не выключать электроприборы.

— На минутку вышла-то, кто же его знал! — жалобно откликнулась Марина. И захныкала, не поворачивая головы.

— Подожди ты! Может, твой Витя выключил утюг-то, — сказала знакомая.

Марину опять прорвало:

— Выключит он, как же! Сроду ничего не выключает, палец о палец стукнуть дома не желает, чтоб он отравился! Наделаем пожару, всю жизнь не расплатимся, будет знать, рожа запойная!

— Дело понятное, — сказал толстый дядя. — Все может кончиться возгоранием.

— Тогда, наверное, есть смысл немедленно позвонить пожарным, — откликнулся высокий гражданин.

Несколько остановившихся прохожих ему возразили: а вдруг утюг все же выключен и пожарные приедут зря? Неприятность будет.

— Пока ведь не горит. Ежели бы горело, дым бы из форточки шел. Она открытая.

Все посмотрели наверх. Над нижним кирпичным этажом поднимались еще два — деревянные, и на верхнем, под узорчатым карнизом большого окна, темнел квадрат распнутой форточки.

Подошли две девчонки — те, что стояли у ворот, когда Максим прыгал. Тоже стали смотреть на форточку, быстро поняли, что к чему.

Одна сказала:

— Если бы кто залез да выключил...

— Это, пожалуй, здравая мысль, — откликнулся высокий гражданин. — Но кто рискнет? Тут необходимы ловкость и сноровка.

Может быть, они просто так говорили, но у Максима под рубашкой забегали холодные мохнатые жуки. Показалось, что все смотрят на него. Если ловкость и сноровка, то у кого? Не у толстого же дяди и не у этих пожилых женщин с кошелками. И не у девчонок с глупо приоткрытыми ртами.

Наверно, видели передачу и уже вспоминают, как он пел про полет.

Здесь, конечно, не песню петь. До окна с форточкой метров семь: если свалишься, щепки будут... А пилотка? А эти слова: «Ведь я ничуть не боюсь высоты?» Попробуй теперь сделать вид, что тебя ничего не касается, попробуй уйти! Может быть, ничего не скажут, но как будут смотреть вслед...

И как потом ходить по городу в пилотке с крылышками?

Максим глянул на водосточную трубу. Даже не оправдаешься, что старая и не выдержит. Или что грязная — перемажешься ржавчиной. Как назло, новая, прочная, покрашенная коричневой масляной краской.

В конце концов, по шесту в спортзале он лазил, не падал...

И, по правде говоря, как было бы здорово, если бы сейчас на виду у всех он спас от пожара дом...

Чувствуя замирание в душе, Максим снял пилотку и положил в нее болтик. Потом расстегнул и скинул жилет. Протянул все это высокому гражданину в очках:

— Подержите, пожалуйста.

Гражданин с почтением взял Максимкино имущество. Зрители запереговаривались:

— Ишь, смелый малец...

— А чего! Он как перышко, враз доберется.

— Перышко! Мать-то видела бы...

— Да поймает, коли оборвется...

— Ты, мальчик, главное, не бойся, забудь, что высоко...

— Граждане, зачем вы разрешаете? А если что случится?

— А если пожар?

— Мальчик, не надо!

«Не надо»! Теперь никуда не денешься, нужно держаться до конца. Максим, не оборачиваясь, подошел к трубе и здесь сбросил сандалии и носки. Глянул вверх, вдоль трубы. И все, наверно, смотрели, как он — ловкий, гибкий и быстрый — готовится рискнуть.

Сзади тяжело затопали — подошел толстый дядя.

— Давай-ка, акробат, я подсажу повыше. Все легче будет.

И не успел Максим вздохнуть, как оказался в двух метрах над землей. Почти на уровне второго этажа.

Он вцепился в трубу. Сжал ее коленями, ступнями, ладонями. Прижался грудью и даже щекой. Будто прикле-

ился. Посмотрел вниз. Все с ожиданием глядели на него. Максим вздохнул и полез...

Труба, хотя и блестящая была, но не очень скользкая. И не очень шершавая — не царапалась. Она словно прилипала к ногам и ладоням. Угол дома был в тени, труба не нагрелась от солнца и приятно холодила. Максим после каждого рывка прижимался к ней щекой. Это прогоняло боязнь.

В общем, лезть было не очень трудно, и Максим понял, что до третьего этажа доберется.

А вот как дальше?

Он подтянулся последний раз, встал на перемычку, соединявшую трубу со стеной. Железо было тонкое и резало ступни. Максим сжал зубы, зашипел от боли и поскорее перебрался на длинный карниз, который отделял второй этаж от третьего.

Окно с форточкой было третьим от угла. Цепляясь за косяки, за выступы деревянных узоров и переплеты рам, он стал пробираться вдоль стены. Снова стало жутковато, и, чтобы не дрожать, Максим уговаривал себя: все это не страшно, до земли всего два этажа, а если точнее — то полтора, потому что первый, каменный, — не настоящий этаж, а почти полуподвал. И если что случится, толстый дядька обещал поймать...

До окна он добрался. Подергал створки. Они, конечно, не открывались. Теперь начиналось самое сложное. Внизу переговаривались, давали Максиму советы и даже требовали, чтобы он спускался обратно. Но он не обращал внимания. Он знал, что выход один — лезть в форточку.

Он дотянулся до верхнего карниза, встал пальцами на узенькую кромку подоконника. Нижний край форточки оказался на уровне груди. Максим сунул в форточку голову и руки, лег грудью на переплет, зацарапал коленками по скользкому стеклу. И, сам не зная как, начал проталкиваться все дальше, дальше. Наконец перевесился и радостно свалился вниз головой в комнату.

Нет, не зря он сюда забрался! В комнате уже плавал едкий дымок. На шерстяном одеяле, накрывавшем стол, вокруг чугунной подставки утюга расплзлось коричневое пятно, похожее на большого краба.

Максим дернул шнур, схватил утюг за ручку, ударил им по подставке. Она со звоном покатилась и легла у двери. Максим поставил на нее безопасный теперь утюг. Потом, кашляя от запаха горелой шерсти, подошел к окну, дернул запоры. Распахнул створки.

Снизу, одинаково приоткрыв рты, смотрели на него разные люди.

— Все! — сказал Максим. — Выключил. Еще немного, и загорелось бы. Одеало уже дымилось.

Он был сдержан, а душа у него ликовала.

Две девчонки переглянулись, снова задрали головы и вдруг зааплодировали. Как на концерте. И тогда другие люди, взрослые, тоже захлопали. Все. И толстый дядя, и женщины (они аккуратно поставили на тротуар сумки), и высокий гражданин в очках (он повесил Максимкин жилет на локоть). И даже трое больших мальчишек — они подошли, когда Максим забирался в окно. И еще разные прохожие.

Максим даже отодвинулся на полшага от подоконника. И наверно, слегка покраснел. Второй раз за сегодняшний день его награждали аплодисментами. Снова он был победитель. Может быть, напрасно он совсем недавно считал себя трусом?

Максим сделал спокойное лицо и перегнулся через подоконник. Надо было узнать, как выбраться из квартиры. Он не успел даже спросить. Голосистая Марина одна из всех не хлопала и, едва Максим наклонился, закричала:

— Ты иди, мальчик, иди в коридор, там дверка с замочком. Ты иди отопри, а я поднимусь!

И, не сгибаясь, торопливо засеменила во двор — словно ходячая синяя палка с клетчатым шаром-набалдашником.

Максим через кухню вышел в коридор. Здесь горела желтая лампочка и почему-то пахло ржавчиной и керосином. На стене висела жестяная ванна, велосипед без переднего колеса и старые пальто. На высокой двери с деревянными завитушками поблескивал новый накладной замок. Он был сложный — с рычажками и кнопками. Как на секретном сейфе! Максим понажимал, подергал, но без всякого результата.

За дверью слышались поспешные мелкие шаги.

— Как открывать-то? — нетерпеливо спросил Максим. — Я в школу опаздываю.

— Кнопочку, кнопочку снизу нажми, а рычажок отведи, оттяни его...

Кнопочек на замке было две. Максим нажал их по очереди и вместе, подегал рычажки. Попытался повернуть граненую ручку. Замок сопротивлялся с железным упорством. Максим стукнул по нему кулаком, отбил сустав на мизинце, сунул палец в рот и шепеляво произнес:

— Ну и шиштема! Я не жнаю, што делать!

— Заело! — запричитала Марина. — Его, как сильно хлопнешь, завсегда заедает!

Максим вынул изо рта палец и сердито потребовал:

— Ну, слесаря тогда зовите. Мне же в школу надо скорее.

— Где его в субботу найдешь, слесаря-то? Вот уж если Витя придет...

Жди, когда ее Витя явится!

Успех всегда прибавляет сил. Максим чувствовал в себе сердитую смелость. Решительно шлепая босыми ступнями, он опять прошагал к окну. В конце концов, это даже лучше — вернуться на землю тем же рискованным путем.

— Замок у нее заело, — с ехидной ноткой громко объяснил Максим зрителям. — А мне в школу пора.

Он ловко перебросил ноги через подоконник и опять встал на узенький карниз.

— Мальчик! — сказал гражданин в очках, — Не надо! Сейчас нет особой необходимости, а...

Но договаривать он не стал. Какой смысл? Максим уже двигался к трубе. Он пробирался вдоль стены цепко и ловко. Рубашка выбилась из-под резинки на штанах и, наверно, красиво трепетала на ветерке. Максим не боялся. Путь по карнизу был знаком, а по трубе он спустится в два счета — это ведь не вверх карабкаться. Один раз у него дрогнула и сорвалась рука. Девчонки громко ойкнули. Но это лишь прибавило Максиму храбрости. Он вцепился в трубу и, поглядывая вниз, начал спускаться. Толстый дядя подошел и растопырил руки.

— Спасибо, я сам, — сказал Максим. Скользнул до конца трубы и с облегчением ступил на ее изгиб — в полуметре от земли.

В эту секунду нижнее колено трубы вырвалось из скоб и грянулось о землю. Вместе с Максимом.

Он грохнулся на бок, плечом и локтем, и отлетел к фундаменту, с размаху стукнувшись левой коленкой о шершавые кирпичи.

Секунду он лежал оглушенный. Потом подумал: «Вот глупо-то! У самой земли. Смеяться будут». Быстро сел. Посмотрел на локоть: сильно ли порвана рубашка? Странно: не порвана и даже почти не испачкана. Это хорошо.

Он толкнулся о землю ладошками, чтобы вскочить и засмеяться вместе со всеми. В колене словно взорвалась маленькая бомба — на сто колючих осколков! Максим тихонько ойкнул и посмотрел на колено. Там было что-то

красное и блестящее. Максим зажмурился, и его слегка затошнило.

Максима обступили и пытались поднять.

— Осторожно, осторожно!.. Очень больно, мальчик? (Еще бы! Боль нарастает резкими толчками. Такая, что слезы уже не сдержать.)

— Тише, товарищи, ногу не трогайте. Вдруг сломана! (Этого еще не хватало! Ведь послезавтра сбор!)

— «Неотложку» надо, шов придется накладывать... (Мамочка! Какой еще шов?)

— Не надо шов, на мальчишках все подсыхает... (Вот и хорошо...)

— Да, подсыхает! Смотрите, земля попала! А если заражение? Надо прививку...

— Не надо! — отчаянно сказал Максим.

— Тише, тише, мальчик, не бойся. Нужно перевязать. У кого есть чистый платок?

(Как назло, платок дома остался!)

— Девочки, у вас есть платок?.. Эх, а еще девочки.

— Тут больница недалеко. Давайте мы на руках дотащим!

(Это большие мальчишки. Им что! Возьмут и дотащат. А там...)

— Спокойно, товарищи. Где раненый? Дайте-ка я возьмусь.

Это был густой командирский голос. Максим разлепил мокрые веки. Сквозь повисшие на ресницах капельки он увидел громадного человека.

Человек был большущим в высоту и ширину. Как башня. Башня, одетая в синюю форму гражданского летчика. Где-то в подоблачной вышине маячила белая клеенчатая фуражка с голубым околышем. Этот необыкновенный летчик словно весь состоял из круглых больших складок. В складках необъятный живот, обтянутый форменным пиджаком. Складками повисла шея над белым воротничком сорочки. В складках крупное лицо. И оттуда, с вышины, добродушно и внимательно смотрели на Максима очень синие глаза. Такие же синие, как у плотника, который подарил золотую щепку.

Люди расступились. Человек-башня вытянул из брючного кармана белоснежный платок размером с небольшую скатерть. Потом, колыхаясь складками, присел над Максимом. Мягко, но решительно взял в большущие пальцы его ногу.

Плотная повязка придавила, ослабила боль, сделала ее нестрашной. Летчик поднял Максима.

— Ступить можешь?

Максим попробовал. Шепотом сказал:

— Могу, если несильно.

Рукавом вытер ресницы, помигал и спросил:

— А где моя пилотка?

Высокий гражданин торопливо подошел:

— Вот, пожалуйста. И винтик ваш...

Максим улыбнулся:

— Это мой болтик.

Ему помогли надеть жилетик. Натянули носки и застегнули сандалии. Летчик, увидев пилотку, пророкотал:

— Эге, да ты тоже из авиаторов. Неудачно сел?

Максим опять улыбнулся, посмотрел на колено. И снова испугался: сквозь платок проступало красное пятно.

Летчик сказал обступившим людям:

— У меня тут машина. Сейчас отвезу пострадавшего товарища в нашу санчасть. Там посмотрят.

Взрослые зрители обрадованно запереговаривались: как все удачно получается!

Им-то что! Это ведь не им, а Максиму в санчасть, где на стеклянных полках всякие блестящие штуки: шипцы, ножницы, шприцы...

— Может, не надо? Подсохнет, — жалобно сказал он.

Летчик проурчал что-то по-медвежьи, подхватил Максима, как щепочку, и понес. Куда денешься с такой высоты из таких могучих лап?

А может быть, все еще обойдется? Перевяжут — и дело с концом. Не обязательно же прививка...

Максим слегка успокоился. Сидеть было удобно. Он плыл над тротуаром, покачиваясь, как в люльке. От летчика пахло крепким одеколоном и табаком. У него были седые брови, клочковатые светлые волосы и большой круглый нос в прожилках. А глаза были ласковые. И Максим вдруг подумал, что летчик похож на Деда Мороза, которого побрили и одели в форму.

Летчик принес Максима к старенькому «Москвичу», усадил на переднее сиденье. Сам зашел с другой стороны, стал втискиваться в кабину. «Москвич» застонал и присел на рессорах.

— Старость... — сказал летчик и немного смущенно покосился на Максима. Потом озабоченно спросил: — Не болит? Не сгибай пока ногу.

Максим глянул на колено и коротко вздохнул: красное пятно сделалось больше.

Летчик стал торопливо давить на педаль стартера. «Москвич» зачихал.

— Сейчас быстренько доедем...

— А куда? — спросил Максим.

— Туда, где управление Аэрофлота. Может быть, видел?

— Конечно, видел! Я там во дворце в ансамбле занимаюсь. Видите, и форма такая: хор «Крылышки».

— Вот и отлично, — прогудел летчик. — Я сразу понял, что ты из наших... А чего это ты приземлился так неладно?

— Да... из-за одной растяпы, — небрежно сказал Максим. — Утюг оставила включенный, а дверь захлопнулась. Пришлось лезть на третий этаж. Хорошо, что успел: уже гореть начало...

— Да ты герой, — серьезно сказал летчик.

У Максима уши стали теплые, и он отвернулся к окошку.

Они уже ехали. Скоро замелькали дома на знакомой улице Титова.

— Сейчас домчимся, — опять зарокотал летчик. — Там тебя быстренько починят. Промоют, перевяжут... Ну, укольчик в одно место, без этого никто не проживет. И будешь прыгать, как новенький.

— Укольчик-то зачем? — слабым голосом откликнулся Максим.

— Надо, братец. Чтобы глупого риска не было. У нас в сорок пятом году бортмеханик был — всю войну целехонький прошел, а потом руку поранил, загрязнил и помер. На двенадцатый день скрючило всего от столбняка. Так что лучше уж сразу делать как надо.

Вот и все. Никакой надежды. Теперь, даже если была бы возможность спастись, Максим не стал бы убежать. Потому что укол — это страшно, однако помирать в неполные десять лет — тоже что хорошего? Особенно когда у тебя на счету столько побед, а кругом лето...

Обида

«Москвич» остановился у здания, где было управление Аэрофлота. Но не у главного входа, а сбоку. Летчик со скрипом выбрался наружу, обошел машину, открыл двер-

цу с Максимкиной стороны. Добродушно протянул большие ладони.

— Ну что, пилот, пойдем на ручки?

Неизбежное приближалось. У Максима в животе и груди ощущалась холодная пустота, а в ней противно и однотонно стонали беспокойные струнки. Все это и называлось «страх». От такого чувства слабеют ноги, если даже они обе здоровые.

Но кроме страха в человеке есть гордость. Она со страхом борется, и они стараются друг друга повалить на лопатки. В Максиме никто из них пока не повалил другого.

Максим стал вылезать из «Москвича».

— Я сам пойду.

— А не больно?

Максим осторожно ступил на левую ногу. Боль толкнулась в разбитом колене, но терпимо. Это был пустяк по сравнению с тем, что Максима ожидало.

— Ничего, можно идти, — уныло сказал он.

— Ну и молодец.

Они прошли через садик, и Максим увидел в стене голубую дверь, а на ней белый кружок с красным крестом. Вот такая жизнь! Боишься, боишься, и наконец все равно случается то, чего боишься.

Он вспомнил слова летчика про «положенное место» и успокоил себя, что, наверно, это не так больно, как под лопатку. Хотя, с другой стороны, конечно, неприятнее... Но ведь в санчасти у летчиков наверняка все врачи — мужчины. Так что ладно уж...

В прохладном коридоре был ряд белых дверей. Летчик пошел к самой дальней. Максим, прихрамывая, — за ним. Струнки в нем перестали стонать, но дрожащая пустота внутри осталась.

В санчасти все оказалось так, как ожидал Максим. Бинты, склянки и блестящие штучки на стеклянных этажерках. Белые стулья и тахта, накрытая клеенкой.

Только врача-мужчины не было, а была девушка. В халате и шапочке, как у Светланы Сергеевны в школе. Совсем-совсем молоденькая. Она подняла тоненькие брови и смешно удивилась:

— Ай, Иван Савельич! Вы опять к нам? Что случилось?

— Со мной ничего, Любушка, не случилось, — откликнулся летчик, и от его густого голоса на стеклянных полках что-то звякнуло. — Вот пилота привез пострадавшего. Неудачно зашел на посадку парень...

Он шагнул в сторону и открыл Максима, который стоял за его могучей спиной.

— Ай-яй! — опять воскликнула медсестра. — Это внучек ваш, Иван Савельич?

— Бог с тобой, Любушка. У меня внучка, Наташка. А это просто наш человек. Видишь, форма с крылышками. Так что чини молодца.

— Ясненько, — сказала Люба и встретила с Максимом глазами. Глаза были веселые. Но Максиму было не до веселья, и он отвел взгляд. Люба подошла, крепко ухватила его под мышки, лихо пронесла над полом и усадила на тахту. Клеенка на тахте была холодная. Максим вздрогнул.

Люба торопливо спросила:

— Ты что, маленький? Боишься?

— Нисколько, — замогильным голосом сказал Максим.

— Ну и замечательно!

Она взялась за платок на колене. Размотала стремительно, а сняла осторожно.

— Ух ты... Красиво... Ну ничего. Это с виду неприятно, а на самом деле не страшно. Ободрал сильно, вот и все.

Максим краешком глаза глянул на колесо, мигнул и стал смотреть за окно. Там на травяное поле медленно опускался оранжевый вертолет.

Люба отошла к шкафчику и зазвенела склянками. С каким-то пузырьком и ватой опять направилась к Максиму.

— Не бойся, это не йод, жечь не будет.

Максим только плечом шевельнул. Да хоть бы сто бутылок йода! Это ведь не шприц с неумолимой тонкой иглой.

Жидкость из пузырька шипела и пенилась, как газировка. И холодила. Потом на ногу лег сухой плотный бинт. Боли почти не было.

Максим с надеждой посмотрел на Любу: «Может, все?» Но она доставала из-под стекла никелированную коробку. Максим успел заметить, как вертолет за окном отразился в этой коробке оранжевым огоньком.

Из коробки появился шприц.

Иван Савельевич сидел у двери. Белая табуретка под ним казалась совсем крошечной. Он сочувственно смотрел на Максима. Потом подмигнул: «Ничего, держись».

Люба повернулась к Максиму.

«Сейчас скажет: «Снимай штаны», — тоскливо подумал он и вспомнил, что давно еще про такой случай смотрел

в каком-то кино. Зрители в зале веселились. Но в том фильме в переделку попал большой парень и от медсестры сумел отбрыкаться. А Максиму что делать? Он маленький...

Но Люба была хорошая медсестра. Она сказала:

— Расстегни рукавчик.

Максим непослушными пальцами стал дергать пуговку на обшлаге.

Люба подошла вплотную и шепотом снова спросила:

— Ты что, боишься?

Врать уже было бесполезно. Максим с коротким вздохом сказал:

— Маленько...

— Не бойся ничуточки, я незаметно. Посмотри в сторону и сосчитай до трех.

Максим ощутил на руке холодок проспиртованной ватки и... Он втянул воздух сквозь сжатые зубы. Ничего себе «незаметно»! Он так стиснул в кулаке болтик, что головка чуть не проткнула ладонь.

— Все-все-все! Ты герой.

Все?

Значит, все...

Все!!

Конец подлому страху! Не надо больше замирать и вздрагивать!

И вдруг Максим разозлился. А почему он дрожал? Почему боялся до тошноты? Из-за этой секунды?.. «Сосчитай до трех...» Даже и не сосчитал. Ну, пришлось потерпеть — один миг. А из-за страха мучился сколько? В тыщу раз больше, чем от укола. Дурак и тряпка! А еще и вправду героем себя воображал...

— Рукав не опускай пока, пусть подсохнет, — ласково сказала Люба.

Максим кивнул и встал, осторожно ступив на забинтованную ногу. И улыбнулся. Все-таки сильнее злости была радость освобождения. Радость, что страх позади. Впереди — день, похожий на праздник... А бояться Максим больше не будет никогда. Хватит, помучился. Теперь-то он знает, что глупо дрожать из-за пустиков.

Иван Савельевич тоже встал — со вздохами и шумом, но быстро. Это было похоже на рождение нового острова, который поднимается со дна океана.

— Ну, Любушка, я забираю молодца. Довезу домой. А?

Люба нерешительно посмотрела на Ивана Савельевича. Потом на Максима — слегка виновато.

— Еще не все... Это ведь такая сыворотка, ее нельзя сразу в полной дозе. Через часок еще раз надо.

Наверно, она увидела несчастные Максимкины глаза и заторопилась:

— Можно у нас в садике посидеть или погулять. Посмотреть, как самолеты летают. Часик быстро пройдет... Тебя как зовут?

— Максим, — сказал он шепотом и отвернулся к двери.

Он чувствовал себя так, будто сделали ему удивительный подарок и тут же отобрали. Посмеялись...

Иван Савельевич громадной ладонью взял его за плечо — словно седло положил на Максима.

— Мы вместе подождем. Мне теперь торопиться некуда, все равно в отпуске. Посидим, побеседуем. Пошли, Максим, в садик.

Максим захромал к двери. Потом вдоль коридора. Горькая досада разъедала его. Максим украдкой даже стукнул по стене кулаком с болтиком. Потому что досада была злая.

Злая и... без боязни.

Максим удивленно прислушался к себе. Страх не было. Почти не было. Так, мелкий осадочек... Что это? Может, весь запас страха израсходовался на первый укол, потому что Максим не знал о втором?

Они вышли в скверик и сели на сколоченную из реек скамейку. Максим еще раз словно прощупал свои нервы. Каждый сантиметр. Не затаился ли страх где-нибудь? Не выскочит ли опять, не разбежится ли по жилкам? Нет! В самом деле нет. Сердце стучало ровно и смело.

Конечно, предстоящий укол не радовал. Но когда Максим думал про него, не было ни тошнотворной слабости, ни дрожи. Жаль только, что надо ждать целый час. А если бы прямо в эту минуту, Максим бы и не побледнел даже. Разве что самую капельку...

Значит, кончено? В самом деле не надо, значит, вздрагивать при неожиданных шагах в школьном коридоре. Не надо бояться, что ехидный Мишка Стременко заподозрит в тебе труса и скажет про это всему классу!

Эти мысли прогнали досаду. И к Максиму опять пришла радость — спокойная радость смелого человека.

За палисадником, на краю аэродрома, стоял длинный деревянный дом с тонкими антеннами и высокой мачтой.

Над мачтой качалась надутая теплым ветерком «колбаса» — длинный сачок, сшитый из поперечных черно-белых полос. Это чтобы летчики видели, откуда ветер, когда заходят на посадку.

Садились и взлетали часто. Серебристые, с голубыми полосками, Ан-2 и пестрые двухместные аэропланчики. И вертолеты, похожие на разноцветных стрекоз. Воздух мелко дрожал от стрекота моторов. И Максим подумал, что похоже, будто он попал в волшебную страну громадных кузнечиков.

Чтобы палисадник не мешал видеть летное поле, Максим с ногами забрался на скамью и сел на высокую спинку. Потом вспомнил о прилипших к подошвам тополиных почках и мусоре и торопливо скинул сандалии в траву: скамья недавно была покрыта ярко-голубой блестящей краской.

Максим покосился на Ивана Савельевича, но тот вроде бы ничего не заметил. Он сидел, сняв фуражку, и смотрел на самолеты. Максим со своей высоты видел его громадные плечи, погоны с широкими золотыми угольниками, редкие седые пряди, сквозь которые просвечивала розовая кожа.

Большой красно-желтый вертолет низко-низко прошел над ними. Мелькнула тень, и показалось даже, что от сверкающего винта дохнуло ветром.

Иван Савельевич взглянул на Максима, и они улыбнулись. Будто были оба летчиками и понимали друг друга без слов.

И Максиму очень-очень захотелось хоть какое-то отношение иметь к этой пестрой крылатой жизни. Он не выдержал, сказал:

— А мы сегодня по телевидению выступали. Я там песню про первый полет пел. Вы не видели утром передачу?

— Не видел, — огорченно откликнулся Иван Савельевич. — Вот жалость! Если бы знать... Все равно без пользы утро провел. Хотел отпускные дела оформить, да забыл, что суббота и контора наша закрыта.

— А вы здесь работаете? — спросил Максим, чтобы поддержать разговор.

— Работаю... Пошел было на пенсию, да не могу. Пускай хоть на земле, да все же у самолетов, к своим ребятам поближе.

— А вы на каких летали? — осторожно спросил Максим.

— Я, Максимчик, на всяких летал: и на ТУ-104, и на «Илах», и на Ан-10. Во время войны был штурманом на Севере, на тяжелых бомбардировщиках... А до войны, не поверишь даже, на дирижабле приходилось летать...

— На дирижабле? — изумился Максим. — Как в кино «Гиперболоид инженера Гарина»?

— Вроде. Только побольше.

— А на таких? — Максим кивнул вслед зеленому учебному самолетику, мелькнувшему над головами.

— На таких само собой... Я ведь сейчас в кабину еле втискиваюсь, а раньше был стройненький, даже не верится. Вроде тебя.

Максим засмеялся. Он представил Ивана Савельевича, маленького, тощенького, в его, Максимкиной, вишневой форме, но с головой как сейчас — большой, седой, в белой фуражке.

Иван Савельевич тоже усмехнулся.

— Да... А сейчас — только пассажиром. Да и то врачи не советуют.

— Сердце, да? — понимающе спросил Максим.

— А холера его знает... И сердце, и печенька, и селезенка, и все на свете... Я ведь, Максим, очень старый.

— Ну уж «очень», — вежливо возразил Максим.

— Очень, брат. У меня старший внук уже летает. А младшая — вроде тебя. Чуть постарше, наверно. Недавно в пионеры приняли.

— Меня тоже послезавтра примут, — ревниво сказал Максим. — Уже на отрядном сборе у шестиклассников, у наших шефов, проголосовали. Меня бы и раньше приняли, да я в этой школе недавно.

— А, приглядывались, значит, — заметил Иван Савельевич.

— Наверно... Но теперь уж все. Теперь весь класс у нас будет пионерский. Кроме Тыликова...

— Тыликова?.. Постой-ка. Что-то знакомая фамилия... Нет, тот Туликов. Был у нас штурман на Диксоне... А что за личность Тыликов? Неужели злодей такой?

Максим пожал плечами:

— Да не злодей... Ведет себя плохо. С Софьей Иосифовной спорит все время. Один раз из резинки начал стрелять, скачет на переменах...

— Да-а, — непонятно сказал Иван Савельевич. — Это конечно... Хотя Наташка у меня тоже скачет. А в чем еще грешен Тыликов?

— Ну вообще... Софья Иосифовна говорит, что непослушный.

Иван Савельевич сморщил лицо.

— Ну, брат, и характеристика. А что значит «послушный», «непослушный»? Непонятно.

Максим удивился:

— Почему непонятно?

— Ну, смотри сам. Вот, например, летчики у нас. Пишут им характеристики. Если хороший, пишут: умелый, знающий, смелый, дисциплинированный... А можешь представить, чтобы написали: «послушный пилот», «непослушный штурман»?

Максим поморгал от неожиданности. В самом деле получалась чушь.

— Но летчики же большие. А мы еще нет...

— Понятно, что «нет», — слегка сердито заметил Иван Савельевич. — А учиться быть большими как раз и надо, пока маленькие, потом поздно будет. Я это и Наташке своей все время говорю...

Это было, кажется, правильно. Конечно, правильно! Не будет же Иван Савельевич зря говорить. Но это было непривычно...

— А вот вы сказали «дисциплинированный», — вспомнил Максим. — Разве это не все равно что «послушный»?

— Ишь ты! — возразил Иван Савельевич. — Дисциплинированный — это когда человек дело знает, умеет в сложной обстановке разобраться, умеет четко выполнять команды и сам командовать, если надо. Умеет быстро решение принять, товарищей не подведет, глупостей не наделает... Дисциплина — это когда человек сам за себя отвечает... А послушный — что? Смелый он? Неизвестно. Друга в беде не бросит? Кто его знает. В опасности не растеряется? Тоже неясно. Работать умеет? Поди разберись... Послушными, милый мой, и овечки бывают. А человек, когда надо, должен уметь за правду постоять. Уяснил?

— Уяснил, — четко ответил Максим и хотел сказать, что вообще-то Тыликов никогда не дерется, только один раз отлупил здорового четвероклассника, который срезал с куртки Светки Мешалкиной красивую нашивку.

Но не сказал. Он увидел, как от калитки через сквер движется к ним та самая Марина. У которой уют...

Ей-то что здесь надо?

Может, вспомнила про открытый кран или невыключенный газ и попросит Максима опять лезть в квартиру? Ну уж дудки.

— Вот и хорошо, вот и ладно, — издалека запричитала Марина. — Я уж извелась было, а соседи-то сказали, куда вы поехали, я и побежала следом.

Максим порозовел. Было ясно, что Марина спохватилась: не поблагодарила вовремя спасителя. Теперь специально прибежала. Может, награду будет предлагать? Вот еще! Больно нужна ему награда...

— Ты, мальчик, отдай сразу денежки, и все хорошо будет, — ласково пропела Марина. — Отдай и не бойся, мы не скажем маме с папой. Всякое бывает...

— Что? — ошарашенно сказал Максим.

— Денежки-то, которые на столе были, они где? Взял ведь! Ну, честно-то признайся да отдай. У меня же зарплата не как у летчиков...

— Тетенька, вы с ума сошли? — громко сказал Максим и встал на скамейке. Боль резко ударила его по колену, но он тут же забыл о ней. Ему стало вдруг смешно. Очень смешно. И, смеясь, он объяснил: — Не было там никаких денег. Только одеяло прогорелое.

— Ты не ухмыляйся над взрослым человеком! — уже совсем не певуче заговорила Марина. — Деньги — они сами в окошко не улетят. А мне пять рублей терять тоже резону нет.

— Вы что? Думаете, я вор? — тихо спросил Максим и взглянул на Ивана Савельевича: тот сидел с непонятым лицом и смотрел не на Максима, а на Марину. — Да нет у меня ничего! — крикнул Максим. — Глупости какие! У меня и карманов нет, смотрите!

Он дернул пуговицы, распахнул жилетик, крутнулся на здоровой ноге.

— Ну? Куда я сунул ваши деньги? Съел, что ли? Куда?

И вдруг замолчал. Моментально, словно от выстрела. Только выстрела не было, а была ужасная мысль: «Нагрудный карман! Машины пять рублей!»

Никакой страх перед уколом, никакие другие страхи не сравнить с этим ужасом. Что же теперь? Как он докажет?

— Иван Савельевич, — беспомощно проговорил он, — у меня только вот... Но это мои...

(Только что говорил: нет ничего, даже карманов нет — и вот!)

— Это правда мои... Я забыл. Это мама дала на обед...

(Кто же дает ребятам на обед пять рублей?)

Ему плевать было на глупую Марину. Но Иван Савельевич! Он теперь что думает!

Максим выдернул из кармана свернутую пятирублевку, торопливо протянул ему.

— Смотрите, это мамина! Честное слово! Я не брал...

Иван Савельевич посмотрел удивленно и, кажется, с жалостью.

А Марина цапнула деньги.

— Ну-ка, ну-ка! Не брал!..

Она поднесла синюю бумажку к острому носу, словно обнюхать хотела.

— Вроде не та, не замусоленная... Обменял, поди, в кассе... Или паразит Витка унес?.. Говори честно, где взял деньги-то!

Иван Савельевич шумно вздохнул и с напряженным лицом стал подниматься со скамьи.

— Я не брал! — отчаянно повторил Максим. — Иван Савельевич, ну правда! Ну давайте мы съездим домой, я близко живу, мама сразу скажет! Я близко...

— Тихо, тихо, малыш, — сказал Иван Савельевич.

Он двумя пальцами взял у Марины деньги и осторожно сунул в Максимкин кармашек. Он смотрел на Марину сверху вниз. И хотя она была высокая, сейчас казалась какой-то укороченной.

— Гражданочка, — насупленно произнес Иван Савельевич, — оглянитесь, пожалуйста. Во-он туда. Там калиточка, видите? Закройте-ка ее. Пройдите и закройте с той стороны. Здесь служебная территория. Я сейчас вахтера позову.

— Чего-чего? — по-воробыному прочиркала Марина. — Чего такое? Вахтера? Да зови, зови, не пугай, я пуганая! Я сейчас сама милицию позову. Завелись жулики на мою голову!

Могучая складчатая шея Ивана Савельевича стала вишневой, как Максимкина пилотка. Он с бульканьем набрал в себя воздух и грянул:

— Бр-рысь!

Максима пригнуло словно шквалом. Из-под крыши диспетчерского дома рванулись и перепуганно загалдели воробы. Марину отнесло метра на три. Там она повернулась и быстро-быстро засеменила к калитке. Так в одном мультфильме бегал тощий глупый придворный: сам длинный, ножки короткие, но подвижные — они обгоняли туловище, и тело придворного изгибалось, взмахивало ручками, но не падало.

Иван Савельевич смотрел Марине вслед, пока она не

исчезла за углом. Потом потер шею и насупленно глянул на Максима.

— Что-то я тебя не понимаю...

Максим стоял перед ним на скамейке, испуганный и озадаченный.

— Не понимаю, — повторил Иван Савельевич. — Ты же не виноват. А если не виноват, зачем трепыхаешься и дрожишь, будто кролик? У человека гордость должна быть, а ты оправдываешься, как воришка. Если прав, чего бояться?

— Я ее и не боялся. Я боялся, что вы... подумаете...

Иван Савельевич взял Максима за локти, осторожно притянул к себе.

— Максим, Максим, молодая твоя голова... Я семь десятков лет прожил. Что же я, хорошего человека от жулика не отличу? Эх ты, журавленок... Ну что ты, Максим... Ну, не надо. Эх, братец, это уж совсем зря...

Конечно, это было зря. Но что мог Максим сделать? То ли от неожиданной ласки, то ли от всех недавних переживаний прорвались у него слезы, и он начал вздрагивать, прижавшись к Ивану Савельевичу, как к скале.

— Ай-яй-яй... — сказал Иван Савельевич. — Ну довольно, Максим. Ты меня всего промочишь.

Чтобы хоть как-то сбить неловкость, Максим пробормотал сквозь всхлипы:

— Если бы знал, ни за что бы не полез утюг выключать....

Иван Савельевич сел, подхватил Максима, усадил на колени.

— Да ты что, летчик! При чем здесь эта глупая тетка? Ты же дом спасал. Там столько людей живет...

И правда... В самом деле, он же дом спасал! Но... он же об этом не думал. Если честно говорить, он же ни капельки не думал о доме. Он думал только о себе: какой он бесстрашный, ловкий и красивый! Люди могли без жилья остаться, и всем казалось, что Максим из-за них рискует. И аплодировали... А он думал, какой он герой...

От стыда у Максима разом выключились слезы. И, перекидывая из руки в руку болтик, он стал сердито тереть ладонками лицо. И не сообразил, что левая ладонь — вспотевшая и грязная от болтика.

— Ох, как ты разукрасился, — сокрушенно сказал Иван Савельевич. — Как в книжке: усатый-полосатый. Пойдем-ка...

И он повел Максима за палисадник, на край летного

поля. Там из травы торчала загнутая железная трубка с медным краном.

Иван Савельевич набрал воды в ладонь, как в ковшик, и двумя движениями смыл с Максимкиного лица грязные полосы. Максим сердито фыркал.

— Утереться нечем. Платок-то я у Любушки оставил, — пробормотал Иван Савельевич.

Максим еще раз фыркнул, выдернул из-под резинки на штанах подол рубашки и торопливо вытер лицо.

— Ишь как ловко, — одобрил Иван Савельевич. — Ну что? Пойдем к Любушке, Максим-герой?

— «Герой!..» — со злым отчаянием повторил Максим. — Если хотите знать, я трус... И наверно, хвостун.

— Почему? — удивился Иван Савельевич.

Максим от злости на себя готов был объяснить про все: про уколы, про Транзистора и про то, для чего лазил выключать утюг. Но трудно это было, и нужные слова не нашлись.

Он хмуро ответил:

— Такой уж уродился.

— Ты хороший уродился, — серьезно произнес Иван Савельевич. Наверное, он думал, что просто Максиму стыдно за недавние слезы, и сказал: — Это ничего, что плакал. От обиды бывает. На меня один раз командир эскадрильи накричал ни за что. Я уж здоровый парень был, двадцать четыре года, а разревелся вдруг как девчонка. До сих пор помню... Он даже испугался, уговаривать начал...

Максим улыбнулся. Но иногда он еще вздрагивал от недавних слез. И когда пришли в кабинет, Люба это заметила.

— Максим, ты плакал? Неужели так больно? Ну, теперь я совсем осторожненько буду, не бойся, маленький.

— Да ничуть я не боюсь, — хмуро сказал Максим.

— Ты тут ни при чем. Тут совсем другая причина. Обида, — объяснил Иван Савельевич. — А в общем, дело уже прошлое.

Максим почти равнодушно глянул на брызнувшую из иглы струйку. Сам удивляясь своему спокойствию, поставил руку.

Радость постепенно возвращалась к нему. В конце концов, он все равно спас дом. А хвастливые мысли — что ж! В следующий раз будет умнее. Зато он не струсил. И сейчас не боится. Ой... Но все равно он не боялся...

Максим встал и помахал рукой, чтобы скорее подсохло место прививки.

— В понедельник забеги, перевяжу ногу. И справочку выпишу про прививку. Это чтобы зря не кололи, если снова обдерешься. Сейчас у меня штампа для справки нет, — сказала Люба. — Договорились?

— Договорились, — весело согласился Максим.

— Забежит, забежит, — пообещал Иван Савельевич. — Он и ко мне забежит. С внучкой познакомлю.

Когда сели в машину, Иван Савельевич спросил:

— Куда теперь? Ты говорил, близко живешь.

— А можно — лучше в школу? У нас экскурсия.

— Можно-то можно. А как нога?

— Да не больно уже нисколечко.

— Поехали.

И через две минуты они были у школы.

— Вот хорошо. Спасибо, Иван Савельевич. А то я думал, что опоздаю.

— Максим, — негромко сказал Иван Савельевич, — ты, если захочешь, правда, заходи в гости. Самолеты покажу, снимки разные. Я недалеко живу. Улица Громова, дом пять, квартира тоже пять. Запомнишь?

— Конечно, запомню! Спасибо.

— Ну, лети, журавленок...

Жила-была Золушка...

Да, жила-была Золушка. В Газетном переулке, в деревянном доме недалеко от высокого берега. Правда, не совсем такая, как в сказке. Мачехи и злых сестер у нее не было, а были мама и бабушка, которые Золушку любили.

По-настоящему звали ее Таней.

Тогда почему Золушка?

Потому что часто руки и лицо были у нее перемазаны. Не из-за тяжелой работы (хотя работы она не боялась), а от возни с велосипедом и с красками, которыми Таня разрисовывала деревянные щиты, сабли и перья для стрел.

А еще потому, что была она не очень красивая и все думала, как бы с помощью волшебства сделаться красивой.

Иногда, если мамы и бабушки не было дома, Таня-Золушка подходила к зеркалу и разглядывала свое лицо. Не поймешь, что за лицо. Круглое и для тонкой шеи совсем неподходящее. Глаза — не то голубые, не то серые

и сидят, пожалуй, чересчур далеко от переносицы. И веснушки... Если бы нормальные веснушки, тогда еще ладно, а тут словно кто-то начал рисовать и бросил: в одном месте несколько точек, в другом... И волосы — вроде бы не рыжие, но какие-то рыжеватые. И растрепанные. Из таких не получаются ни мягкие локоны, ни тяжелые косы. Вот и приходится стричься «под мальчишку».

Таня надевала самое красивое платье, мамины бусы, бабушкину накидку, украшала голову маленькой короной из серебряной бумаги и кружилась по комнате. Как на королевском балу.

Впрочем, это ей быстро надоедало.

Во-первых, кружись не кружись, а прекрасной принцессой не станешь. Во-вторых, Таня в глубине души знала, что хотя она и не красавица, но в общем-то ничего, привлекательная. Это еще год назад, во втором классе, сказал Юрка Воронихин своему соседу по парте — громким шепотом, на уроке математики. Тане эти слова понравились и запомнились. Однако до Юрки она в тот раз все же дотянулась и треснула учебником. Какое ему дело? Подумаешь, принц!

Дело в том, что Золушка-Таня мечтала о настоящем Принце. На то она и Золушка.

Принц должен быть стройный, красивый и смелый. Добрый и веселый. И непохожий на знакомых мальчишек. Они все какие-то неподходящие. Или трусоватые, или, наоборот, — чересчур нахальные. И болтливые, хуже девчонок. Никакую тайну не доверишь. Да и не стали бы они слушать про ее тайны. Разве они поймут, что Таня — это Золушка? Они только себя героями воображают.

А чем они могут похвастаться перед Таней? То, что они умеют, умеет и она. Не хуже мальчишек гоняет на велосипеде, и на мечях дерется, и с плотов ныряет...

Таня снимала бусы, накидку, нарядное платье и бумажную корону. Натягивала джинсы и мальчишечью рубашку. Вскидывала на велосипед. Пока принц не нашелся, приходилось быть и Золушкой и Принцем сразу.

Она гоняла футбольный мяч и прыгала через скакалку, играла в разведчиков и в классы, ухаживала за беспризорными котятами и время от времени дралась. А иногда уходила на берег и там превращалась в Принцессу.

И все у нее было: дворец и богатства, тайны и оружие, солдаты и придворные. Правда, не живые, а из пластилина, но все равно красивые.

А Принца из пластилина не сделаешь. Он должен быть настоящий.

Они вдвоем отправлялись бы в путешествия, сражались с врагами и делали открытия. Она перевязывала бы Принцу раны и спасала от разных опасностей. Потому что принцы, они хоть и герои, а все равно мальчишки и за ними нужен глаз да глаз...

В этот день Золушка не ждала чуда. Даже не думала ни о чем волшебном. Она думала о простых вещах: покатайся на велосипеде или пойди к Юрке Воронихину и попросить книжку «Девочка с Земли». Книжка эта про космос и всякие приключения. Поразмыслив, Таня сообразила, что велосипед никуда не убежит, а книжку Юрка может кому-нибудь отдать.

Юрки дома не оказалось, и Таня слегка расстроилась. Но не очень. Потому что погода была чудесная — первый по-настоящему летний день. В такую погоду просто невозможно огорчаться. К тому же завтра воскресенье. Да и до каникул совсем немножко осталось.

Таня шла-шла, ни о чем важном не думала, по сторонам смотрела просто так и... Сказка пришла, когда ее не ждали.

По улице шел Принц.

Он шел по другой стороне, легкий, стройный и загадочный.

Сразу было видно, что это Принц. Во-первых, он нездешний — всех местных мальчишек Таня знала. Во-вторых, его костюм переливался царственной темно-вишневой краской, а пуговицы сверкали золотом. Не хватало, пожалуй, только блестящего плаща и тонкой шпаги. Но и без них Принц был замечателен. И его вишневая пилотка с серебряной вышивкой была ничуть не хуже средневековой шапочки с перьями.

На ноге у Принца светилась свежая повязка, а раненая нога, наверно, болела. Но Принц старался не хромать, шагал прямо и уверенно. Это означало, что у него твердый характер.

И лицо у Принца было славное. Таня лишь мельком его увидела и не вблизи, но сразу разглядела.

Сердце у нее сперва остановилось, а потом заметалось в грудной клетке, как пойманный в западнку воробей. Но Таня взяла себя в руки.

Раз уж случилось чудо, нельзя, чтобы оно исчезло!
Таня дала Принцу пройти ровно сорок шагов и незаметно пошла сзади.

Джунгли и опасности

Максим все-таки опоздал.

В классе было удивительно пусто и тихо. Как небольшие лужайки, светились под солнцем зеленые парты. С доски улыбался добродушный пират в полосатой фуфайке и сапогах с отворотами — таких разбойников часто рисовал Владик Малашкин. У двери валялся фантик от ириски «Кис-кис». Вот и все.

Масиму стало немножко грустно. Конечно, ничего страшного не случилось, но все-таки... весь класс где-то радуется и веселится, а он здесь один.

Максим вышел в коридор. За соседней дверью отчетливый голос диктовал:

— «Люблю грозу в начале мая... Люб-лю гро-зу... в на-ча...» Волков, сейчас пойдешь за дверью!.. Пишем: «В нача-ле ма-я...»

В дальнем конце коридора маялся у окна выгнанный за какие-то грехи второклассник. В музыкальном классе осторожно, одним пальчиком, играли музыку Грига «В пещере горного короля». Максим эту музыку любил. Он хотел подойти поближе и послушать, но тут раздались гулкие шаги на лестнице, и в коридоре возникла завуч начальных классов Анна Андреевна. Максим Рыбкин машинально встал попрямее, одернул свою коротенькую форму и снял пилотку.

Анна Андреевна остановилась. Зорко глянула по сторонам. Тут же заметила несчастного второклассника, замершего у окна. Заметила и Максима. Секунду она размышляла, к кому пойти сначала. И направилась к Максиму.

— Здравствуйте, — сказал Максим и на всякий случай улыбнулся.

— Любопытно узнать, почему ты не на занятиях, — заявила Анна Андреевна и сверху вниз глянула из-под круглых очков. Она была большая, строгая, с крупной коричневой бородавкой над левой бровью. Когда Анна Андреевна сурово шевелила бровями, бородавка тоже шевелилась.

Но Максиму чего бояться, если не виноват?

— Наш класс на экскурсии, а я...

— А ты не на экскурсии. Вот я и спрашиваю, почему?

— А я по дороге ногу разбил, — храбро сказал Максим и для убедительности покачал забинтованной коленкой. — Меня в больницу отвезли. Пока перевязку делали... Потом два укола. Вот и опоздал.

Анна Андреевна как-то неуволимо, в одну секунду, из строгого завуча превратилась в большую добрую тетю.

— Бедненький, — сказала она и даже чуть присела, чтобы разглядеть бинт. — Болит ножка?

— Не-а... — сказал Максим небрежно. — То есть болит, но ходить можно.

— Что же ты домой не пошел?

— Ходить-то можно, — повторил Максим. — Я хотел на экскурсию. Только все ушли, а где парк, я не знаю.

— Не знаешь, где парк? — удивилась Анна Андреевна.

— Да. Я недавно в этом городе живу. Еще не успел...

— А! Ты Рыбкин из третьего «В», — вспомнила Анна Андреевна. И заново, внимательно оглядела Максима. — А что у тебя за костюм? Это в прежней школе у вас такая форма была?

— Нет, это ансамбль «Крылышки». Мы сегодня утром по телевизору выступали.

— Ну? Да ты у нас знаменитость! Поздравляю... А до парка дорога простая. Выйдешь сейчас на улицу Кирова и сядь в любой троллейбус. До остановки «Парк культуры». Это совсем недалеко, дорога все время вдоль реки. Парк на берегу расположен. Доберешься?

— Доберусь. Спасибо.

— Пожалуйста, — улыбнулась Анна Андреевна. — Только будь осторожен, вторую ногу не покалечь... И как это тебя угораздило?

Максим открыл было рот, чтобы небрежно объяснить, как он спасал от пожара дом, но Анна Андреевна уже превратилась в завуча. Выпрямилась и сурово глянула в ту сторону, где недавно тосковал второклассник. Того, конечно, уже не было. Анна Андреевна строго поправила очки.

Максим понял, что разговор окончен, и тихонько сказал:

— До свиданья.

Уже на улице он подумал: «Если парк недалеко и на берегу, то, наверно, можно пешком, вдоль реки». Потому

что день такой хороший. Зачем толкаться в троллейбусе? У реки интереснее.

Максим весной был с папой на берегу, но тогда на откосах не было зелени, а на воде кружились ноздреватые серые остатки льдин. И день был пасмурный, ветреный. А сейчас на реке, наверное, совсем не так...

Берег был в четырех кварталах от школы.

Бинт немного ослаб и почти не мешал сгибать ногу. Бежать было бы трудновато, но ведь и шагом до реки несколько минут.

Улица выходила прямо на откос. Когда-то вдоль берега тянулся деревянный палисадник, но теперь он разрушился. Сохранились только отдельные столбики и перекладины.

Максим сорвал лопух, стер с перекладины пыль и сел, вытянув забинтованную ногу.

За рекой были деревянные улицы и лишь кое-где поднимались новые дома. У самой воды стояли две старинные церкви. Возможно, под ними были подземные тайные ходы и подвалы складами.

Река текла широко и свободно. У ближнего берега она была мутновато-желтой, но вдаль отражала небо и казалась вполне голубой. На дальнем, низком, берегу разлив подступил к домам, и на рыжей глинистой дамбе суетливо трудился оранжевый экскаватор.

Все это Максим разглядел с высоты своего берега.

Этот берег был удивительный. Словно какой-то великан в давние века нагромоздил у реки земляные глыбы, взрыхлил и перемешал их, а потом все засеял семенами высоких трав.

Если представить, что летишь на самолете, то можно подумать, будто под тобой горы, заросшие джунглями.

Слева от Максима, примерно в километре, темнели, как зеленая туча, груды деревьев. Там, наверно, и был парк. Ну конечно! Вон поднимается над зеленью громадное кружковое колесо! Великан, который мастерил берег, видимо, забыл там свой велосипед.

К колесному ободу были прицеплены кабинки. Колесо тихо вертелось, и кабинки совершали полет.

Максиму захотелось поскорее в парк. Идти поверху было нельзя: к самому берегу подступали заборы. Но по откосу, среди бурьяна, репейников и полыни, ветвисто разбегались тропинки. Этот путь был интересным и заманчивым. Он звал, как охотника зовут таинственные заросли.

Максим по скользким подорожникам съехал на подосвах до первой тропинки, сделал шаг и оказался по плечи

в бурьяне. Здесь была шелестящая тишина и запахи растений. Вокруг переплелась молодая зелень и серые стебли прошлогодних трав, мягкая полынь и сухая конопля. В сандалии закатились глиняные крошки, за ворот посыпались колючие семена. Ежики прошлогоднего репейника обрадованно вцепились в штаны и рукава рубашки. Ну и что же? На то и джунгли. Максим растопырил локти и храбро зашагал сквозь травяную тайгу.

Тропинка прыгала с уступа на уступ. Иногда ныряла в темные провалы, где еще лежали остатки снега. Он был серый, с черными крошками, и поэтому Максим не стал задерживаться, чтобы слепить снежок.

Скоро Максим выбрался на свободное место — на зеленый бугор с веселыми веснушками одуванчиков. Здесь тропинка раздвоилась. Одна дорожка тянулась к верхней кромке берега, снова через заросли, другая — вниз. Максим выбрал нижний путь — поближе к воде.

У воды на узкой полосе песка тянулся валик из обломков коры, сухих веток, щепок. Валялись мелкие доски и даже бревна. Максим вспомнил, что это называется плавник. Среди плавника могли оказаться интересные вещи. Он пошел, перешагивая через доски и коряги, сзади на плотном песке оставались четкие следы его сандалий.

Но скоро полоса твердого песка прервалась. Сверху бежал в реку ручей. Это был небольшой ручеек, но в рыхлых откосах он вырыл целый каньон, а ниже устроил вокруг себя мешанину из жидкой глины и песка.

И никакого мостика.

Максим глянул вверх. Забираться в кусачие джунгли, а потом лезть через каньон, конечно, не хотелось. После этого опять целый час отцепляй репы.

Максим прищуренным взглядом посмотрел на тот берег ручья. Ширина песчано-глинистой каши вместе с ручьем была метра четыре. А глубина казалась совсем небольшой, по щиколотку.

После смелых дел, которые сегодня успел Максим совершить, отступить ли перед ручейком?

Он снял сандалии, затолкал в них носки и кинул обувь через ручей. Потом осторожно, однако без боязни ступил в месиво.

Ух какое оно было холодное! Наверно, в ручье была талая вода из остатков снега. А может быть, его питали холодные ключи. Максим сразу увяз до середины икр и передернул плечами. С чмоканьем выдергивая ноги, он добрался до ручья. Ручей был еще холоднее. А погрузился

Максим еще глубже, до колен, и замочил край бинта. Но зато близок был конец опасного пути. Максим сделал шаг, второй... и вдруг почувствовал, что больше нельзя шагать: когда он пытался поднять одну ногу, другая в тот же миг уходила глубже.

Максим испугался не сразу. Сначала он просто остановился, чтобы подумать: как легче выбраться. Но едва начал он думать, как понял, что все равно погружается — если даже не шевелиться. И тогда он почувствовал, как тихо и пусто вокруг. Лишь наверху гудели невидимые автомобили.

Максим вспомнил про зыбучие пески, в которых люди исчезают с головой, и у него заledenели не только ноги, а даже затылок.

Неужели? Неужели это правда может быть? Через несколько дней найдут в глиняной жиже промокшую пилотку... А может, вообще ничего не найдут! Если дождь смоет на песке следы, оборвавшиеся у ручья...

А что будут думать мама с папой? И Андрейка?

Фу, какая чушь лезет в голову! В полутора метрах от твердой земли. В конце концов, можно плюхнуться плашмя и дотянуться вон до того сухого выступа с кустом бурьяна.

Но падать в жидкую глину? А форма?

Яростно дернулся Максим вперед! Но зыбь не пускала, и он тут же ушел в нее с коленями! Бинт скрылся.

Максим испугался сильнее. Но все же он, конечно, не верил всерьез, что может потонуть. Иначе в его голове не запрыгали бы другие тревожные мысли. А они запрыгали.

Сначала Максим подумал, что жидкая грязь доберется сквозь бинт до раны и тогда уж наверняка случится какое-нибудь заражение. Но тут же вспомнил про уколы и успокоился: после них не страшны, конечно, никакие микробы. Другая опасность была серьезнее: ноги ломило от холода, и дело могло кончиться воспалением легких. Или ангиной. В любом случае Максим надолго охрипнет. Как же тогда петь? И если заболит, когда же его примут в пионеры?

Но эти мысли занимали его лишь несколько секунд. Он погружался. Ледяная жижа пошла все выше по ногам и почти добралась до штанов. Теперь, если даже упадешь, не дотянешься до суши!

Закричать?

Максим отчаянно оглядел заросшие откосы. Кто услышит? Да и, несмотря на жуткое положение, кричать было стыдно.

Если бы в реке тонул, другое дело. А то увяз из-за соб-

ственной глупости в какой-то каше посреди сухой земли и теперь, значит, надо орать «спасите»?

Нижние кромки штанов уже коснулись жижи и начали намокать.

Может быть, все же рвануться и упасть плашмя, а потом — изо всех сил руками, ногами?

Максим еще раз кинул взгляд на откосы...

Сверху, прыгая с уступа на уступ, бежала девчонка. С жердью!

Максим сразу понял, что девчонка, хотя она была с короткой стрижкой, в джинсах и полосатой, похожей на тельняшку майке. Совершенно по-девчоночьи она кричала:

— Ой, минуточку, минуточку подержись, я сейчас!

Золушка и Принц

На твердом берегу Максим отдышался и украдкой глянул на девочку. Он чувствовал, что выглядит не геройски: взъерошенный, испуганный, с перемазанными ногами. Недавняя опасность казалась теперь пустяковой. Подумаешь, увяз повыше колен! А девчонка, наверно, хихикает про себя над его испугом.

Максим сделал равнодушно-досадливое лицо и небрежно сказал:

— Ч-черт... Угораздило влипнуть. Чуть не извоzilся.

— Здесь не очень опасно, — сказала девочка. — Выше, чем по пояс, ты бы не увяз.

Максим опять бросил на девочку быстрый взгляд: это что, насмешка? Но нет, у нее даже в глазах не было улыбки. Она просто успокаивала Максима. Он пожал плечами:

— По пояс! На кого бы я стал похож! И так...

Он посмотрел на свои ноги. Они были словно в пятнисто-серых мокрых чулках. По ним сбегали струйки жидкой глины, оставляя светлые полосы.

Максим пошевелил грязными ступнями.

— Пойду отмываться.

Он хотел направиться к реке, но девочка ухватила его за рукав.

— Не сходи с ума! Вода знаешь какая ледяная!

Ноги у Максима все еще ломило от недавнего холода, но он храбро усмехнулся:

— Наверно, не леденее, чем там. — И он кивнул на ручей.

Но девочка сказала, не отводя спокойных голубовато-серых глаз:

— Не выдумывай, пожалуйста. Пойдем наверх, там есть колонка. И бинт надо сменить.

Значит, она разглядела повязку под слоем глины?

— Где же я возьму другой бинт? — сказал Максим.

— Пойдем.

Максим пожал плечами. Как мужчина, уступающий женскому капризу. Взял сандалии и стал подниматься за девочкой по змеистой тропинке.

Идти босиком было непривычно. Под ноги попадали острые крошки. Максим несколько раз оступался и чуть не потерял равновесие. А схватиться за стебли он не мог — в одной руке обувь, в другой болтик. Даже там, внизу, хватаясь за спасительную жердь, Максим не выпустил его. Верный болтик был по-прежнему с Максимом. И, ощущая в пальцах привычную ребристую тяжесть винта, Максим тихо радовался этому, несмотря на все неприятности.

Они поднялись на высокий берег и оказались в старом переулке — вроде того, где Максим утром нашел золотую щепку и болтик. У пробитого лопухами асфальтового тротуара стояла колонка. Девочка поднатужилась, подняла рычаг. Колонка крикнула, шевельнулась и ударила в бетонную площадку круглой стеклянной струей. Брызги встали облаком, и несколько маленьких радуг загорелись вокруг Максимкиной спасительницы.

— Подставляй ноги, — велела она.

Максим подставил. Струя била туго, но вода после ручья казалась очень теплой. Будто кипяченой. Глина смылась в несколько секунд!

Максим, прыгая то на одной, то на другой ноге, торопливо натянул сохранившие свежесть, аккуратные носочки, застегнул сандалии. Одернул форму, поправил пилотку. И стал опять аккуратным и симпатичным Максимом Рыбкиным — почти таким же, каким был утром, уходя из дома. Только на краешке штанов темнела полоса невысохшей глины да бинт остался серым и запачканным.

— Наверно, грязь под него попала. Надо менять, — опять сказала девочка.

— А где... — начал Максим, но она перебила:

— Подожди здесь, я быстро сбегаю, я близко живу. Не вздумай уйти.

Максим слегка улыбнулся.

— Зачем же мне уходить?

Она тоже улыбнулась, и они впервые посмотрели друг другу в лицо не украдкой, прямо.

— Знаю я... — сказала девочка, — мальчишки такие боязливые. Даже занозу бояться вытащить, а если перевязка, то вообще...

— Пф! Вот еще! — откликнулся Максим.

— Значит, жди.

— Ага.

Она побежала и один раз оглянулась, а он стоял у колонки и смотрел, как она бежит.

Потом девочка скрылась за углом. Максим, чуть-чуть хромя (колено снова заболело), подошел к лавочке у незнакомых ворот. Сел. Приготовился ждать.

Но девочка уже возвращалась. Опять бегом. Она так быстро вернулась, что на ее рыжеватых прядках не успели высохнуть капельки, попавшие от струи у колонки. В кулаке она держала пакетик со стерильным бинтом и маленькие ножницы с кривыми концами.

Максим украдкой вздохнул и вытянул ногу. Девочка села перед Максимом на корточки и снизу вверх взглянула на него. Сначала серьезно. А потом они опять немножко улыбнулись. Будто протянулась между ними какая-то ниточка. Будто они поняли что-то без слов. И неясно что, только все равно стало хорошо.

Девочка нагнула голову, щелкнула ножницами и принялась разматывать мокрый бинт. И так, не поднимая лица, вдруг тихонько сказала:

— Меня зовут Таня...

— А меня — Максим.

Пальцы у девочки на секунду остановились: она словно удивилась такому имени. Или просто хотела покрепче запомнить его. Потом она заторопилась и быстро, но осторожно сняла повязку.

Максим посмотрел на открытую коленку и отвел глаза: картина была не очень веселая.

— Ух ты! — сказала Таня. — Где это ты сумел так?

— Да случайно... из-за одной тетки, — равнодушным голосом сообщил Максим, глядя поверх Таниной головы. И обрадовался, что может рассказать о своем геройстве, и не будет тут никакого хвастовства. — Шел по улице, а она стоит и голосит: «Ой, пожар будет, ой, сгорим!» Ушла, утюг не выключила, дверь захлопнула, а ключ не взяла. Все кругом охают и стоят. А если по правде пожар? Ну, я полез на третий этаж, утюг выключил. Там уже дыми-

лось... А спускаться стал и сорвался... А она потом догнала и говорит, что я со стола деньги стащил!

Максим вспомнил, как это было, и не выдержал спокойного тона, переглотнул от обиды.

— Два укола пришлось делать. Ерунда, конечно, да из-за этого в школу опоздал. А она со своими рублями... Да наплевать. Не ее ведь спасал, а дом.

— Правда, какая глупая, — согласилась Таня. — Вместо спасибо такие гадости говорит человеку... Не сгибай ногу, сейчас забинтую... А ты ей что сказал?

— А я... я даже растерялся, — признался Максим. — Зато один летчик вступился. Он ей так ответил! Она до сих пор, наверно, вздрагивает.

— Ну и правильно, — откликнулась Таня.

Она говорила спокойно, вела себя сдержанно. А сердце колотилось радостно и быстро. Потому что сбылось самое заветное! Не в мечтах, а всерьез она перевязывала рану Принцу, совершившему геройство. Ну, пускай он не убивал драконов и не сражался с врагами, а просто спас от пожара дом. Ничего себе «просто»! Забраться на высоту, получить ранение! И не в сказке, а на самом деле... Пускай у него нет шпаги и шелкового плаща. Где сейчас возьмешь принца со шпагой? Максим и так красивый и смелый.

Конечно, Таня помнила, что мальчишки — все равно мальчишки. Даже принцы. И прихвастнуть они могут, и глупостей наделать. Такие уж они все уродились. Мама не раз говорила, что даже у взрослых мужчин часто ветер в голове. А у маленьких, значит, тем более. К тому же полностью сказочных героев, конечно, не бывает. Но Максим больше всех на свете походил на Принца. Таня это сразу увидела. И главное, ни капельки не зазнается перед девчонкой... Хотя, конечно, трудно зазнаваться, увязнув чуть не по пузо в глине... Но ведь потом-то он мог уйти. А он, наоборот, сразу сказал, как зовут. А может быть... Может быть, он тоже мечтал с давних пор о Золушке?

А если нет, то, может быть, сейчас начал мечтать? Ведь все-таки она его спасла, рану перевязала...

Она затянула узелок и распрямилась.

— Вот и все.

Максим тоже встал.

Вот сейчас он скажет: «Ну ладно, спасибо, я пошел». И уйдет?

— Не туго? — торопливо спросила Таня. — Может, переделать повязку?

Максим осторожно согнул ногу.

— Туговато, но ничего. Потом ослабнет и будет в самый раз... — И запоздало добавил: — Спасибо.

— Спасибо, — сказал он и вдруг понял, что не знает, как теперь быть. Сказать «пока» и отправиться в парк? Неудобно сразу уходить. А если по правде, то и не хочется.

Максим с бинта перевел взгляд на Таню. Она смотрела вопросительно и немножко виновато. Потом смутилась и начала торопливо заталкивать ножницы в тесный карманчик на джинсах, пришитый у колена.

— Не надо, — сказал Максим. — Споткнешься если, ногу пропорешь.

— Я не споткнусь.

— Кто знает, — солидно возразил Максим. — Я вот тоже не думал, а треснулся... А потом в этой каше увяз. Тоже ведь не ожидал... Хорошо, что ты подошла, — добавил он неожиданно, потому что вдруг отчетливо вспомнил ледяное цепкое болото и свою беспомощность. На миг он даже забыл, что надо выглядеть как можно храбрее. И сказал искренне: — Я там даже перепугался.

— Ты от неожиданности перепугался, — успокоила Таня. — Это с кем угодно бывает.

И Максим подумал, что она хорошая.

И хорошо, что он застрял у ручья.

— А что ты делал внизу? — спросила Таня.

— В парк пробирался.

— Понизу? — удивилась Таня.

— А что?

— Ну... ничего. По улице же удобнее.

— А понизу интереснее. Будто в джунглях. Я такого берега раньше не видел, потому что мы не здесь жили.

Он заметил, что Таня обрадовалась:

— А правда, как в джунглях? Будто вот-вот индейцы выскочат?

— Да... Или вообще тайна какая-нибудь...

Таня коротко вздохнула, нерешительно глянула на Максима и почему-то слегка побледнела.

— А там правда... есть одна тайна. Не выдашь?

— Никогда в жизни, — поспешно сказал Максим и тоже заволновался.

— Тогда пошли. Дай руку... Ой, а что у тебя в кулаке?

— Болтик, — улыбнулся Максим. — Я его утром нашел. Он сегодня весь день со мной. — И разжал пальцы.

— Хороший. Береги, — сказала Таня. — Ну, идем. И они стали спускаться по тропинке.

Гнездо ласточки

Это был заросший травяным кустарником уступ. Ни сверху, ни снизу нельзя было его разглядеть. Да и с тропинки, которая пробегала в трех шагах, он был незаметен. Но Таня потянула Максима за собой, они скользнули между могучих старых репейников и оказались на узком твердом карнизе.

«Тайный уступ», — с удовольствием подумал Максим. И увидел щель. Большой пласт земли был словно отколупнут ножом великана и слегка отошел в сторону. Но он не оторвался, потому что его связывали с глинистым обрывом запутанные травяные корни. На них висели крошки и паутина.

— Пошли, — шепотом сказала Таня и боком пробралась в щель.

Пробрался и Максим — осторожно, стараясь не запачкать форму, которой и так уже досталось.

Впереди было темно, и в глазах плавали зеленые пятна.

— Здесь у входа шнурок, — прошептала Таня. — Надо дернуть.

И видимо, дернула. Потому что зажегся яркий кружок фонарика и осветил тайную пещеру.

Что это было? Жилище разбойников, подземелье рыцарского замка, индейский вигвам, капитанская каюта? Или все вместе?

Небольшая комнатка или даже нора, вырытая в толще берега. Размером чуть больше ящика из-под пианино. Стены были выложены кусками старой фанеры, а земляной потолок едва не касался Максимкиной пилотки. Но это Максим уже потом разглядел. А в первый миг он зажмурился от блеска серебряных звезд. Они были вырезаны из фольги и расклеены по стенам. Красный фанерный щит с желтым крылатым львом и два деревянных меча висели напротив входа. А на других стенах увидел Максим самострел, два лука, старую фехтовальную рапиру, колчан со стрелами, половинку полевого (а может быть, морского)

бинокля, карту Южной Америки и пышный индейский убор из перьев.

— Это ты... все сама? — изумленно спросил Максим.

Таня быстро повернулась. При свете фонарика ее глаза сильно блестели.

— Тут уже была пещера. Я только немного подрыла. А потом все устроила. Нравится?

— Еще бы! — сказал Максим.

Вот это была девчонка!

— Оружие тоже сама делала?

— Конечно, сама. Еще в прошлом году... Про это гнездо никто-никто не знает, только я одна... И еще ты...

— Сюда никто и не доберется, — понимающе сказал Максим. — Место крутое, входа не видать... А если враги полезут, можно одному против сотни держаться. Позиция что надо!

Откуда могут взяться враги, Максим не знал, но отчетливо представил, как они лезут снизу через кусты. В звериных шкурах, с топорами, в глухих, похожих на ведра с прорезями шлемах... А он стоит на карнизе, сшибает их с откоса блестящим мечом и загораживает Таню. Хотя она не захочет, наверно, загоразживаться, она сама меч возьмет.

— И подход легко держать под прицелом, — продолжал он. — Можно, я посмотрю самострел?

— Конечно!

Таня торопливо сняла с гвоздя оружие.

Максим упер в живот приклад, натянул на крючок резиновую тетиву. Выдернул из колчана стрелу и заложил в желобок. Прицелился в светлую щель выхода, где качались верхушки трав.

— Только не пуляй зря, стрела потеряется, — предупредила Таня. И спохватилась: — Нет, если хочешь, стреляй, конечно!

— Не буду, — сказал Максим. — Жалко стрелу.

Он положил стрелу у ног и вхолостую щелкнул тетивой.

— А перья можно примерить? — Он показал на индейский убор.

— Бери. А я пилотку примерю, ладно?

В пилотке Таня стала очень похожа на мальчика. А на кого стал похож Максим в головном уборе индейского вождя, сказать было трудно: ведь он себя не видел. Если бы зеркало найти...

А зеркало было! Небольшое, с отбитым углом, оно ви-

село в маленькой нише. В этой нише, как на сцене крошечного театра, толпились разноцветные мушкетеры, пажы и придворные дамы. Из пластилина. Здесь же лежали еще не смятые пластилиновые брусочки. Максим с любопытством глянул на это лилипутское дворцовое общество, но решил, что познакомится с ним позднее. Украшение на собственной голове интересовало его больше. Цепляясь за глиняный потолок, он устроился перед зеркалом.

Конечно, курносое и светлобровое лицо не очень походило на орлиный лик вождя ирокезов. И перья были не орлиные, а скорее всего от курицы, только покрашенные в разные цвета. Но все равно что-то индейское было сейчас в Максиме. И он счастливым шепотом сообщил:

— Ах-ха-ха! Я гроза всех западных прерий!

Сбоку появилась Таня в пилотке. Их головы оказались рядышком, и Танины волосы зашекотали Максимкино ухо.

Максим и Таня в зеркале улыбнулись друг другу.

— Я похожа на стюардессу, да? — сказала Таня.

Максим слегка обиделся за нее.

— Почему на стюардессу? Просто на летчика.

— А что это за пилотка? — спросила она. — И вообще, почему такая одежда у тебя? Форма какая-нибудь или просто так?

— Конечно, форма, — сказал он.

И тут его словно сбросило! Будто за язык дернул кто-то! Бывает же так: не думаешь хвастаться, нисколько не хочешь врать, и вдруг сами собой выскакивают из тебя дурацкие обманные слова!

— Это форма школы космонавтов, — самым обыкновенным голосом сказал он.

И тут же перепугался! Вдруг Таня видела утром передачу и сейчас поймет, какой он хвастун! Хотя нет: если бы видела, то не спросила бы.

Она смотрела удивленно и в то же время с уважением.

— Как это «школа космонавтов»? Такой кружок, да?

Сказать бы, пока не поздно, «я пошутил». Но она так смотрела... И Максим произнес:

— Не кружок. Школа. У взрослых — училище, а у нас школа — для подготовки.

Таня села на дощатый ящик из-под мыла, взяла Максима за рукав.

— Садись. Расскажи.

Максим вздохнул и сел рядом. Совесть уже сверлила

его, как бормашина, но язык словно работал сам по себе. Да и некуда было отступать.

— Это для подготовки полетов, — сказал Максим с самым серьезным видом. — Пока летают взрослые, но когда-то придется и детям. Когда другие планеты будем заселять. Это же скоро. Вот и готовят... Это не очень известная школа. Не совсем секретная, но все-таки... Ведь с космонавтикой связано.

Теперь Таня смотрела недоверчиво, с полуулыбкой. И, помолчав, снисходительно сказала:

— Космонавты не бывают в коротких штанишках.

Можно было смутиться или обидеться. Можно было сказать: «Не хочешь — не верь!» Максим чуть-чуть это не сделал. Но получилось бы, что он не прав. А он почти поверил в свою космическую школу. И сказал спокойно и убедительно:

— Мы же еще не взрослые. Мы вообще самая младшая группа и только готовимся. Но все равно когда-нибудь придется лететь.

— Честное пионерское? — спросила Таня. Но не требовательно, а скорее жалобно.

Максим грустно качнул головой.

— Ты же видишь, я еще не пионер. Нас в пионеры знаешь когда принимают? Только после... — Он чуть-чуть не сказал «после первого полета», но это было бы уже явное вранье. И он объяснил: — После цикла тренировок. А мне еще два захода на невесомость...

Таня смотрела не отрываясь. Но не в лицо Максиму, а чуть опустив глаза. Кажется, звездочку на жилете разглядывала.

«Сейчас скажет: «Дай честное октябрятское», и тогда капут», — понял Максим.

Она не сказала. Сняла пилотку и стала разглядывать серебряные крылышки.

Максим не знал, конечно, о чем она думает. А Таня думала: «Может быть, он и не хвастает. Может быть, и правда есть такая школа... А если хвастает... ну и что? Он же мальчишка. Это же простительно. Все равно он храбрый и симпатичный. Просто он этого не понимает и хочет показаться лучше. Ну и пусть. Зато он сразу понял, какое хорошее здесь гнездо. И в оружии разбирается, как настоящий Принц, который всю жизнь носит шпагу...»

— Эта пещера знаешь как называется? «Гнездо ласточки», — сказала она.

— Это потому что на высоком берегу, — понимающе

откликнулся Максим. — Они всегда на обрывах гнезда делают.

— Тебе здесь нравится?

— Конечно, — искренне сказал Максим.

— Ты только никому про «Гнездо» не говори.

— Никому. Я же обещал.

— А сам... если захочешь, хоть когда приходи. Если даже меня не будет...

— Ладно, — тихо сказал Максим. — Только я... лучше, когда ты...

И тут он окончательно понял, какой же он свинья и хвастун. Наплел какую-то чушь про школу космонавтов. Как теперь разговаривать и смеяться с легким сердцем? К тому же все равно она узнает. Разве тогда придешь в «Гнездо ласточки»?

Забывшись, он стукнул себя кулаком с болтиком по колену. По забинтованному! Боль круглыми толчками раскатилась по всем жилкам. Тогда Максим сжал зубы, встал, снял индейское оперенье и повесил на гвоздь. Зажмурился. И так, зажмурившись, тихо сказал:

— Таня, я наврал... про космическую школу.

И украдкой посмотрел на нее.

Таня, кажется, не удивилась. И главное, не обиделась. Вроде бы даже обрадовалась чуточку. И только спросила:

— А форма?

— Да чепуха, — с облегчением сказал Максим. — Это просто ансамбль во Дворце культуры. Хор «Крылышки». Мы сегодня по телевизору выступали.

Вот теперь она удивилась:

— Правда?!

Максим тоже удивился: чего она так?

Он не понимал ее. А ведь Таня была девчонкой. Для девочек артисты почти такие же знаменитые люди, как космонавты.

Конечно, не каждый мальчишка, поющий в хоре, — артист, но если по телевидению...

И потому она сперва обрадовалась, а потом недоверчиво сдвинула брови.

— А если ты опять... Ну, опять просто так придумал?

— Да что ты! — Он торопливо взялся за звездочку. — Вот честное октябрятское! Да хоть кого спроси, что утром была наша передача! Я там песню про летчиков пел. Не веришь?

Он совсем не думал теперь хвастаться. Просто хотел,

чтобы она поверила. Изю всех сил хотел! И если получилось немного хвастливо, то это уже совсем случайно.

Таня поверила. И попросила, как в первый раз:

— Сядь. Расскажи.

— А ты не злишься?

— Из-за чего?

— Ну... что наврал.

— Ты же сразу сказал, что пошутил... А выступать страшно?

— Нет... то есть чуть-чуть, пока не начал. А когда поешь, то уже не страшно... Мне болтик помогал, — улыбнулся Максим и опять разжал ладошку. — Я вместе с ним выступал.

Таня серьезно кивнула и пальцем покатила болтик на Максимкиной ладони.

— Конечно, с таким легче... А песня хорошая?

— Еще бы!

— А можешь сейчас спеть?

— Сейчас?

— А что? Ну, пожалуйста, — попросила Таня. — Ты не стесняйся, ты забудь, что я тут сижу. Будто ты один.

Но Максим, конечно, застенялся. И глупо спросил:

— А зачем петь?

— Ну вот.. — тихо сказала она. — Я же не видела передачу. Мне же тоже... хочется ведь послушать...

— Здесь акустики нет.

— Чего нет?

— Тесно. Звучать совсем не будет. И музыкального сопровождения нет. И хора. Эту песню с хором поют.

— А ты попробуй без всего. Может быть, хоть немножко получится! Хоть чуть-чуть! Сначала как будто хор, а потом сам.

Она говорила жалобно и в то же время настойчиво. И не отводила глаз от его лица. И Максим вдруг понял, что опять может оказаться обманщиком: наговорил про выступление, а петь не хочет. Значит, наврал? Но не это было главное. Главное, что Таня могла обидеться.

Но и это не все.

Дело в том еще, что Максиму захотелось петь. Неловко было, но все равно хотелось...

И, подавляя в себе смущение, он сбивчиво согласился:

— Ладно. Только я не знаю... Как уж получится.

— Конечно! — торопливо сказала Таня. Вскочила и поспешно отодвинулась к стенке.

Максим глубоко вздохнул, развернул плечи, уперся по-

- Ага. Пойдем!
- Там же... ваши ребята. Я никого не знаю.
- Ну и что! Ты со мной, — храбро сказал Максим.

Бой

В городе, где раньше жил Максим, все было молодое. И деревья. Они были тоненькие и не закрывали солнца. А здесь был старый парк с раскидистыми тополями и кленами. Листья еще не совсем выросли, но уже давали хорошую тень. Ветки переплелись в зеленую крышу.

Максим и Таня вступили под деревья. Зеленый воздух был проколот тонкими лучами, и эти лучи запятнали песок на аллее круглыми отметинами, похожими на желтое конфетти. Максим осторожно ступал по ним, а они прыгали по его ногам. И казалось, что эти круглые зайчики — теплые и чуть-чуть пушистые.

На главной аллее встречались редкие прохожие, но ребят не было видно. Ни своих, ни чужих. Однако издали доносился веселый шум многих голосов. Там где-то веселился и третий класс «В» школы номер одиннадцать.

Но торопиться и бежать не хотелось. Под зелеными сводами высоких тополей и кленов идти надо было спокойно и тихо. И они шли, держа друг друга за руки.

Потом Максим увидел, как навстречу шагает Светка Мешалкина — из его класса.

Мешалкина его тоже увидела. И остановилась.

— Ры-ыбкин... Какой ты краси-ивый...

Однако на Максима посмотрела она лишь мельком и устала на Таню.

— Где это ты гулял, Рыбкин? Все думали, что ты заболел.

«Заболел! Передачу они не смотрели, что ли?»

— Ну и правильно думали, — сказал он сердито. — Я в самом деле в больнице был. Два укола схлопотал от заражения.

Слова про уколы Светку не потрясли. Она продолжала с любопытством поглядывать на Таню.

— Где наши? — спросил Максим.

— Где... На аттракционах, конечно. Вот там, — она махнула за спину.

— А ты куда?

— Я отпросилась. На этих сумасшедших каруселях у

меня все равно голова кружится, а дома масса дел. Надо еще пионерскую форму готовить для послезавтра. У тебя форма готова?

— Все у меня готово, — небрежно откликнулся Максим, но при мысли о скором празднике ощутил короткий толчок радости.

— Смотри. А то Римма Васильевна тебя сейчас сразу спрашивать начнет.

— Она разве здесь?

— Конечно. Ты ничего не знаешь. Софью Иосифовну вызвали на конференцию, а Римма Васильевна пошла с нами, чтобы посмотреть, организованный у нас получается отряд или не очень.

— И конечно, сказала, что не очень, — догадался Максим.

— Конечно! Тыликов всех подводит. Ведет себя, как... как... не знаю даже кто. В общем, как Тыликов.

— Мы пошли. Пока, — сказал Максим, и они с Таней зашагали к аттракционам: дорогу к ним показывали голубые фанерные стрелки на столбах.

А Светка, разумеется, стояла и смотрела им вслед. Потом окликнула:

— Рыбкин! Можно на минуточку?

Максим оставил Таню и неохотно подошел.

— Ну?

— Это кто? — шепотом спросила Мешалкина и стрельнула глазами в Таню.

Максим внутренне напряжился и независимо сказал:

— Таня. Знакомая. А что?

— Мне ничего, — равнодушным голосом объяснила Светка и стала смотреть на верхушки деревьев. — Смеяться будут. Скажут: невесту привел.

— Ну и дура! — вспыхнул Максим.

— Я-то не дура, я ведь не смеюсь, — спокойно сказала Светка. — Пока, Рыбкин. Я пойду.

— Ну, топай...

Он вернулся к Тане и взял ее за руку. А в другой руке сжал болтик. И они пошли туда, где были голоса и смех.

Деревья кончились, и Максим увидел поле чудес. Взлетали разноцветные лодки качелей. Вертелись карусели, похожие на пестрые зонтики с подвешенными лошадками и колясками. Медленно поворачивалось в небе колесо великанского велосипедиста, подымало на небывалую высоту кабинки с пассажирами. Они почти цеплялись за солнечные облака. Пассажиры казались с земли пестрыми ли-

липутиками. И наверно, там, у неба, им было очень хорошо. Как в полете...

У Максима даже сердце заныло — так захотелось в высоту.

Но сначала надо было объясниться с Риммой Васильевной. Где она? Кругом столько народу! Наверно, из всех школ сюда сошлись экскурсии. Мальчишки и девчонки носились по дорожкам, стояли в очередях у каруселей, играли в чехарду, толпились у автоматов с газировкой. В одном месте две большие девочки водили с первоклассниками хоровод, в другом — целый класс обступил учительницу, и они громко что-то репетировали.

Но среди этой неразберихи и мелькания Максим разглядел красную испанку.

Римма Васильевна всегда была в этой испанке — и в школе, и на улице. И наверно, даже дома. Словно родилась в ней. Вокруг испанки у нее мелко кудрявились светло-желтые завитки — такая девчоночья прическа. Из-за этой прически, из-за белой блузки и красной испанки Римма Васильевна походила на восьмиклассницу. Особенно когда бодро шагала и громко командовала. Но это если не вблизи. А когда рядом, то видно было, что она уже взрослая. И не потому, что морщины — их как раз почти не было, лишь у глаз немножко. Дело в том, что Максиму казалось, будто у нее губы как у старушки, только подкрашенные. Римма Васильевна про это, наверно, знала, поэтому губы держала всегда поджатыми, и рот ее был похож на тонкую щель. Это еще больше придавало Римме Васильевне решительный вид.

— Подожди, — попросил Максим Таню.

Подошел к вожатой и поздоровался.

— А говорили: болеешь, — сказала Римма Васильевна. — Что с тобой случилось, почему не пришел к половине второго, как все?

— В поликлинику попал из-за ноги...

Римма Васильевна покосилась на его бинт.

— Ладно. Потом объяснишь Софье Иосифовне. А сейчас иди к ребятам и занимайся, чем все занимаются. По общему сигналу — ко мне.

— А где все и чем занимаются? — поинтересовался Максим.

— Отдыхают. Катаются на аттракционах. А кое-кто, вроде Тыликова, бегают неизвестно где и нарушает дисциплину, — с неожиданной досадой сообщила Римма Василь-

евна. — Тебе не советую. Ты послезавтра будешь в пионеры вступать и должен вести себя образцово. Понял?

— Понял, — кротко сказал Максим.

— Кстати, пионерская форма у тебя готова? Полностью?

— Все готово. Давно еще.

— Ну иди...

Максим подбежал к Тане:

— Давай на колесо!

Она запрокинула голову.

— Такая высь! Я там помру!

— Не... — успокоил Максим. И неожиданно пообещал: — Я тебя буду за руку держать крепко-крепко.

Он тут же смутился и поддал сандалией пустой стаканчик из-под мороженого. А Таня быстро кивнула и опустила голову.

Они подошли к колесу. Вот это удача! Почти весь Максимкин класс был здесь. Даже Тыликов, который ничего не нарушал, а спокойно стоял в очереди за Верой Ковальчук. Он первый увидел Максима и громко сказал:

— Ура! К нам пополнение из десантных частей!

Все заоборачивались. И слышались обычные слова: «Макс, привет!.. Ты откуда?.. Разве ты не болеешь?.. А говорили...» Ехидный Мишка Стременко спросил:

— А почему красный мундир? В пожарники записался?

Вот балда! Телевизор он не смотрел, что ли?

И вообще странно: никто ни слова о передаче. Даже «артистом» не обозвали. Будто и не было ничего! Неужели все из-за первого летнего дня прогуляли концерт?

Максим озадаченно поглядывал на ребят.

На костюм его никто, кроме Мишки, не обратил внимания. Впрочем, это как раз понятно: из-за теплой погоды почти все были не в школьной форме, а кто в чем, и Максим не очень выделялся в пестрой толпе. Но почему ребята молчат про выступление?

Все ясно, никто не смотрел! Наверно, прочитали в программе слово «концерт» и не включили телевизоры. Лодыри! Небось мультики смотреть всегда готовы... Зря он поскромничал и не намекнул вчера в классе, что будет выступать.

От огорчения Максим на полминуты забыл про Таню. Но быстро спохватился и встал с ней в хвост очереди.

Громадное колесо поворачивалось над ними, вознося в поднебесье кабинки со счастливыми — с теми, кто до-

ждался своего часа. Максим запрокинул голову и с радостным замиранием следил за ними. Ведь скоро и он... И не замечал, что многие в это время следят за ним. И за Таней. Девчонки перешептывались. Мишка Стременко что-то с улыбочкой сказал Вере Ковальчук. Та громко ответила, что он глупый, как кочерыжка.

Таня выдернула из Максимкиных пальцев ладошку.

— Ты пока стой, ладно? Я в киоск сбегаю, где марки продают. Я про космос собираю.

— Только недолго, — попросил Максим.

Вера Ковальчук вдруг сказала:

— Пойду я. Лучше на качелях покачаюсь. А здесь стоишь, стоишь...

— Забоялась, — сказал Тыликов.

— Ну и забоялась! Не все такие герои...

— Меньше народу — больше кислороду, — сообщил Стременко.

— Фиг тебе — меньше народу! Я Рыбкина поставлю на свое место. Иди, Максим.

Это было прекрасно! Сразу на десять человек ближе!

— Рыбкина девочки любят. Он у нас обаятельный, — отомстил Стременко.

Максим промолчал: дурака словами не вылечишь.

— А что это за девчонка с тобой была? — вдруг спросил Тыликов. Он по-хорошему спросил, без насмешки, просто. И Максим так же просто ответил:

— Это моя знакомая, Таня... Представляешь, я сегодня на берегу в глине увяз, а она меня выволокла. Застрял, как в болоте, — ни туда ни сюда. Просто потеха. Если бы не она, весь бы перемазался.

— Я уж и смотрю, что глина, — сочувственно заметил Тыликов и колупнул на Максимкиных штанах подсохшую серую полоску.

— Чепуха, отчистится, — сказал Максим.

— А как у тебя с концертом? Нормально? — вдруг вполголоса спросил Тыликов.

У Максима прыгнуло сердце.

— Все... нормально... А ты видел?

— Не... Мамка за картошкой послала, потом в аптеку. Да я и не знал, в какое время покажут.

— А откуда знаешь, что концерт?

Тыликов усмехнулся и хотел что-то сказать. Но подошла Таня, и он промолчал.

— Ой, вот мы уже где! — обрадовалась Таня.

— Вставай, — сказал Максим и отодвинулся, надавив спиной на Тыликова.

И тут возмутился Мишка Стременко:

— Смотрите на нее! «Ой, вот мы уже где!» А ты тут стояла?

— Мы же вместе, — сказал Максим.

— Это вы сзади вместе были, а сюда тебя Верка одного поставила!

— Как это одного, если мы вместе?

— Какие хитрые! — зашумели те, кто стоял позади. — Ковальчук одна была, а их двое!

— Эта вообще не из нашего класса!

— Если не из нашего, то не человек? — спросил Максим.

— Да ладно вам, — сказал Тыликов ребятам. — Пусть стоят.

— Ты не лезь, Тыля! Пускай очередь занимают и стоят!

— Ладно, Таня, пойдем на старое место, — гордо сказал Максим.

Старое место было за Владиком Поляковским. Но за ним теперь стояла длинная и вредная Зинка Ступина.

— Мы здесь стояли, — объявил Максим Зинке. — Владик, скажи.

— Ага, стояли, — послушно подтвердил маленький смиренный Поляковский.

— Гуляй, — сказала Зинка. — Кто стоял, тот стоял, а если кто бегал, это не мое дело.

— Ну-ка, пусти — потребовал Максим и попытался отодвинуть Зинку локтем. Зинка была на голову выше Максима и сама его отодвинула довольно решительно.

— У, дерево, — растерянно сказал Максим. Не драться же со Ступиной. И смешно, и невыгодно: хоть и девчонка, а отлупит. Но отступать тоже было нельзя. — Кому говорят, пусти!

— Что за крик?

Голос был насмешливый и очень знакомый. Максим даже вздрогнул: сзади стоял Витька Транзистор!

Это был непохожий на себя Транзя: причесанный, в новеньких джинсах и белой рубашке. К рукаву его булавками была пришпилена широкая повязка с голубыми буквами «ПП». Максим сразу догадался, что это «Пост порядка», или «Патруль порядка», о котором недавно говорила в школе Римма Васильевна.

Но почему в этом патруле Транзя, от которого никому житья нет? А может быть, он срочно перевоспитался?

Что-то непохоже. Вид, конечно, приглаженный, но глаза все равно вредные.

За Транзей стояли двое незнакомых мальчишек — класса из пятого или шестого.

— Что за крик? Почему нет порядка? — повторил Транзя с язвительной улыбкой. — Это Рыбкин нарушает? Ай-яй, какой невоспитанный...

— Я здесь стоял! — сказал Максим.

— Он стоял, — подтвердил Владик Поляковский и заработал от Зинки Ступиной незаметный шлепок по затылку.

— Он сам не знает, где стоял, — заявил Мишка Стременко. (Ну что Максим ему сделал плохого?) — То тут, то там лезет. А она совсем не стояла. — Мишка ткнул пальцем в Таню.

— Сам ты не стоял! — сказал Тыликов.

— Стояли они! Мы видели! — зашумели девчонки, которые были впереди.

— Это что здесь происходит? — прозвучал взрослый голос, и все на миг замолчали: увидели Розу Михайловну — учительницу из третьего «Б». Роза Михайловна была пожилая, с черной прической, похожей на кавказскую папаху, и строгая. — Почему такой беспорядок? Это опять Тыликов верховодит?

Тыликов сказал:

— Как что — сразу я.

— Это Рыбкин, — с улыбкой объяснил Транзя. Это воспитанный тихий Рыбкин лезет без очереди, да еще не один, а с подружкой.

— Мы стояли! — крикнул Максим.

— Тихо, тихо, — сказала Роза Михайловна. — Все должны стоять на своих местах. Никто не должен нарушать дисциплину.

И она удалилась, уверенная, что навела порядок и рас судила спор.

— Ясно, моя Рыбочка? — спросил Транзя. — В очереди! Занимать надо, моя хорошая. Во-о-он там! Топай-топай-топай... — И он показал в хвост очереди, где только что пристроился в полном составе еще один класс.

— Ну их, пойдем куда-нибудь, — шепотом сказала Таня.

Максиму все еще хотелось покататься на колесе. Но стоять здесь после всего, что случилось, было тошно.

— Пойдем в тир. Я пятьдесят копеек могу истратить вместо обеда.

И они пошли рядом, не оглядываясь. Все замолчали. Потом Тыликов окликнул:

— Макс, иди на мое место! А она — на Веркино!

— Спасибо. Мы в тир, — сказал Максим.

Где тир, они точно не знали и слегка заплутали в аллеях. Оба молчали. Максиму было неловко за ребят. И за себя: не смог добиться справедливости.

Чтобы заглушить неловкость, он досадливо сказал:

— Этот Транзя такая шпана. Все знают. А туда же, в патруль...

— Противный, — согласилась Таня.

Заросшая дорожка снова привела их на край площадки с аттракционами.

И тут, словно его звали, опять появился Транзистор! Выскочил из кустов. Теперь он был один. Увидел Максима с Таней и злорадно заухмылялся:

— Что, не пришлось покататься, Рыбочка? Видишь, как нехорошо лезть без очереди.

— Знаешь, что у него на повязке? — громко спросил Максим у Тани. — «ПП» — подлый прилипала.

Он был уверен, что вблизи от учителей и вожатой Транзя не посмеет его тронуть. Но тот вдруг прыгнул и толкнул Максима в кусты. А сам — следом. Теперь кругом были только ветки.

Транзя ловко выкрутил Максиму руку.

— Пусти!

— Говори: «Витенька, прости, я больше не буду».

Максим увидел круглые Танины глаза и понял, что потеряет сознание, а говорить такие слова не будет.

Но боль была нестерпимая. Транзя надавил еще сильнее, и Максим упал коленками в траву.

— Отпусти, гадина, — сказал он сквозь слезы. И вскрикнул, ткнувшись лбом в корень куста. Разжал пальцы и выпустил болтик.

Уголком глаза он видел, как Таня бросилась с поднятыми кулаками и тут же отлетела — спиной в гущу веток: это Транзя двинул плечом.

Потом он отпустил Максима и поднял его за шиворот.

Болтик лежал на траве. Максим сразу нагнулся, но Транзя наступил на болтик и отпихнул Максима. Он подобрал болтик сам.

— Отдавай! — сказал Максим.

— Ах, какой нехороший! С железками ходишь. Чтобы драться, да?

— Хулиган паршивый, отдай сейчас же! — бесстрашно сказала Таня.

Но Транзя хихикнул, вышел из кустов и с открытого места показал им дулю — с болтиком вместо большого пальца.

Таня потемневшими глазами глянула на Максима.

— Давай догоним и налупим!

— Попробуй налупи, — беспомощно сказал Максим. — Нам же и попадет. Скажут, на школьный патруль порядка напали.

Таня промолчала и отвернулась. И Максим понял, что она догадалась про его страх. Он стал растирать руку: Транзя чуть не вывернул ее из сустава.

— Пойдем тогда... — тихо сказала Таня.

И они пошли, и Максим все тер и тер руку, хотя она уже почти не болела.

— Мне домой надо, — вдруг сказала Таня. — Я пойду. Максим растерянно остановился.

— А может... в тир?

— Нет, дома беспокоятся, если я долго...

— Пойдем вместе.

— Тебе же нельзя. Вожатая заругает.

Это была правда.

И Максим не знал, что делать.

— Ну, пойду. До свиданья, — сказала Таня.

— До свиданья... — потерянно сказал Максим.

Она повернулась и тихо пошла, не оглядываясь, с опущенной головой. И свернула за зеленый павильон, где была комната смеха.

Вертелись карусели-зонттики. Шум и смех были кругом. И солнце было такое же яркое, как раньше. Но сразу все стало плохо. Будто Максим потерял что-то очень хорошее или обманул кого-то. А что же, так и есть! И обманул, и потерял.

Ощущение потери мучило еще и потому, что не было болтика. Максим за день так привык к нему, что порой забывал: носил в кулаке и не думал о нем. Но сейчас рука не чувствовала привычной тяжести. Потерял...

Максим брел боковой аллеей. Видеть никого не хотелось, а уйти далеко от ребят было нельзя: вдруг всех позовут. Он шел и все думал, как уходила Таня — печальная,

с опущенной головой. Из-за него... И как теперь с ней встретишься, что скажешь? Она даже не напонила, что-бы приходил завтра.

А Транзя, словно нарочно, решил попадаться на пути Максима!

Теперь он опять был не один. Трое их было. Сбоку от аллеи на песчаном пятачке они стояли на коленках и что-то разглядывали на земле, сдвинув головы. Низко-низко наклонились и толкали друг друга плечами и локтями.

А рядом стоял мальчишка-первоклассник в голубой матроске. Он со слезами повторял:

— Ну отдайте! Отдайте!

Максиму было так горько, что он уже почти не боялся. Пускай Транзя опять привяжется, если охота. Максиму все равно. Он подошел совсем близко и увидел, что Транзя с приятелями гоняет по песку черного рогатого жука. Мальчишки подталкивали жука лучинками, а Транзя — Максимкиным болтиком.

— Отдайте... — безнадежно повторил первоклассник и посмотрел на Максима. От слез его коричневые глаза были как за стеклышками.

Транзя с друзьями не видел Максима. Они спиной к нему были повернуты и видели только жука.

— Не ваш же жук! — сказал первоклассник.

— И не твой «жежук». Общественный, — ответил Транзя. — Он в парке живет, значит, государственный. А ты поймал и мучаешь.

— Это вы мучаете! А я домой возьму, он у меня жить будет!

— Значит, ты браконьер, — сказал Транзя и хихикнул. Потом он так щелкнул по жуку, что бедный рогач отлетел на полметра.

Максим опять посмотрел на блестящие глаза первоклассника, потом на Транзю. Он видел его спину с шевелящимися под рубашкой лопатками и туго натянутые джинсы с задним карманом. На кармане была клеенчатая нашивка в виде футбольного мяча.

Транзя прицелился и занес над жуком болтик — словно печать, которую хотел приклепнуть с размаху.

В Максиме, видно, сгорел предохранитель. Ужасаясь тому, что делает, он отвел назад ногу и врезал сандалией по карману.

Транзя икнул и ткнулся головой в песок. Максим прыгнул ему на спину и замолотил кулаками по шее! За себя,

за Таню, за жука, за первоклассника! За болтик! За страх и слезы!

Это было всего секунду. Потом все замелькало, перевернулось, и Максим оказался припечатанным к песку. От сильного удара почти онемело плечо, а Транзя навалился и кормил, кормил его песком... И улыбался.

Но он сбоку навалился, и ноги у Максима были свободны. Максим отчаянно рванул вверх правую ногу — трахнул врага коленом. По носу.

Колено было твердое, а нос мягкий. Транзя пискнул. Максим изловчился и трахнул снова. На этот раз попал Транзе по скуле. На колено ему упали теплые тяжелые капли. Транзя отвалился в сторону.

Максим вскочил. Первое, что он увидел, — жука и болтик. Жук был живой: лежал на спине и дрыгал лапками. Первоклассник схватил его и побежал по аллее.

А Максим схватил болтик и приготовился отбиваться от разъяренного Транзи.

Но Транзя поднимался медленно. Из носа у него текли две темно-красные струйки, а скула была голубая.

— Эт-то что?

По аллее спешила Римма Васильевна.

— Эт-то кто?

— Это он, — размазывая кровь по щекам, простонал Транзистор и локтем показал на Максима: — Псих! Кинулся со спины как бешеный...

— Та-ак! — сказала Римма Васильевна. — Рыбкин!

— Чего? — плюясь песком, дерзко сказал Максим. Он пучком травы отер с колена красные Транзины капли. Потом выпрямился, отряхнул и надел пилотку. Он был победитель. Он все отстоял: и «Гнездо ласточки», и болтик, и себя самого. А Транзя — гад, это все знают. И первоклассник в матроске подтвердит.

— Это ты устроил драку? — замороженным голосом спросила Римма Васильевна.

— Я! — сказал Максим. — Потому что он сам! Он ко всем первый лезет! Еще патруль...

— Я лез? — яростно крикнул Транзя.

— Он не лез! — сказали хором его приятели. Они наконец пришли в себя.

Сбегались на шум ребята. Подошла Роза Михайловна.

— Не думала я, что Рыбкин такой фрукт, — сказала Римма Васильевна. И велела приятелям Транзи: — Отведите Виктора, пусть умоеся.

Транзя, шмыгая носом, пошел. Но через два шага оглянулся.

— Он железкой дрался! Поглядите у него в кулаке!

— Врешь! — крикнул Максим.

Римма Васильевна крепкими пальцами разжала его кулак и взяла болтик.

— Ах, вот оно что, Рыбкин...

— Но он врёт! Он его сам отобрал! — отчаянно сказал Максим.

— А почему ты кричишь? Что это за разговор?! Что он у тебя отобрал? Ты до крови избил железным винтом члена нашего школьного патруля.

— Да неправда!

— Что еще неправда? Ладно, в школе разберемся.

Роза Михайловна взяла вожатую под руку:

— Знаете, этот Транзин тоже не сахар...

— Разберемся, разберемся...

Они отошли на несколько метров, но Максим услышал, как вожатая говорит:

— Я с таким трудом привлекла Транзина к общественной работе, и если сейчас...

Максима обступили ребята.

— Он теперь тебе проходу не даст, — сообщил Мишка Стременко.

Вера Ковальчук сказала:

— У тебя песок на спине. Постой, отряхну.

Тыликов пообещал:

— Я Ваське, брату своему, скажу. Если Транзя еще полезет, он ему вделает.

— У меня тоже есть брат, — сказал Максим. — Да я и сам, если один на один... Подумаешь, Транзя...

Римма Васильевна встала поодаль.

— Все сюда! Все ко мне! Едем домой! — громко восклицала она и хлопала над головой ладонями. Хлопки звучали, как выстрелы пистонного пистолета. На локте у вожатой висела желтая сумочка. В ней лежал Максимкин болтик.

Бой. Продолжение

Когда автобус остановился у школы и третьеклассники высыпали на тротуар, Римма Васильевна велела встать в круг.

— В школу никто не заходит! Там идут занятия, нечего шуметь! Все отправляются по домам. Не забывайте, что послезавтра сбор! Особенно те, кого принимают в пионеры! Готовьтесь! Имейте в виду: у кого не будет белых гольфов и синих пилоток, на сбор может не приходиться. Все разошлись! Рыбкин — за мной!

У Максима защемило сердце. Послезавтра — сбор. Все у него готово, и отглаженный галстук висит на специальных плечиках с круглой перекладинкой, чтобы не осталось складок. Да все это, видно, зря.

Вожатая маршировала по притихшим коридорам, а Максим с повисшей головой двигался следом. Они вошли в пионерскую комнату. Там было очень солнечно. Светился желтый лакированный стол, сверкали на тумбочке фанфары, сияли обручи на барабанах. Горячая искра горела на остром наконечнике знамени. Огненным светом полыхало это знамя и отрядные флажки. Настоящий праздник солнца и пламени!

Но это был не его, не Максимкин, праздник. И Максим остановился в дверях, тоскливо обводя глазами солнечные стены.

Римма Васильевна дернула от стены пластмассовую табуретку и села у блестящего стола спиной к окну. Положила перед собой сумочку.

— Что встал в дверях? Иди ближе.

Максим сделал несколько шагов.

— Не отворачивайся и смотри мне в лицо, когда я с тобой разговариваю.

Максим, чувствуя близкие слезы, поднял глаза. Он их все-таки поднял. Но лица Риммы Васильевны не увидел. На фоне горящего солнцем окошка лишь темнел силуэт с кудряшками и острой испанкой. А маленькие уши просвечивали темно-розовой краской.

— Я жду! — сказала Римма Васильевна.

— Что? — сипловато от подступивших слез спросил Максим.

— Ах, что! Ты не знаешь? Я жду целых пять минут, когда ты соизволишь объяснить свою дикую выходку.

— Он же первый полез, честное слово, — сказал Максим кудряшкам и прозрачным ушам.

— Не лги! Все видели, как ты петухом налетел на него! Сзади!

— Он тоже всегда сзади... Вы ведь самого начала не видели... Спросите у ребят.

— Ты меня не учи! Мне известно, кого и как спрашивать, и я спрашиваю тебя. А за ребят нечего прятать...

В этот миг стукнула дверь, и в комнату из-за спины Максима шагнул учитель.

Максим знал, что это учитель физики, а имени его не знал. Он только слышал от Андрея, что это хороший учитель — веселый и справедливый. Но Андрей называл его просто «Физик».

Физик был молодой, коренастый, светловолосый. Максиму казалось почему-то, что раньше этот учитель служил на флоте. Ему очень подошла бы штормовая куртка с тельняшкой вместо серого костюма и галстука. Правда, ходил Физик без морской раскраски, прямо и легко, даже строго как-то. Но лицо его, скуластое и толстогубое, никогда не было строгим.

Итак, учитель физики шагнул в комнату и встал сбоку от стола. А на стол мягко положил большую блестящую пластину.

— Добрый день, уважаемая Римма Васильевна.

— Что это? — слегка удивилась Римма Васильевна, отразившись, как в зеркале, в никелированной жести.

— Это от глянцевателя, — вкрадчиво сказал Физик. — Полюбуйтесь, что сделали ваши «фотографы», члены штаба друзей природы, которых, по вашей просьбе, я пустил в фотолaborаторию.

— Что именно? — недовольно поинтересовалась Римма Васильевна.

— Они изуродовали поверхность. Как прикажете глянецовать на этих царапинах и вмятинах? Кроме того, они сожгли лампу в увеличителе и уронили в фиксаж запасной объектив.

— Куда уронили?

— В раствор гипосульфата. Выражаясь популярнее, в закрепитель.

— Можно с этим чуть позже? Сейчас я закончу один разбор...

— Угу. Я подожду, — сказал Физик и отошел к боковому окну. Там он неожиданно повернулся и внимательно глянул на Максима.

— А это что за юноша в блистательном вицмундире? Это у ваших горнистов и барабанщиков такая форма?

— Не знаю, что за форма, — раздраженно откликнулась Римма Васильевна. — А этот «симпатичный юноша» сейчас в парке устроил безобразную драку с командиром поста порядка.

— Да неужели? — усмехнулся Физик. И кажется, не поверил. — А на вид вполне воспитанное дитя, только слегка помятое.

— Это «воспитанное дитя», к вашему сведению, избило одного пятиклассника железным винтом... — Она со стуком выложила из сумочки болтик.

— Я не бил его винтом, — тихонько сказал Максим и ощутил пустоту и безнадежность. Потому что ничего нельзя было доказать. Но он все-таки попытался еще раз: — Я не бил. Это у него был винт. Он у меня его отобрал.

— Совершенно верно! А почему отобрал?

— Ну спросите у него! Я-то при чем? — сказал Максим так отчаянно, что это было похоже на негромкий крик.

— А ну-ка... Ну-ка, ве-ди себя прилично, — с тихой угрозой произнесла Римма Васильевна. — Это что такое? — И вдруг крикнула: — Ты как разговариваешь!

Максим вздрогнул. И скорее от испуга, чем от желания спорить, громко сказал в ответ:

— А вы как? Говорили «разберемся», а сами только кричите.

— Ух ты... — удивилась Римма Васильевна. — А ты, оказывается, орешек... — Она повернулась к Физiku: — Видите? А мы говорим: «трудные, трудные»... Самые трудные — не те, кто в туалете курит и с уроков сбегает, а вот такие. Благополучненькие с виду. У них уже язык подвешен, умеют со старшими спорить по всем правилам. Рассуждают!.. А еще собирался в пионеры!

— А может быть, сначала... — заговорил Физик, но вожа-тая торопливо сказала:

— Хорошо, хорошо. Сейчас разберусь с этим субъектом, и поговорим.

— Поговорим, — согласился Физик и стал лицом к окну.

Римма Васильевна отчетливо сказала Максиму:

— Отвечай, почему затеял драку.

Отвечать было трудно: слезы скребли горло и вертелись в уголках глаз. Максим прошептал:

— Потому что он всегда лезет. И болтик отобрал.

— Почему ты не мог сказать учительнице или мне? Из-за какого-то паршивого болтика бросился избивать товарища!

Ну как ей объяснить? Из-за болтика! Как рассказать про Таню, про то, как она уходила из парка? Про борьбу со страхом, про отчаяние? Как?!

— У меня просто лопнуло терпение.. — с трудом сказал Максим.

— Что-о? — тихо протянула Римма Васильевна и часто задышала. — Ах, терпение... А у меня? У меня оно железное, чтобы выносить ваши ежедневные фокусы? А?! Отвечай!

И она с размаху припечатала свою ладонь к лаковой крышке стола.

Пластина подскочила и дзенькнула.

Этот металлический звук словно толкнул Максимкину память. С таким же звоном сталкивались медные тарелки... Дзенн! И светлый чубчик у маленького музыканта вставал торчком. Дзенн! И ослепительно вспыхивали на тарелках отблески прожекторов. А трубы вели упругую и боевую мелодию марша. Чуть-чуть печальную, но сильную и смелую.

И эта мелодия, вспомнившись, тихо зазвучала в Максиме.

И, слыша ее, он стал распрямляться.

Конечно, и до этого он стоял прямо. Но теперь он выше стал держать голову, плечи расправил, перестал суетливо дергать складочки на штанах, спокойно опустил руки. А главное — он распрямился в душе. Словно маленький, но смелый и дружный оркестр стоял сейчас у него за спиной. И слезы начали отступать.

Почему надо бояться, если не виноват? Почему надо плакать, если не боишься? За что на него кричат? За то, что первый раз он победил страх?

— Лучше бы этого Транзина спросили, зачем он приставал, — сказал Максим.

— Ты меня не учи! И не Транзин, а ты собирался вступать в пионеры.

Значит, пока он был трусом, никто не возражал: ни вожатая, ни одноклассники, ни шефы из шестого класса. А сегодня, когда он впервые вел себя как человек, — в пионеры нельзя?

— Я и сейчас собираюсь, — сказал Максим.

— Да? — опять язвительно спросила Римма Васильевна.

— Да, — упрямо сказал Максим. — На отрядном сборе у шефов уже проголосовали.

— Ну-ну! Ты думаешь, они станут тебя принимать, если я расскажу о твоём поведении? — с усмешкой откликнулась Римма Васильевна.

— Я тоже расскажу, — тихо, но уже бесстрашно сказал Максим. — Я правду расскажу.

— Ты... ты хочешь сказать, что я буду говорить неправду?

Максим не отвел взгляда. Его глаза привыкли, и теперь он видел лицо вожатой. Он смотрел прямо в зрачки Риммы Васильевны.

— Конечно, — все так же тихо, но с силой произнес он. — Вы говорите неправду. Зачем? Вы просто не любите, когда с вами спорят.

— Да! — решительно сказала Римма Васильевна и снова хлопнула по столу. И пластина опять отозвалась дребезжащим звоном. — Да-да-да! Представь себе, не люблю! И никто не любит! Если каждый с такой поры начнет со взрослыми спорить, тогда хоть в петлю лезь! И в пионеры принимают не драчунов, не хулиганов, а послушных учеников!

Пусто и просторно сделалось вокруг Максима. И тихо-тихо. Словно оказался он один в громадном поле. А над полем беззвучно кружил красный самолет. И, помня слова старого летчика, Максим отчетливо сказал в этой тишине:

— Послушными овечки бывают. А за правду надо воевать.

Несколько секунд (а может быть, очень долго) Римма Васильевна сидела, словно не понимая, что случилось. Потом лицо ее вытянулось, выщипанные брови поднялись, а рот приоткрылся, будто она собиралась сказать: «Ах, вот оно что? Тогда все ясно!»

Однако ничего она не сказала. Потому что учитель физики, о котором забыли, не то громко хмыкнул, не то кашлянул. Максим быстро взглянул на него. Физик по-прежнему стоял у окна и старательно смотрел на улицу. Что он там увидел?

Максим опять посмотрел на вожатую. Теперь лицо у нее было скучным и усталым.

— Убирайся, — утомленно произнесла она. — Борец за правду...

Максим круто повернулся на скользких подошвах и зашагал к двери. Он чувствовал, что после таких слов может не говорить «до свидания». Он негромко, но плотно прикрыл за собой дверь. И пошел по тихому пустому коридору.

Максим не боялся. Он понимал, что могут быть большие неприятности, но страха теперь не было. Потому что в пионеры примут. Все равно примут! Если надо, он в самом деле придет на сбор и перед всеми расскажет, как

было! Разве можно, чтобы человека ни за что взяли и не приняли?

Конечно, ей спорить проще. Она вожатая, она большая. Крикнула «убирайся!», ладонью трах — и кончен разговор. А если он прав? Он же все равно прав! Справедливость победит, не надо только бояться.

Максим сердито и обиженно шурился, но шагал твердо. И решительно сжимал кулаки. Нет, он правда не боялся. Только смутная тревога слегка грызла его: словно за-был или потерял что-то.

Болтик, вот что!

Максим остановился. Он стоял всего секунду. Потом так же четко зашагал назад. Нельзя сдаваться. Если оставить болтик, это будет предательство. Болтик — как живой, он выручал Максима, а Максим выручал его. А сейчас болтик забросят куда-нибудь, и станет он валяться в му-соре, одинокий и бесполезный.

Неприятно снова оказаться перед разозленной вожа-той. Ох и раскричится! Страшновато даже. Но Максим за-ставил себя вспомнить оркестр, и марш «Морской король» снова зазвучал в нем. Запела труба, и взметнулись блестя-щие тарелки. И под их звонкий удар Максим толкнул дверь.

Римма Васильевна и Физик о чем-то спорили, стоя у тумбочки с горнами. Они разом замолчали. Лицо у вожа-той было обиженным, а учитель сдержанно улыбался.

А болтик лежал по-прежнему на желтом лакированном столе. Максим сделал к столу от двери пять широких ша-гов. Он не опускал глаз. Вожатая и учитель физики сле-дили за ним с непонятными лицами.

— Здесь остался мой болтик, — громко сказал Мак-сим. — Извините, но он мне нужен.

Максим накрыл болтик левой ладонью и сжал пальцы. Они ощутили привычную ребристую тяжесть. Максим по-вернулся и пошел. Ему не сказали ни слова. Поэтому он чуть-чуть задержался на пороге. Но так и не дождался ни вопроса, ни упрека. Тогда, не оглянувшись, он негромко сказал:

— До свидания.

В коридоре он вдруг почувствовал, что слабенько дро-жат ноги. Странно даже. Ведь он не боялся. Правда не боялся! Может быть, это просто от волнения? Волнение — это не страх, это можно.

Он вновь заставил шагать себя твердо, и марш «Мор-

ской король», нарастая, опять зазвенел в нем: упорная песня труб и вспышки медных тарелок.

«Все равно примут! — сжимая болтик, думал Максим. — Все равно! Все равно!»

Но снова сквозь эту решительность его уколола тревога. И еще. Сильнее.

Что такое?

А вот что: Максимкина дорога лежала мимо кабинета врача.

«А если узнают, что я наврал тогда про укол?»

Если узнают — тогда конец. Тогда не видать пионерского галстука.

Максим представил, как это будет: грозные упреки Софьи Иосифовны, усмешки ребят, довольные глаза Риммы Васильевны: «Я же говорила...» Он даже зажмурился. Даже остановился. Еще яснее постарался вообразить, как это может случиться... И вдруг понял, почувствовал: ничего не будет. Он сам придумал себе всякие ужасы, потому что в нем жил страх. А сейчас страха не было. А если и был, то маленький, сморщенный, забившийся в самый темный уголок. Этот страх сам боялся Максима.

Что может быть? Скорей всего, и не вспомнят, если не спохватились за два месяца. А если и спохватятся?

«Как же это получилось, Рыбкин?»

«Ну, я не знаю. Мне помнилось, что делали прививку».

«Как это «помнилось»?»

«Наверно, перепутал с прошлым годом. Я разве отказывался? Просто предупредил. Ну, делайте сейчас, пожалуйста».

Вот и все.

Однако это было не все. Максим не пошел дальше. После того, что случилось, после того, как он задушил страх и стал победителем, ему хотелось прогнать последнюю маленькую боязнь. Снять с души накипь обмана.

Он вздохнул, переступил, набираясь решимости для отчаянного признания, и дернул дверь!

Она не открылась... Она была заперта!

Будем честными до конца: Максим не огорчился. Наоборот. Но теперь совесть его была чиста и он знал, что не станет больше врать и бояться. С облегченным сердцем выскочил он на лестницу, увидел в окне голубое небо с белым следом самолета. Вспомнил, как такой же след прошивал облака, которые стояли над рекой, над «Гнездом ласточки».

И тут догнала его новая тревога.

Таня!

Она, конечно, до сих пор презирает его. Вспоминает, усмехается, и ее глаза обидно щурятся.

Он был хвастун и трус! Таким она его и запомнила.

Он для себя решил спор с Транзей. А для Тани? Как она узнает? Она и сейчас думает, что Транзя ходит гордый, а у Максима заячья душа...

Максим выскочил из школы и торопливо пошел к реке.

«Приду завтра!»

По знакомой тропке Максим скользнул через щекочущие заросли на тайный уступ. Зорко глянул сквозь перепутанную траву: нет ли кого поблизости? Не было. Прислушался. Стояла тишина, только крошки сухой глины, срываясь вниз, шелестели среди стеблей.

Максим нырнул в щель.

Была сплошная темнота. Максим нащупал и дернул шнурок. Яркий глаз фонарика послушно вспыхнул под толчком. Все оказалось в точности так, как раньше, когда они уходили. И упавшая стрела лежала у входа. Значит, Таня не приходила. И наверно, сегодня уже не придет.

Максим присел на ящик, и сделалось ему грустно. Когда они встретятся? И встретятся ли вообще? И конечно, Таня думает: «Трус, трус...» А он уже перестал бояться! Он уже не такой, как два часа назад.

Как ей об этом сказать? Может, оставить болтик? Правильно! Она увидит и все поймет!

А если не поймет? Вдруг подумает, что подлый Витька Транзистор выследил «Гнездо ласточки» и побывал здесь? Или еще что-нибудь не то подумает?..

Написать бы письмо. А как? Нет ни карандашика, ни бумаги... А может быть, есть? Максим обвел глазами стены. Оружие, индейский убор, карта... В нише — маленькие дамы и мушкетеры замерли в неподвижном танце. Рядом с ними лежат кусочки пластилина — чтобы лепить новых воинов и придворных.

А ведь в древности люди писали на глиняных табличках! Выдавливали буквы!

Максим вскочил и ощупал пластилиновые брусочки: который помягче? Все были одинаковые, жесткие. Тогда он выбрал темно-красный, немного похожий по цвету на виш-

невую форму. Отложив болтик, он долго разминал пластилин и шлепал им о доски ящика. Получилась лепешка.

Усевшись перед ящиком на корточки, Максим взял стрелу и провел по пластилину. Ничего, можно писать. Но что?

«Здравствуй, Таня! Ты, наверно, думаешь, что я струсил. А я просто не хотел драться, потому что послезавтра мне вступать в пионеры, а Римма Васильевна сразу скажет, что я хулиган... Но потом...»

Нет, это будет неправда. Хватит врать.

«Здравствуй, Таня. Сначала я побоялся связываться с Транзей, а когда ты ушла...»

Нет, неловко писать про это. И опять получится, что он трус. А он уже перестал быть трусом, зачем же про это вспоминать? Лучше так:

«Когда ты ушла, я понял, что все-таки надо его отлупить».

Это уже лучше. В самом деле так было: она ушла, а он понял... Только слишком длинно получается. Может быть, проще? «Я понял, что надо его отлупить...»

Нет, не так. Можно еще яснее и короче.

И, склонившись над пластилиновой табличкой, Максим начал выцарапывать наконечником слова. А белое перо на хвосте у стрелы размашисто двигалось на дего пилоткой.

Вот что получилось:

«Пришлось его отлупить. Приду завтра в 2 ч. Максим».

Потом он подумал: «А вдруг она завтра до двух здесь не появится?» И тут же успокоил себя: «Появится! А если нет, я оставлю ей новое письмо».

Рядом с пластилиновой табличкой Максим положил болтик — свидетельство своей победы. И сразу пожалел его: болтику скучно будет одному в темноте.

Максим опять взял его, вздохнул, побаюкал... и догадался! Перевернул болтик и вдавил в пластилин. Плоская головка с аккуратным числом «12» оттиснулась рядом с подписью, как настоящая печать. Правда, цифры получились наоборот, но Таня все равно догадается.

Теперь все-все было хорошо! Максим выключил фонарь и хотел поскорее выбраться из пещеры. К солнышку, к свежей траве, к лету.

Но снаружи вдруг зашелестело, защелкало по листьям, и появилась словно занавеска из стеклянных ниток. Это, не закрывая солнца, набежала тучка с первым летним дож-

дем. Будто нарочно, чтобы пошутить с Максимом и не выпустить из «Гнезда».

Он не обиделся на тучу. По веселому шуму капель, по их солнечному сверканию он понял, что это ненадолго. И правда, через две минуты дождик убежал, оставив на обрыве блестящую траву. А на фоне сизого облака за рекой появилась яркая крутая радуга. Вернее, две радуги — одна внутри другой. Эти разноцветные ворота размытыми полосками отразились в воде, и там их с размаху разорвал на лоскутки белый катер на подводных крыльях.

Максим выбрался на тропинку. Глина стала скользкой, а листья травы мокрыми ладошками хватили его за ноги. Рукава рубашки намокли оттого, что по ним шелкали сырые верхушки. Но это были пустяки, это было даже приятно.

Небо над головой расчистилось, а у тучки, убежавшей за реку, золотом горел косматый край. Блестели на том берегу окна и мокрые крыши. Дышать было легко-легко. Казалось даже, что если сорвешься с обрыва, то не упадешь, а полетишь, как птица. Полетишь в этом удивительном воздухе, где вечер начал незаметно рассыпать похожие на солнечную пыль золотые искорки.

Но Максим не сорвался. Скользя сандалиями, он поднялся на край высокого берега. Он немного устал, но было ему радостно и спокойно. Потому что сделал он все как надо.

После дождика резко пахло тополиной свежестью. И Максиму стало так хорошо, что захотелось обнять ближний тополь. Обнять и сказать спасибо за этот летний вечер, за недавний теплый дождик, за радугу. За свою радость и победу.

Он так и сделал. Обхватил серый рубчатый ствол и прижался к нему щекой, грудью, коленями. Он уже не боялся испачкать вишневую форму. Он стоял, сливаясь с тополем, и слушал лето.

Начинался легкий ветер, он качал ветки. Большая теплая капля упала Максиму на висок и покатилась по щеке. Он улыбнулся и закрыл глаза.

Кто-то легко тронул Максима за плечо. Он оторвал щеку от ствола и не спеша повернулся.

Перед ним стоял мужчина. Максим смотрел на него снизу вверх, ввысь. И при таком взгляде он не сразу узнал этого человека. А потом понял, что это учитель физики.

Максим не удивился и не встревожился. Просто подумал: «Вот опять учитель физики». Улыбка все еще была

у Максима внутри, но на учителя он смотрел серьезно. Серьезно и спокойно.

— Ты плакал? — негромко спросил учитель.

Максим покачал головой.

— А это? — сказал Физик и коснулся мизинцем щеки Максима — там, где осталась влажная дорожка.

Максим снова улыбнулся. Чуть-чуть.

— Это капля с дерева, — объяснил он и посмотрел на листья.

Физик тоже посмотрел вверх.

Потом они посмотрели друг на друга.

— А я думал, плачешь, — все так же негромко сказал учитель. — Не обижайся. Иногда бывает, что человек держится храбро, пока нужно, а потом плачет, когда один. От обиды или усталости.

— Я знаю. Но я не плакал. Даже не хотел, — сказал Максим.

— Ну и молодец. Тогда давай руку и пойдем.

— Куда? — удивился Максим.

— Куда... Домой, наверно. А что ты здесь вечером на берегу делаешь?

— Я... играю, — сказал Максим и отвернулся. Но ему не хотелось врать и придумывать. И ему почему-то нравился Физик. — У меня здесь тайна, — тихо объяснил он и снова поднял на учителя глаза. — Но это не моя тайна, вы не спрашивайте.

Физик кивнул:

— Не буду... Но, признаться, ты меня напугал со своей тайной.

— Я? Как?

— Как... Понимаешь, выскочил ты... то есть ушел, сердитый такой, решительный. А я тоже... пошел. Смотрю: ты впереди движешься. Получилось, что нам по дороге. А потом — ты к реке. Я думаю: не решил ли ты сгоряча в воду головой... Ну, это я шучу, конечно, — торопливо засмеялся Физик. — Но все равно странно: с обрыва исчез — и нет тебя. И долго нет. Согласись, любой бы затревожился...

— Да, пожалуй, — подумав, произнес Максим. — Но я же не знал...

— Сейчас все в порядке, — сказал Физик. — Ну а как насчет того, чтобы домой? Идем?

И он протянул руку. Максим дал свою. Не с болтиком, а другую.

Они шагали дружно и неторопливо. Максим украдкой поглядывал на Физика и думал, что впервые в жизни идет,

держа за руку учителя. И не с классом, в вдвоем. Интересно, как Физика зовут? Неловко спрашивать. Он дома узнает, у Андрея. А через три года Максим сам будет изучать физику и, наверно, каждый день будет встречаться с этим учителем. Жалко, что Римма Васильевна, а не Физик вожатый в школе.

— А насчет приема в пионеры не беспокойся, — вдруг сказал Физик. — Все будет в порядке.

— Я и не беспокоюсь, — ответил Максим. И почувствовал, что, кажется, опять соврал. — Нет, я беспокоюсь, но не боюсь, — поправился он. И сердито прищурился.

— Вот и хорошо, — улыбнулся учитель.

— Конечно, хорошо, — независимо сказал Максим и гордо посмотрел сбоку на Физика.

Но беспокойство, которое опять всколыхнулось в нем, оказалось сильнее гордости. И он спросил тихонько:

— А... правда? Все будет в порядке?

— Да, — сказал Физик.

И это твердое «да» прогнало от Максима проснувшуюся тревогу. Насовсем. Если бы он шел один, то, наверно, двинулся бы вприпрыжку — от накатившейся радости. Но его ладошка была в руке у Физика. Поэтому Максим лишь заулыбался. И нечаянно сбил шаг.

— Что? Нога болит? — спросил Физик и поглядел на Максимкин бинт.

— Ничуть не болит!

— Крепкий ты человек, — с уважением сказал Физик. — Прямо как твой болтик.

— Почему крепкий? Нога ведь правда не болит.

— Верю, верю... Ладно, мне пора сворачивать. До свидания, Болтик.

— До свидания... — сказал Максим. И когда они разошлись, когда учитель был уже в пяти шагах, Максим вдруг решился:

— А как вас зовут?

Наверно, это было не очень вежливо — спрашивать вот так, в спину. Мама не похвалила бы. Но Физик обернулся, будто ждал вопроса.

— Роман Сергеевич меня зовут. А что?

— Так.. А вы знаете Андрея Рыбкина из девятого «А»?

— Знаю, — серьезно сказал Роман Сергеевич. — Способный юноша.

— Это мой брат, — с удовольствием сказал Максим.

— Надо же! Очень приятно. Привет Андрею Рыбкину. У них, кстати, послезавтра контрольная.

— А нас вы будете учить в шестом классе?
— Надеюсь... Если ничего не случится.
— Что же может случиться? — с легким беспокойством спросил Максим.

— Мало ли что, — усмехнулся Роман Сергеевич. — Скажем, вдруг назначат заведующим гороно...

— Да ну уж... Может, не назначат, — успокоил Максим.

Роман Сергеевич засмеялся, помахал рукой и зашагал к повороту.

«Ты с неба упал?»

Вечернее солнце светило в спину, и впереди Максима на асфальте смешно шагала удивительно длинная и тонконогая тень. Она прихрамывала. Потому что Максим тоже прихрамывал: опять стало болеть колено. А кроме того, ныло плечо, по которому ударил Транзя. И во всем теле, как тяжелая вода, колыхалась усталость.

Но не думайте, что Максим шагал уныло. Он просто неторопливо шагал. Настроение все равно было радостное. И Максим улыбался: впереди его ждало только хорошее.

Пожалуй, лишь одно не очень хорошо: Максимкин потрепанный вид, наверно, огорчит маму...

Проходя мимо витрины булочной, Максим глянул на свое отражение в стекле. Да-а... Вид, конечно, не тот, что утром. Обшлага и локти у рубашки серые, верхняя пуговка на жилете висит на нитке, сам жилет помят, а штаны — те вообще в гармошку. Ноги побиты и поцарапаны, словно Максим дрался со стайей камышовых котов. А бинт! Даже не верится, что он был когда-то белый...

А впрочем, ладно! Он возвращается победителем, а победителей, говорят, не судят. Тем более что пилотка с серебряными крылышками по-прежнему, как новенькая, ловко сидит на голове.

Максим глотнул и торопливо отошел от витрины. Потому что кроме самого себя он разглядел за стеклом батоны и поджаристые караваи. От голода мягко кружилась голова. Ох, скорей бы домой! Жаль, что бежать сил нет.

На углу стояла тележка с навесом и надписью: «Пирожки». Морщинистая пожилая продавщица в белом халате и такой же, как у медсестры Любы, шапочке нагнулась и шуршала промасленными бумагами.

Максим, глотая слюну, подошел и протянул пять рублей.

— Дайте, пожалуйста...

Она выпрямилась так быстро, что Максим не договорил.

— Нету сдачи! Ты бы еще сто рублей дал! Не видишь, что ли, деньги уже сдала!

Как он мог видеть? Он видел только пирожки — пузатые, золотистые. Они горкой лежали в алюминиевой корзине. Они были, наверно, с мясом и рисом. Но, в конце концов, не умрет же он! Лучше потерпеть, чем стоять перед ней и кланяться.

Максим пожал плечами и пошел прочь, стараясь не хромать. И услышал за спиной ворчание:

— От горшка два вершка, а с такими деньгами...

Откуда они берутся, такие вредные? И эта, и Марина, и та тетка за забором, когда Максим рубил щепкой репейники...

— Мальчик! — вдруг услышал он тот же голос. — Мальчик, подожди!

Что ей еще надо? Придраться хочет, откуда деньги? Не ее это дело.

Максим остановился, посмотрел назад.

— Мальчик! — позвала продавщица несердито. — Подожди сюда.

Он опять пожал плечами и подошел.

— Возьми, скушай, — сказала продавщица и протянула пирожок в бумажной салфетке.

— Да что вы, не надо, — торопливо произнес Максим и, кажется, покраснел.

— Возьми, возьми, не сердись.

Она была теперь совсем не злая. Улыбчивая и чуточку виноватая.

«Спасибо, не хочу», — хотел сказать Максим, но пирожок был такой изумительно аппетитный, что рука потянулась к нему сама.

— Спасибо большое...

— Кушай на здоровье. Не обижайся на старую, это я на солнце настоялась, умаялась за день...

Максим еще раз сказал спасибо и пошел, оглядываясь.

Странно... Сердитая она или добрая? Хорошая или плохая?

А может быть, и Марина не совсем плохая? Может быть, у нее жизнь такая, измучилась со своим пьяницей Витей...

Но все равно. Если тебе плохо, зачем кидаться на невиноватых? Зачем думать, что все плохие?

Вот у Ивана Савельевича жизнь была тоже нелегкая, а он сразу понимает, кто плохой, а кто хороший.

«Улица Громова, пять, квартира пять». Максим обязательно пойдет в гости. И может быть, Иван Савельевич попросит знакомых летчиков, чтобы Максима прокатали...

Конечно, попросит!! И они, конечно, согласятся! У такого доброго человека и друзья наверняка добрые.

Хорошие люди всегда выручают и помогают. Медсестра Люба, учитель Роман Сергеевич... И Таня!

Максим завтра обязательно пойдет на берег.

Хорошие люди иногда просто слово скажут, а от этого уже весело. Например, тот синеглазый старик, подаривший щепку. И вахтерша на телестудии...

Если бы мог Максим, он бы сделал в ответ им тоже что-нибудь доброе. Обязательно!

Только что он может? Песни петь умеет немножко. Если бы можно было сделать еще один концерт и придумать для этих людей самую хорошую песню! И чтобы они знали, что это для них...

Ветер тоже был добрый. Плотный и очень теплый. Он пришел со стороны солнца и мягко подталкивал Максима в спину, помогал идти.

Пирожок исчез. Максим даже крошки слизнул с ладошки. И осталось лишь сладкое воспоминание о мясной начинке и поджаристой корочке. Голод тоже остался. Только раздражился пуще. Что такому громадному голоду маленький пирожок? Папа в таких случаях говорит: «Слону дробинка».

Слону...

«Купи слона...»

Максим улыбнулся и повернул на улицу Гризодубовой. Он никогда по ней раньше не ходил, но знал, что она должна привести его почти к дому. Это была короткая дорога.

И он очень удивился, когда улица через два квартала вильнула и уперлась в серый расшатанный забор.

Что же делать? Даже обхода не видно. А возвращаться — это сколько лишнего пути?

Во многих местах доски были оторваны. Слон бы не пролез, а Максим легко скользнул в первую же щель: может, есть тропинка напрямик?

Тропинка была. Она змеилась в большой траве, пересекала просторную площадку — не то пустырь, не то забро-

шенный стадион. На одном краю площадки стояли покосившиеся футбольные ворота, на другом дощатое строение — сарай или гараж. Солнце еще не ушло за горизонт, но уже пряталось за высокими домами, и над пустырем висела голубая вечерняя тень. Это было еле ощутимое начало сумерек.

Ровно шелестел ветер в траве, да и на близком аэродроме стрекотали моторы.

Максим пошел по тропинке. Она вела мимо сарая. Максим думал, что это совсем заброшенный сарай, но, когда подошел близко, услышал голоса.

Трое мальчишек выкатили из-за угла странную штуку на разнокалиберных колесах. Максим был в нескольких шагах, но его не увидели. Потому что сначала ребята, согнувшись, возились со своей колымагой, а потом выпрямились и задумчиво на нее уставились.

Максим стоял по пояс в старом бурьяне. Он не знал, что делать. Незнакомые мальчишки — это риск. Но тропинка проходила рядом с ними. Если обойти стороной, по траве, скажут: ходит тут и выслеживает. Если повернуться и незаметно уйти... Но куда пойдешь? Да и опять это будет трусость.

А собственно говоря, чего бояться? Мальчишки совсем не похожи на вредных людей. Спокойные такие, делом занятые. Самый маленький — лет семи, белобрысый, тощенький и глазастый. Неуловимо на кого-то похожий. Два других, наверно, из шестого или седьмого класса. Один — коренастый, с темными веснушками на острых скулах, другой — высокий, почти со взрослого, но узкоплечий и с тонкой шеей, а волосы легкие — от ветра шевелятся.

Лица у них были серьезные и задумчивые. Коренастый мальчик тискал пальцами подбородок, а глазастик встревоженно посматривал то на него, то на высокого.

Максим решил, что можно идти без опаски. Но неловко было пройти, будто мимо пустого места, молча. И... ну, в самом деле, интересно же, что они делают.

Максим набрался смелости и спросил:

— Это у вас что?

Они разом на него посмотрели.

Коренастый мальчик оставил в покое подбородок и удивленно сказал:

— Вот это да! Ты с неба упал?

Высокий улыбнулся, и улыбка была у него дружелюбная. А голос неожиданно тонкий:

— И правда с неба. Видишь — летчик.

— Это не летчик, — строго сказал глазастик. — Это из дворца, из музыкального кружка. Нашему Веньке тоже такую форму дали, только немножко не такую.

— Он где, твой Венька? — сердито спросил коренастый. — Обещал проволоку принести...

— Нету проволоки, — спокойно объяснил глазастик. — Не нашел. А сам скоро придет, только телевизор досмотрит. Там чего-то важное.

— «Важное», — хмуро отозвался коренастый мальчишка. — Обещал, а теперь «нету». Мы этим «нету» будем рулевую тягу крепить?

— Он, Олег, ничего не обещал. Сказал, что посмотрит. А раз не нашел, помирать теперь? — солидно возразил малыш.

Потом они, словно разом вспомнив про Максима, опять посмотрели на него.

— Это у вас автомобиль такой? — спросил Максим.

Сооружение из труб и реек держалось на трех колесах: задние от велосипеда-подростка, переднее — от детского самоката. Больше всего эта штука походила на макет допотопного автомобиля. Только задние колеса стояли слишком далеко друг от друга.

— Ага, автомобиль. Атомный... — отозвался коренастый Олег.

Высокий мальчик улыбнулся:

— Перестань... — И объяснил без всяких шуток и важности: — Это яхта на колесах. С парусом. Вот... — Он показал на длинную жердь, которая лежала у стены. Жердь была обмотана серой материей, и Максим понял, что это парус.

— И поедет? — спросил он.

Высокий мальчик кивнул:

— Побежит. При таком-то ветре...

— Если проволоку найдем, — сердито заметил Олег.

А малыш ткнул пальцем в железную петлю на оси маленького колеса и объяснил, серьезно глядя на Максима:

— Вот здесь надо проволокой привязать, чтобы руль не соскакивал. Это теперь самое главное дело.

Максим пригляделся.

— А если винтом?

— Где его взять? — досадливо сказал высокий. — Как назло, найти не можем. Вадик сегодня все свалки обшарил.

Это заметно было. Голубая футболка на животе, джин-

сы на коленях и даже щеки были у маленького Вадика в ржавчине.

Что же оставалось делать? Все само собой получалось. Конечно, Максим привык к болтику и полюбил его. Но болтик не может все время жить у него в кулаке. Он должен быть на нужном месте, чтобы пользу приносить. А здесь, у колеса, место было самое подходящее.

Максим вздохнул и раскрыл ладонь.

— Такой подойдет?

Они все трое разом уставились на болтик. И разом заулыбались. Даже хмурый Олег.

А высокий мальчик сказал:

— Нет, ты в самом деле с неба упал! Ты наш спаситель.

И они, стучаясь лбами, нагнулись у колеса и начали прилаживать болтик. А Максим сел на корточки рядом.

Маленький Вадик оглянулся на него и доверительно сообщил:

— Вот Венька обрадуется.

«На кого он похож? — подумал Максим. — Я, наверно, встречал его брата в ансамбле. Интересно, он в каком кружке?» Но спросить постеснялся.

— Мы сегодня по телевизору выступали, — сказал он, и получилось так, что он и про себя и про Веньку сказал.

— Венька говорил, да мы не смотрели, — откликнулся высокий мальчик. — Замотались и забыли. С утра с этой штукой возимся.

Он распрямился и с высоты глянул на Максима:

— Ну, спасибо за винт. Мы тебя обязательно покатаем. Тебя как зовут?

— Максим.

Высокий мальчик растерянно заморгал.

— Не может быть... Меня тоже Максим!

Это здорово получилось! Сразу сделалось так, будто они почти друзья.

— Мы тебя обязательно покатаем, — повторил высокий Максим. — Сколько хочешь.

— А когда?

— Как начнем испытывать, сразу позовем, — неожиданно сказал Олег. — Нам еще один человек не лишний будет. А ты парень дельный.

В Максиме поднялась теплая волна благодарности.

— А когда испытывать? — спросил он.

— Завтра, — сказал высокий Максим. — Сегодня таке-

лаж поставим, а завтра — отдать якоря... Если ветер не упадет.

— Такой ветер не упадет, — решительно сказал Вадик. И Максим ему поверил.

— Да, а ты где живешь? — спохватился высокий Максим. — Как мы тебя найдем?

— На улице Техников. Дом три, квартира сорок. Второй подъезд.

— Это же рядом, — сказал Олег.

— Разве рядом? — нерешительно откликнулся Максим. — Я не знаю... Я тут недавно живу. Пошел напрямик по улице Гризодубовой, а она пропала.

Ребята засмеялись. Высокий Максим сказал:

— Никуда она не пропала. Сейчас выйдешь за ворота, и она дальше тянется. А через квартал — твоя улица... Значит, дом три, квартира сорок?

— Да, — сказал Максим. — Только не забудьте... Я пойду.

Солнце уже совсем ушло, и Максим вдруг сообразил, что дома, должно быть, беспокоятся.

— Пока, — сказал Олег и протянул руку.

И высокий Максим — тоже.

И маленький Вадик протянул перемазанную ржавчиной ладошку.

Огонек в траве

Что говорят все мамы, когда сын является позже назначенного срока, помятый, взъерошенный, с боевыми ссадинами? Они говорят одни и те же слова:

— Боже мой! Где тебя носило? На кого ты похож?!

Что должен делать сын? Сокрушенно вздохнуть, опустить глаза и всем своим видом показать, что он и сам очень огорчен, что это было совершенно случайно и — главное — самый последний раз. Тогда можно избежать нагоняя или, в крайнем случае, ослабить его.

Но в Максиме, несмотря на усталость, пела радость победителя. В ответ на мамины слова он неосторожно сообщил:

— Это потому, что день такой был. — И посмотрел на маму радостными глазами.

Мама сухо поинтересовалась, что это был за день и где

в течение этого дня Максим околачивался. Не на экскурсии же он был с утра до вечера.

— Почему с утра до вечера? — слегка обиделся Максим. — Сперва передача, потом...

— Максим! — строго сказала мама.

А папа крикнул, отложил журнал и странным голосом спросил:

— Ты что же, станешь утверждать, что был на передаче?

— А где же я был? — изумился Максим. — Да вы что, сами разве не видели?

— Ну, знаешь ли... — сказал папа. — Это просто не мужски: так изворачиваться. Неужели ты будешь доказывать, что передача была, если ее не было?

Максим по очереди посмотрел на папу и маму. Они не шутили.

— Да вы что! — громко сказал Максим. — Вы просто прозевали передачу, а теперь говорите!

— Не смей грубить! — воскликнула мама. — Это выходит за всякие рамки! Мало того что все сочиняешь, еще и голос повышать начал!

— Я? Сочиняю? — тихо спросил Максим.

Почему так подло устроен человеческий организм? Когда правда на твоей стороне и говорить надо гордо и спокойно, в горло набиваются колющие крошки, а в глазах начинается щипать и появляются скользкие капли...

— А кто сочиняет? — вкрадчиво спросил папа. — Может быть, мы?

— Вы просто перепутали программу.

— Ничего мы не перепутали. По местной программе были новости и концерт, только не твой, а хора Пятницкого. А по московской — утренняя зарядка и «Человек и закон». Вот и все.

— Значит, телевизор сломался!

Мама неприятно засмеялась:

— Это просто великолепно! Сломался и превратил ваш ансамбль в русский народный хор!

— Телевизор в полном порядке, — сказал папа. Он не поленился встать и торжественно щелкнул клавишей выключателя. — Полюбуйся.

Максим не стал любоваться. Он повернулся и прохромал на кухню.

На кухне вкусно пахло горячим ужином. Но есть уже не хотелось. То, что случилось, погасило прежнюю радость и придавило Максима тройной тяжестью.

Во-первых, не было передачи!

Во-вторых, как он мог ляпнуть глупые слова про сломавшийся телевизор?

В-третьих, почему они не верят? Разве он когда-нибудь обманывал?

Если двойку получал, дневник не прятал; если виноват был, никогда не отпирался. Потому что многого на свете боялся Максим, но мамы с папой не боялся никогда. Конечно, случалось, что ругали его крепко, если было за что, а от мамы один раз даже перепало по затылку — за разбитый фарфоровый чайник (папа тогда сказал шепотом: «Эх ты, а еще педагог»). Но это же минутное дело. Потом все равно пожалеют и простят.

Почему же не верят?

Максим положил на газовую плиту локти, на локти — голову. Рядом стояла теплая кастрюля и ласково грела щеку. Максим сделал несколько крупных глотков и загнал слезы вглубь. Но все равно было горько.

— Может быть, у них просто была репетиция, а им не сказали? — произнес в комнате папа.

— Ах, оставь, пожалуйста! — возразила мама. — Просто у него разыгралась фантазия. В этом возрасте бывает.

— Ничего не разыгралась, — сказал Максим.

— Не смей подслушивать! — откликнулась мама.

— Я не подслушиваю. Вы сами на всю громкость... Если не веришь, позвони Анатолию Федоровичу...

«Репетиция»! Тогда сказали бы, когда настоящий концерт будет. И зачем было камеры включать?

Но почему не было передачи?

«Фантазия...» А может, правда все приснилось? И студия, и песня... И оркестр, и мальчик с тарелками?

Почему он, этот мальчик, все время вспоминается?

Тарелки были такие блестящие и так здорово звенели, чтобы еще лучше и сильнее звучал марш...

И марш опять отозвался в Максиме. Громко и уверенно. Максим даже удивился. Голову поднял.

Нет, это не в нем. Это в комнате!

Припадая на левую ногу, он заскакал к двери.

На экране телевизора играл оркестр. Тот самый! И мальчик-музыкант вскидывал и плавно разводил в стороны сверкающие тарелки. Его показали крупно, по пояс. Тарелки вспыхивали так, что экран не выдерживал блеска — блики делались черными. А волосы у мальчика весело вставали торчком после каждого удара.

Он смотрел без улыбки, и только в глазах были весе-

лые точки. Он прямо на Максима смотрел! Он словно пришел на выручку Максиму.

— Это же наши! — крикнул Максим. — Это же мы! Вот! Ура!

— То есть... Ах, ну конечно! — воскликнул папа и посмотрел на всех так, будто сделал открытие. — Конечно! Почему вы решили, что будет прямая передача? Как правило, делают запись, а потом показывают!

А марш звенел. Победный марш! И Максим смотрел на экран сияющими глазами.

— Тебя еще не показывали? — встревоженно спросила мама.

— Да нет, нет. Еще не сейчас...

— Максим, — внушительно сказал папа, — мы были не правы. Ты нас извини.

— Ладно, ладно, — торопливо сказал Максим. — Вы смотрите как следует. Тут все интересно.

Он скакнул к дивану и забрался с ногами. К папе. Мама выключила люстру, и при мягком свете торшера экран стал ярче.

Мальчик последний раз взметнул тарелки, и марш отзвучал. Зрители захлопали. Максим на миг увидел себя: как он колотит кулаком с болтиком о раскрытую ладонь. И мама с папой увидели. Мама даже ойкнула. Но тут появились танцоры...

...Все было как на концерте. Даже показали, как сбегается на площадку хор «Крылышки». И Максим опять увидел себя! Но сел он неудачно, позади Ритки Пенкиной, и, когда пели «Кузнечика», на экране видна была только Максимкина пилотка. Ну ничего...

Вышел Алик Тигрицкий. Заложил руки за спину, кивнул пианистке. Запел.

— Какой красивый голос, — сказала мама. — И какой славный здоровый ребенок. Не то что наша щепка.

— Не хватало еще, чтобы наш стал такой же круглый, — шепотом возмутился папа.

— Да тише, — жалобно сказал Максим.

Алик допел и с достоинством поклонился.

А у Максима внутри все замерло. Потому что сейчас, сейчас...

— Песня о первом полете! Солист Максим Рыбкин!

Батюшки, неужели это он? Маленький такой, с перепуганными глазами! Взъерошенный какой-то. Пилотка, правда, на месте, но застежка у жилета сбита набок. И штаны

перекошены: одна штанина длиннее другой... Трах! Чуть не сбил Пенкину с сиденья.

— О, гиппопотам... — страдальческим шепотом сказала мама.

Максим сжался. Почему он такой? Зачем хлопает глазами и растерянно оглядывается? И шевелит губами. И что там на студии, дураки, что ли? Для чего во весь экран показывают, как он стиснул кулак с болтиком? Тем более что тут же видно, как другая рука испуганно теребит пальцами краешек штанов и что на обшлаге расстегнулась пуговица...

«Да перестань ты стискивать свой болтик, дубина!»

— Не волнуйся, не волнуйся, Максим, — сказал папа. Это он тому Максиму, который на экране. Но теперь-то чего там «не волнуйся»! Поздно уже...

Показали опять лицо. Зачем он хмурит брови и смотрит прямо в камеру, балда?

Боже мой, это ведь жуткий и окончательный провал! Неужели кто-нибудь из знакомых ребят смотрит? Сколько смеха будет в понедельник! И как злорадствует Транзя!

Запели... Чего уж теперь петь-то! Издевательство одно. Хорошо только, что перестали его показывать, показывают ребят...

Над травами,
которые
Качает ветер ласковый...

Ой, как это сделали? На экране — поле с ромашками, трава волнуется. Маленький самолет стоит в траве. Идет сквозь траву к самолету мальчишка. Вроде Максима. Это, наверно, из какого-то кино.

Через кинокадры с ромашками во весь экран медленно проступило Максимкино лицо. Он уже не шевелил бровями и губами. Он напряженно смотрел с экрана и ждал. Потом запел.

Он пел и просил о полете. Но не жалобно, а скорее с какой-то сердитой настойчивостью. Это что же: у него такой голос? Совершенно незнакомый. Не такой высокий и чистый, как у Алика, но какой-то звенящий. Звенело отчаянное требование чуда!

Это что же, его глаза? Во весь экран. Зачем? И прямо в этих глазах — опять аэродром, и бегущий мальчик, и сверкающий круг винта...

И опять Максим — во весь рост.

...Возьмите!

Я очень легкий!

Папа тихо кашлянул.

Вдруг показали какого-то кудрявого мальчишку — среди зрителей. Он сидел, подавшись вперед и прикусив губу. Конечно, переживал. Наверно, ему неловко было за Максима.

Но тогда... Тогда почему так струится трава под взлетающим самолетом? И так искрится солнце в мерцающем круге пропеллера? И хор отозвался так радостно:

Машина рванулась —
все выше!

Выше!

Выше..

Выше..

И затихла песня. И скрылся у солнца самолет. И Максим притих, затаился, только сердце — как пулемет...

— Малыш ты мой, — тихонько сказал папа. — Вот какой ты у нас.

А мама ласково притянула его за уши и чмокнула в нос.

Это что? Значит, им за него не стыдно? Значит... не так уж и плохо?

И в этот миг из телевизора вырвался шумный плеск. Это были аплодисменты. Максим вздрогнул.

Конечно! Это же было! Уже было!

Там, на студии, была победа, и он стоял тогда радостный и оглушенный — такой же, как теперь, на экране. Как он мог забыть? Испугался начала и забыл про конец! А конец — вот он! Хлопают свои ребята, хлопают незнакомые мальчишки и девчонки. И мальчик-музыкант! Максим не видел его со сцены, а сейчас — он здесь. Хлопает так, что волосы опять торчком встают от ударов воздуха. Как от тарелок!

Неужели это он, Максим, дал ему радость? Ему и другим...

А вот Анатолий Федорович вышел. И женщина-диктор.

— Тебя зовут Максим? Поздравляю, Максим, ты хорошо пел. Верно, ребята?

— ...Ты, наверно, не первый раз выступаешь на концерте?

— ...А кем ты хочешь быть, Максим? Может быть, летчиком?

Ох, почему у него такой глупый вид? Ну, не глупый, а все-таки растерянный...

— А что у тебя в кулаке?

Ой, ну для чего это?

— Это так, болтик...

— Интересно. А зачем он тебе?

— Для крепкости...

И ладонь — во всю ширину экрана! С болтиком!

И все хлопают, никто не смеется. Кроме мамы.

Мама повалила Максима, стиснула ему плечи и сквозь смех сказала:

— Весь на виду, как есть! Ох, Максим, Максим! Даже здесь показал, какой ты барахольщик!

Но она это совсем необходимо сказала. И Максим засмеялся и заболтал в воздухе ногами, потому что все, оказывается, было прекрасно.

Мама ухватила его за ногу.

— Стой, голубчик. Рассказывай, наконец, почему бинт, почему глина на штанах. И все остальное.

— Ой, только поем сначала, — простонал Максим. — А то помру.

— Тогда марш мыть руки.

— У-у...

— Что значит «у»?

— Мам, — весело сказал Максим, — купи слона.

— Какого слона?.. Что еще за новости? Одному пленку для магнитофона, другому слона. Что такое слон?

— Все говорят «что такое слон?», — печально откликнулся Максим. — А ты возьми и купи слона.

— Я серьезно спрашиваю...

— Все серьезно спрашивают, — перебил Максим. — А ты не спрашивай. Просто возьми и купи слона.

Мама посмотрела на папу. Папа смотрел на Максима и покусывал губы.

— Я не понимаю... — начала мама.

— Все говорят «не понимаю». А ты просто купи слона.

Мама вдруг заулыбалась:

— Все говорят «купи слона»! И никто не хочет мыть руки. Марш в ванную, а то я тебя тапочкой!

Максим захохотал и скрылся.

Потом он сидел на кухне и ел. Он ел за обед и за ужин. Суп, сосиски, манную кашу с джемом. Пил чай с ирисками «Кис-кис». И рассказывал. Про концерт. Про револьвер у вахтерши. Про уют, третий этаж, форточку и Марину.

— Взять бы да всыпать как следует, — жалобно сказала мама. — А если бы ты сломал шею?

— А если бы дом сгорел?

— Человек дороже дома!

— Тут вопрос чести и самолюбия, — сказал папа.

— Тут вопрос глупости, — сказала мама.

— Ничего же не случилось, — сказал Максим. — Дело прошлое.

Мама выразила надежду, что в будущем ее сын не станет так бестолково рисковать головой.

Максим на всякий случай сказал «ладно» и поведал про Ивана Савельевича, потом — мимоходом — про уколы и, наконец, как появилась в садике Марина и как отправил ее обратно Иван Савельевич.

— Ну и ну, — вздохнула мама. — Денек был у тебя бурный... Перестань жевать конфеты, лопнешь... А ногу надо перевязать. Болит?

— Не-а...

— А откуда все-таки глина?

— Это я в парк шел по берегу и увяз у ручья. Думал, что совсем перемажусь, да одна девчонка помогла...

— Не девчонка, а девочка. Надеюсь, ты ее поблагодарил?

— Ага. Мы потом играли. У нее на берегу есть тайна...

— А зачем тебя понесло на берег, это не тайна?

Максим не успел ответить. Пришел Андрей.

— Эх ты, — сказала ему мама, — прогулял. А Максима все-таки показывали. Совсем недавно.

— Не прогулял. У Галки Жильцовой видел, — отозвался Андрей. — Не дитя — народный артист. Имей в виду, Макс, Галка в тебя влюбилась.

— Больно надо...

— А еще Максим рассказывал про свои подвиги, — заметил папа.

— Как Транзистора вырубил, уже рассказал?

(Откуда он все знает?!)

— Не транзистор, а утюг, — вмешалась мама. — И не вырубил, а выключил. Хотя бы дома не бросайся своими словечками.

— Именно Транзистора, — спокойно разъяснил Андрей. — Мелкую шпану младшего переходного возраста. Именно вырубил. Точнее — расквасил нос и поставил фингал.

— Максим, ты дрался? — широко раскрывая глаза, спросила мама.

— А чего! Он сам сколько раз первый приставал! Если полезет, еще дам...

— Только не рыпайся первый, — посоветовал Андрей. — А то бывает: силу почуял и пошел на всех отыгрываться. Транзя с этого начинал.

— Я не Транзя, — небрежно сказал Максим.

Потом он пошел в их с Андреем комнату, чтобы посмотреть новую «Пионерскую правду». Но он сделал ошибку. Надо было сначала включить свет, а потом плюхаться на тахту. А он сразу плюхнулся, и вставать стало лень. За окнами ровно шумел теплый ветер. В комнате качались, как туман у крыльев самолета, сумерки. Какое уж тут чтение! И Максим стал лежать просто так.

...Когда вглядываешься в сумерки, в них можно увидеть разные картины. Великанов, старинные города, море с парусами... Максим увидел джунгли. И осторожно пошел среди синих пальмовых листьев, лиан и высокой травы. И вышел на поляну.

Там стоял громадный слон. Максим попятился.

Слон его увидел. Встал на задние лапы, выпятил живот и не спеша побежал к Максиму. Максим — от него.

— Стой, стой! — затрубил слон голосом Ивана Савельевича. — Ты куда? Не бойся.

Максим вспомнил, что он теперь не трус, и остановился.

Слон подошел вплотную, и над Максимом нависло его брюхо — круглое и необъятное, как дирижабль, на котором в молодости летал Иван Савельевич.

— Ты куда? — повторил слон. — Какой хитрый! Купил, а теперь убегаешь.

— Разве я вас купил? — осторожно спросил Максим.

— А как же! Ты же сам маму просил, вот она и разрешила.

— А куда мне вас девать?

— Все говорят «куда девать», — печально вздохнул слон. — Раз купил — думай.

— А чем вас кормить?

— Все говорят «чем кормить»... Ирисками, конечно.

— Ладно, — сказал Максим. — Во дворе за гаражами как-нибудь устрою...

— Нет уж... — опять вздохнул слон. — Лучше я здесь буду. А ты в гости приходи. Ириски не забудь...

Максим обрадовался и хотел сказать, что не забудет, но раздался резкий звонок...

Максим открыл глаза. Слон пропал, и опять была синяя от сумерек комната.

Снова зазвонили.

Мама, видимо, открыла. Максим услышал:

— Вы к кому, мальчики?

— Здрасте. Скажите, пожалуйста, Максим здесь живет?

— Да... Но уже поздно. Кажется, он приткнулся где-то и спит.

— Не сплю! — сказал Максим и выскочил на свет. Поэтому что он узнал голоса.

В дверях стояли Олег, высокий Максим и Вадик.

— Мы за тобой, — сказал высокий Максим. — У нас все готово.

Мама охнула:

— Что у вас готово на ночь глядя?

— Одна интересная штука, — торопливо сказал Максим. — Надо испытать. Да, ребята? Главное, что ветер...

Мама, видимо, приготовилась твердо заявить, что никуда Максим не пойдет, и... встретила с его взглядом. И наверно, поняла, что сегодня Максим стал гораздо взрослее, чем вчера. Она оглянулась на папу, вздохнула и снова посмотрела на ребят.

И тогда маленький большеглазый Вадик сказал:

— Да вы не волнуйтесь, пожалуйста. Мы его проводим назад.

Мама тихонько засмеялась и махнула рукой.

— Только не больше чем на полчаса.

Над потемневшей травой в синем вечернем воздухе трепетало треугольное крыло, — распушенный по ветру главный парус. Он показался Максиму живым.

— Садись, — сказал Олег. — Держись за трос. А как услышишь: «Отдать тормоза» — дергай эту штуку. — И он положил Максимкину ладонь на деревянный рычаг.

Рычаг был гладкий и теплый.

Максим устроился, как на скамейке, на узкой доске позади левого колеса. Правой рукой ухватился за проволоку — она тянулась к доске от верхушки мачты. Там, над мачтой, над верхним дрожащим углом паруса, переливалась белая звезда. словно кто-то высоко-высоко подвесил граненую елочную игрушку и ее раскрутило ветром.

А больше звезд не было, вечер еще не потемнел. На западе догорал желтоватый чистый закат.

Однако дальние дома и заборы уже смешались в темную массу. И теперь неясно было, большая здесь площадка

или маленькая и далек ли будет путь. И от этой неясности да еще от ожидания появилась легкая тревога.

В зарослях слева от футбольных ворот помигал и зажегся яркий фонарик (и Максим вдруг вспомнил Таню и «Гнездо ласточки»).

— Сейчас! — крикнул маленький Вадик.

Он сел впереди, а высокий Максим — сбоку, у правого колеса.

Олег встал за яхтой.

— На таксель-шкотах... — сказал он негромко.

— Есть на таксель-шкотах! — очень звонко откликнулся Вадик.

И маленький треугольный парус — впереди главного — натянулся и мелко задрожал.

— На гика-шкоте...

— Есть на гика-шкоте! — сказал высокий Максим.

Большой парус перестал полоскать и упруго выгнулся под напором ветра. Максим через проволоку ощутил его тугую вибрацию. Яхту качнуло. Максим глотнул от волнения.

— Отдать тормоза!

— Есть! — крикнул Максим и поднял рычаг.

Что-то шелкнуло под колесом.

Олег подтолкнул яхту и прыгнул на заднее сиденье.

Они двинулись. Сначала тихо. Мягко тряхнуло на кочках. Еще, еще... Скорость быстро нарастала, и яхта зазвенела натянутыми тросами. Ломкие стебли захлестали Максима по ногам. Потом он почувствовал, что его плавно приподняло. Левое крыло оторвалось от земли! Максим тихо крикнул: он решил, что сейчас они опрокинутся. Но яхта легко бежала с креном на правый борт, а левое колесо, замедляя вращение, летело над верхушками травы.

И стало совсем не страшно. Весело стало! Чтобы убедить ноги, Максим подобрал их повыше, а потом, словно подчиняясь радостной команде, вскочил на доску!

Он вцепился в тонкую оттяжку мачты и летел над травами — прямо туда, где светил фонарик. Теплый ветер бил его в левое плечо и рвал у локтей широкие рукава рубашки.

Это был полет! Это была песня!

И кажется, что летели они долго-долго...

Фонарик мелькнул слева.

— Садись! — крикнул Олег. — Поворот!

Максим присел на корточки. Он едва удержался — так его кинуло к мачте. Гик с пришнурованным нижним краем

паруса пронесся над головой. Паруса хлопнули и натянулись опять. Левое колесо запрыгало по земле. Яхта побежала мимо футбольных ворот. Впереди опять горел фонарик.

— Тормоз! — крикнул Олег. — Жми!

Максим локтем навалился на рукоять.

Яхта остановилась так резко, что мачта качнулась вперед, а Максим не удержался и мимо колеса кубарем скатился в траву.

Его тут же подхватили и усадили на земле.

— Целый? Живой?

— Как огурчик! — весело сказал Максим.

— В следующий раз так не жми. Надо плавно...

Это сказал не высокий Максим и не Олег. И не Вадик. Это подошел мальчик с фонариком. Фонарик он небрежно вертел в руке, и луч упал на его лицо. И Максим быстро встал. Слегка болело от удара забинтованное колено. Только это была чепуха. Он все равно встал и радостно засмеялся. Он сразу понял, что это Венька. Потому что щуплый большеглазый Вадик был непонятным образом удивительно похож на брата — круглолицего, с мягким светлым чубчиком, который так весело вставал от ударов медных тарелок.

— Это ты! — сказал Максим.

— А это ты! — весело отозвался Венька. — Я сразу понял, когда сказали, что Максим...

Что еще говорить? Все было так хорошо: и ребята, и ветер, и трава, и яркий фонарик. И переливчатая звезда над мачтой, и трепещущий парус.

Максим сказал:

— А я купил слона. Его кормят ирисками.

И Венька не ответил: «Все говорят...»

Он обрадовался. Он сказал:

— Вот молодец!

1976 г.

МУШКЕТЕР И ФЕЯ

*и другие истории
из жизни
Джонни Воробьева*

Бегство рогатых викингов

Герои наших историй живут в подмосковном городке. На улице, которая называется Крепостная. Дело в том, что в давние времена, когда по полям шастали орды кочевников, здесь стояла крепость. Потом она сгорела и разрушилась. Остался только земляной вал да овраг, который раньше, говорят, был крепостным рвом. Но, скорее всего, это просто легенда, потому что овраг далеко от вала. Да еще название улицы напоминает о старине.

Вал густо порос одуванчиками. В овраге растет крапива, булькает ручеек и живут стрекозы и лягушки. На Крепостной улице живут мальчишки.

Конечно, там есть и взрослые, но речь главным образом пойдет о мальчишках.

Улица широкая, но тихая. Машины по ней не ходят, потому что она упирается в овраг. Дорога заросла, и даже сквозь узкий асфальтовый тротуар пробиваются лопухи. Домики прячутся в палисадниках с сиренью.

Сами понимаете, что такая улица — рай для футбола, И для всяких других игр.

Но не все игры бывают мирные.

Об этом и пойдет речь в нашей первой истории.

В конце июня их осталось пятеро. Почти все «овражники» — ребята с этого конца — разъехались кто куда: в лагерь, к бабушкам, на юг, а один даже в тайгу с отцом-геологом.

А из компании Тольки Самохина никто не разъехался. Или сговорились, или случайно так получилось, но их как было, так и осталось шестнадцать, не считая всякой мелкоты.

У пятиклассника Сережки Волошина и его друзей никогда не было прочного мира с Толькиной компанией. Кто тут виноват, сказать нелегко. Однако все отмечали, что Самохин — человек въедливый и злобредный. Он ко всем придирался и никогда ничего не прощал. Сережке он, видно, не мог простить, что тот не подчиняется. Не считает его, Тольку, за командира в здешних местах, а сам имеет «армию». Правда, Сережкина армия была не такая большая и воинственная, но пока она была в сборе, могла постоять за себя. И вдруг неприятность — разъехались!

Те, кто остался, жили в одном дворе. В двухэтажном доме — мальчишки, а в маленьком, в глубине двора, — девочка Виктория. Или попросту Вика. Одноклассница Сергея.

Викины родители были путешественники. Они не поднимались на снежные вершины, не искали рудные залежи и не раскапывали в песках древние города, они просто ездили. Каждый отпуск они проводили с туристскими группами то на Черном море, то в Ленинграде, то на Волге. А воспитывать Вику приглашали папину сестру Нину Валерьевну.

Нина Валерьевна была худая, длинноносая и печальная женщина. То, что она тяжело больна, подразумевалось само собой. Это все знали, когда еще Виктории на свете не было. А если кто-нибудь спохватывался и пытался узнать о ее болезнях подробнее, Нина Валерьевна медленно и выразительно поднимала глаза на невежу. «Как же вам не стыдно? — говорил этот взгляд. — Мучить бед-

ную женщину, жизнь которой висит на паутинке!» И неве- же становилось стыдно.

Чтобы окружающие не забывали о ее страданиях, Нина Валерьевна постоянно сообщала: «Ах, как у меня болит голова». Фразу эту она произносила регулярно через каждые четыре с половиной минуты.

То, что ей приходилось воспитывать Вику, Нина Валерьевна считала подвигом. Она так и говорила: «Надеюсь, люди когда-нибудь поймут, какой подвиг я совершаю».

Может быть, Викины родители это понимали, но они были далеко. А Вика не понимала.

— Уик-то-о-риа-а! — на иностранный манер голосила по вечерам Нина Валерьевна. — Пора домой! Слышишь?! Все нормальные дети уже спят! Уик... (ах, как у меня болит голова!)... ториа. Не заставляй меня снова принимать валокордин!

— Выходит, я ненормальная! — шептала в каком-ни- будь укрытии Вика. — Ну и отлично. Тогда мы еще погу- ляем. Ага, мальчики?

Как все нормальные девчонки, Вика гоняла с ребятами футбол, временами дралась, ныряла с полузатопленной баржи и никогда не забывала, что она девочка. Довольно часто Вика появлялась во дворе в модном сарафане или платье и вопросительно поглядывала на ребят. Мальчишки понимали девчоночью слабость и сдержанно хвалили об- нову. Платья и сарафаны Виктория кроила из прошлогод- них туристских нарядов матери и шила на расхлябанной швейной машинке, которая постоянно ломалась.

Чинили машинку братья Дорины.

Братья были близнецы, хотя и ничуть не похожие: Ста- сик белобрысый, а Борька худой и темноволосый. Жили они душа в душу. И увлечения у Дориных были одинако- вые. Больше всего они любили книжки про технику и ро- ботов. Дома у них был механический кот для ловли мы- шей, звали его Меркурий. Правда, ни одной мыши он не поймал, зато бросался под ноги гостям и хватал их за бо- тинки железными челюстями...

Еще в этой компании был первоклассник Джонни. Вер- нее, даже не первоклассник. В школу он лишь собирался, а пока ходил в «подготовишку» — самую старшую груп- пу детсада. Но ведь те, кто, например, только перешел в пятый класс, тут же называют себя пятиклассниками, не дожидаясь новой осени. Вот и Джонни не стал ждать.

Имя Джонни было ненастоящее. Вообще-то его звали

Женька. Но Женькин язык имел маленькую странность: не умел выговаривать букву «ж». Получалось «дж». Вместо «железо» Женька говорил «джелезо», вместо «жулик» — «джулик». И себя называл Дженькой. Но что за имя — Дженька! Вот и переделали в Джонни.

Детсадовскую жизнь и порядки Джонни холодно презирал. Он отлично умел читать и решать примеры с «иксами», знал, как устроены космические ракеты и электропробки и терпеть не мог всякие хороводы и «гуси-лебеди». Чахлая программа подготовительной группы была не для него.

В группу Джонни являлся в потрепанных тexasских штанах с мордастым ковбоем на заднем кармане и выцветшей футболке. Техасы подметали бахромой паркет и пылили, как мотоцикл на деревенской улице. Воспитательницу Веру Сергеевну этот костюм доводил до истерики, но Джонни оставался спокоен. Во-первых, Вера Сергеевна была его двоюродной сестрой, во-вторых, он никогда не унижался до споров с начальством. Если жизнь в группе становилась нестерпимой, он просто брал под мышку «Сказки братьев Гримм» и уходил к малышам. Малыши смотрели на Джонни, как новобранцы на прославленного генерала. А их воспитательница на него чуть не молилась: Джонни избавлял ее от многих забот.

Ребят из младшей и средней группы Джонни любил. Конечно, они были народ необразованный, но это по малолетству, а не по глупости. И носов они не задирали. А как они слушали сказки!

Малыши верили в Джонни и чуть что бежали к нему. И в тот воскресный день, когда викинги совершили первое преступление, два пятилетних гонца отыскивали Джонни.

А Джонни отыскал друзей.

Сережка, Виктория, Стасик и Борька сидели на верхней перекладине забора, которая называлась «насест». Это было их любимое место. Они сидели и бездельничали. Хмурый Джонни влез на насест и сообщил:

— Самохин опять пиратничает...

— Что? — напружиненно переспросил Сергей.

— Понаделали всякого оружия и на всех лезут. У Митьки Волкова и Павлика Гаврина плотину сломали. Они ее в овраге на ручье делали, а они растоптали.

— Шакалы! — искренне сказала Вика. — Нашли на кого нападать!

Сережка прищурился и медленно произнес:

— Думают, если Санька уехал, Митьку можно задевать...

Санька был братом пятилетнего Митьки и приятелем Сергея.

— Пошли поговорим с ними, — деловито предложил Борис.

— Их шестнадцать, — сказал Джонни. — И мечи, и щиты, и копья. Вот они скоро здесь проходить будут, увидите.

И правда, через минуту раздался дружный топот и брелчание. Топала Толькина компания, а брелчали доспехи.

— Укройсь, — велел Сережка. Они прыгнули с забора и прильнули к щелям.

По дороге шло грозное войско.

Необычный был у войска строй. Впереди шел один человек, за ним два — плечом к плечу, потом шеренга из трех, за ней — из четырех. А дальше снова шли три, два и один. Получался остроконечный четырехугольник — ромб.

Каждый воин держал громадный, как цирковая афиша, щит, который закрывал хозяина от щиколоток до плеч. Все щиты смыкались краями и опоясывали строй, как сплошная броня.

Но удивительней всего оказались шлемы. Чего здесь только не было! Ржавые каски, кастрюли с прорезями для глаз, колпаки от автомобильных фар, алюминиевые тапки. И каждый шлем был с рогами! Рога из железных трубок, из проволоки, из жести — припаянные, приклепанные, прикрученные — торчали грозно и вызывающе.

Самохин шел первым. На нем сверкал никелированный чайник. Из носика чайника получился отличный рог. Второй рог — такой же — был припаян с другой стороны. Крышка, видно, тоже была припаяна. Чайник закрывал лицо до подбородка. На блестящем металле чернели прорези для глаз.

Над щитами, над шлемами гордо подымались копья. Мочальные хвосты и пестрые флажки реяли у наконечников.

— Ну и стадо, — сказала Вика.

— Смех смехом, а не подступиться, — возразил Борька. — Даже из рогаток не прошибешь.

В середине строя, за щитами, дробно стучал металлический барабан.

— Понятно, — зло сказал Сережка. — Начитался Самохин про викингов. Есть такая книжка — «Черный ярл».

Слыхали, кто такие викинги? Это морские бродяги были вроде пиратов. Давно еще. Они в Скандинавии жили, где сейчас Швеция и Норвегия... В пешем строю они всегда таким ромбом ходили. Закроются с четырех сторон щитами, и не подступишься. И шлемы у них рогатые были, чтобы страх нагонять.

— Ну и страх! Потеха одна! — громко заявила Вика. — Что-то вы побледнели, мальчишки. Животы в порядке?

— Уиктория-а! — укоризненно протянул Стасик. — Зачем ты так говоришь? Не заставляй нас принимать вальерьянку.

— А ярл — это кто? — спросил Борис.

— Это значит вождь, — объяснил Сережка. — Вроде князя.

— Он негр? — поинтересовался Джонни.

— Почему?

— Ну, раз черный!

— Да это прозвище. Тоже для страха.

— А ярла в чайнике мы тоже боимся? — спросила Вика.

— Мы его вечером поймаем, — решил Сережка. — Когда будет без чайника.

Только Самохина друзья повстречали у входа в летний кинотеатр. Толька хотел попасть на двухсерийный фильм про трех мушкетеров. Он не попал. Его прижали спиной к решетчатой оградке, над которой поднималась трехметровая фанерная афиша. На афише д'Артаньян ловко раскидывал длинной рапирой целый взвод кардинальских гвардейцев, но Тольке от этого было не легче.

— Поговорим? — сказал Сережка.

— Четверо на одного? — сказал Толька.

— А разве много? — язвительно спросила Вика. — Вас то сколько было, когда плотину у двух малышей раздавили?

— Мы? Раздавили?

— А не давили, да?

— Мы по ней только через ручей прошли! У нас на той стороне тактические занятия были! Мы что, знали, что она сломается?

— Думать надо было, — наставительно сказал Борька.

— Головой, — добавил Стасик.

— А у него не голова, — произнес остроумный Джонни. — У него джестянка с рогами.

— Ты мои рога не тронь, — мрачно сказал предводитель викингов.

— Можно и потрогать, — заметил Сережка.

— Четверо на одного?

— Пятеро!! — взвился уязвленный Джонни. Только сейчас он понял, что Самохин не желает его даже считать. — Вот как вделаю по уху!

— Козявка, — сказал викинг. — Вделай.

Джонни зажмурился и «вделал»...

В общем, Самохин вырвался из окружения помятый и взъерошенный. Наверно, хотелось ему зареветь. Но он не заревел. Он, часто дыша, сказал издали:

— Ну, увидимся еще! Не будет вам жизни теперь ни ночью, ни днем.

Друзья озабоченно молчали и не смотрели друг на друга.

— Вот что, люди, — заговорил наконец командир Сережка. — Давайте-ка топать на свою территорию. И поскорее. Полезное это будет дело.

Он оказался прав. Едва укрылись во дворе, как Джонни известил с «наседа»: — Идут!

— Идут!

Все забрались на перекладину.

Противник двигался в боевом порядке. Мерно колыхались копья, и звякало железо.

— Красиво идут, черти, — со вздохом сказал Сережка. Наверное, все-таки завидовал, что нет у него такой могучей армии.

— Ну и красота! Понацепляли утильсырье... — откликнулась Вика.

Викинги приближались. Толька шел впереди. Рогатый чайник его вспыхивал на вечернем солнце. Лучи отскакивали от него, как оранжевые стрелы. Справа и позади командира шагал верный адъютант Вовка Песков по прозвищу Пескарь. Впрочем, знающие люди утверждают, что прозвище это надо писать через «и», потому что оно не от фамилии, а от Вовкиной писклявости. Пескарь (или Пискарь) тоже был в чайнике, только не в блестящем, а в эмалированном. Крышки у чайника не было, и в круглом отверстии торчал белобрысый хохол.

Строй викингов остановился, нацелившись острием на забор.

— Ну, чего расселись, как курицы? — глухо спросил Самохин из-под шлема. — Идите, побеседуем.

— Сено к корове не ходит, — сказал Сережка.

— Труссы, — заявил Толька, презрительно глядя сквозь прорези. — Это вам не пятеро на одного.

Джонни гордо улыбнулся.

— И не шестнадцать на двух малышей, — сказала Вика.

— Пескарь, давай, — приказал Самохин.

Адъютант вышел из строя и приблизился к забору. Тонким голосом он отработал:

— Объявляем вам всем смертельную войну до полной победы, чтоб не было вам нигде проходу!

— Все? — спросил Сережка.

— Все, — сказал Пескарь и нерешительно оглянулся на ярла.

— Объявил и катись отсюда, — хмуро предложил Сережка.

— Сам катись, — ответил Пескарь, потому что приказа отступить не было.

Джонни деловито плюнул, целясь в неприкрытую макушку викинга, но не попал. Оскорбленный Пескарь поднял копьё, чтобы отомстить обидчику. Борька и Стасик ухватили копьё за наконечник, дернули к себе. Пескарь не ожидал такого фокуса и выпустил оружие. Дорины тупым концом копья трахнули Пескаря по щиту, и посол викингов шлепнулся на асфальт, раскидав худые, как циркуль, ноги.

Викинги склонили копья и ринулись к забору. Пятеро друзей, как парашютисты, посыпались вниз, во двор.

— Минуточку! — крикнула Вика и метнулась к своему крыльцу. Буквально через несколько секунд она примчалась с ведерком. Вода блестящим языком перехлестнула через забор. Послышались яростные крики, и викинги отступили. Вика снова уселась на шатком заборе.

— Эй вы, мелкий рогатый скот! — радовалась она. — Обезьяны в дырявых мисках! Получили? Мы вас всех переловим по одному, рога пообломаем!

— Уикто-ория-а! — раздался позади возмущенный вопль. — Что ты говоришь! Сию же минуту ступай домой! Ты сведешь меня в могилу!

— Сведешь тебя... — проворчала Вика и шумно упала с забора. — До завтра, мальчики. Сегодня меня весь вечер будут перевоспитывать.

— Держись, — откликнулся Сережка. — Утро вечера мудренее.

Но утро не оказалось мудренее. Оно не принесло ни радостей, ни свежих мыслей, ни особых новостей. Была только одна новость: Джонни оказался именинником. Ему исполнилось семь лет, и он на законных основаниях не пошел в детский сад.

— Уговаривали, — сказал Джонни. — Хотели, чтобы я туда до самой осени таскался. Я сказал, что фиг. Джирно будет.

Не было теперь нужды дразнить своим видом воспитателей. Поэтому Джонни явился к друзьям не в обычном ковбойском костюме, а в октябрятской форме, купленной вчера в магазине «Светлячок».

— Джонни, ты — генерал, — сказала Вика, разглядывая синюю пилотку и голубую рубашку с погончиками. — Тебя, именинника, надо бы за уши потаскать, да я подступиться боюсь.

— Мы ему железного кота подарим, — пообещал Стасик.

Слова о генерале повернули все мысли к военным делам.

— Эти паразиты вчера до ночи маршировали, — сказал Борька.

Сережка вздохнул. Это был вздох полководца без армии. Сережка сказал:

— Набрать бы человек двадцать, поставить бы впереди всех Джонни с барабаном... Дали бы мы этой рогатой банде!

— Может, на них вашего кота напустить? — спросил Джонни у Дориных.

— Мелковат, — сказал Борька.

— А если что-нибудь покрупнее смастерить? — оживилась Вика.

— Пушку? — спросил Борька.

— За пушку влетит, — рассудительно заметил Джонни.

— Броневику бы склепать... — задумчиво произнес Стасик. — И на всем ходу на них: др-р-р-р!

— «Др-р-р!» — передразнил Борька. — На каком ходу? Двигатель где возьмешь?

— А на педалях?

— Много ты наездишь на педалях? — спросил Сережка. — Тебя в этом «броневике», как в мышеловке, накроют.

— Мы и так, как в мышеловке, — сказал Стасик. — На улицу не сунешься, чтоб футбол погонять.

— Вот в августе вернутся наши, тогда мы дадим жизни, — мечтательно сказала Вика.

— В августе! — возмутился Джонни. — А сейчас как воевать?

Настроение было неважное, и Вике захотелось поспорить:

— Вам, мальчишкам, только воевать да футбол гонять!

— А что делать? Взаперти сидеть?

— Не обязательно сидеть. Тыщу дел можно придумать, самых интересных!

— Не надо тыщу. Придумай одно, — попросил Сергей.

Ничего не придумывалось, но отступать было нельзя, и с разгона Вика заявила:

— Ну... звено можно организовать! Для шефской работы. Как в зоне пионерского действия. Помогать там кому-нибудь или еще что...

— Бабушкам водичку с колонки носить, — вставил Стасик.

— Ну и что? Рассыплешься?

— Не рассыплюсь, — ответил за брата Борька. — Только пока ей воду таскаешь, она будет на рынке земляничкой торговать. Знаю я таких.

— Не все же такие.

— Не все! Есть и другие, которые во двор не пустят. Сунешься, а там кобель здоровенный. Враз штаны оборвет.

Вмешался Сережка и сказал, что затея так себе. Никаких бабушек и стариков, которым помощь нужна, не найдешь. У каждого толпа здоровенных родственников и детей. Это раньше были одинокие старушки, а сейчас...

— Есть одна бабушка, — вдруг сказал Джонни. — Она без никого живет. Ее бабкой Наташей зовут. Да вы же знаете, у нее щенок Родька.

Щенка Родьку знали. Он был веселый и добродушный. А хозяйка...

— Неподходящая бабка, — твердо сказал Сергей. — Ерунду ты выдумал, Джонни. Она ребят просто видеть не может.

— Кричит, что все мы бандиты, — заметила Вика.

— Ну... — нерешительно сказал Джонни. — Мы, наверно, сами виноваты...

— Мы?! — хором возмутились Дорины.

— Ну... то есть, наверно, я... Я в прошлом году нечаянно свой вертолет ей в огород пустил. И полез за ним... И там нечаянно два огурца сорвал...

— А она нечаянно тебе уши надрала, — обрадованно добавил Стасик.

— Нет, не успела. Только я от нее по парникам убегал, по стеклам...

— Понятно, почему она кричит, — задумчиво сказала Вика.

— Я там все ноги изрезал, — огрызнулся Джонни.

— Теперь к ней не сунешься, — сказал Борька.

Сережка молчал. Он обдумывал. И все тоже замолчали, вопросительно глядя на командира.

— А может, попробуем? — спросил Сережка. — Трудно, конечно... А вдруг перевоспитаем бабу? Все-таки польза для человечества.

Решили попробовать.

На разведку пошли Стасик и Борька.

Бабка Наташа жила в угловом домике. Домишко был старый, осевший в землю одним углом. Словно кто-то сверху стукнул его кулаком по краю. Калитка тоже была старая. Она оказалась запертой, но Борька просунул в щель руку и отодвинул засов.

По двору ходили куры и петух Гарька (полное имя Маргарин). Из фанерного ящика выкатился толстопузый Родька, тявкнул и помчался к разведчикам, виляя хвостиком, похожим на указательный палец. В углу двора из ветхого сарайчика появилась бабка Наташа.

Бабка была еще крепкая. Высокая, худая и сутулая. Она колюче глянула на ребят из-под клочкастых бровей, и Стасик торопливо посмотрел назад: открыта ли калитка.

— Здравсте... — сказал Борька.

— Нету макулатуры! — заговорила бабка голосом, неожиданно чистым и громким. — И железа нету! Ничего нету!

— И не надо, — поспешно сказал Борька. — Мы к вам, бабушка, по другому делу.

— И никаких делов нету! Хулиганство одно, — неприступно отвечала бабка Наташа, зачем-то подбирая с земли хворостину, похожую на гигантский крысиный хвост.

Стасик жалобно сказал:

— Никакого хулиганства. Мы совсем наоборот...

— Ну и шагайте отседова, раз наоборот. И нечего собаку со двора сманивать! Брысь! — Она подняла хворо-

стину, и Родька пушечным ядром влетел в ящик. Стасик и Борька зажмурились, но остались на месте.

— Непонятно вы говорите, — начал Борька, приоткрывая один глаз. — При чем тут хулиганство? Разве можно считать хулиганами всех людей?

— Я про людей и не говорю, — ворчливо ответила бабка. — А вас еще сколько надо палкой учить, пока людьми станете.

— Не все же палкой. Можно и по-хорошему, — ввернул Стасик.

— С вами-то?

— С нами, — твердо сказал Борька. — Мы к вам по хорошему делу пришли. Починить что-нибудь, если надо, помочь где-нибудь. У нас пионерское звено для этого создано. Шефская работа.

— И чего это мне помогать... — неуверенно сказала бабка.

— Мало ли чего! — перешел в наступление Борька. — Забор починить или крыльцо... Или вон дверь на сарае! Ну, что за дверь!

— Чихнешь — и отпадет, — сказал Стасик.

Дверь и правда была никудышная. Три кое-как сбитых доски висели на одной петле.

— Мы бы вам такую дверь отгрохали, — мечтательно сказал Стасик.

— «Отгрохали», — опасливо повторила бабка. — Еще стянете чего-нибудь из сарая-то.

Братья Дорины оскорбленно вскинули головы.

— Во-первых, — сказал Борька, — мы не жулики...

— Во-вторых, — сказал Стасик, — было бы что тянуть! Золото, что ли, там спрятано?

— Там у меня коза, — с достоинством ответила бабка Наташа.

Борька вздохнул и устало спросил:

— Бабушка! Ну подумайте, зачем нам коза? В велосипед запрягать?

Бабка смотрела то на ребят, то на дверь. Дорины с обиженным видом ждали. Родька опять вылез из ящика и тявкал на Маргарина.

— А... почему возьмете-то? — поинтересовалась бабка Наташа.

— Да что вы, бабушка! — хором сказали братья.

Дверь делали у себя во дворе. Доски для нее собрали

Козья душа — потемки. Но Джонни видел, как Липины глаза вспыхнули желтой ненавистью. Липа сразу как-то помолодела.

— Им-ммэх! — энергично сказала она. Широко расставила ноги, подалась назад и, разбежавшись, врезала рогами по оранжевой двери.

— Голубушка! — ахнула бабка.

Липа тяжелой кавалерийской рысью вернулась на прежнее место и склонила рога.

— Ладушка... — позвала бабка Наташа и сделала к ней шаг. Липа рванулась и смела ее с дороги, как охапку соломы. Сарай слегка закачало от могучего удара.

— Спасите... — нерешительно сказала бабка и, пригибаясь, побежала за угол.

Джонни вскочил и, хлопая расстегнутой сандалией, помчался к друзьям...

Когда ребята ворвались в калитку, Липа готовилась к очередному штурму. Она дышала со свистом, словно внутри у нее работал дырявый насос. Рыла землю передним копытом и качала опущенными рогами. На рогах пламенили следы краски. Глаза у Липы тоже пламенили.

— М-мэу-ау, — хрипло сказала Липа и, наращивая скорость, устремилась к сараю.

Трах!

Дверь крякнула. Внутри сарайчика что-то заскрежета-ло и ухнуло. С козырька крыши посыпался мусор. В курятнике скандально завопил Гарька. В глубине своего ящика нерешительно вякнул Родька.

— Красавица моя... — плаксиво сказала бабка Наташа, укрываясь за кадкой.

«Красавица» гордо тряхнула бородой, встала на задние ноги, развернулась, как танцовщица, и бегом отправилась на исходную позицию. Там она снова ударила копытом и с ненавистью глянула на дверь.

Борька, срывая через голову рубашку, метнулся к взбесившейся козе. Коза метнулась к двери. Они сшиблись на полпути. Падая, Борька набросил рубашку Липе на рога. Клетчатый подол закрыл козью морду. Липа по инерции пробежала почти до сарая и остолбенело замерла.

— Мэ? — нерешительно спросила она.

Подскочила Вика и крепче укутала рубашкой Липину голову.

Бабка Наташа выбралась из укрытия.

— Это что же? — спросила она со сдержанным упреком. — Значит, так оно и будет с нынешнего дня?

— А мы при чем? — огрызнулся Борька. Он ладонью растирал на голом боку кровоподтеки от Липиных рогов. — Дура бешеная! Больная, что ли?

— «Больная»! — обиделась бабка. — Да сроду она не болела! Вот что! Сымайте-ка вашу дверь, мне коза до-роже!

— Ну, и... — со злостью начал Борька, но Сережка одними губами произнес:

— Тихо... — и повернулся к бабке.

— Дверь снять недолго, — покладисто сказал он. — Только как вы без двери будете? Старая-то совсем рассыпалась. Украдут ведь козу, бабушка. Или сбежит.

Бабка открыла рот, чтобы обрушить на Сережку гром и молнии... и не обрушила. Потому что без двери в самом деле как?

— Ироды, — плаксиво сказала она.

— Да вы не расстраивайтесь, бабушка, — убеждал Сережка. — Ну, разволновалась коза немножко. С непривычки. Бывает... А может быть, у козы вашей какая-нибудь испанская порода? Как у быков. Знаете, испанские быки на все такое яркое кидаются.

— Сам ты порода-урода! — опять взвилась бабка. — Значит, так и будет она кидаться?

— Да перекрасим дверь, — спокойно объяснил Сережка. — О чем разговор! В зеленый цвет перекрасим. Не будет она кидаться на зелень. Ведь на траву она не кидается.

Бабка подозрительно молчала. Но, подумав, решила, видимо, что нет Липе никакого резона кидаться на зеленую дверь.

— А когда перекрасите?

— Ну, сперва пусть эта краска высохнет... А пока мы Липушку в овраге попасем, — сладко пообещал Сережка. — Раз уж так получилось... Главное, вы не беспокойтесь. Мы ей дверь показывать не будем. Уведем и приведем аккуратненько. Там и травка густая, сочная, не то что здесь...

Когда Липу вывели за калитку, Борька в сердцах саданул ей коленом в худые ребра.

— У, кляча испанская!

— Вот и нашлось дело. А боялись, что заскучаем, — ехидно заметила Вика.

— Зачем связались? — возмущенно спросил Стасик. — Ну и пускай разносит сарай! Мы-то при чем? — И он треснул Липу с другой стороны.

— Не тронь животное, — сердито сказал Джонни.

— А в овраге нас викинги живьем возьмут, — заметил Стасик.

— Не возьмут. Мы за поворот уйдем, они туда не ползут в своих доспехах, — объяснил Сережка.

— Звено козопасов, — сказала Вика и вздохнула. — Да еще зеленую краску добывать надо. Предупреждаю: у меня нет.

— Зеленая подождет, — сказал Сережка. — Надо оранжевую. Осталась?

— А зачем?

— Осталась?

— Немножко, — сказала Вика. — А...

— Пока хватит немножко. А вообще... Фанера есть?

— Есть, — откликнулись Дорины.

— В чем дело, Сергей? — строго спросила Виктория.

Сережка зорко глянул по сторонам и шепотом сообщил:

— Есть одна мысль...

В тот же день Джонни появился в детском саду. Он пришел на площадку независимой походкой вольного человека. Бывшая Джоннина группа хором вздохнула, завидуя его свободе и ослепительной форме. Вера Сергеевна сказала:

— Не понимаю, Воробьев, что тебе здесь нужно.

Джонни ответил непочтительно и отправился к малышам.

В тенистом уголке за деревянной горкой Джонни собрал верных людей.

— Вот что, парни, — сказал он. — Есть важное дело.

Малыши часто дышали от внимания и почтительности.

— Кто знает, что такое ремонт?

— Это когда папка мотоцикл чинит, — сказал крошечный, как игрушка, Юрий Молчанов.

— Молодец, — сказал Джонни. — А еще?

— У нас был ремонт холодильника, — сообщил толстый Мишка Панин. — Только это плохой ремонт, потому что холодильник все равно не работает.

Два голоса вместе сказали, что бывает еще ремонт телевизора.

— Правильно, — терпеливо согласился Джонни.

— А у нас дома везде ремонт, — раздался голос у него за спиной. Джонни обернулся, как охотник, услышавший зверя.

— И пол красят!

— Ага, — сказал стриженный малыш Дима.

— Вот! Это самое главное! — торжественно объявил Джонни. — Нам такой ремонт и нужен. Там, где есть оранжевая краска.

— Какая? — спросил Юрик Молчанов.

— О-ран-жевая. Ну, которой полы красят... Ну, вот, как штаны у Димки.

Все с уважением посмотрели на Димкины штаны с вышитым на кармане цыпленком.

— У нас есть такая!

— И у нас! — раздались голоса.

Джонни рассчитал правильно: летом хозяева деревянных домов всегда стараются заняться ремонтом: белят, шпаклюют, крыши чинят. Полы красят. Три Джонниных агента сразу пообещали добыть краску. Остальные сказали, что разведают у соседей.

— Приносите утром, — велел Джонни. — Каждый по консервной банке. И спрячьте там под... Ну, вы знаете где.

— Ага. А зачем? — спросил Мишка Панин.

— Потом скажу. Пока военная тайна. Если проболтаюсь, за язык повесят, — серьезно ответил Джонни. — И вы помалкивайте.

— Есть, — шепотом сказал Мишка.

Утром викинги снова ступили на тропу войны. Пестрые флажки реяли на ветру. Шлемы блестели и грозно брякали. Викинги шли на поиски подвигов и славы.

Но, чтобы совершить подвиг, надо победить врага. А врагов не было.

Местные собаки заранее убирались с дороги и гавкали за крепкими заборами. Кошки смотрели с крыш зелеными глазами и тихо стонали от ненависти. Куры, заслышав мерный тяжелый шаг, разлетались по палисадникам, и даже заносчивый Маргарин поспешил исчезнуть в чужой подворотне.

Сомкнутый четырехугольник воинов прошел уже улицы. Подвигов не предвиделось. Под рогатыми кастрюлями и чайниками начинали шевелиться недовольные мысли. Шаг стал сбивчивым. Кое-кто за спиной предводителя стянул со взмокшей головы шлем и взял его под мышку. Дисциплина падала.

Но зоркие глаза вождя разглядели впереди сине-голубую фигушку.

— Внимание!! — взревел обрадованный ярл. — Впереди вражеский лазутчик!

— Внимание! — тонким голосом поддержал его верный адъютант. — Впереди вражеский Джонни по прозвищу Карапуз!

Никогда не было у Джонни такого прозвища! И все это знали. Но Толька на ходу приказал:

— Полк, слушай боевую задачу! Изловить подлого Джонни Карапуза, взять его в заложники и выведать все военные секреты!

— Ура! — рявкнули воодушевленные викинги.

Джонни, однако, не хотел, чтобы его изловили. Он заметил врагов и поднажал, стараясь успеть к своей калитке раньше викингов.

Рогатое войско тоже поднажало.

Джонни был не такой противник, на которого надо идти сомкнутым строем. Викинги сломали ряды и кинулись за добычей наперегонки. Но быстро бежать им не давали щиты и копья.

А Джонни мешало бежать ведро с краской. Он тащил его из детсада. Малыши постарались, и ведро было полное. И тяжелое. Оно цеплялось липким боком за ногу, краска плескала через край, и за Джонни по асфальту тянулась рваная оранжевая цепочка. Ну как тут побежишь?

Наверное, поэтому Джонни не успел к калитке. Викинги опередили, и казалось, что спасенья нет.

Но спасенье было. Джонни затормозил и юркнул в проход между заборами.

Это был очень узкий коридор. Если бы Джонни развел руки, он коснулся бы того и другого забора. Проход вел к ручью, который журчал позади огородов. Зимой хозяйки ходили на ручей полоскать белье, а летом здесь никто не ходил, и проход зарос лопухами.

Джонни вошел в лопухи, повернулся и стал ждать.

Надо сказать, что кроме ведра у Джонни были две мочальные кисти, которыми белят стены. Ведро он поставил перед собой, а кисти взял, как гранаты.

Гроыхая щитами и шлемами, полезли в проход викинги. Впереди были Самохин и Пескарь.

— Только суньтесь, коровы, — холодно сказал Джонни. И по самый корень окунул в ведро кисть.

Это непонятное движение слегка смутило суровых воинов. Они остановились.

— Сдавайся, — неуверенно сказал Пескарь.

Свободной рукой Джонни показал фигу. На этот воз-

мутительный жест викинги ответили нестройными угрозами. Но не двинулись. Краска падала с кисти, и ее тяжелые капли щелкали по лопухам.

— А ну, положи свою мазилку, — устрашающим голосом сказал Самохин.

Джонни дерзко хмыкнул.

— Взять шпиона! — приказал Толька. Склонил копье и двинулся на противника.

Джонни изогнулся и метнул кисть в щит предводителя.

Бамм! Фанера тяжело ухнула, и на ней расцвела оранжевая клякса величиной с кошку. Кисть рикошетом ушла в задние ряды и зацепила еще несколько щитов.

— Я так не играю, у меня рубаха новая, — сказали оттуда.

— Молчать! Не отступать! — крикнул Самохин. Джонни обмакнул вторую кисть.

— Джить надоело?

Викингам не надоело жить, но надо было спасти свой авторитет. Они опять склонили копья.

Бамм! Вторая кисть разукрасила щит Пескаря и щедро окропила других викингов. Джонни, не теряя секунды, схватил с земли гнилую палку, перешиб о колено и оба конца макнул в краску. Палки полетели вслед за кистями. Викинги яростно взревели. Безоружный Джонни подхватил ведро и пустился к ручью.

Путаясь в лопухах, цепляясь друг за друга копьями и рогами, грозные покорители северных морей кинулись в погоню. Жажда мести подхлестывала их. Они догоняли беднягу Джонни.

Что делает охотник, когда его настигает разъяренный медведь? Он бросает по очереди зверю одну рукавицу, вторую, потом шапку... Рукавиц у Джонни не было, а новенькую пилютку он не отдал бы даже Змею Горынычу. И Джонни бросил врагам ведро. Вернее, не бросил, а оставил в лопухах.

Неожиданный трофей на минуту задержал орущих викингов. Джонни оторвался от погони. Он, не снимая сандалий, перешел ручей, погрозил с того берега кулаком и по чужим огородам вернулся к своему забору.

Там его ждали.

— Получилось? — спросил Сережка, бледнея от нетерпения.

— Железно, — сказал Джонни. — Сейчас увидите.

Они повисли на заборе.

Викинги выбирались из прохода и смыкали ряды. К за-

бору они подошли уже неприступным ромбом. Их щиты сверкали оранжевыми заплатами всех размеров.

— Вашего Джонни мы все равно поймем, — сказал Толька, сдвигая на затылок чайник. — Оторвем ноги и поставим к ушам.

— Самохин, ты грабитель, — с достоинством ответил Сережка. — Вы не викинги, а мародеры. Такая банда — на одного первоклассника! Краску отобрали!

— Он ее сам бросил! — возмутился Толька.

— Сам! — хором подтвердили викинги.

— Вы бы не лезли, я бы не бросил! Джулье! — вмешался Джонни.

— До тебя мы еще доберемся, — пообещал Пескарь.

— Отдавайте краску! — потребовала Вика.

— Да? А сметаны не хотите? — язвительно спросил Толька. А услужливый Пескарь захохотал.

— Ну послушай, Толька, — сказал Сережка с неожиданным миролюбием. — Ну зачем она вам? А нам она правда нужна.

Самохин удивился: противник не ругался, а просил. Но Толька уступать не хотел.

— Сами виноваты, — непреклонно ответил он и нахлобучил чайник. — Зачем ваш Джонни нам щиты заляпал? Думаешь, мы такие ляпанные ходить будем?

— А что будете? — с подозрительным нетерпением спросила Виктория.

Толька мстительно сказал из-под чайника:

— Будем вашей краской наши щиты красить. Чтоб пятен не было. Чтоб одинаковые были. А остаточек вам вернем, так и быть.

— Чтоб вы подавились этим остаточком! — с восторгом в душе воскликнула Вика. И друзья посыпались с забора, чтобы враг не заметил их ликования.

Но они еще не были уверены до конца. Они сидели на Викином крыльце и ждали, и грызла их тревога.

В два часа дня появились в калитке два Джоннинных пятилетних разведчика. Джонни, сдерживая нетерпение, пошел навстречу.

— Ну?

— Красят! — отчеканили разведчики.

— Красят, — небрежно сообщил Джонни, возвратившись на крыльцо.

— Джонни, ты великий человек, — проникновенно сказал Сережка.

— Мы подарим тебе Меркурия, — снова пообещал Борька.

Стасик в немом восторге встал на руки. А Вика... Ну что возьмешь с девчонки! На радостях она чмокнула героя в перемазанную краской щеку. Джонни шарaxнулся и покраснел...

— Ой! — спохватился Стасик и встал на ноги. — Борька, пора!

— Куда вы? — спросил Сережка.

— Липушку на выпас, — ласково сказал Борька.

— Липушку на тренировочку, — нежно добавил Стасик. — Тренировка — залог победы.

— Вы там не очень, — предупредил Сережка. — А то как снизит удои, да как запрет ее от нас бабка...

— Снизит?! — возмутился Стасик. — У нас режим! Программа! Распорядок. Все по-научному!

В тот же вечер Стасик Дорин бесстрашно явился во двор к Самохиным. В одной руке он держал пакет с пластиновой печатью, в другой — лыжную палку с белым полотенцем.

— Что надо? — нелюбезно спросил предводитель викингов, появляясь на крыльце. Стасик повыше поднял флаг и протянул пакет. Толька с сожалением поглядел на полотенце. Никакие законы не разрешали отлупить посла. А так хотелось! Он вздохнул, разорвал пакет и вынул бумагу.

«Вызываем на бой!!! Послезавтра. В четверг. В девять часов утра», — прочитал он. Придаться было не к чему: ни одного оскорбительного выражения.

— Будет ответ? — вежливо спросил Стасик.

— Будет, — сказал Самохин. — Послезавтра в девять. Вам понравится.

— Вот и хорошо, — сказал Стасик.

Утро решающей битвы было безоблачным, синим, ослепительным. Не воевать бы, а радоваться. Но суровые покорители северных морей, повелители фиордов, грозные бойцы в рогатых шлемах созданы не для мирной жизни. Их дни проходят в боях... Правда, на этот раз они знали, что больших подвигов совершить не удастся. Велика ли заслуга — обратить в бегство маленький, почти беззащитный отряд! Но проучить непокорного врага следовало, и ровно в девять боевой четырехугольник викингов показался на улице. Заполыхали на солнце оранжевые щиты.

И вот викинги увидели противника.

— Тихо! — сурово сказал Самохин, потому что в рядах началось неприличное, подрывающее дисциплину веселье.

Ну а как было не веселиться? Противник был такой беспомощный, потешный! Пять человек стояли поперек дороги, вооруженные чем попало. У девчонки вместо щита была деревянная крышка от бочки. Джонни Карапуз держал игрушечный автомат, бесполезный в настоящем бою. У Сережки Волошина вообще не видно было оружия. Лишь братья Дорины укрылись за настоящими, как у викингов, щитами. Пятерка эта растянулась в редкую шеренгу, только Борька и Стасик стояли рядом, сдвинув некрашенные щиты.

— Сейчас побегут, — пропищал Пескарь. — Не будет никакого боя.

Но противник не бежал.

— Может быть, они решили героически погибнуть? — с опаской спросил Пескарь.

— Помолчи, — обрезал предводитель. И, не оглядываясь, приказал: — Пленных запряте до вечера в нашем штабе. А Джонни — сразу ко мне. Я из него сделаю чучело.

...А Сережкин отряд молча ждал врага.

— Не тяни, — прошептал наконец Стасик. — Оставь место для разбега.

— Давай, — попросила Вика.

Викинги надвигались, как рыжий танк.

— Внимание... — сказал Сережка. — Старт!

Братья Дорины раздвинули щиты и убрали руки с Липиных рогов.

Липа глянула вдаль, и ее затрясло, как вентилятор со сломанной лопастью. Еще бы! Раньше она воевала только с одной отвратительно-оранжевой дверью, а сейчас такие двери двигались на нее толпой!

Липа коротко замычала. Вернее, это было не мычанье, а глухой утробный звук, похожий на стон раненого льва. Потом она тяжело встала на дыбы, оттолкнулась задними копытами и ринулись на врага, поднимая над дорогой клочковатые дымки пыли.

— Ха-ррашо идет, — сказал Сережка.

Викинги замедлили шаг. Едва ли они испугались. Скорее, просто удивились. А потом, разглядев, что мчится на них не носорог, не дикий бык и не баллистическая ракета, со смехом опустили щиты и склонили копья.

Ох, как это опасно — недооценивать врага! Что были тонкие копья для разъяренной Липы! Остановить ее уда-

лось бы, пожалуй, только прямым попаданием из пушки.

Раздался сухой треск фанеры и нестройный крик потерявшихся викингов. Строй дрогнул и развалился. Липа исчезла в гуще копий, шлемов и щитов. Она бесновалась в середине толпы рогатых воинов.

В армии викингов стремительно нарастала паника.

— Бешеная! — раздался крик, и это было как сигнал. Бойцы кинулись в калитки, на заборы и в подворотни, устилая поле брани рогатыми кастрюлями и огненными прямоугольниками щитов. Правда, четыре человека сомкнули ряд и хотели встретить грудью дикого врага, но пустились в бегство, едва Липа обратила на них горящий взгляд.

Не бросил оружие только ярл. Главный вождь викингов не мог покинуть место битвы, оставив на нем меч и щит. Копье он тоже не хотел оставлять. Закинув щит за плечи и взяв копье под мышку, Самохин крупной рысью помчался к своей калитке. Блестящий шлем слетел с него на дорогу и несколько метров, бренча и прыгая, катился за хозяином. Потом застрял в травянистом кювете.

Если бы Толька догадался повернуть щит крашеной стороной к себе, он легко спялся бы от погони. Но фанерный квадрат прыгал у него на спине, сверкая оранжевой краской, и Липа расценила это как издевательство. Набирая скорость, она пустилась за последним викингом, настигла и атаковала с тыла. Щит рогами она не достала и ударила несколько ниже, но Тольке от этого было не легче.

Получив еще два удара, Толька понял, что не уйдет. Он бросил снаряжение у кривого тополя и с цирковой ловкостью взлетел на толстый сук.

Липа остановилась. Ее клочкастые бока взлетали и падали от яростного дыхания. Она ударила копытом брошенный щит и с отвращением сказала:

— М-мэ!

Очевидно, она хотела сказать: «М-мэрзость!»

Толька смотрел на нее с тоскливой безнадежностью. Победители окружили тополь.

— Сидишь? — ласково спросила Вика. — Ну и как там? Удобно?

— Да ничего, — уклончиво ответил Толька. Он немного пришел в себя. Все-таки сейчас он был не один на один с бешеным зверем.

— Слезай, джаба с рогами, — потребовал Джонни.

— Фиг, — сказал Толька.

- Хуже будет, — предупредил Борька.
- За штаны стянем, — пообещал Стасик.
- Попробуй. Как врежу каблуком по носу.

Серезжка молчал. Он считал, что побежденный враг не стоит разговоров. Он гладил Липу и чесал у нее за ухом. Липа хрипела и косилась на щит. Серезжка повернул его краской вниз. Потом взглянул на Тольку и спросил у ребят:

— Что с ним делать?

— Дать ему жару, чтоб запомнил, — мрачно сказал Джонни.

— Десять раз по шее, — предложил Стасик.

— Точно, — откликнулся Борька.

— Нельзя, — с сожалением сказал Серезжка. — Пленных лупить не полагается.

— А хоть два разика по шее можно пленному? — с надеждой спросил Стасик.

— Я еще не пленный, — подал голос Толька. — Вы меня еще сперва достаньте.

— Очень надо, — сказала Виктория. — Сиди. А мы здесь посидим. Спешить некуда. Кто кого пересидит?

Толька вдруг почувствовал, что сук очень твердый и не такой уж толстый. Он при каждом движении скрипел и потрескивал.

— Драться будете, если спущусь?

— Не будем, — сказал Серезжка. — Нужен ты нам такой...

— Хватит с тебя козы, — усмехнулась Вика.

— Уберите ее, — хмуро сказал Толька. — И где нашли такую сатану...

Вика отвела Липу. Толька уцепился за сук, повис и прыгнул в траву.

Несколько секунд все молчали.

— Забирай барахло и топай, — сказал наконец Серезжка.

Толька поднял копье, меч и щит. Вика закрыла Липины глаза ладонями.

— Столько рогатых не могли с одной козой справиться, — хмыкнул Джонни.

— Еще полезете — четырех боевых козлов выставим, — пообещал Серезжка.

Конечно, сгоряча он прихвастнул. Четырех козлов не нашлось бы на всех окрестных улицах. Но Толька ничего не сказал. Волоча снаряжение, он уходил к своему дому.

История викингов кончилась.

След крокодила

Когда Джонни Воробьев перешел во второй класс и достиг солидного восьмилетнего возраста, в его жизни случилась важная перемена. Джонни научился выговаривать букву «Ж». Теперь он уже не говорил «джаба» вместо «жаба» и не жаловался на «джуткую джизнь», когда его заставляли причисываться или смазывать зеленкой ссадины. А если коварное «дж» там, где не надо, проскакивало в его речи, это означало, что Джонни очень волнуется или крайне раздражен.

Чаще бывало наоборот. Джонни так гордился своим новым умением, что соседского пса называли иногда Жульбарсом, а не Джульбарсом, просил к чаю яблочный «жем», а в холодный день потребовал для себя «жинсы» и «жемпер».

И новый фильм, который шел в клубе швейной фабрики, Джонни называл «Жек, сын жунглей».

Это была история полудикого пса. Он подружился с бродячим охотником и не раз спасал его от смерти в джунглях девственных американских лесов.

Бывают фильмы, которые и один-то раз трудно досмот-

реть до конца. А бывают такие, что можно ходить на них десять раз, и чем больше смотришь, тем сильнее хочется увидеть их снова.

Джонни просто влюбился в громадного отважного Джека, в его смелого и благородного хозяина и даже в индейскую девушку Долорес, на которой хозяин Джека в конце концов женился. Кроме этих персонажей в фильме участвовали американские ковбои (отрицательные и положительные), индейцы, мексиканские пастухи в шляпах размером с вертолетную площадку, ягуары, мустанги и крокодилы.

В Джоннином сердце поселилась тоска по заморским странам, жгучим тайнам и приключениям.

Но на родной улице родного тихого городка тайн и приключений не предвиделось. Тоску можно было унять лишь одним способом: посмотреть кино еще раз. Пятый.

Но, во-первых, не было гривенника. Во-вторых, был выходной день. А в выходной поди купи билет, если даже раздобудешь гривенник!

Оставался один путь: использовать знакомства и родственные связи. Не очень достойный способ, но что делать? Тоска съедала сердце бедного Джонни.

Скрутив свою гордость, вздрагивая от презрения к себе, он пошел в соседнюю комнату и сказал сладким ненатуральным голосом:

— Вера, может, сходим в кино на «Жека»? А?

Двоюродная сестра Вера, точнее Вера Сергеевна, была старше Джонни почти в четыре раза. Как вы помните, она работала воспитательницей в детском саду. Год назад она руководила подготовительной группой, в которую ходил тогда и Джонни.

День, когда Джонни стукнуло семь лет, Вера Сергеевна запомнила как светлый праздник: именинник твердо заявил об уходе из детского сада. С тех пор они с Верой старались вежливо не замечать друг друга, хотя и жили в одном доме. Правда, иногда Веру Сергеевну мучили угрызения совести. Гордый и свободный Джонни появлялся дома по вечерам нестриженный и лохматый, исцарапанный, с ключьями облезавшего загара на плечах, с репьями на майке, со свежими ссадинами на локтях и коленях, со сдержанной удалью в глазах — вольное дитя заросших лопухами улиц.

— О чем думают родители? — горестно шептала Вера Сергеевна и укоряла себя, что за детсадовский период не смогла воспитать из Джонни приличного ребенка.

И вдруг Джонни (подумать только — сам!) обратился к ней с просьбой!

Вера Сергеевна ощутила мгновенный прилив радости и педагогического рвения. Она сдержала, однако, эти чувства. Когда имеешь дело с детьми, надо владеть собой.

— Ну что ж... — почти равнодушно отозвалась она. — А собственно говоря, почему ты не идешь один?

— Билетов не достать. А если с тобой, Федя пропустит.

Киномеханик Федя был хороший знакомый Веры Сергеевны.

— Ты думаешь? — строго спросила Вера. — Ну, меня он, допустим, проведет. А тебя за какие заслуги?

— Мы же все-таки с тобой родственники, — пробормотал Джонни.

Это признание окончательно покорило Веру Сергеевну. К тому же долго упираться было опасно. Джонни мог повернуться и гордо уйти.

— Хорошо, — сказала она с некоторой поспешностью. — Но при одном условии. Вернее, при двух.

Джонни глянул с подозрением.

— Во-первых, ты будешь вести себя как воспитанный человек. Во-вторых, — продолжала Вера Сергеевна, — ты должен выглядеть как нормальный ребенок.

Джонни внутренне содрогнулся. Но выхода не было. Он промолчал.

Молчание — знак согласия. Вера Сергеевна велела Джонни умыться. Потом заставила его надеть все новое, чистое и глаженое. Дала ему белые носочки и новые лаковые полуботинки, которые были куплены недавно и хранились для торжественных случаев. Джонни мужественно прошел через эти испытания. И лишь когда Вера попыталась припудрить ему синяк на подбородке, он тихо проворчал насчет «дженских фокусов». Вера убрала пудру: поняла, что нельзя перегибать палку.

Потом она расчесала Джоннины волосы, которые в обычное время напоминали желтое пламя на ветру. Красивой прядкой она прикрыла великолепную лиловую шишку на его лбу. Джонни, который считал, что следы боев украшают мужчин, терпел и это издевательство.

Вера старалась еще минут десять и наконец просветленно улыбнулась. Джонни стал похож на мальчика из журнала «Моды для детей», который издается в городе Риге. Вера была так довольна, что забыла о главном. О том, что ее двоюродный братец только снаружи сделал-

ся воспитанным и послушным. А внутри-то он остался прежним непричесанным и гордым Джонни.

Но сначала все шло хорошо. Джонни чинно шагал рядом с Верой. Он вел себя так безобидно, что Вера даже подумала: не взять ли его за руку? Но не решилась.

Потом Джонни увидел на тротуаре пустую консервную банку.

— Женья, — мягко сказала педагог Вера Сергеевна, — ну, объясни, пожалуйста, зачем ты пнул эту банку? Ведь она тебе совершенно не мешала.

Джонни не мог объяснить. Он просто не понимал, как нормальный человек может пройти мимо такой банки и не пнуть.

— А чего она... на дороге. Ну, пнул. Жалко, что ли? — пробурчал он.

— Но ты поднял ненужный шум. И кроме того, ты мог исцарапать новую обувь.

«А холера с ней», — чуть не ответил Джонни, но вовремя сдержался. И послушно сказал:

— Я больше не буду.

Вера Сергеевна не заметила иронии и осталась довольна.

«Не такой уж он вредный, — размышляла она. — И характер его похож не на колючую проволоку, как мне казалось раньше, а скорее на мягкую круглую щетку — ершик для мытья бутылок. Если слегка тронуть — колет, а если сжать покрепче — «ершик» сомнется, и все в порядке. Она решила эту мысль сегодня же вечером записать в свой педагогический дневник. А пока продолжала воспитывать Джонни.

— Ну скажи, что у тебя за походка! Зачем ты елозишь руками по бокам?

Джонни елозил руками, потому что ладони его машинально искали карманы. Но на привычных местах карманов не попадалось. Джонни едва не плюнул с досады, но опять сдержался. На нем была не то рубашка, не то легкая курточка с матросским воротником, блестящими пуговками и плоскими кармашками у пояса. Джонни поднатужился и засунул в каждый кармашек по кулаку.

Стало гораздо легче жить. Но тут снова возвысила голос Вера Сергеевна:

— Женья! Ты сошел с ума! Вынь сейчас же руки! Ты растянешь карманы и подол.

Джонни вынул, но хмуро спросил:

— Ну и что?

— Как что? Будет некрасиво!

— А зачем карманы, если нельзя руки совать? — строптиво поинтересовался Джонни.

— Как зачем? Фасон такой. Ну и мало ли что... Например, платочек положить...

— Что положить? — с благородным возмущением спросил Джонни.

— Господи, что за ребенок! — вполголоса произнесла Вера Сергеевна.

Джонни стерпел и «ребенка».

Но у всего на свете есть границы. В том числе и у терпения.

— Женья, — печально сказала Вера. — Ну почему ты не можешь вести себя как все нормальные дети?

А что он сделал? Поднял с земли фанерку и пустил в воздух. Они шли как раз по краю оврага, и Джонни захотелось посмотреть, долетит ли фанерка до ручья.

Она не долетела.

— Женья...

Джонни круто развернулся и встал перед сестрицей. Снова сунул в кармашки кулаки. Смерил Веру Сергеевну взглядом от босоножек до завитков на прическе. И с чувством сказал:

— Иди ты... одна в кино, к своему Феде.

Затем он сделал шаг к откосу и бесстрашно ухнул вниз сквозь колючие кустарники и травы.

— Женья-а! Что ты делаешь!

Не оборачиваясь на жалобные крики, Джонни пробрался сквозь заросли к тропинке, которая вела к ручью и дальше, на другой берег оврага. Это был самый короткий путь к дому.

Джонни подошел к воде, мстительно поглядел на свои лаковые башмаки и, не снимая их, перешел ручей вброд. («О-о-о-о!» — сказала наверху Вера Сергеевна.) Затем он шагнул на доски — остатки прогнившего тротуарчика, — глянул на песок рядом с досками... Замер. Опустился на колено...

Вера Сергеевна продолжала причитать и звать ушедшего брата. Смысл ее криков можно было выразить одной строчкой из старинного романса: «Вернись, я все прощу».

Но Джонни не слышал.

Помните Робинзона? Помните, что он почувствовал, когда увидел на песчаном берегу чужой след? То же самое испытывал сейчас и Джонни.

...Не только у Джонни были в этот день неприятности. Его друзьям тоже не везло. Как по заказу.

Командир всей компании, шестиклассник Сережка Во-лошин, разочаровался в давнем своем приятеле Сане Волкове. С Волковым делалось неладное. Футбол и купание надоели ему. Про интересные истории, которые все по очереди рассказывали по вечерам на Викином крыльце, Саня сказал: «Муть!» Саня перестал покупать в буфете на вокзале мороженое с клубникой и копил деньги на мопед. Он отказался читать книгу «Туманность Андромеды» и заявил, что там все неправда. С младшим братом Митькой он торговался из-за велосипеда и продавал очередь кататься по десять копеек за полчаса.

В общем, скучным человеком стал Волков. Нет, Сережка не ругался с ним и даже не говорил ничего. Но чувствовал: дружба не клеится. Не то что в прежние годы.

Он поделился грустными мыслями с одноклассницей и соседкой Викой:

— Что-то не то с Санькой...

— Переходный возраст... — рассеянно откликнулась Вика.

— Не туда он переходит, — мрачно сказал Сергей.

Но Вика не ответила. Она переживала свои неудачи.

Только что Вика поссорилась со своим юным дядюшкой Петей Каледонцевым.

Петя был студент. Он приехал в гости к родственникам, в том числе и к Вике. В августе он собирался отправиться на стройку со студенческим отрядом, но до этого должен был пересдать экзамен: у Пети был «хвост» по химии. С «хвостом» его, конечно, в отряд не взяли бы.

Петя собирался в тихом городке отдохнуть как следует и подготовиться химии. Отдыхал он успешно, а что касается химии... Но в конце концов он был взрослый человек и отвечал за свои дела сам. Не то что Вика. За Вику отвечала ее тетя, Нина Валерьевна, потому что Викины родители, как обычно, проводили отпуск в туристической поездке, на этот раз заграничной.

Нина Валерьевна, жалуясь на головную боль и прочие недуги, жаловалась заодно и на Вику. Та была «кошмар, а не девочка». А Петя — младший брат Нины Валерьевны — хороший. Он был вежлив, изыщен, весел. У него были тонкие усики и внешность юного матадора.

Ребята сначала прозвали Петю Каледонцева Дон Каледон, а потом — Дон Педро.

Чтобы не скучать вдали от столицы, Дон Педро при-

вез с собой портативный магнитофон с длинным иностранным названием.

Из-за этого магнитофона и вышла ссора. Вике хотелось послушать ультрамодные записи, а Дон не давал.

— Опять трогала? — грозно спросил он, когда увидел, что магнитофон стоит не на месте.

— Рассыплется, что ли? — сказала Вика.

— Сколько раз говорил: не лапай!

— Жадина! Иди тетушке пожалуйста!

— Чего это я буду жаловаться? — удивился Петя.

— Она меня отругает, а тебя пожалеет. Она и так все время: «Ко-ко-ко, мой Петенька! Ко-ко-ко, мой цыпленок! Скушай котлеточку, деточка...»

Петя счел несолидным сердиться на девчоночьи выходки. Он засмеялся и сказал:

— Очень похоже.

Обманутая этим смехом, Вика ласково попросила:

— Ну дай. Я только одну пленку послушаю.

— Обойдешься, — сказал Петя, — без музыки. Маленькая еще.

Вика подошла к открытому окну и оттуда сказала:

— Жмот ты несчастный, Дон Педро... Дон Пудро... Дон Пыдро!

Петя пустил в нее толстым учебником органической химии. Вика пригнулась, и книга вылетела в окно, хлопая листами, будто курица крыльями. Следом выскочила Вика.

Теперь они с Сергеем сидели на крыльце и грустно думали каждый о своем.

К ним подошли братья Дорины — Борька и Стасик. Борька прижимал к груди кота Меркурия.

Отец выгнал братьев из дома. Не насовсем, а до вечера. А кота Меркурия — насовсем.

Кот был не простой, а электронный. Братья сделали его два года назад, но до сих пор старались усовершенствовать. Мышей ловить Меркурий не умел, потому что придумать электронное обоняние Стасик и Борька не смогли. Зато он ловко хватал с пола стальными челюстями разные мелкие предметы и с жужжанием возил их по комнате.

Братья хотели сделать отцу сюрприз. Они придумали вот что. Когда отец придет с работы, Меркурий схватит в зубы его домашние туфли и подвезет прямо к порогу.

Папа Дорин был очень аккуратный человек. Туфли его стояли всегда на одном месте, а приходил с работы он без восьми минут в пять часов.

Стасик и Борька долго налаживали кота. Рассчитали

его путь из угла до тувель и до двери, проверили хватательные движения челюстей и реакцию на звонок. Из будильника они сделали реле времени, чтобы Меркурий зря не тратил энергию батареек и включился в полпятого.

Репетиция прошла отлично.

И конечно же, все испортила дурацкая случайность. Отец решил привести в гости свою начальницу. Маму он предупредил, а сыновьям ничего не сказал. Мама убрала с привычного места отцовские шлепанцы, чтобы не портили вид в коридоре. В последний момент убрала.

Когда раздался звонок и открылась дверь, Меркурий рванулся из своего угла, недоуменно щелкнул зубами над пустым местом, и от этого промаха в его организме что-то разладилось. Бедный кот взвыл электронным голосом, замигал зеленым глазом и, дребезжа, подкатил под ноги начальнице — пожилой представительной даме.

Дама в глубоком обмороке мягко осела на коврик у порога...

— Может, возьмешь пока к себе? — жалобно спросил Стасик у Вики и потер белобрысый затылок (в затылке все еще гудела отцовская затрещина).

— Возьми, — попросил и Борька (и пошевелил лопатками). — А то отец пообещал разломать до винтиков.

— Давайте, — сказала Вика. — Я его на Дона буду наускивать.

— Лучше разобрать на детали да продать тем, кто приемники делает, — предложил подошедший Саня Волков. — По крайней мере толк будет.

— Шиш, — сказала Вика. Она погладила Меркурия по алюминиевой спинке и унесла в дом. Потом вернулась и села на ступеньку рядом с грустными друзьями.

В это время подошел Джонни.

Он встал в двух шагах и начал ждать, когда обратят на него внимание.

Первой обратила внимание Вика.

— Что с тобой, Джонни?

— В овраге что-то непонятное, — сдержанно сказал Джонни.

— Что непонятное?

— Там, где брод, на песке... след какой-то. Будто кто-то брюхом по песку полз и лапами по сторонам шлепал.

И Джонни помахал в воздухе растопыренными ладошками — показал, как шлепали лапы.

Друзья молча и вопросительно смотрели на него. Только Саня Волков хихикнул:

— Брюхом полз! Пьяница какой-нибудь к ручью лазил, чтобы протрезвиться.

Джонни поморщился. Он не любил дураков.

— Лапы-то не человечески.

— А чьи? — разом спросили Борька и Стасик Дорины.

— Откуда я знаю чьи... Вроде как крокодилий.

Тогда все развеселились.

— Во дает! — сказал Стасик.

— Джонни, ты не перегрелся на солнышке? — спросила Вика и хотела пощупать у него лоб.

Джонни холодно отстранился.

— Новости науки! — торжественным голосом диктора объявил Сергей. — Чудо местных вод: большой зеленый крокодил. Школьник Джонни Воробьев едва не угодил в пасть чудовища. Академия наук выслала экспедицию на место происшествия.

Джонни подождал, когда кончится это неприличное веселье. Потом ответил им лаконично, как древний римлянин:

— Идите и посмотрите.

Если бы ждали их какие-то дела, интересная игра или еще что-нибудь, никто бы не пошел.

Но делать все равно было нечего. И компания, посмеявшись, двинулась к оврагу.

Следы были. В самом деле, словно кто-то волочил по песку тяжелое брюхо и неловко опирался на трехпалые нечеловечьи лапы.

Все осторожно, чтобы не задеть отпечатки, опустились на песок. Кто на корточки сел, кто на колени встал. Только Джонни стоял, сунув кулаки в карманы матроски (карманы уже слегка растянулись). Всем своим видом он говорил: «Убедились? То-то же. А еще хихикали...»

— Странные следы какие-то, — заметил Сережка. — Лапы то по бокам, то будто на брюхе растут.

— Может, у него походка такая, — заметил Стасик Дорин.

— Может, хромой крокодил, — поддержал его Борька.

— Бедненький, — сказала Вика. То ли крокодила пожалела, то ли Борьку за то, что он сделал такое глупое предположение.

— Да идите вы! — слегка обиженно сказал Саня Волков. — Вы что, по правде, что ли? Откуда здесь крокодилы?

— А откуда они вообще берутся? — подал голос Джонни. — Наверно, от сырости заводятся. Здесь место самое

для них подходящее, заросли и вода. Будто на реке Конго.

Все сдержанно посмеялись. Саня решил, что смеются над Джонни, и тоже похихикал.

Борька Дорин вспомнил:

— В прошлом году в газете печатали, что из зоопарка макака сбежала. Только через три дня на каком-то чердаке поймали. Может, и этот...

— Макака — она же обезьяна, — возразил Саня. — Ей сбежать — раз плюнуть. А крокодил как уползет?.. Да у нас и зоопарка нет, не Москва ведь.

— До Москвы недалеко, — рассеянно заметил Сережка. — А там зоопарк близко от реки.

— Ну и что?

— Ну и то. Сперва в реку, потом в канал, потом к нам в ручей... А что? Здесь тихо, спокойно. Сыро. Зелень, лягушки...

— Где лягушки? — быстро спросила Вика и встала.

— Одними лягушками не прокормишься, — заметил Стасик.

— В том-то и дело, — печально сказал Сережка. — Лягушки — это так, закуска. А вот пойдет через ручей какой-нибудь Джонни в новых башмаках...

Все разом глянули на Джоннины полуботинки. Они слегка поблекли и размякли от воды, но видно было все-таки — новые и лаковые.

— ...идет он, — продолжал Сережка, — а крокодил хлоп своей пастью — и нету Джонни. Только башмаки пожевал и выплюнул.

— И то хорошо, — заметила Вика. — Все-таки родителям утешение и память.

— Джонни посмотрел на друзей снисходительно, как на расшалившихся дошколят.

— Вот вы языками мелете, а следы-то все равно есть. Откуда?

Этот здоровый вопрос всех сделал серьезными. Все опять уставились на отпечатки лап. Но смотри не смотри, а загадка от этого не станет проще.

Первому надоело Сане. Он встал и решительно отряхнул с колен песок.

— Сидите, если охота. Я пошел. В пять сорок пять по первой программе «Остров сокровищ».

Это известие у всех повернуло мысли в другую сторону. Ну подумаешь, непонятные следы! А по телевизору: пираты, паруса, клады и абордажные схватки! Даже Джонни встрепнулся.

Но, уходя, он посмотрел все-таки еще раз на берег ручья. Там на песке оставалась неразгаданная тайна.

На следующее утро Джонни встретил во дворе Саню и Сережку. Сказал будто между прочим:

— А следы-то опять... Не те, а свежие. Я ходил, смотрел.

— Да ну тебя со следами! — огрызнулся Саня. Он с грустью думал о потерянном гаечном ключе от велосипеда.

— «Ну тебя, ну тебя!» — вдруг вспыхнул Джонни. — У тебя мозги, как велосипедная шина! А если там правда кто завелся?

— Ну и завелся... Мне-то что?

— Там твой Митька с ребятами строить мельницу хотел. Вот сожрет эта скотина Митьку, тогда узнаешь.

— Его сожрешь... — откликнулся Саня, но слегка задумался. Видимо, судьба младшего брата была ему не совсем безразлична.

Сережка почесал переносицу и сказал:

— Джонни, позови-ка Дориных. И Викторию.

Они расселись на крыльце у Вики.

— Можно, конечно, шутить, — сказал Сережка. — Можно не верить... А следы-то есть... Вот я читал в одном журнале, что в Шотландии в каком-то озере доисторическое животное появилось. Там тоже пацаны по берегу бегали, тоже думали сперва: «Разве в нашем обыкновенном озере может что-нибудь случиться?»

— Если бы люди мимо всяких загадок проходили, они бы до сих пор и огонь-то разжигать не научились, — сказал Борис Дорин, а Стасик с упреком посмотрел на Саню Волкова.

Саня сказал:

— Ну а я что? Давайте тогда разведывать, кто там...

Вика осторожно спросила:

— Может, лучше сразу сообщить куда-нибудь? А то, пока охотимся, оно в самом деле кого-нибудь слопает.

— А если никого в ручье нет? На смех поднимут, — сказал Сергей.

— А если есть, получится, что не мы его открыли, — поддержал Сергея Борька. — Пускай уж лучше мы сами. Рискнем... Если там кто-то завелся, то, наверно, не современный крокодил, а неизвестное чудовище вроде шотландского.

При слове «чудовище» у Джонни сладко заныло сердце. Настоящие, не «киношные» приключения надвигались на

него. И заросли у ручья окутались романтикой, как джунгли Амазонки.

Однако романтика не сделала эти заросли более уютными. Дикая смородина, шиповник и какие-то ядовитые кусты с неизвестным названием царапались, как рассерженные кошки, — только шевельлись. Пролезшая между ветками крапива тоже вела себя подло. Джонни страдал. В отместку Вере Сергеевне он превратил свой вчерашний парадный костюм в повседневную одежду и теперь очень жалел: такая одежда не годилась для охоты в джунглях. С грустью Джонни вспоминал плотные техасы и футболку с длинными рукавами. Но наука требует самоотверженности и терпения. Джонни терпел. Остальные охотники тоже сидели в засаде молчаливо и почти неподвижно. Лишь изредка кто-нибудь не выдерживал и почесывал украдкой исцарапанные и ужаленные места. И тогда пятеро остальных косились на него со сдержанным негодованием.

Засада была устроена метрах в пятнадцати от песчаного пятачка с таинственными следами. Место было малолюдное. Когда-то здесь над ручьем построили мостик, потому что недалеко в овраге стояла избушка с огородом, колодцем и палисадником — крошечный такой хуторок. Потом избушку разобрали, мостик разрушился, от деревянного тротуарчика, ведущего на высокий берег, осталась редкая цепочка досок. А от мостика — узкая жердочка. Даже самым ловким мальчишкам и девочкам не всегда удавалось пробежать по ней. Но ребятам-то не страшно: если и сыграют в ручей, беда не велика — глубина всего по колено. А взрослые почти никогда не пользовались этим переходом.

Ручей не везде был мелкий. Недалеко от песчаного брода, в тени сросшихся кустов, чернела глубокая вода. В тех ямах вполне мог поселиться крокодил... ну или не крокодил, а что-то похожее. В общем, тот, кто оставлял следы.

Следы эти хорошо видны были из укрытия: борозда от тяжелого брюха и отпечатки трехпалых неуклюжих лап. Но сегодня лапы были повернуты не от ручья, а к ручью. Может быть, крокодил (или не крокодил) всю ночь провел в зарослях и только под утро вернулся к себе в логово.

Вернуться-то вернулся, а вдруг потом опять вылез на берег в другом месте?

Мысль о том, что рядом ползает, может быть, что-то громадное, зубастое и скользкое, не доставляла особой ра-

дости. И разведчики прочно сжимали оружие. У Джонни было копье из лыжной палки. У Сани Волкова и Сережки — кинжалы из кухонных ножей. Братья Дорины — люди технически грамотные — вооружились на уровне современной техники: Борька соорудил скорострельную рогатку с оптическим прицелом (можно бить чудовище прямо в глаз), а у Стасика был двуствольный самострел. Причем один ствол бил прямо, а другой под углом, из укрытия.

Но оружие у разведчиков было лишь для самообороны. Они совсем не хотели вредить чудовищу. Для начала они собирались только выследить его и сфотографировать. Поэтому у Вики был на взводе аппарат «Смена» со специальной рукояткой, которую тоже сконструировали Дорины.

...Сидели долго. Ужасно долго. Целый час или два. Целых сто лет! Зловеще гудели в ядовитых листьях заблудившиеся осы. Среди влажной травы и корней что-то хлюпало и шевелилось. Кожа горела, будто ее искушали тысячи москитов.

А крокодила не было.

Компания начинала скучать. Первым откровенно и громко зевнул и почесался Саня Волков. На него зашипели, но уже не сердито, а по привычке. Саня хотел огрызнуться. И тут на берегу появился...

Нет, не крокодил.

Появился давний недруг всей компании Толька Самохин. Толька шагал к ручью со свитой адъютантов младшего и среднего возраста. Видимо, они возвращались с киносеанса из клуба.

На Тольке были восхитительные клеши с малиновыми обшлагами и серебряными пуговками. Ни подворачивать, ни мочить их Самохин, конечно, не хотел. А пройти по жердочке он не решился бы и под угрозой пистолета. Поэтому он выразительным кивком подозвал свиту, и голоногие адъютанты привычно подняли своего предводителя на руках. Затем вошли в воду.

Наверно, в давние времена доблестные воины так носили через реки своих императоров. По крайней мере, Толька вполне чувствовал себя императором.

У Джонни даже сердце заболело от жгучего желания. Как он молил судьбу, чтобы кто-нибудь из адъютантов поскользнулся или запнулся! Позднее он узнал, что этого же всей душой желали и его друзья.

И судьба сделала им подарок. Маленький адъютант с медными веснушками на круглых щеках (он держал левую ногу предводителя) ойкнул и схватился за колено: видно,

неловко ступил. Отпущенная Толькина нога стукнула его по спине. Второй адъютант — у правой ноги — от неожиданности сбил шаг и запнулся. Идущие сзади по инерции надавили на передних, равновесие нарушилось, чьи-то руки сорвались, и его высочество Самохин с плеском и брызгами рухнул в ручей.

Перепуганная свита выскочила на берег и обалдело смотрела на упавшего с высот повелителя.

Толька несколько секунд сидел молча и даже как-то задумчиво. Из воды торчала его голова, плечи и облепленные мокрыми клешами колени.

— Ой, — вдруг негромко сказал Самохин. — Ой-ей, — повторил он тоненько и почти со слезами. — Ой-ей-ей-ей!..

Он завозился, баламутя воду, зашарил под собой, осто-роженненько встал (ручьи бежали с него) и еще раз ойкнул. Одной рукой он держался за то место, на котором сидят, а в другой сжимал острый каменный осколок.

Видимо, на этот камень он крепко сел при падении.

— Паразиты, — жалобно сказал Самохин и пустил осколком в адъютантов. Не попал. Те стояли молчаливые и подавленные. Особенно веснушчатый адъютант. Всем своим видом он говорил: «Хочешь — казни, хочешь — милуй».

Самохин не стал казнить. Держась за раненое место, он прошел сквозь ряды свиты и двинулся к откосу. Он дал понять, что не желает иметь никакого дела с такими осто-лопами. Пусть ищут другого командира. Его подданные вздохнули и побрели следом.

Компания разведчиков давилась от восторженного хохота. Они зажимали себе рты, показывали друг другу кулаки, но смех прорывался, как пар из-под крышки заки-певшего чайника.

Борька Дорин, слегка отдышавшись, сказал шепотом:

— Он когда заойкал, я думал, его крокодил ухватил...

Смех грянул в полную силу.

— Ну тихо вы! — с досадой крикнул Джонни. — Будто детский сад в цирке! Спугнете ведь!

— Да кого же теперь спугивать? — возразил Сережка. — Самохин его еще раньше напугал. Во как плюхнулся!

Но Джонни не хотел так легко отказываться от охоты на крокодила.

— Самохин! — презрительно сказал он. — Будет крокодил бояться какого-то Самохина... Он, может, сейчас как раз принимался к его следам, чтобы поймать и закусить. Вот возьмет и вылезет...

Эта мысль показалась довольно здоровой. Всем, кроме

Сани Волкова. Тот заговорил, что зря только время теряют, лучше бы купаться пошли. Но он подчинился большинству, когда все решили посидеть в засаде еще полчаса.

Однако не прошло и двух минут, как воздух будто просверлился от оглушительного визга.

Сначала никто ничего не понял, просто все схватились за уши. Потом сообразили, что визжит Вика. Решили было, что к ней вплотную подобрался крокодил и показал свою страшную улыбку. Схватились за оружие. Но крокодила не было. И скоро выяснилось, что на ногу Вике прыгнул маленький лягушонок — из породы травяных лягушек, что живут в сырых зарослях.

— Тыфу! — в сердцах сказал Джонни и первым выбрался из кустов. Он бросил копье, наклонился и уперся ладонками в колени. Будто от усталости. А на самом деле, чтобы не увидели, как его коленки прыгают от пережитого ужаса. Сердце тоже прыгало.

Из засады вылезли сердитые Дорины, а за ними Вика — тоже сердитая и очень красная.

— А чего! — сказала она. — Конечно! Он вон какой скользкий и противный!

— А крокодил?! — яростно спросил Борька Дорин. — Он что, мягонький и пушистый, как плюшевый мишка?

— Если ты от лягушонка так вопишь, то что будет при крокодиле? — поддержал его Стасик.

— Никакого крокодила здесь уже нет, — мрачно сообщил Сережка, выбираясь из колючек. — Если он и был, то сейчас чешет отсюда во все лопатки в Африку. После такого визга! Я сам-то чуть не рванул куда глаза глядят.

— Только время загробили, — заключил Саня Волков.

— «Время, время»! — огрызнулась Вика. — Дрожишь над своим временем, будто министр или академик.

— Время — деньги, — глубокомысленно ответил Саня.

Джонни перестал вздрагивать, распрямился и начал вытряхивать из спутанных волос листики и колючки. Он понял, что приключений не будет. Охота кончилась.

Охота и в самом деле кончилась бы, но через два дня опять был обнаружен след. Один-единственный, не очень четкий, но, без сомнения, свежий. Видно, крокодил на этот раз полз по траве и лишь случайно, один разик, ступил на песок.

След увидели Дорины, которые возвращались домой из-за оврага.

— Все ясно, — с усмешкой сказал Серега. — После Викиного визга он притих на два дня, а теперь опять ожил. Но остальные были настроены серьезно.

— Что будем делать? — озабоченно спросил Борька Дорин.

— По-моему, это ночное животное, — сказал Стасик. — Следы обязательно утром обнаруживаются, после ночи...

— Ну уж спасибочки, ночью я в засаду не пойду. Меня тетка потом живьем съест, — заявила Вика.

— И не ходи, — сказал нетактичный Саня Волков. — А то опять заверешишь...

Вика замахнулась, и он отскочил.

— Ночью никого не пустят, — рассудительно заметил Сергей. — А если сбежим, сами знаете, что будет.

— Разик-то можно, — нерешительно сказал Джонни.

— А если с первого разика не получится?

— Надо способ придумать, чтобы точно получилось, — сказал Борька Дорин.

— Кто знает, как ловят крокодилов? — спросил Стасик.

Оказывается, знали многие. Саня Волков сказал, что, как только крокодил вылезет на берег, надо посветить ему в морду фонариком. Он сразу же ослепнет и обалдеет. Тут его и хватай!

— Вот и хватай, — сказал Сережка. — А мы посмотрим, как у тебя получится. Это тебе не котенок.

— Кроме того, надо дожидаться, чтобы вылез. А если не захочет? — сказала Вика.

— А я знаю, я читал! — подскочил Джонни. — Это на реке Амазонке индейцы так аллигаторов ловят. Слушайте...

И он рассказал об удивительном способе. Самый ловкий и вертлявый индейский воин берет заостренный с двух концов метровый кол и идет на берег, туда, где должны быть аллигаторы. И начинает всячески кривляться, приплясывать — дразнить крокодилов. Крокодилы смотрят, смотрят на это безобразие, а потом... Ведь и у аллигаторов бывает конец терпению. Один из них выбирается на берег и широко раскрывает пасть, чтобы разом выяснить отношения с танцором. Вот тут-то и надо изловчиться: вставить поперек пасти кол! После этого крокодил никуда не денется — привязывай к колу веревочку и веди добычу хоть в зоопарк, хоть домой, хоть в Академию наук.

Такой способ охоты сначала всем понравился. Но Сережка деловито спросил:

— А дразнить крокодила и вставлять кол кто будет? Ты, Джонни?

— Везде я да я! — обиделся Джонни.

Тогда Стасик Дорин вспомнил, что читал в журнале «Знание — сила» про охоту на африканских крокодилов. Эти симпатичные животные имеют странную привычку: в воду они возвращаются по тому следу, который оставили, когда выползли на берег. Туземцы это знают и ждут, когда крокодил выберется из реки. Потом ставят на его пути острый нож — лезвием вверх. Глупый крокодил ползет обратно и сам распарывает себе брюхо.

— Вот и хорошо! — обрадовалась Вика. — Главное, не надо здесь ночью сидеть. Вечером поставим нож, а утром — забирай крокодилчика...

— ...с распоротым пузом, — ехидно закончил Сергей. — Зачем нам распоротый крокодил? Его надо живым брать. Для науки все-таки...

— Стоп! — вдруг сказал Стасик и уставился в пространство, а остальные уставились на него. — Стоп... — снова произнес он. — Я думаю... Братцы! Помните, как Самохина в ручей уронили? Кто-то еще подумал, что его крокодил на зубок пробует?

— Ну? — нетерпеливо сказал Джонни.

— У меня уже тогда в голове вертелось, только никак до конца не придумывалось... Нужна приманка! И ловушка! Тогда ночью сидеть не надо, он сам поймается!

— А приманка — это Самохин, что ли? — спросил Саня Волков.

— При чем тут Самохин! Крокодилы больше всего маленьких поросят любят. Я в «Вокруг света» читал. Их так и ловят. Выроют яму, посадят поросеночка, а сверху — маскировка. Поросянок пищит с голоду, а у крокодила слюнки бегут. Ползет он, ползет на визг, а потом — трах!..

— Яму еще рыть... — недовольно перебил Саня Волков.

— Не надо яму. Там старый колодец недалеко, метра четыре глубиной. А воды в нем всего по колено или меньше.

— А поросеночек? — сказал Сережка.

И все задумались.

План был что надо, но где взять поросеночка?

— Из-за такой мелочи вся операция проваливается, — хмуро сказала Вика. — Слушайте, люди... А если у старика Газетыча?

Все озадаченно уставились на Вику.

— Ты что? — спросил Сережка. — Слегка сдвинулась? — И он покрутил пальцем у виска.

Старика все знали. И его поросеночка тоже. Старик, когда не работал, сидел на лавочке у своей калитки, а кро-

шечный поросенок, привязанный к воткнутой в землю щепке, ходил и щипал травку. Симпатичный такой, кругленький Нуф-Нуф из сказки о трех поросятах.

— За такое дело все в милицию угодим, — уверенно сообщил Саня Волков. — Доказывайте потом, что для науки старались.

— Не насовсем ведь, а на время поросеночка-то... — сказала Вика.

— На время! — возмутился Сережка. — Думаешь, крокодил на него любоваться будет, когда сыграет в колодец?

— Вы это кончайте! — взволнованно потребовал Джонни. — Поросенок — еще ребенок, его джрать нельзя.

Вика с некоторым сожалением посмотрела на друзей. Словно хотела сказать: «Я-то думала, что вы умные...»

— Зачем его жрать? И в колодец зачем? Его всего-то на пять минут надо. Я возьму у Дона Педро магнитофон, поросеночек повизжит, мы его на пленочку запишем. А магнитофон уж пусть визжит без перерыва или, когда надо, включается. Это Борис и Стасик сделают...

С минуту компания молча обдумывала план. Он со всех сторон казался простым и гениальным. Действительно, поросенка отдавать на съедение не надо, пусть повизжит — только и всего. У него и у хозяина от этого ничего не убудет. Крокодилу все равно: визг-то натуральный поросятчий, хоть и на пленке. Жрать магнитофон он не станет — несъедобно. Вот только как отнесется к этому Дон Педро?

— А я и спрашивать не буду, — сказала Вика. — Дон уже и не занимается им, запихал в шкаф на верхнюю полку. Он теперь каждый вечер в клуб на танцы бегаёт, влюбился, наверно... Я магнитофон вытащу, а футляр оставлю, будто все в порядке. Он и не заметит.

— Ну давай! — решил Сережка. — А кто пойдет за Нуф-Нуфом?

Пошел, конечно, Джонни. Как самый изворотливый и хитроумный. Он взял у Дориных мешок из-под картошки и проник во двор к старику.

По всем расчетам старик должен был находиться на работе. В это время он всегда торговал вечерними газетами в киоске у вокзала. Его тонкоголосую скороговорку знали все жители городка. «Граждане, газет-чку! Газет-чку, граждане!» Старика поэтому так и звали — Газетыч.

В свободное от торговли время Газетыч копался в огороде и воспитывал Нуф-Нуфа. Вместе со стариком жила взрослая дочь и ее муж. Они тоже любили копаться на

грядках. Но днем они работали, а возвращались поздно. Никто не мог помешать Джонни похитить Нуф-Нуфа, а потом подсунуть обратно. Джонни боялся только одного: вдруг сарайчик окажется на замке.

Но и тут ему повезло: дверь была заперта на щеколду с просунутой в петлю палкой.

Окинув двор взглядом ковбоя и разведчика, Джонни скользнул к двери и освободил щеколду. Потянул дверь. Она открылась тяжело, но без скрипа. Джонни мягким шагом переступил порог.

«Ух-ух... Хря-хря...» — раздалось в углу. Круглый Нуф-Нуф поднялся с подстилки и добродушно заковылял к Джонни. Он был еще не опытен и не знал о людском коварстве.

Неуловимым пиратским движением Джонни вытянул из-под матроски (изрядно уже перемазанной) мешок.

— Иди сюда, мой хороший. Иди, я тебе животик почесу...

Нуф-Нуф приятельски хрюкнул и подошел вплотную. Джонни подмигнул ему, сел на корточки и попытался осторожно надеть мешок на свою добычу.

Он не сделал Нуф-Нуфу больно. Ни капельки! Но у того, видимо, с мешком были связаны какие-то скверные воспоминания. Нуф-Нуф ловко извернулся и наполнил сарайчик первосортным визгом повышенной громкости.

— Тихо ты, шашлык несчастный! — прошипел Джонни и зажмурился. А когда открыл глаза, в сарайчике стало темнее. Сначала Джонни решил, что от страха потемнело в глазах. Но оказалось, не от этого. Джонни оглянулся и увидел, что полуоткрытую дверь загораживает Газетыч.

Несколько секунд похититель и хозяин молча смотрели друг на друга. Потом Газетыч укоризненно спросил:

— Значит, этому вас учат в школе? Свиной воровать?

После таких слов Газетыч закрыл тяжелую дверь. Он закрыл ее по-особенному: торжественно и зловеще. Сначала дверь заскрипела, будто крепостные ворота, и медленно двинулась с места. Потом, набирая скорость, она завизжала пронзительно и захлопнулась с грохотом и силой. С потолка посыпалась труха. Так, наверно, захлопывались за узниками двери в средневековых темницах. Лязгнул засов. Навалилась тишина. И сумрак. Правда, солнце било в щеки и отдушины, но в этот миг внутренность сарая показалась Джонни темной и мрачной, как ночь на кладбище.

Он вздохнул и поморгал, чтобы скорее приучить глаза к сумраку. Потом огляделся.

Путей для бегства не было. В сарае — ни одного окошка. Под потолком светились две квадратные отдушины, но в них пролезла бы только кошка, да и то не очень толстая.

«Скверное дело», — сказал себе Джонни, и, как всегда, от ожидания крупных неприятностей у него стало холодно в желудке. Зато окаянный Нуф-Нуф был, видимо, счастлив: кончилось его одиночество! Он уже забыл о разбойничьих намерениях Джонни и мечтал о знакомстве. Сначала Нуф-Нуф деликатно похрюкивал в углу. Потом, стуча копытцами по доскам, подошел и потерся боком о Джоннину ногу. Бок был щетинистый и колючий, как ржавая проволоочная сетка. Джонни отпихнул Нуф-Нуфа:

— Иди отсюда, жирная балда! На жаркое тебя...

По этим словам вы можете понять, как был расстроен и взвинчен Джонни.

Нуф-Нуф убрался в угол и хрюкал там обиженно и удивленно.

Джонни подошел к двери. Чуть повыше его глаз светилась в доске дырка от сучка. Джонни встал на цыпочки и глянул на волю.

Он увидел, что старик возвращается.

Газетыч направлялся к сараю решительным шагом. На согнутом локте он нес моток веревки. Может быть, он решил повесить Джонни, как пирата, на потолочной балке; может быть, хотел связать его и в таком виде доставить в милицию; а может быть, решил выдрать юного похитителя этой веревкой.

Сами понимаете, что ни один из этих вариантов Джонни не устраивал. Мозги его просто закипели — так лихорадочно искал он путь к избавлению. Но старик приближался, а спасительных мыслей не было. И тогда Джонни понял: выход один — самый простой и рискованный. Он встал в двух шагах от двери и напружинил ноги. Едва Газетыч потянул на себя дверь, как Джонни склонил голову и ринулся в светлую щель.

Газетыча отшатнуло в сторону.

— Стой! — заголосил он. — Стой, бандит, хуже будет!

Но Джонни знал, что хуже не будет. Он несея к забору, оставляя за собой в кустах малины и смородины прямую, как по линейке, просеку.

Газетыч попытался метнуть ему вслед веревку, как ковбой кидают лассо. Но веревка полетела не туда и опутала Газетычу руки и плечи. А в ноги ему, как тугий мяч, ударился Нуф-Нуф, который вслед да Джонни вырвался на свободу.

Газетыч упал на четвереньки, называя нехорошими словами Нуф-Нуфа, юного грабителя, веревку и весь белый свет. А Джонни изящно перелетел через забор, промчался по переулку и предстал перед друзьями. Встрепанный, поцарапанный, без мешка, но довольный.

— Ну история! — шумно дыша, сказал он. — Еле ушел. Сквозь джунгли. Как в кино получилось...

Он передохнул и открыл рот, чтобы живописно изложить подробности своего спасения. Его остановил Сережка.

— Где хряк? — холодно спросил он.

— Чего? — удивился Джонни.

— Поросеночек где? — угрожающе-ласковым голосом произнесла Вика. — Где Нуф-Нуф? Ты же клялся, что добудешь.

— Нуф-Нуф! — оскорбился Джонни. — Что б он окошел раньше срока! Я и без него-то еле ноги унес от старика. Из-под замка вырвался!

Ища сочувствия, он обвел глазами лица друзей. Лица были сумрачны. Ни капли сострадания не увидел Джонни в ответных взглядах.

— Если бы знали, сами бы пошли, — обронил Стасик Дорин, а Борька добавил с искренним огорчением:

— И мешок посеял, растяпа! Нам теперь за мешок дома отдуваться...

Джонни заморгал.

— Мешок... — горько повторил он. — Тут человек, может, от гибели спасся, а вы... Мешок вам дороже...

Что-то дрогнуло в мрачных лицах. То ли искра жалости мелькнула, то ли проблеск совести. Но Санька Волков, который ни жалостью, ни совестью особенно не страдал, громко заявил:

— На мешок плевать. А где приманку брать для крокодила? Сорвал операцию, да еще в герои лезет, ковбой на палочке.

Джонни опустил плечи. Только сейчас понял: операция по поимке таинственного крокодила и вправду сорвана.

Джонни сгорбился и вздохнул. Он отошел от ребят, вскарабкался по наклонной поленнице на крышу дровяника и сел, свесив ноги. Вид у неудачливого похитителя свиней был очень сокрушенный. Джонни так низко опустил голову, что упавшие вперед волосы зашевелили ему колени.

Но сквозь частую сетку волос хитрый Джонни внимательно следил за друзьями. И старательно соображал: не найдется ли способа спасти от провала операцию, а заодно и свой авторитет.

Способ не придумывался. А безжалостный Волков постарался совсем уничтожить бедного Джонни.

— Взять да засунуть самого в колодец! Пусть визжит и хрюкает вместо пороса. Чтоб знал в другой раз...

И в этот миг у Джонни вспыхнула восхитительная идея!

Но он не заорал «ура». Не подпрыгнул и не стал аплодировать. Он покачал ногой в крепком еще, но уже потерявшем блеск полуботинке, взмахом головы отбросил назад волосы и задумчиво посмотрел на ребят.

— У меня не получится, — объяснил он миролюбиво. — Я визжать не умею. А вот если Вика... Пусть повизжит, а мы ее запишем вместо Нуф-Нуфа. Помните, как она в овраге визжала?

Саня Волков приоткрыл рот.

Братья Дорины переглянулись.

Сережка с интересом посмотрел сначала на Джонни, а потом на Вику. И никто от удивления не сказал ни слова. Кроме Вики. Вика сказала:

— Я тебя сейчас вот стащу на землю, ты у меня сам завизжишь! Как целая свиноферма.

Она попробовала ухватить Джонни, но тот быстренько подобрал ноги.

— Постой.. — нерешительно сказал Сережка. — А что... А может, правда?

— Что «правда»? — со сдержанной яростью спросила Вика. — Я вам кто? Свинья?

— Ты, конечно, не свинья, — сообщил с высоты Джонни, — но сейчас поступаешь по-свински. Тебя все просят, а ты для общего дела повизжать не можешь.

— Идите вы... — сказала Вика. Но, поскольку никто никуда не пошел, она сама удалилась на свое крыльцо и оскорбленно села там ко всем спиной.

Джонни торопливо спустился к друзьям. Надо было действовать, пока идея свежа и горяча.

— Это ничего, — зашептал он. — Пусть посидит. Это даже хорошо. Ты, Борька, бери магнитофон, и пойдем потихоньку. Как подойдем, ты включай, а я ее пощечочу. Она знает как щечотки боится!..

Борька вопросительно глянул на Сережку. Тот пожал плечами: что, мол, делать-то? Другого выхода нет.

Джонни и Борис на цыпочках двинулись к Вике. К ее упрямой и обиженной спине. Они подошли вплотную. Вика не оборачивалась. Борька мигнул Джонни и нажал клавишу записи. А Джонни пальцем ткнул Вику под ребро.

Думаете, Вика завизжала? Она завопила:

— Ой, мама!

Ловко повернулась и треснула Джонни по шее твердым, как дерево, кулачком.

Джонни отлетел в кусты репейника. Борька огорченно выключил магнитофон.

— Дура, — укоризненно сказал Джонни, выбираясь из пыльных зарослей. — Ну где ты слышала, чтобы поросята орали «ой, мама»? Ведь тебя по-человечески просят повизжать. То есть по-пороссячи. То есть... Тьфу! Ну жалко тебе, что ли?

Вика угрожающе подбоченилась. Глянула на Джонни так, что ему захотелось обратно в репейники.

Но тут случилось такое, что сразу изменило ход всей истории.

К Борьке подошел Стасик и что-то шепнул ему. Потом он встал перед Викой и негромко, но отчетливо сказал:

— Ля-гушка...

И поднял к Викиному носу растопыренную ладонь. На ладони прыгало что-то зеленое и мокро-блестящее.

Визг, раздавшийся в тот же миг, превзошел все ожидания. Он был длинный и такой пронзительный, что зачесалось в ушах. Дорины присели. Сережка зажмурился. Джонни прижал к ушам ладони. А Саня Волков сказал:

— Вот это да... Вот это да! — повторил он, когда Вика наконец замолчала. — Как в цирке!

— Не бойся, это не настоящая лягушка, — объяснил Вике Стасик. — Я ее из подорожника сделал.

— Хорошо получилось, — с удовольствием заметил Борька. — Сейчас послушаем.

— Отдай магнитофон! — сверкнув глазами, потребовала Вика.

Борька прыгнул в сторону и отбежал шагов на десять. Потом опять нажал клавишу. И визг снова разрезал воздух. Правда, послушать его подольше не удалось. Вика подняла с земли кирпич, и Борька моментально выключил звукозапись.

— Отдашь магнитофон? — медным голосом спросила Вика.

Борька посмотрел на Сергея.

— Стоп! — решительно сказал Сергей. — Хватит вам! Что ты, Виктория, как парижская графиня, ломаешься? Люди для науки жизнями рискуют, а тебе визга жалко. Убудет у тебя его, что ли?

— Провалитесь вы все... — откликнулась Виктория. — Мне не жалко... Только за лягушку ты, Стаська, все рав-

но получишь, имей в виду... А что, крокодил, вы думаете, такой же олух, как вы? Думаете, он девочку от поросенка по голосу не отличит?

— Ну, а если и отличит? — задумчиво сказал Джонни. — Может, ему даже приятнее будет...

Больше звукозапись пробовать не стали, чтобы не привлекать внимания прохожих и Викушний раз не дразнить. Борька и Стасик склеили кусок пленки в кольцо и присоединили к магнитофону реле времени — будильник и жестяную коробку, в которой что-то звякало. Это было реле от котла Меркурия. С его помощью магнитофонный визг должен был включиться ровно в полночь...

В колодец опустили на веревке Бориса Дорина. Он детской лопаткой вырыл в земляной стенке нишу и укрыл там магнитофон. Иначе крокодил мог разбить его, когда угодит в ловушку.

— Ну как? Все в порядке? — спросил Сережка.

— Угу, — ответил из глубины Борис.

Его вытянули наверх.

Уже темнело. Было тихо. Только в глубине колодца еле слышно тикал будильник да падали сверху в воду земляные крошки. Пахло сырой крапивой, туманом и тайнами.

Охотники закрыли колодец решеткой из веток и навалили сверху травы.

— Ну, пошли, — шепотом распорядился Сергей. — Значит, завтра в пять.

Нельзя сказать, что они спокойно спали в эту ночь.

Джонни ворочался и вскрикивал. Ему снилось, будто попал он в плен к дикому племени и это племя хочет сделать его приманкой для крокодила — толкает в яму. А крокодил почему-то уже там и выжидающе улыбается. Джонни падал и просыпался.

Вике тоже снился крокодил. Он ходил по улицам, и в животе его играл проглоченный магнитофон. А Дон Педро грозно требовал: «Доставай теперь как хочешь!»

Какие сны видели Дорины и Сережка, не установлено, однако и они утром были хмурые и невыспавшиеся. Один Саня Волков пришел к Викиному крыльцу бодрый и веселый, несмотря на ранний час. В глубине души он не верил ни в какого крокодила и потому всю ночь спал без всяких снов.

Компания молча разобрала оружие.

— Ну... пошли, — скомандовал Сергей.

Они спустились в овраг.

У Джонни в животе было такое ощущение, словно он проглотил тяжелую холодную жабу. Вика несколько раз спотыкалась и говорила: «Мамочки...»

Чем ближе к ловушке, тем сильнее колотились сердца у охотников. Они даже не прыгали в груди, а метались где-то между шеей и пятками.

— Стойте, вы... — вдруг со стоном сказал Борька Дорин. — Глядите...

Маскировка была провалена.

— Слушайте... — замирая, прошептала Вика.

В колодце что-то возилось и булькало...

Охотники встали на четвереньки. Так, на четвереньках, они подобрались к ловушке и заглянули в глубину.

Там было темно. И там стало тихо.

Сережка взял фонарик и направил вниз луч.

То, что увидели охотники за крокодилом, было ужасно.

Нет, крокодила там не было.

Но по колено в воде, с магнитофоном, прижатым к груди, облепленный мокрой травой и землей, стоял и смотрел вверх измученный и свирепый Дон Педро.

С испуга Сережка выключил фонарик.

— Так... — донесся из глубины хриплый голос. — Поиграли? А ну, давайте веревку...

Сережка опомнился первым.

— Братцы, — жалобным шепотом сказал он, — а ведь Дон-то думает, что мы это нарочно устроили. Для него...

Из колодца теперь буйным фонтаном извергались угрозы, требования и разные неприятные слова.

— Что же это теперь будет? — уныло спросила Вика.

Сережка привязал веревку к столбу от развалившегося забора и только тогда опустил другой конец в колодец.

— А теперь — в бега! — сказал он. И охотники со скоростью гепардов ринулись из оврага.

— Се...реж...ка... — на бегу выдохнула Вика. — Твоя... бабушка дома? Можно, я... буду у нее... ночевать?

Остановились они только в скверике у вокзала.

— Наябедничает? — спросил Сережка.

Вика уже слегка пришла в себя.

— Не-а... — подумав, сказала она. — Ябедничать не будет. А отлупить может.

— Надо ему как-то объяснить, — рассудительно сказал Джонни.

Но объясниться с разгневанным Доном Педро они смогли только через два дня. К этому времени он слегка успокоился и милостиво согласился принять делегацию для переговоров.

Делегация принесла свои извинения. Потом сообщила, что охотились они не за Доном. За крокодилом охотились, вот! И чего его, Дона Педро, понесло в эту ловушку?

Вот тогда-то и узнали наконец, что случилось той злополучной ночью.

Петя Каледонцев около полуночи возвращался с танцевального вечера из клуба швейной фабрики. Чтобы сократить дорогу, он пошел через овраг. Легко и грациозно Петя перебежал по жердочке ручей, и в тот момент, когда нога его коснулась земли, из-за кустов донесся душе-раздирающий визг.

Может быть, крокодил и обманулся бы, но обмануть Петю было невозможно: визг своей племянницы Дон Педро знал преотлично.

Он не размышлял ни секунды. Он сразу понял, что на Вику напали разбойники.

Дон Педро был иногда легкомысленным человеком, но он никогда не был трусом. Он ухватил с земли какую-то палку и ринулся в бой!

А дальше что рассказывать?

Думаете, приятно торчать несколько часов по колено в воде, в темноте и неизвестности, проклиная вероломную Викторину и ее коварных приятелей? Хорошо хоть, что шею не сломал. И еще одна радость: магнитофон оказался целехонек.

— А пленка? — вдруг спросил Джонни.

— Что пленка? — не понял Дон.

Джонни покосился на Вику и с ехидной ноткой объяснил:

— Ну, та пленка, где она визжит... Ты не стер запись? Может, слушаем?

Вика показала Джонни небольшой, но крепкий кулак. Дон Педро неожиданно хмыкнул, Сережка тоже хмыкнул, сдерживая улыбку. Братья Дорины хихикнули. Саня сказал: «Гы...»

— Дурни, — произнесла Вика, стараясь сохранить обиженный вид. Но не сдержалась и фыркнула.

И тогда компания взорвалась таким хохотом, что электронный кот Меркурий, поселившийся в комнате у Дона, звякнул пружиной, замигал красным стоп-сигналом и с подвыванием бросился за этажерку.

Но это еще не конец истории. Всякая таинственная история кончается, когда решена загадка.

Через неделю Саня Волков отыскал Джонни и хмуро сказал ему:

— Пойдем.

— Куда? — строптиво спросил Джонни, не любивший, когда им командовали.

— В овраг. Сам увидишь зачем.

Он привел Джонни к переправе, и они засели в кустах. Джонни больше ни о чем не спрашивал, чтобы не унижить себя в Санькиных глазах любопытством и нетерпением. Через две минуты слышались вздохи и хлюпанье. Саня и Джонни глянули сквозь листья.

Подвернув широкие парусиновые штаны, через ручей брел с мешком Газетыч. Мешок был небольшой, но тугий и, очевидно, тяжелый. Газетыч нес его перед собой и приподнимал, стараясь не макнуть в воду. Он стучался о мешок коленками и выгибался назад.

Выбравшись на лежавшую у воды доску, Газетыч устало плюхнул свой груз на песок. Отдышался. Постонал тихонько, чертыхнулся и поволок мешок дальше. Сам он шагал по доске, а мешок волочился по песку. Через каждые два шага Газетыч останавливался и вздыхал. Наконец он подтащил свою ношу к зарослям черемухи, от которых начинался жиденький деревянный тротуарчик. Из кустов старик вытащил одноколенную тележку. Он взвалил мешок на тачку и довольно резво покатил ее по доскам.

— Третий рейс делает, — сказал Саня. — Там, наверно, трансформаторную будку строили, а цементу навозили, будто на целый дом. Вот он и таскает. Нагребают и тянут потихоньку.

— Значит, он жулик? — злорадно спросил Джонни.

— Да никакой он не жулик. Цемент-то бросовый, стройку уже кончили.

— Куда ему столько? — удивился Джонни.

— Фундамент у сарая бетонирует. Хозяйство укрепляет. Понял?

— Ну, понял, — откликнулся Джонни, привычно почесываясь от комариных и крапивных укусов. — А мы-то здесь зачем сидим?

Саня дернул Джонни за синий воротник и вытащил из засады.

— Смотри, — сказал он убийственным тоном.

По песку тянулся «след крокодила».

Джонни и Саня с полминуты молча смотрели на него.

— У него снизу на мешке заплата, будто звериная лапа. Он то потянет, то поставит. И отпечатывается. Понял?

— Понял! — восхищенно отозвался Джонни. — Молодец ты, Санька! Здорово разгадал!

Саня оттопырил губу.

— «Разгадал»! Буду я всякую чушь разгадывать! Это я случайно заметил. Это только у тебя на уме всякие загадки да разгадки.

Он смерил Джонни обидным взглядом и зашагал к подъему из оврага. Джонни пожал плечами и двинулся за ним. Санькиной досады он не понимал.

Уже наверху Саня сказал:

— Все из-за тебя... Ради драного мешка столько шума понаделали: «Крокодил, крокодил!» Только время зря потеряли...

Наверно, он думал, что Джонни сникнет и забормочет оправдания.

Джонни остановился. Саня тоже остановился. Джонни удивленно посмотрел снизу вверх на длинного бестолкового Саньку.

Потом он спросил:

— А зачем он тебе, этот крокодил? На веревочке водить?

Саня заморгал.

— Подумаешь, нет крокодила, — снисходительно сказал Джонни. — Все равно было приключение. Понимаешь, Санечка? При-клю-че-ни-е.

Он зажмурился и пошевелил языком, словно пробовал на вкус удивительное слово. Потом повернулся и независимо зашагал по краю обрыва.

Саня Волков смотрел вслед непонятному Джонни.

Тот шел, сунув кулаки в безнадежно растянутые карманы матроски. Матроска от этого натянулась на спине, и худые Джоннины лопатки торчали под ней, как маленькие прорастающие крылья. А воротник мотался на ветру. И желтые волосы Джонни полыхали на ветру и солнце, как протуберанцы.

И вся улица слышала веселую песню, которую свистел Джонни.

Потому что жизнь была прекрасна. И она еще только начиналась. Впереди были сотни и тысячи встреч с разными загадками и приключениями. Встретятся, наверно, и настоящие крокодилы.

Мушкетер и фея

— Евгений! — сказал отец, нервно похрустывая пальцами. — Я пришел к выводу, что воспитывал тебя неправильно.

Третьеклассник Воробьев сидел с ногами в кресле и укрывался за пухлой растрепанной книгой. В ответ он слегка приподнял плечо. Это означало вопрос: «Что случилось?»

— Да! — продолжал отец. — Когда ты бывал виноват (а это случалось нередко), я ограничивался беседами. Теперь я понял, что тебя следовало попросту драть.

— Еще не поздно, — подала голос из своей комнаты двоюродная сестра Вера Сергеевна.

Необдуманную реплику Джонни оставил без внимания, а на отца поднял из-за книги левый глаз. С едва заметным любопытством.

— Совершенно верно, еще не поздно, — сурово и взволнованно произнес отец. — И очевидно, в ближайшее время я этим займусь.

— Как это? — рассеянно поинтересовался сын, снова исчезая за книгой.

— Что значит «как это»? — слегка растерялся родитель. — Ты что, не знаешь, как это делается?

Сын пожал плечами:

— Ты же сам сказал, что раньше только беседовал. Откуда мне знать?

— Хм!.. Откуда... Хотя бы из художественной литературы. Ты читаешь дни и ночи напролет. Даже когда разговариваешь с отцом.

— Про такую ерунду я не читаю, — гордо сказал Джонни.

— Положи книгу! — тонким голосом потребовал отец. — Или я... немедленно выполню свое обещание.

Джонни отложил пухлый том. Обнял согнутые у подбородка колени.

— Папа, — сказал он снисходительно. — Ничего ты не выполнишь.

— Это почему?

— Ну, во-первых, ты культурный человек... Во-вторых, ты не знаешь, как я бегаю. А тебя в ваших рес... рев... реставрационных мастерских ругали на собрании, потому что не хочешь сдавать нормы ГТО. Ты сам говорил.

— Не твое дело, за что меня ругали, — уязвленно откликнулся отец. — А бегать за тобой я не собираюсь. Побегаешь и сам вернешься.

— Конечно, — вежливо согласился Женька. — Но к тому времени ты остынешь и поймешь, что я ни в чем не виноват.

Отец скрестил руки и в упор глянул на сына. Потом протянул почти ласково:

— Ах, не виноват...

— А что я сделал?

— Ты?.. Сделал?.. Твое поведение!.. О тебе ходят легенды! Ты позволяешь себе черт знает что... А сегодня? Как ты разговаривал с учительницей!

— Как?

— Ты посмел сказать ей: «Не ваше дело!»

Джонни вздохнул:

— Не так, папа. Я сказал: «Извините, но мои волосы — это мое дело».

— Вот-вот! Ты считаешь, что имеешь право так разговаривать с учителями?

— А чего ей надо от моих волос? Даже директор ничего не говорит, а она цепляется!

— «Цепляется»!

— Ну, придирается. Каждый день.

— Потому что твоя прическа ужасна! Ты, наверно, считаешь, что чем длиннее волосы, тем больше геройства? А на самом деле — сначала космы до плеч, потом сигарета в зубах, потом выпивка в подъезде...

— Потом кража, потом колония... — подхватил Джонни. — Это самое Инна Матвеевна и говорила.

— И совершенно справедливо!

— И совершенно глупо, — грустно сказал Джонни.

— Ну, знаешь ли!.. — взвинулся отец, но вспомнил, видимо, что сын считает его культурным человеком. Подумал и сдержанно попросил:

— Хорошо, тогда объясни, зачем тебе твои растрепанные локоны?

— Пожалуйста, — так же сдержанно откликнулся Джонни. — В каникулы будет Неделя детской книги. В Доме пионеров готовят карнавал книжных героев. Я хочу, чтобы у меня был костюм мушкетера. А кто видел мушкетеров со стриженным затылком?

Отец растерянно поскреб подбородок.

— Д-да? Ну... а почему ты не рассказал это Инне Матвеевне?

— Папа... — со вздохом сказал Джонни. — Подумай сам. Что можно объяснить рассерженной женщине?

Это заявление слегка обескуражило Воробьева-старшего. А пока он размышлял, из коридора донесся голос Джонниной мамы:

— Валерий! Иди сюда.

Джоннин папа растерянно глянул на сына и вышел в коридор.

— Валерий! — сказала мама. — Сколько раз я просила не ставить грязную обувь на чистый половик?

— Я не ставил, — мягко ответил папа. — Я только...

— Значит, это я поставила сюда твои ботинки?

— Во-первых, они не грязные, а во-вторых...

— А во-вторых, мне надоело. Я тысячу раз...

Джонни встал и деликатно прикрыл дверь. Он считал неприличным слушать родительские споры. Голоса сделались глуше, и можно было разобрать лишь отдельные фразы:

— Но я же пытаюсь объяснить...

— Мне нужны не объяснения, а чистота...

Потом папа с мамой удалились на кухню...

Через десять минут отец, слегка взволнованный и порозовевший, вернулся в комнату. Кажется, он готов был

кое в чем согласиться с сыном. Но сына не было. В опустевшем кресле валялась книга с тремя скрепленными шпалами на облезлом переплете.

Пока родители выясняли вопрос о ботинках, Джонни оделся и ушел на прогулку.

Был ранний вечер — такое время, когда еще не очень темно и лишь кое-где зажигаются огоньки.

Стояла середина марта. Недавно звенели оттепели, а сегодня вернулась зима. Но была она не суровая. Падал щекочущий снежок. Он ложился на подстывшие лужи, на застеклевшие веточки. Джонни медленно шагал вдоль палисадников, ловил языком мохнатые снежинки и мечтал.

Одинокие прогулки Джонни полюбил недавно — с той поры, когда встретил прекрасную незнакомку.

Это случилось в конце февраля. Тоже был вечер, только не такой, а холодный и неуютный. С ветром и колючим снегом. Настроение у Джонни тоже было неуютное и колючее. На последнем уроке он поспорил с Инной Матвеевной, и она в его дневнике написала длинное обращение к родителям. Все это было ужасно несправедливо. Неприятностей Джонни не боялся: родители все равно забывали смотреть его дневник. Но обида грызла Джоннино сердце. Обида требовала выхода. И Джонни сумрачно обрадовался, когда впереди различил фигурку в курточке с меховым воротником и вязаной шапке с белым шариком на макушке.

В такой курточке и шапке ходил Витька Шпаньков по прозвищу Шпуня.

«Та-ак», — сказал про себя Джонни и переложил боевой портфель из левой руки в правую. Шпуня был один из младших адъютантов небезызвестного Тольки Самохина, с которым Джонни и его друзья не ладили с давних пор. Кроме того, Джонни имел со Шпуней личный счет. В октябре, когда третьеклассника Воробьева принимали в пионеры, Витька Шпаньков на совете дружины рассказал, будто Джонни с приятелями угнал лодку у бедного старого пенсионера Газетыча. На самом деле лодка была ничья — гнилая и дырявая. Газетыч хотел завладеть ею без всякой справедливости. А Джонни с ребятами хотели построить крейсер, чтобы все играли. Джонни так и объяснил. Спокойно и подробно. А потом рассказал, что компания Самохина, где был и Шпуня, еще раньше хотела увести лодку (для себя!), но Газетыч отбил это пиратское нападение, и

в том бою Шпуня пострадал: получил по шее прошлогодним стеблем подсолнуха.

Совет веселился, Джонни, конечно, приняли, а Шпуня затаил зло. Он был не очень смелый, хотя и старше Джонни. Но он был ехидный и делал всякие гадости. То подкараулит со своими дружками и насыплет колючек за шиворот или набьет в волосы репьев, то расскажет, будто Джонни боится маленьких ручных хомяков (а это почти неправда!). То завяжет тугими узлами штанины у новеньких Джонниных джинсов, пока тот мирно бултыхается в пруду... Конечно, Джонни не терпел обид. Он звал друзей и начинал принимать меры. Декабрьская операция «Зеленый слон» была проведена с использованием воздушных шаров, дымовых шашек для окуливания садов и старой аварийной сирены от буксирного катера. Она, эта операция, грозным эхом отозвалась в окрестных улицах и вызвала повышенный интерес у директора школы Бориса Ивановича. И когда Джоннин папа говорил про легенды, которые ходят о сыне, он был кое в чем прав...

Но подлый Шпуня все равно не перевоспитывался.

И вот теперь этот Джоннин враг беспечно шагал впереди. Один! Это была удача! Обычно Шпуня ходил с дружками.

Джонни перешел на мягкий кошачий шаг и прикинул расстояние. Если разогнаться, проскользить по накатанной ледяной дорожке тротуара, то в конце ее как раз можно настигнуть противника. И для начала врезать портфелем по хребту.

Конечно, нападать с тыла — не рыцарское дело. Но, во-первых, Шпуня старше и сильнее, а во-вторых, сам-то он когда-нибудь нападал по-честному?

Джонни стремительно разбежался и понесся по ледяной полоске! Она была длинная — метров десять. Когда он долетел до середины, враг оказался в широком луче света. И Джонни обмер на лету. Дело в том, что Шпуне полагалось быть гораздо выше. Кроме того, он никогда не носил ярко-красные брючки. И у него не было темных кудряшек, которые падают из-под шапки и запутываются в меховом воротнике!

Одно дело напасть на противника, другое — на невиноватого человека. Да еще на девочку! Джонни берег свой авторитет и очень не любил попадать в глупые положения. Он отчаянно извернулся, проскочил мимо незнакомки и треснулся плечом и подбородком о телеграфный столб. Так треснулся, что тут же и сел на утопанный снег.

Что должна была сделать нормальная девчонка? Сказать «дурак» и гордо пройти мимо. Или презрительно фыркнуть и тоже пройти. Без оглядки. Эта не прошла. Она ойкнула и подскочила к пострадавшему Джонни.

— Больно стукнулся?

— Вот ещё! — сказал Джонни. Снял варежку и потрогал здоровую ссадину на подбородке.

— Вставай, — сказала девочка. — Еще простудишься. Или ты не можешь встать?

— Вот еще... — сказал Джонни и вскочил.

— Какая царапина, — с уважением сказала девочка, глядя ему на подбородок. — Больно?

Джонни сердито мотнул головой. В голове загудело.

— Хочешь, зайдем, смажем йодом, — будто знакомому, предложила девочка.

— Вот еще, — пробормотал Джонни, с отчаянием чувствуя, что лишь два эти дурацких слова остались в голове, а остальные куда-то выскочили.

Девочка слегка улыбнулась.

— Ну, смотри, — сказала она.

А он что? Он смотрел! Потому что свет из окна как раз падал на нее. На ее глаза. Такие синие были глаза, просто с ума сойти! Джонни с ума не сошел, но немного все же поглупел. Поэтому стоял и молчал. И думал, что лицо у нее какое-то совсем необыкновенное. Вернее, даже не думал, а чувствовал. Вроде бы ничего особенного — кудряшки да вздернутый нос. Да царапина над верхней губой. Но глаза — как синие фонарики. Теплые такие и веселые огоньки в них...

— Ну, пока... — сказала девочка и пошла.

«Вот еще», — чуть не сказал Джонни, но прикусил язык и закашлялся.

Она уходила, а он стоял, как полено, и ругал себя за глупость. Ну, почему не согласился пойти с ней и смазать ссадину? Они бы познакомились! Он бы знал, где она живет! Может, еще пришел бы...

Девочка была уже далеко. Джонни вздохнул и пошел следом. Конечно, если бы ему сказали, что он влюбился, он бы дал этому нахалу! Но... что-то же случилось, раз он брел следом за незнакомкой, хотя подбородок болел, а в голове гудело.

Через два квартала девочка свернула в калитку у одноэтажного дома с большими окнами. Перед окнами стояли заснеженные кусты рябины, и ничего нельзя было раз-

личить. Только свет пробивался через ветки — уютный и теплый.

Несколько минут Джонни печально топтался на тротуаре. Потом он услышал музыку.

Джонни и раньше любил музыку. Только не всякую. Ему нравились марши для духового оркестра, а на разные там скрипки и рояли он как-то не обращал внимания. Но эта музыка была особенная. Словно на тонкое стекло осторожно посыпались граненые стеклянные шарики. Они катились, и от них рассыпались искры и радужные зайчики. Потом шарики стали падать реже, музыка сделалась задумчивая, тихая совсем. И Джонни вспомнил, как прошлым летом он поздно вечером встречал на вокзале маму, один-единешенек. Папа был в командировке, Вера на концерте, а мама вернулась из Москвы, и должен же был кто-то ее встретить. И она тогда так обрадовалась, тихонько засмеялась, и они неторопливо пошли домой, а ночь была светлая и очень теплая... И вот теперь Джонни будто снова шел с мамой, только рядом была и эта девочка...

Музыка кончилась. Джонни постоял еще. Потом у него замерзли в варежках кончики пальцев, и он побрел домой. У него было тихое настроение. Даже если бы Шпуня встретился, Джонни прошел бы мимо.

...Потом Джонни снова приходил к этому дому. Девочку он не видел, зато музыка была каждый вечер. Все та же. Джонни вставал за большой тополь и слушал. Он уже выучил наизусть знакомую мелодию, но она ему ни капельки не надоела. Джонни слушал и представлял, как девочка сидит у пианино, а пальцы ее ласково трогают белые клавиши. И думал, что когда-нибудь выйдет же она из калитки. И тогда... Что тогда, Джонни не очень знал. Но на всякий случай он каждый день расцарапывал ссадину на подбородке, чтобы подольше не заживала.

Но музыка кончалась, а девочка не выходила. Ссадина в конце концов зажила. Казалось бы, пора забыть случайную встречу. Но мелодия продолжала звучать в душе у Джонни, и он все так же ходил к знакомому дому.

Даже книга «Три мушкетера», которую дал Серега Волошин, не отвлекла Джонни от мыслей о незнакомке. Даже заботы о мушкетерском костюме для праздника и те не отвлекли.

И сегодня Джонни снова пошел туда, где мягко светились окна и звучали стеклянные клавиши. Он стоял за тополем, и ему казалось, что по звонкой мостовой стеклянными копытами постукивают белые кони. Это едет в каре-

те принцесса с темными кудряшками и синими глазами. Едет-едет... и вдруг из темных переулков выскакивают кардинальские шпионы во главе с Толькой Самохиным и Шпуней. Они хватают лошадей под уздцы, сбрасывают на землю кучера и слуг. Рвут дверцу кареты... Все ясно. Пора! Джонни поддерживает отвороты на ботфортах и выходит на середину мостовой. Правой рукой вынимает шпагу, левой достает из-за пояса длинный пистолет.

«Эй, монсеньоры Самоха и Шпуня! Вы умеете воевать только с женщинами?»

А дальше... Дальше все понятно. Жаль только, что это не по правде. Жаль, что она не видит его в мушкетерском костюме...

Шляпу Джонни склеил сам. Из картона. А мама обтянула ее серым блестящим шелком от подкладки старого пальто. Джонни собирал, где только мог, разных перьев, навязал их на изогнутую проволоку, и получился пышный хвост для шляпы, который называется «плюмаж».

К старым маминым сапожкам на каблуках Джонни пришил зубчатые отвороты из клеенки. Все остальное помогли ему сделать друзья: Серега Волошин, Вика и братья Дорины. Братья-близнецы Стасик и Борька теперь учились уже в седьмом классе, а Вика и Сергей в восьмом, но никто из них не смотрел на третьеклассника Джонни как на маленького. Это был их боевой товарищ, испытанный во многих славных делах. Он не раз выручал их. А они выручали его.

Стасик и Борька сделали для Джонни жестяные звонкие шпоры-звездочки и вырезали из дюралевой полоски тонкий мушкетерский клинок. Дюралюминий — это, конечно, не сталь, но шпага блестела и звякала вполне по-боевому. А ручка у нее была из твердой березы, с узорами и латунным щитком, чтобы закрывать руку.

Сергей отдал для этой шпаги широченный желтый ремень с узорной пряжкой (раньше Волошин подпоясывал им свои модные штаны).

Потом пришла на помощь Вика. Она знала толк в костюмах. Она занималась в кружке, где учат рисовать, и хотела стать художницей, но не такой, которые пишут картины и делают рисунки для книжек, а специальной: чтобы придумывать всякие новые одежды.

— А может быть, я буду заниматься рисунками для тканей, — мечтательно сказала Вика. — Представляешь,

Джонни, идешь ты в ярко-желтой рубашке, а на ней — черные старинные аэропланы. Здорово, да?

Джонни согласился, что это очень здорово, но попросил Вика не отвлекаться и поскорее заняться его плащом. Вика послушалась. Она соорудила чудесную плащ-накидку — из голубого сатина с золотистой каймой и разноцветными мушкетерскими крестами, которые были нашиты на спине, на груди и на рукавах-крыльях.

Счастливый Джонни сказал Вике, что она обязательно будет лауреатом самой главной художественной премии, унес обновку домой и перед большим зеркалом надел полное обмундирование.

Все было прекрасно! Замечательно... Почти все. Только вот красные штаны от спортивного костюма выглядели слишком современно. Джонни кончиком шпаги почесал затылок, поразмыслил и вспомнил, что у мамы на старом халате есть блестящие большие пуговицы. Переливчатые, как алмазы! Если их пришить по бокам к штанинам, будет самый старинный вид!

Мама для порядка сказала, что Джонни со своим костюмом разорит весь ее гардероб, но пуговицы отдала.

Джонни устроился в кресле и взялся за дело. Он сидел, работал и никого не трогал. И вообще это был хороший вечер. Мама у настольной лампы читала фантастический роман в журнале «Вокруг света», папа смотрел передачу о фресках (это картины такие на стенах) в каком-то старинном монастыре, Джонни по одной пуговице отпарывал от халата и пришивал к штанам.

И тут принесло сестрицу Веру Сергеевну.

Она увидела, чем занимается Джонни, и громко удивилась. Она заявила, что ради своих глупых выдумок он портит хорошую вещь. Халат еще совсем новый! Кроме того, таких прекрасных пуговиц теперь не отыщешь в магазинах.

— Да ладно уж... — сказала мама, чтобы ей не мешали читать, а папа сел ближе к телевизору.

А Джонни промолчал. Он как раз вдевал нитку в иглоку.

— Знаете, что меня всегда поражало в этом человеке? — произнесла сестрица Вера. — Его умение презрительно молчать! Он еще в детском саду изводил этим всех воспитателей!

Это была неправда: не всех, а только Веру Сергеевну, которая была воспитательницей его группы.

— Ты сама изводилась, — сдержанно заметил Джонни. — Сама привяжешься, а потом психуешь.

— Евгений... — сказала мама из-за журнала, а папа сел вплотную к экрану.

— Ну вот, — откликнулся Джонни. — Если молчишь — плохо. Если скажешь — опять плохо.

— Смотря что скажешь, — язвительно проговорила Вера Сергеевна. — Если такие слова, как своей учительнице, то любой человек не выдержит.

— А что случилось? — встревожилась мама. И отложила журнал.

Джонни задумчиво спросил:

— Папа, правда, что в старые времена доносчикам отрубали языки на площади?

Папа, который был знатоком старинных обычаев, рассеянно заметил, что, кажется, правда, вынул из тумбочки наушники и подключил к телевизору.

— Что он опять натворил? — поинтересовалась мама у Веры и неприятно посмотрела на Джонни.

— Я не доносица, — гордо сообщила Вера. — Но сегодня я встретила Инну Матвеевну, и та чуть не плачет. Ваш любящий сын заявил ей, что ему не нравится ее прическа!

— Это правда? — нехорошим голосом произнесла мама.

Это опять была неправда. Инна Матвеевна снова сказала Джонни, что ее выводят из себя его космы. А Джонни ответил, что ему тоже, может быть, не по вкусу чьи-то крашенные волосы, но он к этому человеку не пристаёт.

Джонни сейчас так и объяснил маме. А она почему-то охнула и взялась за сердце.

— Чьи же волосы ты имел в виду? — почти ласково спросила Вера.

— Наташки Ткачевой. В детском саду она была бело-брысая, а сейчас какая-то рыжая.

— Но смотрел ты не на Ткачеву, а на Инну Матвеевну!

— На кого же мне смотреть, если я говорю с учительницей? — невинно откликнулся Джонни.

— Ты изверг, — жалобно сказала мама. — За что ты так не любишь Инну Матвеевну?

— Я? Это она меня не любит!

Вера опять вмешалась и заявила, что Инна Матвеевна прекрасный педагог и очень любит детей.

— Детей — может быть... — заметил Джонни.

— Она всю жизнь мечтала быть учительницей! Я ее хорошо знаю. Мы учились на одном курсе.

— Тогда все ясно, — сказал Джонни.

— Что? — обиделась Вера Сергеевна. — Что тебе ясно?

— Да так... — уклонился Джонни. — Просто я не знал, что вы вместе учились. Она выглядит гораздо моложе тебя.

Мама перестала держаться за сердце, дотянулась и хлопнула Джонни по заросшему загривку.

Это было ни капельки не больно. Однако Джонни встал, отложил шитье, а потом, прямой и гордый, удалился в коридор. Нельзя сказать, что его душили слезы, но обида все же царапалась. «Опять несправедливость и насилие», — подумал Джонни. Одедся, вышел на улицу и зашагал знакомой дорогой. Он знал, что тихая музыка и мечты о прекрасной незнакомке успокоят его.

Кроме того, у Джонни появилось предчувствие, что сегодня что-то случится.

В этот вечер музыка звучала очень долго. И не только знакомая. Была и разная другая — тоже очень хорошая. Потом стало тихо, и Джонни одиноко стоял у тополя и смотрел, как под фонарем кружатся бабочки-снежинки. Он много времени стоял. И ждал. А потом подумал, что ждать нечего, потому что у него ооченели руки и ноги.

И тогда звякнула калитка.

Сердце у Джонни тоже звякнуло, а внутри стало так, словно он проглотил несколько холодных стеклянных шариков.

Но зря Джонни вздрагивал. Из калитки вышла не девочка, а большой толстый мальчишка. Наверно, семиклассник.

Сначала Джонни очень огорчился. Если говорить честно, у него даже в глазах зашипало. Но он быстренько с этим справился и подумал, что надо наконец что-то делать. Иначе сколько еще вечеров придется торчать под тополем?

Джонни мысленно подтянул воображаемые мушкетерские ботфорты и вышел на свет фонаря.

— Эй ты! — решительно сказал он мальчишке. — Ну-ка иди сюда!

Толстый незнакомец изумленно оглянулся, заметил Джонни, как слон замечает букашку в траве, пожал круглыми плечами и подошел.

Джонни все же обробел, но не подал вида.

— Слушай, — сказал он. — Вот что... Тут одна девчонка есть... В шапке с белым шариком. В этом доме живет... Ее как звать?

Круглое лицо мальчишки было внимательным.

— А тебе зачем?

— Надо, значит, — хмуро откликнулся Джонни. — Дело есть.

Мальчишка вдруг улыбнулся и сделался очень добродушным. Но Джонни было не до этой добродушности. Он нетерпеливо ждал.

— Ее зовут Катя, — сказал толстый мальчик. — Только она здесь не живет.

— Как это? — оторопел Джонни. — Она же заходила! Я видел.

Она к нам приходила. Это моя двоюродная сестра.

— Врешь ты! А кто играет?

— Я играю. Родители заставляют. Мученье одно...

Снежная сказка с хрустальными огоньками рассыпалась и погасла. Джонни сделалось холодно и очень одиноко. Он представил толстого музыканта за роялем и глянул на него с ненавистью. А тот смотрел на Джонни с пониманием и сочувствием. И сказал:

— Все ясно. Еще один влюбленный...

В голове у Джонни взорвалась горячая граната.

— Ух ты, бегемот! — заорал он и замахнулся. А что еще оставалось делать?

Конечно, это было похоже, будто кузнечик нападает на крепостную башню. «Башня» перехватила могучей ладонью Джоннин кулак и удивилась:

— Ты чего? Да ладно тебе... В нее многие влюбляются, даже шестиклассники.

Джонни сник.

— Пусти, — шепотом попросил он.

Но мальчишка не отпустил.

— Ну-ка, пойдем, — сказал он со вздохом.

— Куда?

— Погреешься. Торчишь тут без рукавиц...

Джонни молча уперся. Но мальчишка ухватил его за плечи. В этом толстом парне было, видимо, столько же добродушия, сколько ширины и роста.

— Пошли, не бойся. У меня дома никого нет...

И Джонни пошел. Не потому, что подчинился нажиму. Просто у него оставалась еще смутная надежда...

Мальчишка сказал, что его зовут Тимофеем. Он привел Джонни в дом, вытряхнул из пальто и ботинок, усадил

у большой печки. Печка была старинная, выложенная белыми блестящими плитками с разными цветами и узорами. Джонни таких и не видел раньше. Потом Тимофей принес фаянсовую кружку с какао. Кружка была словно родственница печки — такая же белая, блестящая, громадная и очень теплая.

Джонни глотал горячее какао и поглядывал по сторонам. В комнате было черное пианино, фотоувеличитель посреди стола и полки с книгами до самого потолка. Джонни тут же отметил это, хотя главные его мысли были о девочке.

Тимофей эти мысли словно услышал. Сел напротив Джонни, подпер толстые щеки кулаками (словно добрая бабушка) и сказал:

— Ты не расстраивайся. В нее, конечно, многие влюбляются, да только она внимания не обращает.

Джонни стремительно покраснел и спрятал лицо за кружкой. Оттуда, из-за кружки, он спросил (голос получился хриплый и гулкий):

— А где она живет?

— На Песчаной, в больших домах.

Новые дома на Песчаной улице — это целый микрорайон. Двенадцатизэтажные корпуса, словно айсберги, нависли над деревянным городком, над его разноцветными крышами, скворечниками и тополями. Джонни в новых домах бывал множество раз. Во-первых, там жила половина ребят из его класса; во-вторых, он любил кататься на лифтах; в-третьих, там был детский стадион. В общем, Джонни прекрасно знал эти кварталы. И понимал, что найти там нужного человека не легче, чем получить книгу «Граф Монте-Кристо» в городской детской библиотеке.

Но спросить точный адрес Джонни не решился.

— А я тебя давно заметил, — сказал Тимофей. — Только сразу не догадался, зачем ты там дежуришь под окнами.

— Я музыку слушал, — хмуро объяснил Джонни.

Тимофей смутился:

— Правда? А учительница говорит, что мне медведь на ухо наступил.

Джонни подумал, что если бы медведь решился на такой неосторожный поступок, то неизвестно, кому было бы хуже.

— Да нет, ты ничего играешь, — утешил он Тимофея. Потом опять спрятался за кружкой, снова покраснел и спросил: — А эта Катя... Тоже умеет играть?

— Умеет, — ворчливо сказал Тимофей. — Даже на концерте выступала... Подожди.

Он дотянулся до стола, приподнял увеличитель и вытащил из-под него несколько фотографий. Снимки были большие и, как сказал бы Джонни папа, «вполне профессиональные».

— Сам снимал, — со скромной гордостью объяснил Тимофей.

— Здорово! — сказал Джонни. Но не потому, что фотографии были сделаны хорошо, а потому, что незнакомая девчонка, которую звали Катя, была на них очень красивая. Еще красивее, чем тогда на улице. Она сидела за роялем, в светлом платье, с большими бантами на кудряшках и отражалась в поднятой крышке, как белый букет. Она играла что-то быстрое и веселое. Это видно было, потому что она улыбалась и одна рука у нее расплылась в воздухе от стремительного взмаха...

На другом снимке Катя стояла на сцене с каким-то мальчишкой и они, кажется, пели. Мальчишка был маленький, в пестром костюмчике, с бантиком у воротника — дошкольник или первоклассник. Он не вызвал тревоги у Джонни.

На третьем снимке Катя сидела на диване с незнакомой тетенькой — это было не очень интересно.

А четвертое фото было удивительное. Катя стояла в пышном платье с оборками, а вместо темных кудрей у нее были светлые локоны.

— Красивая... фотография, — со вздохом сказал Джонни. — А чего она... волосы такие?

— Это голубые волосы. Парик, — объяснил Тимофей. — Мальвину изображает из «Золотого ключика».

— В театре? — удивился Джонни.

— Да нет, это костюм для карнавала. В Доме пионеров скоро будет...

Сами понимаете, что почувствовал Джонни! Он чуть не засиял от такого известия. Потому что был уверен: на празднике все обратят внимание на блестящего мушкетера. И Катя, конечно, обратит. А если Джонни получит какой-нибудь приз — тем более!

Чтобы не засиять открыто, Джонни еще внимательнее принялся разглядывать фотографию. И Тимофей вдруг сказал:

— Ладно уж, бери... Да не бойся, никому не скажу.

Глупо было отказываться. Все равно Тимофей видел Джонни насквозь. К тому же он был хороший парень.

Джонни честно посмотрел на нового друга и мужественно сказал:

— Спасибо.

Потом он стал заталкивать снимок за пазуху, но Тимофей остановил его и дал конверт от фотобумаги.

Когда Джонни одевался, Тимофей предложил:

— Заходи. Может, и она придет. Познакомлю.

— Зайду как-нибудь, — пообещал Джонни. — А знакомить не надо. Я сам.

Прежняя музыка звучала в его душе, и, прощаясь, он искренне сказал Тимофею:

— А на пианино ты здорово играешь.

Когда Джонни вернулся домой, мама пришивала к его мушкетерским штанам последнюю пуговицу. Кажется, она чувствовала себя немного виноватой. И все же она сказала:

— Зря ты обидел Веру.

— Я?

— Конечно. Ты намекнул ей на возраст. Иными словами, ты назвал ее старухой.

У Джонни было радостное и мирное настроение. Он хотел, чтобы всем было хорошо. Он просунул голову в комнату двоюродной сестры и сказал:

— Вера, извини меня, пожалуйста. Я не хотел называть тебя старухой.

И улыбнулся.

Джонни умел улыбаться. Когда он это делал, глаза его становились как маленькие золотистые полумесяцы, на щеках появлялись ямочки, а еще не выпавшие молочные зубы сияли, словно на картинке с коробочки от зубного порошка. Сразу было видно, что это милый, воспитанный, послушный и добрый ребенок. И если озорной, то самую-самую капельку. Взрослые говорили: «Обаятельнейшая улыбка». Но чаще всего это были взрослые, которые не очень хорошо знали Джонни. А Вера Сергеевна знала его хорошо. И цену его улыбке знала еще с детского сада. За этой улыбкой могло скрываться что угодно. Джонни мог улыбаться от души, но мог и обдумывать в это время планы черной мести. Именно с такой улыбкой он в декабре отдал приказ поставить вокруг самохинского штаба зеленую дымовую завесу и двинул на штурм отряд первоклассников-добровольцев, вооруженных особыми метательными снарядами. Начинка этих снарядов была глубочайшей во-

енной тайной, которую Джонни не открыл даже директору школы. Он только дал обещание больше не применять этого оружия в уличных боях, чтобы не подвергать опасности мирное население.

Забрасывать снаряд в комнату своей бывшей воспитательницы Джонни не собирался, и улыбка его была сейчас почти искренней. Но Вера сказала:

— Брысь отсюда!

И закрыла дверь.

— Вот так, — сказал Джонни маме. — А ты говоришь.

Потом он забрался в свое кресло и взял книгу. Но читать не стал. Он стал думать о близком празднике. Он и раньше об этом думал, но как-то приблизительно, а сейчас начал подробно... И тут в мечтах его случилась заминка.

Наденет он свой героический костюм и, допустим, понравится девочке Кате. А дальше? Не побежит ведь она за ним следом, не станет звать: «Давай познакомимся!» А сам он что может сделать? Ей не скажешь, как Тимофею: «Эй ты, иди сюда!»

Настроение у Джонни испортилось. Не так сильно, как раньше, но заметно. Ничего дельного он придумать не смог. Потом Джонни захотел спать и решил, что придумает утром.

Утро было хорошее. Снова началась весна, и посреди двора отливала синевой прекрасная, как океан, лужа. В ней отражались желтые животы пушистых облаков. В тополе за окном, как детсадовская группа на прогулке, галдели воробьи.

В такое утро мысли скачут веселее и быстрее, чем поздним вечером. Заскакали они и у Джонни. И после недолгого беспорядочного прыганья выстроились четко и разумно.

Джонни вспомнил, как проходил Праздник детской книги в прошлом году. Тогда героев одной сказки или повести вместе вызывали на середину зала, и они должны были сыграть какую-нибудь сценку. Наверно, и в этот раз будет так же. Катя — в костюме Мальвины из «Золотого ключика». Значит, выход один: Джонни должен быть в костюме Буратино.

Конечно, очень жаль расставаться с мушкетерским плащом и шпагой. Но что делать?

Чтобы набраться твердости, Джонни из тайного ящика вынул Катину фотографию и полминуты смотрел на нее.

После этого он принял бесповоротное решение. Тем более что книжкин карнавал — не последний. В наряде д'Артаньяна можно будущей зимой сходить на новогодний маскарад...

Когда человек что-то твердо решил, у него спокойно и радостно на душе. Джонни сказал Вере «доброе утро». Потом без напоминания вынес мусорное ведро. За завтраком он не шипел и не свистел сквозь дырку от выпавшего зуба. Он сделал в этот день почти все уроки и не забыл взять в школу сменную обувь. Все было хорошо.

И только у самой школы, когда Джонни увидел ребят, он встревожился и приуныл.

Как он не сообразил? Все его друзья знают про мушкетерский костюм! Что они подумают, когда он явится в Дом пионеров в наряде Буратино? Люди же понимают, что нормальный человек так просто не поменяет шпагу на длинный нос, а блестящий плащ и ботфорты на легкомысленный костюмчик деревянной куклы. Они будут искать причину. И когда рядом с ним окажется девочка с голубыми волосами, друзья эту причину увидят. Ну, друзья — это ничего. Но догадаются и недруги!

Джонни представил ухмыляющуюся рожу Шпуни, и все кругом помрачнело...

Если у человека такое состояние, его лучше не трогать. Но Инна Матвеевна про Джоннино состояние не знала. Она знала только, что прическа ученика Воробьева — это нарушение школьных правил. И раз он не хочет стричься, значит, ведет себя вызывающе. Он не подчиняется и подрывает авторитет учительницы. Поэтому прямо с порога она громко сказала:

— Воробьев! Ты опять явился нестриженным чучелом! Джонни молча снес оскорбление. Он думал о своем.

— Я, по-моему, с тобой разговариваю, Воробьев!

— Со мной, — согласился Джонни.

— Почему ты не отвечаешь?

— А вы не спрашиваете. Вы просто сказали «чучело».

— Я спрашиваю, — сдержанно произнесла Инна Матвеевна. — Думаешь ты стричься?

— Думаю.

— Когда?

— После каникул.

— Меня не устраивает твое «после каникул»!

— Но это мои волосы. Меня устраивает, — вежливо сказал Джонни.

Класс с веселым интересом слушал разговор. Класс со-

чувствовал Джонни. Инна Матвеевна это понимала. Авторитет падал, словно ртуть в градуснике, который из жаркой комнаты вынесли на мороз.

— Воробьев! — металлическим голосом произнесла Инна Матвеевна. — Если ты немедленно не отправишься стричься, я сама оттащу тебя в парикмахерскую за вихры и потребую постричь под машинку!

Инна Матвеевна любила повторять, что у нее большое терпение, но однажды оно может лопнуть. Видимо, сейчас оно лопнуло. Или, по крайней мере, затрещало по швам. Но никто никогда не интересовался, есть ли терпение у третьеклассника Воробьева. А Джонни почувствовал, что у него внутри тоже что-то лопнуло. И он приготовился сказать многое. Однако в тот же миг у него сверкнула блистательная мысль — как от крепкого удара по лбу!

Джонни улыбнулся.

— Зачем же? — сказал он. — Зачем вам так трудиться?

И он вышел из притихшего класса.

...Вернулся Джонни в конце урока. Класс дружно и горько ахнул. Голова у Воробьева стала похожа на яблоко с ушами. На ней блестела коротенькая золотистая щетинка.

— Можно мне сесть на место? — кротко спросил Джонни.

Класс опять ахнул, и все посмотрели на Инну Матвеевну — тридцать три ученика, шестьдесят шесть глаз. И в каждом глазу был упрек.

Инна Матвеевна опустила на стул.

— Женя... Зачем ты это сделал?

Джонни взмахнул ресницами и поднял удивленные глаза.

— Вы же сами сказали...

— Но я же только просила: постригись покороче и поаккуратнее.

— Вы сказали: под машинку, — беспощадно уточнил Джонни.

— Но я же пошутила!

— Вы всегда так шутите? — печально спросил Джонни. В классе нарастал шум.

— Джонни, а как теперь твой мушкетер? — громко спросили с задней парты.

Джонни горько пожал плечами.

— У него костюм мушкетерский! — раздались голоса. — Для праздника! Как он будет? Безволосых мушкетеров не бывает!

У Инны Матвеевны глаза стали круглые и блестящие.

— Женья! Почему же ты не объяснил?

— Я пробовал один раз. Вы сказали: «Садись, ничего не хочу слушать».

— Он хотел объяснить! — подтвердил класс.

Инна Матвеевна поставила на стол локти, подперла щеки ладонями и стала скорбно смотреть куда-то в пустоту. Класс притих.

— Женья, — сказала Инна Матвеевна. — Я виновата. Я не знала... Хочешь, я принесу тебе свой парик? У него прекрасные локоны. Вполне мушкетерские...

Джонни шевельнул плечом и улыбнулся как человек, которому вместо потерянного счастья предлагают петушка на палочке.

— И все-таки я принесу, — жалобно сказала Инна Матвеевна.

В это время грянул звонок.

На перемене ахнула вся школа. Джонни был известным человеком, и его прическу, похожую на желтый факел, помнили многие. Тем более что Джоннина фотография до операции «Зеленый слон» висела на пионерской Доске почета: он был передовиком в сборе макулатуры, потому что осенью на трех ручных тележках доставил в школу архив местной артели инвалидов.

Редактор школьной стенгазеты девятиклассник Игорь Палочкин притащил фотоаппарат и сделал с Джонни срочный снимок. Потом он разыскал у вожатой старую Джоннину фотографию, и через урок вышла «молния». На ней были два фотоснимка: Джонни с волосами и без. Вверху авторы «молнии» сделали надпись: «К вопросу о школьных прическах». Внизу чернели крупные печальные слова: «Кому это было надо?»

Директор Борис Иванович прочитал, хмыкнул и молча ушел в кабинет. «Молния» провисела до вечера. Перед ней стояла толпа и глухо роптала. Мальчишки из двух шестых классов, которых тоже притесняли за длинные волосы, объявили, что завтра же в знак протеста остригутся наголо. К ним присоединился один четвертый класс и один седьмой. В учительской началась тихая паника.

К Джонни подходили сочувствующие. Многие знали про мушкетерский костюм и спрашивали, что теперь будет. Джонни хмуро отвечал:

— Какой уж тут костюм...

Вторым уроком была физкультура, третьим пение, и класс занимался не с Инной Матвеевной, а с физруком и учительницей музыки. Инна Матвеевна пришла только на четвертый урок — чтение. До самого звонка она не смотрела на Джонни, а с остальными разговаривала осторожно и ласково, как с больными.

После занятий, у раздевалки, она подошла к Джонни.

— Знаешь, — сказала она, — я ходила домой... и такое несчастье. Оказывается, мой парик безвозвратно погиб.

Джонни холодно промолчал: судьба парика его не волновала.

— Я понимаю, — печально произнесла Инна Матвеевна. — Ты имеешь право на меня обижаться. Но... не будешь же ты это делать все время, а, Женя? Когда перестанешь сердиться, подойди ко мне и скажи. Хорошо?

— Хорошо, — сказал Джонни. Таким голосом сказал, что Инне Матвеевне стало ясно: это случится не раньше, чем Воробьев выйдет на пенсию.

Джонни зашел в столярную мастерскую, где семиклассники лихорадочно достраивали скворечники. Он набрал полный портфель стружек — длинных и золотистых. Ведь именно такие стружки были у Буратино вместо волос.

Дома Джонни молча вынес мамины горькие вздохи и упреки. Не ответил на ехидные замечания сестрицы Веры Сергеевны. Он был согласен с отцом, что волосы — не голова, отрастут.

Утром, когда все ушли на работу, Джонни разыскал старую лыжную шапочку — белую с красными полосками. Он отогнул у нее отвороты, и получился длинный вязаный колпак. Изнутри к его краям Джонни прилепил резиновым клеем кудри из стружек. Потом свернул из плотной бумаги длинный острый нос и приклеил его к собственному носу жевательной резинкой. Глянул в зеркало.

Глянул — и увидел симпатичного веселого Буратино. Почти такого же, как в двухсерийной картине, которую недавно показывали по телевизору. Нос торчал по-боевому (правда, немного мешал смотреть, но к этому можно привыкнуть). Стружечный хохолок над лбом завивался задорно. В общем, начало было прекрасное. Нужно было теперь подумать об одежде. Ну да это — не мушкетерский костюм. Кто смотрел кино про Буратино, знает, что его наряд был почти такой же, как у обычных мальчишек.

Джонни разыскал голубую с белыми полосками рубашку и оранжевые шорты. Он их раньше почти не носил, потому что не любил за крикливый цвет, но теперь яркие краски были в самый раз.

А на ноги, чтобы смешнее было, Джонни надел большие отцовские носки — зеленые с желтыми клетками.

И здесь Джонни опять задумался. Что делать с обувью? Кеды или сандалии для деревянного Буратино не годились. Как там было в кино, Джонни совершенно не помнил, но из книжки знал, что у тонких, как лучинки, Буратинных ног были большие остроконечные ступни. Они громко стучали по каменному тротуару, когда Буратино сбежал из каморки папы Карло.

Джонни подумал, что нужны деревянные башмаки... и вспомнил! У Вики есть такие!

Викины родители два года подряд ездили туристами за границу и привозили всякие сувениры. Из Голландии они привезли большущие деревянные туфли с загнутыми носами. Раньше местные жители ходили в таких туфлях у себя по Голландии, а сейчас продают их на память туристам.

Один башмак — Джонни это помнил точно — стоит на тумбочке у зеркала, и Вика хранит в нем разные шпильки, пуговицы и катушки с нитками. Наверно, и второй найдется!

Джонни — Буратино прыгнул в мамины резиновые сапоги и помчался к Вике: через двор, через лужу, в которой лежали цепочкой половинки кирпичей. По этим же кирпичам в луже, вниз головой, проскакал другой Буратино. Джонни подмигнул ему и показал язык.

Вика открыла дверь, молча втащила Джонни в коридор и лишь тогда сиплым голосом отругала за то, что он бегаёт по холоду раздетый.

— Схватишь ангину, будешь, как я, дома торчать.

Горло у нее было перевязано.

Джонни сказал, что он не дурак хватать ангину в последний день перед каникулами. И только после этого Вика поинтересовалась, что означает его странный наряд.

— Не видишь, что ли? Буратино.

— Вижу, что не Баба Яга. А зачем?

— Для карнавала. Зачем еще... Ты мне дашь ваши деревянные башмаки?

— А мушкетер?

Джонни снял колпак.

— С такой прической?

Вика не удивилась. Про Джоннину стрижку она уже знала.

— А зачем ты себя обкорнал? Такой был симпатичный ребенок...

— Сама ребенок! А что было делать? Все придираются — и в школе, и дома! Надоело!

Вика была проникательным человеком. К тому же она хорошо знала Джонни. Она сказала:

— Расскажите это вашей бабушке после двенадцати часов ночи.

— Да правда же...

— Не морочь голову. Зачем тебе костюм Буратино? Не скажешь — не дам башмаки. Зря я, что ли, мушкетерский плащ шила?

Вика была упряма. Джонни это знал. Он слегка покраснел и дерзко сказал, что могут же быть у человека личные причины.

Вика внимательно посмотрела на него, подумала и согласилась, что могут. Больше она не расспрашивала, вытряхнула швейную мелочь из деревянного башмака, и они с Джонни начали искать второй. Нашелся он почему-то в духовке газовой плиты.

Снаружи башмаки были большущие, а внутри — не очень просторные. Вика натолкала в них старых газет, и обувь стала совсем впору Джонни. Он с удовольствием потопал по половицам и завертелся перед зеркалом.

— Теперь все в порядке. Ага?

Вика смотрела на него прищуренным взглядом художницы.

— Не совсем «ага». Рубашка слишком обыкновенная. Неинтересно смотреть.

— Что же делать? — огорчился Джонни. — Они у меня все обыкновенные.

— Ладно уж... — сказала Вика. И принесла большой пестрый фартук. Викина мама купила его где-то в Италии Викиному папе: чтобы папа чаще занимался домашним хозяйством. Но он все равно не занимался, и фартук лежал без дела. А выглядел он великолепно! На материи были отпечатаны разноцветные рекламные наклейки, игральные карты и даже бутылочные этикетки знаменитых итальянских вин. На многих наклейках был нарисован длинноносый человечек в колпачке. Вика объяснила, что это не Буратино, а Пиноккио из итальянской книжки.

— Но у них похожие истории, — сказала она. — Не читал?

— Не читал... А в этой итальянской книжке есть девчонка с голубыми волосами? — спросил Джонни и чуть опять не покраснел.

— Есть. Но она не всегда девчонка. Она все время превращается... В общем, она фея.

«Фея — даже лучше», — подумал Джонни, и сердце у него сладко заныло. И чтобы Вика не догадалась, он опять начал разглядывать фартук.

— Ты из этой штуки рубашку сошьешь? — восхищенно спросил он.

— Все равно делать мне нечего, дома сижу, — хрипло сказала Вика.

— Карнавал завтра, — деликатно напомнил Джонни.

— Ладно, вечером заходи.

Джонни считал неприличным показывать нетерпение. Поэтому вечером он сначала поужинал, потом поспорил с Верой и только после этого отправился к Вике.

У Вики было тихо и уютно. Родители уехали в Польшу, тетюшка Нина Валерьевна сообщила, что у нее предынсультное состояние, и укрылась у себя в комнате. Видимо, гадала там на картах.

Готовая рубашка висела на спинке стула. Джонни так обрадовался, что даже не обратил внимания на Викино задумчиво-печальное настроение. Он быстренько обрядился в Буратиный костюм и гордо встал перед Викой, постукивая деревянной подошвой о половицу.

— Ну как?

Вика ответила с непонятной улыбкой и вздохом:

— Счастливый ты человек, Джонни...

— А ты разве несчастная? — удивился он.

— Я не про себя, — уклончиво сказала Вика. Потом велела Джонни встать на стул и начала искать недостатки в его костюме.

Оранжевые штаны показались Вике чересчур новыми, и она пришила к ним клетчатую заплату. Потом ей не понравился некрашеный бумажный нос.

— Будто в сметану обмакнутый. Он должен быть как деревянный.

Она полезла в шкаф за красками, еще раз глянула на Джонни и сообщила, что ноги у него ничуть не лучше носа.

— Белые, как макароны. Весь загар за зиму облез. Давай я их тоже под орех разделаю.

— Как это? — опасливо спросил Джонни.

— Разрисую под дерево.

— А отмоется потом?

— Акварель-то? В момент.

— Валяй, — согласился Джонни. — Буду совсем превращаться в деревяшку.

Кисточки были мокрые и холодные, Джонни хихикал и пританцовывал на стуле.

Вика опять по-взрослому вздохнула:

— Эх, Джонни, Джонни. Беззаботное ты существо. Все бы тебе прыгать...

Джонни пригляделся с высоты и понял наконец: с Викой что-то неладное.

— С Сережкой поругалась? — спросил он.

Вика дернула плечом, поставила ему на ногу большую коричневую кляксу и грустно сказала:

— Больно мне надо ругаться с этим дураком.

— Ясно, — сказал Джонни. — Из-за чего опять?

— Ты разве не видел газету?

Джонни удивленно похлопал ресницами.

Вика взяла со стола газетный лист и сунула Джонни.

— Полюбуйся.

Это была городская газета за прошлое воскресенье. В нижнем углу страницы синим карандашом кто-то обвел стихотворение. Над ним было напечатано: «Творчество юных читателей». А пониже: «Другу детства». И подпись внизу: «С. Волошин. 8 класс, ср. школа № 2».

— Ух ты! — восторженно сказал Джонни. — Это он сам написал?

— Кто еще может такую чушь сочинить? — язвительно откликнулась Вика. — Ты читай, читай.

Джонни встал на стуле, как памятник, и начал:

Мы с тобой играли в детстве...

— Да не вслух, — поморщилась Вика.

Джонни тихонько зашевелил губами. И прочитал вот что:

Мы с тобой играли в детстве
На дворе заросшем.
Я тогда старался очень
Быть с тобой хорошим.
Ты тогда еще боялась
Лягушат зеленых...
А теперь промчалось детство
Средь зеленых кленов.
Ты с поры недавней стала
Чутьточку другою,

Почему-то я робею,
Встретившись с тобою.

Джонни не очень любил стихи. Но сейчас, когда прочитал, он почему-то вспомнил девочку Катю и задумчиво сказал:

— Он настоящий поэт.

— Он настоящий болван! — вскипела Вика. — Все они там такие в своем литературном кружке! Рифмоплеты!

Джонни знал про Серегу Волошина многое, но про стихи и про литературный кружок не знал. Поэтому он помолчал, переваривая новость. Потом спросил:

— А почему болван?

— Потому что все вранье! Робеет он! Позавчера пришел без меня, залез в шкаф и все варенье из банки стрескал! Тетушка заявила, что у нее отнялась левая нога после этого.

— Знаешь, Вика, это разные вещи... — мудро заметил Джонни.

— Ничего не разные! А еще пишет: «Старался быть хорошим!» Он меня в детстве за косы таскал!

— У тебя их никогда и не было, кос-то...

— Были, ты не помнишь. В первом классе.

— У-у... — насмешливо сказал Джонни. — Ты просто злишься за варенье.

— Я за лягушат злюсь! Весь город должен знать, что я их когда-то боялась, да?

— Это же давно было, — успокоил Джонни. — Подумаешь! Я в детстве хомячков боялся. Ну и что?

Вика опять грустно улыбнулась.

— Эх ты... «В детстве». У тебя, Джонни, еще все детство впереди. Не то что у меня.

Такие разговоры Вика вела впервые в жизни. Джонни обиделся. Он ехидно сказал:

— Ты, конечно, уже старуха... Ты давай дорисовывай вторую ногу, а то как я буду? На одной деревяшке, да? Как медведь на липовой ноге?

Вика опять взялась за работу, но сделалась такой печальной, что Джонни ее пожалел.

— Значит, Серега принес газету, а ты его прогнала? — проницательно спросил он.

Вика вздохнула так, что у ног Джонни закрутился воздушный вихрь.

— Ладно, помирю, — снисходительно сказал Джонни. Ему было не привыкать. — Сегодня же помирю. Давай рисуй живее.

Вика ничего не сказала, но заметно повеселела и недавнюю коричневую кляксу превратила в глазок от сучка. Со всем как настоящий.

Это был длинный вечер. Сначала Джонни привел Сергея и они с Викой две минуты дулись, а потом рассмеялись. После этого все пошли к Стасику и Борьке. Братья Дорины приостановили монтаж транзисторного охотничьего кота «Меркурий-2» и электролобзиком выпилили для Джонни большой фанерный ключ. Фанеру они покрыли быстросохнущей бронзовой краской.

Потом Вика заставила Сергея читать стихи про то, как он в шестом классе отвечал со шпаргалкой урок по геометрии и пытался найти у треугольника радиус.

Все долго хохотали. Во время этого хохота за Джонни пришла мама, потому что было уже почти одиннадцать часов. Мама очень удивилась, увидев ненаглядного сына в костюме Буратино. Впрочем, костюм ей понравился. Она только забеспокоилась, не перемажет ли крашеный Джонни постель. Но Вика сказала, что сухая акварель мажется не сильно, а Джонни добавил, что будет спать в пижаме.

Мама не считала, что перепачканная пижама лучше перепачканных простыней, но спорить не стала.

Джонни долго не спал. Он лежал и улыбался в темноте. Вспоминал Серегины стихи:

Мы с тобой играли в детстве
На дворе заросшем...

Джонни тоже будет играть с Катей на заросших дворах и улицах, когда придет лето. Он возьмет Катю в плавание на крейсере, построенном из лодки. Потом они пойдут в лес и, может быть, заблудятся, как Том Сойер с Бекки Тэчер заблудились в пещере. Жаль, что поблизости нет пещер... Но зато под крепостным холмом есть, говорят, подземный ход. Его можно отыскать и разведать. Если повезет, Джонни отыщет старинную кольчугу и подарит Кате.

Джонни беспокойно шевельнулся: честно говоря, ему стало немного жаль отдавать кольчугу. Но, в конце концов, можно найти не одну, а две...

Все будет хорошо. Завтра он обязательно познакомится с Катей. Сперва — просто окажется рядом. Потом они разговорятся. Затем, может быть, Джонни позовет ее к себе, покажет мушкетерское вооружение и коллекцию автомобильчиков...

Оттого что это будет уже завтра, у Джонни тревожно и обрадованно затюкало сердце. Чтобы его успокоить, Джонни повернулся на правый бок и закрыл глаза.

Он задремал, и ему показалось, что они с Катей плывут по реке. Только не в лодке, а в больших деревянных башмаках — он в одном, а Катя в другом. Течение крутит башмаки, и они иногда стукаются друг о друга. Джонни весело, а Катя немного боится, потому что башмаки неуправляемые — без весел и без руля.

«Ничего! — кричит Джонни. — Нас сейчас вынесет на мель!»

И правда, их «корабли» заскребли днищами о песок и остановились. Джонни хотел взять Катю на руки и вынести на берег. Но там из кустов вылез отвратительный Шпуня. Он стал плясать и кривляться, будто колдун из дикарского племени, и что-то кричать. Джонни не разобрал слов, но понятно было, что Шпуня кричит обидные вещи.

«Дай ему, — сказала Катя. — Что ты сидишь?»

«Сейчас», — заторопился Джонни и приготовился прыгнуть в воду.

«Прыгай, прыгай! — заорал Шпуня. — Не бойся, не потонешь, ты же деревяшка!»

Джонни не боялся потонуть. Было совсем мелко, он даже видел сквозь прозрачные струйки, как искрятся песчинки на дне. Но он вдруг сообразил: вода смое с ног краску, и тогда Фея с Голубыми Волосами увидит, что Джонни вовсе не Буратино, а притворяльщик.

«Что же ты не идешь?! — кричала Катя и сердито встряхивала голубыми локонами. — Где твоя шпага?!»

«Дома», — растерянно сказал Джонни.

Шпуня безобразно захохотал. Тогда Джонни прыгнул. Но в этот миг Катина «лодка» снялась с мели и стала быстро уплывать. А Катя непонятно смотрела на него синими своими глазами и ничего не говорила. Что делать? Если плыть за Катей, она подумает, что он испугался Шпуня. Если идти лупить Шпуню, течение унесет Катю.

Джонни заметался, и тут песок начал быстро засасывать его. Вот вода уже по плечи, вот дошла до рта... Джонни стал захлебываться и проснулся.

— Тыфу ты... — сказал он и стал смотреть за окно, где среди тополиных веток застряла неполная луна, похожая на бледное оторванное ухо.

Эта луна напомнила Джонни его собственные уши, которые после стрижки сделались какими-то слишком большими и торчащими.

«Ладно, под деревянными кудрями не видно», — постарался успокоить себя Джонни. И снова закрыл глаза. Но спать не давал беспокойный червячок. Точил и точил. В чем же дело? Ведь все придумано здорово, костюм замечательный...

Джонни поворочался. Выбрался из постели. Выскользнул в коридор и включил свет. Здесь он осторожно натянул на себя Буратиный наряд и, стараясь не стучать башмаками, встал перед зеркалом.

Все было в порядке. Все было замечательно! Самый настоящий Буратино смотрел на Джонни из зеркала... Но... В том-то и дело: это был просто Буратино. Обаятельный, веселый, смешной. И ничуть не героический.

Конечно, он находчивый, смелый, но все-таки он деревянная кукла. И немножко клоун. Может быть, для кого-то такой характер в самый раз, но Джоннина рыцарская душа этого не принимала. Пока Джонни мастерил костюм, суетился, он не чувствовал сомнений, а теперь понял. Понял, что он изменник: отдал шпагу за пеструю рубашку.

Джонни сел на половик, уперся подбородком в раскрашенные коленки и горестно задумался. Он хотел обмануть судьбу: остригся будто бы из-за обиды, а на самом деле ради нового наряда. И судьба наказала его за хитрость.

Еще неизвестно, как завтра все сложится. Может быть, не только Джонни появится в костюме Буратино. Вдруг будут соперники? Если соперники появляются у мушкетера, спор можно решить поединком на шпагах. А если сойдется полдюжины Буратино? Что им, носами драться?

Кроме того, на карнавале обязательно будет Шпуня с приятелями. Разве он упустит случай обхихикать Джоннин колпак с деревянными завитками, клетчатую заплату на штанах и ноги, размалеванные не то под орех, не то под карельскую березу? Уж сам-то Шпуня не станет наряжаться куклой. Наверняка будет пиратом или индейцем.

Джонни встал и еще раз глянул на себя в зеркало. На подбородке отпечатался нарисованный сучок. Джонни решительно взялся за бумажный нос, оторвал и смял его. Потом он пошел в ванную и открыл краны.

Сидя на краю ванны и бултыхая ногами в теплой воде, Джонни расплел Верину капроновую мочалку и стал пришивать к мушкетерской шляпе искусственные кудри.

Шпуня нарядился не пиратом и не индейцем. У него был костюм ковбоя: загнутая с боков шляпа, короткая

куртка и очень узкие брюки с широченными раструбами, с кожаными заплатами на задуге и коленях. На шее у Шпуни красовался яркий платок, бедра опоясывал патронташ с настоящими револьверными гильзами, к патронташу была прицеплена кобура, из которой торчала изогнутая рукоятка с выжженными узорами. Красивый костюм и героический. Только цвет выбрал Шпуня не тот: куртка и штаны были сшиты из темно-розовой материи. Тощий Шпуня стал похож на свежeweымытого дождевого червяка. Так, по крайней мере, сразу решил Джонни.

В фойе Дома пионеров шумели и толкались Красные Шапочки, оловянные солдатики, Золушки, Чиполлино, доктор Айболит со звериной свитой, Белоснежки и гномы. Над этой толпой сумрачно возвышались два Дон-Кихота и заведующая детской библиотекой Эмма Глебовна, тоже похожая на Дон-Кихота, только в юбке.

А Кати не было.

К Джонни подскочили три верных друга-адъютанта: маленький Юрик Молчанов в голубой одежде гномика, Дима Васильков в костюме Незнайки и толстый Мишка Панин — без всякого маскарада, но зато с большим кульком ирисок. Юрик сквозь ватную бороду прошептал Джонни на ухо, что у Шпуни есть какой-то коварный план. Юрик видел, как он поглядывал на Джонни и шептался с приятелями.

— Вот он идет, — встревоженно сообщил Мишка Панин и перестал жевать ириску.

Джонни дерзко усмехнулся.

Шпуня подошел ковбойской походкой — слегка вихляя бедрами с кобурой. Сопровождали Шпуню три индейских вождя в штанах с бахромой и раскрашенными перьями на головах.

— Привет, — сказал Шпуня.

— Привет, — сказал Джонни.

— Значит, в мушкетеры записался... — задумчиво произнес Шпуня.

— Я хотел в ковбой, да розовых штанов нигде не нашел, — сообщил Джонни.

— Ну ничего, — утешил Шпуня. — Тебе эта шляпа очень идет. У моей бабушки такая же.

— А свои штаны ты тоже у нее попросил? — поинтересовался Джонни.

Шпуня задумался. Индейские вожди угрожающе засопели. А Дима-Незнайка вдруг протянул руку к Шпуниному кольту и вежливо спросил:

— Можно посмотреть?

— Пожалуйста, — по-джентльменски откликнулся Шпуня.

Револьвер был сделан здорово: даже барабан крутился. Джонни вздохнул про себя и сказал:

— Жаль, что не стреляет. Деревяшка.

— Твоя шпага тоже вроде не из булата, — заметил Шпуня.

— Ну все-таки... Если надо, то врезать ею можно как следует.

— Врезать и кольцом можно, — разъяснил Шпуня. — Рукояткой.

Он сунул оружие в чехол, мило улыбнулся, полез за пазуху и... вытащил серого пушистого хомячка.

— Смотри, Джонни, какой симпатичный. Хочешь поддержать?

У Джонни едва не стали дыбом капроновые кудри. А на позвоночнике выступили холодные крупные капли — по одной на каждом позвонке. Но он тоже улыбнулся и бестрепетно протянул ладонь.

Зверь шевелил усами и зловеще царапал ладошку коготками.

Джонни провел мизинцем по серой спинке.

— Он что, Шпуня, вместо лошади у тебя? Тоший какой-то. Не кормишь?

Шпуня расстроенно спрятал хомяка за пазуху. Джоннины друзья захихикали. А Джонни подумал о том, какое счастье, что он не в костюме Буратино: под мушкетерскими штанами не видно, как прыгают и дрожат колени.

Эмма Глебовна громко захлопала над головой ладонями и возвестила:

— Дети! Все идем в комнату сказок!

И в это время Джонни увидел Фею с Голубыми Волосами. Или Мальвину. В общем, Катю. И сразу подумал, что она похожа на маленькое белое облако с клочком голубого неба. Он заулыбался, отвернулся, опять посмотрел. А она прошла совсем рядом и тоже на него посмотрела. Уши у Джонни стали горячими, он согнулся и стал сердито поправлять отворот у сапога. Но тут же испугался, что потеряет Катю из виду, и пошел за ней, забыв про адъютантов.

Праздник был интересный. Сначала выступал настоящий писатель — он специально приехал из Москвы. Он всех поздравил, а потом читал рассказ про то, как отправился

в кругосветное путешествие, когда был маленький. Все смеялись, потому что рассказ был веселый. И Джонни смеялся. Но он не забывал посматривать на Катю. И она, кажется, тоже на него посматривала. Один раз они встретились взглядами. У Джонни опять загорелись уши, и он стал стучать об пол каблуком со шпорой — так сильно, что Эмма Глебовна укоризненно посмотрела на него.

Потом затемнили окна, чтобы показать мультфильм про Винни-Пуха. Джонни эту кинокартину очень любил, но сейчас огорчился: в темноте Катю не разглядишь.

После кино был перерыв, но такой короткий, что Джонни не успел решиться подойти поближе к Кате. После перерыва все сели широким полукругом в несколько рядов и Эмма Глебовна стала по одному вызывать на середину комнаты ребят в костюмах, чтобы все угадывали, из какой они книжки. И зрители хором вопили:

- Робин Гуд!
- Дюймовочка!
- Гаврош!
- Мальчиш-Кибальчиш!
- Робинзон!

Иногда шум поднимался такой, что Эмма Глебовна выбегала на середину и принималась колотить ладонями над головой. Чтобы все немного утихло, она делала всякие интересные объявления. Одно объявление было вот о чем: сегодня только предварительный смотр карнавальных костюмов, а завтра в зрительном зале будет парад книжных героев. Каждый герой должен придумать какую-нибудь сцену (один или с товарищами), или прочитать стихи, или спеть что-нибудь. И тогда жюри распределит призы.

Джонни задумался было, что же такое ему показать на сцене, но опять стали вызывать книжных героев, и он решил, что придумает потом.

Он ждал, когда вызовут Катю. Все, конечно, начнут голосить, что это Мальвина из «Золотого ключика». И когда чуть утихнут, Джонни крикнет: «А еще фея из «Пинокио»!» И тогда Катя еще больше обратит на него внимание. А после праздника Джонни подойдет и небрежно скажет: «Послушай, мы тут с одним поспорили: ты Фея или Мальвина?»

Главное — начать разговор...

Но Джонни не дождался, когда вызовут Катю. Эмма Глебовна воскликнула:

— Тихо, ребята! Сейчас мы пригласим на середину этого молодого храброго мушкетера!

Джонни встал и приосанился. Положил левую руку на эфес шпаги. Звякая шпорами, сделал два шага... Разве мог он подозревать, на какое вероломство способны его враги?! Когда он делал третий шаг, словно легким ветром сдуло с его головы шляпу!

Это было так неожиданно, что Джонни приоткрыл рот и взялся за стриженую макушку.

Секунду или две стояла тишина. И, оказавшись среди этой тишины, Джонни отчетливо понял, какой он сейчас нелепый: с круглой головой, торчащими ушами и глупым лицом.

Он бросился к шляпе, схватил. К ее полам была приклеена жевательной резинкой капроновая леска. Она тянулась за стулья, в задний ряд, где сидели Шпуня и вожды индейцев. Сидели они прямо, руки сложены на груди. Нарочно!

Шпуня нахально посмотрел на Джонни и громко сказал: — Лысый мушкетер!

Джонни отчаянно нахлобучил шляпу до самых ушей, но было, конечно, поздно. Грохнул такой смех, что в голове зазвенело. И сквозь этот смех были слышны индейские вопли:

— Лысый мушкетер! С него скальп содрали! Смеялись все, кроме Джонниных друзей.

И Катя смеялась!

Эмма Глебовна металась, как Дон-Кихот, потерявший коня, и призывала успокоиться и отгадать, из какой книжки пришел этот герой. Несколько слабых голосов крикнули, что из «Трех мушкетеров», но смех не утихал.

Все было кончено.

Джонни пошел к двери.

Комната была большая, и шел он долго. И, видимо, как-то по-особенному шел, потому что смеяться стали тише, а когда Джонни был у двери, замолчали совсем.

Джонни обернулся и посмотрел на ребят. Это был взгляд человека, у которого все в жизни потеряно. Таким взглядом Джонни обвел ряды. И только сейчас заметил, что около Кати устроился какой-то Буратино. Джонни узнал того мальчишку, что был с Катей на фотографии. И машинально подумал, что он вовсе не дошкольник и не первоклассник, а такого же возраста, как они с Катей, только ростом небольшой. Но теперь это не имело никакого значения.

Ребята уже не улыбались. Только Шпуня нагло ухмылялся, глядя на Джонни.

— Червяк! — отчетливо сказал ему Джонни. — Тощий розовый червяк!

— Чир-рвяк! Чир-рвяк! — подхватил Джоннин друг Дима Васильков. И опять раздался смех. Но это был жиденький смех.

Джонни шагнул в коридор...

Джонни плакал очень редко. Еще в детском саду он приучил себя улыбаться, когда скребет в горле и щиплет в глазах. Но сейчас было, конечно, не до улыбки. Правда, и в этот горький час не блеснула бы у Джонни даже маленькая слезинка, если бы не встретила Вика.

Но Вика встретила. Она шла из поликлиники и увидела Джонни. Она посмотрела ему в лицо и сразу сказала:

— Джонни, что случилось?

Она с такой тревогой и заботой это сказала, что Джонни не выдержал.

Не думайте, что он заревел во весь голос или хотя бы начал громко хлюпать носом. Но ресницы у него сделались мокрые и стали слипаться. Джонни отвернул лицо и дернул плечом.

Этого было достаточно, чтобы Вика перепугалась: такого расстроенного Джонни она еще не видела.

— Ну-ка, пошли ко мне.

Джонни еще раз сердито дернул плечом, но пошел. Не все ли равно, куда идти?

Вика стащила с него пальто, усадила на диван и велела:

— Ну-ка, рассказывай.

Джонни мазнул рукавом по глазам, поцарапал спинку дивана и хрипло сказал:

— Да ну... этот червяк Шпуня...

И такими вот короткими и сбивчивыми предложениями рассказал про свое несчастье. Потому что они с Викторией были друзья, а кому расскажешь о горе, если не другу?

— И все смеялись? — сердито спросила Вика.

Джонни мрачно шмыгнул носом.

— И она смеялась? — тихо спросила Вика, которая все понимала.

Джонни вздохнул так, что под его мушкетерской рубашкой разошлись и опять съехались вместе острые лопатки.

Вика долго молчала. Джонни тоже. Потом Вика сказала:
— Джонни, ты не должен сдаваться.
— А что делать?

И правда, что делать? Можно десять раз отлупить коварного Шпуню, но разве это поможет? Катя все равно каждый раз будет смеяться, когда вспомнит, как слетела шляпа и засверкала на всю комнату стриженная Джоннина голова.

Джонни скорчился на диване, словно у него заболел живот.

— Подожди страдать, — сказала Вика. — Надо что-то придумать.

Но сама придумать она ничего не смогла и пошла за Сергеем Волошиным.

Очевидно, по дороге Вика все успела объяснить Сергею. Он, как вошел, сразу сказал:

— Ну, чего нос повесил? Ты завтра можешь отыгаться.

— Как? — горько спросил Джонни.

— Слушай.

Они с Викой сели рядом с Джонни, с двух сторон.

Джонни слушал. Сначала просто из вежливости, потом с интересом и надеждой. Потом нерешительно ухмыльнулся.

— Понял? — спросил Сергей.

— Понял.

— Согласен?

— Не знаю...

— Почему «не знаю»? — рассердился Волошин. — Ты мушкетер или таракан со шпорами?

— Я не знаю, где такие стихи взять, — объяснил Джонни.

Сергей почему-то смутился.

— Ну, стихи... Это, конечно, самое сложное... Ты вечером ко мне зайди, может быть, что-то проклюнется.

Когда появляется светлая надежда, жизнь становится симпатичнее. Джонни настолько воспрянул духом, что с аппетитом пообедал. Потом он с удовольствием посмотрел телепрограмму «Для вас, родители». Затем поговорил с Верой Сергеевной насчет расплетенной мочалки. Разговор настроил его на решительный лад. Полтора часа подряд Джонни твердо шагал из угла в угол и думал о завтрашнем дне.

Когда за окнами совсем стемнело, Джонни пришел к Волошину.

Сергей неловко протянул выданный из тетради листок.

— Вот погляди. Годится или нет...

Джонни стал читать. Он прочитал один раз, повертел листок, словно удивляясь. Прочитал снова.

— Ну? — нервно спросил Сергей.

— Это ты сам сочинил?

— Не сам, — пробормотал Сергей. — То есть мы вместе... У меня не получалось, я пошел к нашему руководителю кружка... Годится?

— Еще бы... — с тихим восторгом сказал Джонни.

— А успеешь выучить?

— Да я уже запомнил.

— Только не забудь про выразительность.

— Будь спокоен, — сказал Джонни, мысленно подтягивая ботфорты.

Когда решительный Джонни в раздевалке Дома пионеров надевал мушкетерские доспехи, к нему подошли Дима, Юрик и Мишка. У них был смущенный вид. Им казалось, что вчера они не сумели защитить командира. Но Джонни им не сказал ни слова упрека. Адъютанты повеселели. Толстый Мишка сообщил, что подлый Шпуня приделал к своему кольту боевой механизм и уже два раза стрелял охотничьими капсюлями. А Юрик и Дима с возмущением рассказали про издевательские Шпунины разговоры. Тощий розовый ковбой рассуждал с индейцами, что можно было бы содрать с мушкетера скальп, но, к сожалению, стриженные скальпы совершенно не ценятся.

— Там видно будет, кто с кого сдерет, — сказал Джонни. Он это решительно сказал, но внутри у него появился боязливый холодок: вдруг ничего не выйдет?

И тут показалась Катя. Джонни издали увидел голубые локоны. Этого было достаточно. Позванивая шпорами, он пошел к Эмме Глебовне и заявил, что хочет обязательно выступить.

Эмма Глебовна, конечно, обрадовалась. Она сказала, что Женя Воробьев молодец, храбрый мальчик (Джонни поморщился) и что она тут же внесет его в список.

— Только, пожалуйста, после всех, — попросил Джонни.

...Выступления были ничего, интересные. Руслан дрался с громадной головой из пенопласта, у которой открывался рот. Серый волк едва не слопал Красную Шапочку,

но два охотника вовремя контузили его из ружья. Самодельная двустволка грохнула так, что над передними рядами долго висело облако дыма (куда там Шпуниному кольту!). Потом капитан Врунгель со своими матросами плясал «Яблочко», старик Хоттабыч глотал теннисные мячики, а Том Сойер с девочкой Бекки долго бродили по сцене и делали вид, что не могут найти выход из пещеры. Этому никто не поверил, все начали громко хихикать, и Эмме Глебовне вместе с двумя молоденькими вожатыми пришлось громко кричать: «Дети, внимание! Ти-ши-на!»

Зато сразу стало тихо, когда на сцену выскочили всадники в красных гимнастерках и буденовках и впереди всех Мальчиш-Кибальчиш (Петька Сухов из Джонниного класса). Всадники сперва спели песню про восемнадцатый год, а потом изобразили конную атаку. Им здорово хлопали, и никто даже не обратил внимания, что кони не настоящие, а палки с лошадиными головами. Потому что атака была настоящая.

Джонни все это было интересно. И все-таки он часто поворачивался и смотрел на Катю, которая сидела сзади. Его широкополая шляпа с перьями цеплялась за соседей, но они терпели, и никто не посоветовал Джонни снять свой пышный головной убор. Помнили вчерашний случай.

Но, оглянувшись двадцатый (или тридцатый) раз, Джонни встретился взглядом с Катей. Он даже не успел понять, какой у Кати взгляд: добрый или сердитый, серьезный или насмешливый. Он отвернулся так торопливо, что шляпные перья засвистели в воздухе. И больше не решился посмотреть назад.

Зато он скоро увидел Катю на сцене. Она воспитывала маленького Буратино: учила его хорошим манерам, письму и математике. Вы, конечно, помните, что из этого ничего не вышло. Кате пришлось отправить ученика в темный чулан, то есть за кулисы.

Потом она, легкая, как белый парашютик, прыгнула со сцены и мимо Джонни пошла на свое место. А Джонни услышал:

— Теперь выступит храбрый герой из книжки «Три мушкетера» Женя Воробьев!

Поднялся шум: смеялись и хлопали вперемешку, Джонни стиснул зубы и пошел на сцену.

Он поднялся и встал у края.

Маленький зал показался ему громадным, как Лужники. А людей в нем будто сто тысяч! И все смотрели на Джонни. И почти все улыбались. Шпуня тоже улыбался —

очень ехидно — и что-то говорил соседу в индийском уборе.

И Катя... нет, она не улыбалась. И на Джонни она не смотрела. Она сидела, опустив лицо. Почему? Может быть, решила, что сейчас все опять будут смеяться над ним, и пожалела? А может быть, просто не хотела на него смотреть?

Если так, то и не надо...

Джонни снял шляпу, широким взмахом бросил ее на роуль в углу сцены.

Раздался смех, но тут же стих. Потому что даже самые непонятливые сообразили: не для того Джонни сбросил шляпу, чтобы дать посмеяться над собой.

Джонни расстегнул на плече мушкетерскую накидку, сбросил, скомкал и швырнул вслед за шляпой. Он остался в старенькой клетчатой рубашке, в которой пробегал все прошлое лето.

Сделалось совсем тихо. Стало слышно даже, как в соседнем переулке стучит мотор маленького экскаватора.

Джонни шагнул еще ближе к краю и сунул кулаки в карманы — так решительно, что от штанины отскочила и укатилась под ряды блестящая пуговица. На нее не обратили внимания.

Джонни отчетливо и звонко сказал:

Не нужны ни локоны до плеч,
Ни большая шляпа и ни шпоры —
Лишь бы мушкетер умел беречь
Боевое звание мушкетера...

Он вздохнул, успокоился и стал читать дальше:

Мушкетер известен не плащом
И не шпагой, острой, как иголка.
Мушкетеры могут быть хоть в чем:
В запыленных кедах и футболках...

Джонни замолчал на две секунды. Зал тоже молчал. И ждал. И у всех были серьезные лица. Только Шпуня еще слегка ухмылялся.

Джонни посмотрел на Шпуню, тоже усмехнулся (чуть-чуть) и продекламировал:

Честь и смелость сами не придут,
Хоть надень оружие любое.
Ведь и кольт на кожаном заду
Сам собой не делает ковбоя...

Он опять замолчал, чтобы перевести дыхание, и с удовольствием услышал несколько отчетливых смешков. И увидел, как головы поворачиваются к Шпуне.

Кружева и локоны — пустяк.
Главное — в бою назад ни шага, —

сказал Джонни. И закончил, уже не глядя на Шпуню (чего на него теперь смотреть):

А червяк — он все равно червяк,
Если даже он прямой, как шпага.

И опять стало тихо. И в этой тишине Джоннины адъютанты успели два раза негромко, но внятно сказать:

— Чир-рвяк. Чир-рвяк...

Потом все захлопали. Сильнее, сильнее! И шумели, и смеялись, но теперь уже, конечно, не над Джонни. А он хладнокровно забрал с рояля свое имущество и пошел на место. Он держался свободно и смело. Он храбро посмотрел на Катю. Она тоже смеялась и хлопала. И не отвела глаз, когда увидела, что Джонни на нее смотрит. Он почувствовал, что уши делаются теплыми, и поскорее сел на свой стул.

...Потом лучших участников приглашали на сцену, и Эмма Глебовна вручала призы. Джонни получил большой альбом для марок. Это был, кажется, не самый главный приз, но все равно Джонни чувствовал себя победителем.

Но победа победой, а с Катей он так и не познакомился. Ни на сцене, ни в зале они не были рядом. А праздник кончился, и время уходило.

В раздевалке была толкотня и неразбериха. Гномы, пираты и Красные Шапочки превращались в обыкновенных людей — натягивали пальто и шапки. Джонни тоже оделся. Затолкал в сумку сапоги и накидку. Он отпустил адъютантов, а сам с сумкой, шляпой и альбомом толкался у дверей. Оставался у него последний шанс: увидеть Катю, выйти, будто случайно, с ней вместе на улицу и о чем-нибудь спросить. Ну, например: «Ты не знаешь, завтра библиотека открыта или там выходной?» А дальше видно будет. Лишь бы тот маленький Буратино не вздумал крутиться около нее.

Джонни смотрел во все глаза. Но пока смотрел, не заметил, что Катя оказалась рядом. Совсем-совсем рядом. Непонятно откуда. Она осторожно дернула Джонни за рукав.

Джонни обернулся и в первый миг даже не понял, что это Катя: она была без голубых волос, в шапочке и синей мальчишечьей курточке.

Катя протянула открытую ладошку с блестящей пуговицей от Джонниных мушкетерских штанов. Посмотрела ему в глаза, мигнула, отвернулась и тихонько сказала:

— Смотри... Это твоя?

— Ага, — пробормотал Джонни. Глотнул воздух и глупо спросил: — А где ты ее взяла?

— На полу валялась. Жалко, если потеряется...

— Да чепуха, — сказал Джонни, внимательно разглядывая пуговицу и не догадываясь взять. — Теперь уж костюм не нужен.

— Ну все равно жалко... Такая красивая.

Джонни наконец сообразил, что надо взять пуговицу и сказать «спасибо».

— Пожалуйста, — шепотом ответила Катя.

— А где ты ее взяла? — опять спросил Джонни и проклял себя за скудоумие.

У Кати порозовели кончики ушей, и она опять объяснила, что нашла пуговицу на полу в зале.

«Что еще сказать? — думал Джонни, глядя на свои ботинки. — Ну что? Что? Что?» В голове у него была темная просторная пустота, и в ней, как коротенькие телеграфные ленточки с обрывками слов и предложений, носились клочки растрепанных мыслей. Джонни хотел посмотреть Кате в глаза, но решился взглянуть только на подбородок.

Катя чуть заметно вздохнула.

Джонни понял, что сейчас она уйдет. И почувствовал, что если он сию минуту не скажет что-нибудь умное, то будет ненавидеть себя до старческого возраста.

А что сказать?!!

И в этот отчаянный миг появился Шпуня.

Дорогой, милый спаситель Шпуня! Джонни разом простил ему все пакости! Потому что Шпуня вместе со своими индейцами прошел совсем рядом и довольно громко сказал приятелям насчет жениха и невесты.

Джонни поднял голову. Все встало на свои места. Катя смотрела растерянно, а Джонни смело глянул ей в лицо и улыбнулся.

— Подержи, пожалуйста, — попросил он и протянул Кате альбом, сумку и шляпу.

Потом догнал Шпуню и вежливо предложил ему пройти в угол за вешалки.

Через полминуты в углу возникло стремительное движение, от которого пальто на вешалках закачались и замахали рукавами. Потом оттуда торопливо вышел Шпуня, он прижимал к носу ладонь. Чуть погодя вышел Джонни.

Он продолжал улыбаться и незаметно потирал правую щеку.

Катя ждала.

— Мы немножко поговорили со Шпуней, — объяснил Джонни.

Катя деликатно не заметила, что скула у него слегка потемнела.

— Какой замечательный альбом, — сказала она, отдавая Джонни имущество.

— Он, наверно, замечательный, — откликнулся Джонни. — Только зачем он мне?

— Разве ты не собираешь марки? — удивилась Катя.

Джонни считал собирание марок занятием легкомысленным и бесполезным. Он хотел примерно так и ответить, но спохватился.

— А ты собираешь?

— Конечно! Я всякие собираю: про зверей, про цветы, про знаменитых людей. Наши и заграничные. У меня больше тысячи.

— Тогда бери! — радостно сказал Джонни.

— Ну что ты! Это же твоя награда...

— Зачем мне такая бесполезная награда? А тебе пригодится.

Катя посмотрела на Джонни, на альбом, потом опять на Джонни. Вздохнула и покачала головой.

— Нет, я так не могу.

— Но почему? — отчаянно спросил Джонни.

— Ну... Не знаю... Давай меняться на что-нибудь!

— Давай! — обрадовался Джонни. — Хоть на что!

— Ты что-нибудь собираешь?

— Автомобильчики. Знаешь, такие модельки. У них мотор и багажник открываются.

— А какие автомобильчики? Современные или старинные?

— Всякие, — соврал Джонни. Старинных у него не было.

— У меня есть один, — обрадовалась Катя. — Смешной такой, на коляску похож. На них еще до революции ездили. Меняем?

— Давай... А как?

— Очень просто. Пойдем сейчас ко мне, и посмотришь. Если хочешь...

«Конечно, хочу!» — едва не завопил Джонни. Но помолчал секунду и сдержанно сказал:

— Пойдем.

Был такой прекрасный весенний день, что даже серые заборы казались разноцветными. Солнце припекало. У Дома пионеров на широком асфальте девчонки и два первоклассника расчертили классы и прыгали, скинув пальто и куртки. Катя и Джонни обошли их, чтобы не мешать, и зашагали к новым домам. Джонни нес шляпу в опущенной руке, и пышные перья чиркали по сверкающим лужичкам. Но он не обращал внимания. Он сбоку поглядывал на Катю.

Катя посмотрела вверх, на маленькие пушистые облака, и вдруг сказала:

— Ты, наверно, не поверишь, но я, честное слово, вчера видела на солнцепеке настоящую живую бабочку.

— Что ты, я верю! — торопливо сказал Джонни.

— Жаль только, если она замерзнет ночью.

— Может, не замерзнет, — откликнулся Джонни. — Может, залетит куда-нибудь в тепло и переночует. И дождется, когда не будет холода.

Им одинаково хотелось, чтобы ранняя смелая бабочка дождалась настоящей весны. Они это чувствовали. И было приятно вдвоем тревожиться об одном и том же.

— Ты в какой школе учишься? — спросил Джонни.

— В пятой.

— А почему не в нашей, не во второй? Она ближе.

— Мама не хочет.

«Странная мама», — подумал Джонни. Но тут же забыл об этом, потому что Катя спросила:

— Хороший был праздник, верно?

— Хороший, — согласился Джонни. — Жаль, что быстро кончился.

— Ты здорово стихи читал, — сказала Катя.

— Это один мой друг из восьмого класса написал, — слегка прихвастнул Джонни. — Он как настоящий поэт стихи сочиняет. Особенно про любовь...

Потом они целый квартал шли молча, но это было не трудное молчание. Просто шли, поглядывали друг на друга и улыбались.

Наконец оказались у двенадцатизэтажного дома.

— Лифт не работает, — вздохнула Катя. — Придется топтать на восьмой этаж.

— Дотопаем, — бодро сказал Джонни.

Они зашагали по лестнице, и перья Джонниной шляпы оставляли на ступеньках влажные полосы.

— Смотри, они мокрые, — сказала Катя, — Вдруг испортятся?

— Ну и пусть. Все равно карнавал кончился.

— Но он же не последний.

— А у меня другой костюм есть, — признался Джонни. — Буратино... Вот если я его в следующий раз надену, окажется, что мы с тобой из одной книжки. Ага?

Катя улыбнулась и кивнула.

— Да нет... — вдруг огорчился Джонни. — У тебя же есть знакомый Буратино. Который сегодня...

— А, это Вовка, — весело сказала Катя. — Мой двоюродный брат.

«Сколько у нее двоюродных братьев?» — подумал Джонни, вспомнив Тимофея.

— Мы его можем пуделем Артемоном нарядить, — предложила Катя. — У него собачья маска есть, и он здорово умеет тявкать.

Такой вариант вполне устраивал Джонни.

— А знаешь, — вдруг сказала Катя, — у меня Мальвинин костюм случайно получился. Я хотела быть Золушкой, но недавно, когда стирала, уронила в синьку мамин парик... Сперва она не знала, а через несколько дней увидела. Представляешь, какой был скандал?

— Представляю, — посочувствовал Джонни. — У моей двоюродной сестры есть парик, и она над ним трясется, как над любимой кошкой.

— Мама не тряслась, это был старый парик. Но она, оказывается, в тот день пообещала его какому-то мальчику в своем классе. Тоже для костюма...

Джонни не дрогнул. А если у него внутри и вздрогнуло что-то, он не подал вида. Они стояли уже на площадке восьмого этажа, перед дверью, и Джонни не сделал ни полшагочка назад. Он только тихо спросил:

— Катя, как зовут твою маму?

Но Катя не успела ответить. После короткого звонка сразу открылась дверь, и Катина мама изумленно глянула на гостя.

— Это Женя Воробьев, — сообщила Катя. — Мы познакомились на празднике. Мамочка, мы хотим есть...

И тогда Джонни улыбнулся. Может быть, у него была слегка растерянная улыбка, но никто из посторонних не мог бы это заметить. Может быть, чуть виноватая была улыбка, но про это знал только сам Джонни.

Он улыбнулся и сообщил:

— Здравствуйте. Я пришел сказать, что уже не сержусь.

Шлем витязя

Директор школы номер два Борис Иванович был молод и непоседлив. Приехав из отпуска, он поспешил в свою школу, где летом располагался городской пионерский лагерь. Директору не терпелось повидаться со своими питомцами. Но школа встретила его гулкой пустотой. Оказалось, что ребят увели в парк слушать какую-то лекцию. Борис Иванович отправился туда же.

Июльский полдень плавился от солнца, но площадка перед летней эстрадой была укутана в тень: над скамейками склонялись большие березы. В этой березовой тени атели галстуки и сатиновые испанки.словно кто-то рассыпал землянику.

Бориса Ивановича встретили веселыми кликами и наперебой сообщили, что из Москвы приехал ученый, который будет рассказывать про историю городка, про всякую старину и как лучше искать клады. А приветствовать ученого от имени ребят готовится известный Джонни Воробьев из третьего (то есть уже из четвертого) «А».

Услыхав последнюю новость, Борис Иванович задум-

чиво поднял правую бровь, почесал ее и быстрыми шагами пошел в комнату за эстрадой...

В комнате было прохладно и малоллюдно. В углу сидел и перебирал бумажки довольно молодой человек в клетчатом костюме. У человека была тонкая шея и круглая голова в коричневом берете, натянутом почти до ушей. Это и был ученый лектор.

Кроме того, здесь находились Джонни и педагог Вера Сергеевна — Джоннина двоюродная сестра.

Несколько лет назад Вера Сергеевна была воспитательницей детского сада, но недавно поняла, что ее призвание — в работе со школьниками младшего и среднего возраста. И устроилась в Дом пионеров. Сегодня она отвечала за проведение лекции. Именно она предложила, чтобы лектора приветствовал Джонни. Отношения Веры Сергеевны с двоюродным братцем редко бывали мирными, но сейчас у нее не оставалось выхода: другие ребята отказались выступать, стеснялись. Кроме того, они могли сбиться от волнения, а Джонни — Вера Сергеевна это знала — не смутился бы перед целой Академией наук. Что-то, а держаться перед людьми Джонни умел. Если хотел, конечно.

Джонни согласился выступить как-то слишком охотно, и это слегка встревожило Веру Сергеевну. Однако среди других волнений и хлопот перед началом лекции беспокойство забылось. Тем более что сегодня Джонни был восхитителен. Его парадная пионерская форма выглядела так, будто ее шили специально для этого случая у портных Людовика Четырнадцатого (из романа «Виконт де Бражелон»). Джонни носил ее с изяществом королевского пажа. Прическа его тоже была великолепна. В марте Джонни остригся под машинку, и после этой операции его подрастающие волосы стали почему-то курчавиться. К середине лета Джоннину голову украшала шапка золотистых кудряшек. Сейчас Вера Сергеевна расчесала эти кудряшки, а затем легким движением придала им некоторую небрежность. Джонни молча выдержал эту процедуру. И вообще он вел себя по-джентльменски. Обаятельной улыбкой встретил вошедшего директора, потом стал терпеливо слушать Верины последние наставления.

— Все запомнил? — суетливо спрашивала она. — Главное, не становись к зрителям спиной, это невежливо... А в конце не забудь сказать: «Мы все надеемся, что после вашей лекции будем еще больше любить наш замечательный город...»

— Хорошо, Вера, — ласково сказал Джонни. — Ты, по-

жалуйста, не волнуйся, я не подведу... Мне уже можно идти?

И он ушел, чтобы сесть среди ребят, а потом, когда выйдет лектор, подняться на эстраду.

Эстрада была заставлена плоскими фанерными елками: они остались от вчерашнего детского спектакля про Лису и Петуха. Из-за этого «леса» и появился лектор. Послышались нерешительные хлопки. Большинство ребят не знало, надо ли аплодировать сейчас или подождать до конца выступления.

На сцену легкой походкой взошел Джонни. Аплодисменты усилились. Джонни одарил улыбкой сначала слушателей, потом лектора. Дождался тишины и с чувством сказал:

— Уважаемый товарищ кандидат наук... Дорогой Валентин Эдуардович...

Вера Сергеевна за елками нервно мигнула: обращение по имени и отчеству не было запланировано. Однако дальше все пошло как надо. Джонни вдохновенно проговорил:

— От имени юных жителей нашего города позвольте приветствовать вас и признаться, что мы с нетерпением ждем вашей лекции...

Вера Сергеевна облегченно кивала.

Валентин Эдуардович слушал, вытянув шею и согнувшись над звонкоголосым Джонни, будто внимательный журавль над чирикающим птенцом. При последних словах он поправил очки и взволнованно стащил с головы берет. Голова оказалась абсолютно голой. Это вызвало в рядах слушателей незапланированное оживление. Джонни легким движением руки восстановил тишину. Валентин Эдуардович быстро потер лысину, и от этой протирки она заблестела еще сильнее. Солнечный луч, пробившись через березовую завесу, зажег на макушке кандидата наук яркий зайчик. Другой луч рассыпал искры по Джонниным кудрям. Джонни опять улыбнулся и продолжал:

— Мы, Валентин Эдуардович, очень любим наш город. Он у нас древний. Здесь все любят старину. Особенно с этой весны, когда начали ломать старый квартал на Песчаной улице и в одном доме нашли жестянку с золотыми монетами. Говорят, ее до революции какой-то купец прятал...

— Женя... — беззвучно простонала за фанерным «лесом» Вера Сергеевна. — Не то!.. Ты же совсем не то...

Но Джонни, оживляясь все более, говорил:

— С тех пор все роют, и старые и малые. Клады ищут. Везде роют: и в подпольях, и в огородах...

За очками Валентина Эдуардовича блеснуло удивление, но Джонни уже не смотрел на лектора. Теперь он обращался к слушателям:

— Ну, в огородах копают — это их дело. А спортивную площадку, где мы в футбол играли, помните? Появились какие-то с палками и линейками и тоже давай мерить и канавки рыть! Мы спрашиваем: это зачем? А они говорят: экспедиция приедет, будем всякие древности раскапывать...

Валентин Эдуардович растерянно оглянулся и опять натянул берет. Ряды слушателей напряженно внимали Джонниной речи. А он так увлекся, что даже стал прохаживаться по сцене.

— Экспедиция — это, конечно, здорово. Может, мечи старинные найдут или кольчуги. Мы обрадовались, назавтра тоже лопаты взяли, чтобы помогать, приходим на площадку, а там железные гаражи стоят! Ничего себе экспедиция, а?!

Ряды зашумели. В этом шуме было одобрение Джонниным словам и негодование по адресу коварных владельцев гаражей. Тем более что история с гаражами многим была известна и раньше.

Джонни, подняв руку, вновь дождался тишины. И взволнованно проговорил:

— Мы эту площадку, помните, сколько расчищали? А теперь что? Опять посреди улицы мяч гонять... И еще вот что я вспомнил... — Он снова поднял руку, призывая к спокойствию, сделал шаг назад, оказался рядом с большой фанерной елью и... пропал.

Зрители успели заметить, как мелькнули в воздухе Джоннины коричневые ноги в белых носочках и начищенных для торжественного случая полуботинках. Все притихло от изумления.

...Борис Иванович аккуратно поставил Джонни на пол в комнате за сценой.

— Приехали...

Возмущенно дыша, но не теряя достоинства, Джонни сказал:

— Это насилие.

— Да, — печально согласился Борис Иванович. — Я понимаю, что действовал не совсем законно. Только у меня не было выхода. Ты срывал мероприятие.

— Я? Срывал?

— Да. Человек приехал из Москвы, а ты едва не провалил ему выступление. Воспользовался оказанным тебе доверием и устроил этот цирк... Зачем, Воробьев? Тебе мало прежней скандальной известности? Решил еще раз привлечь к себе общее внимание?

— Не к себе, а к тем, кто ставит гаражи...

— Против гаражей надо было протестовать не так.

— А как?

— Шли бы с ребятами в горсовет. Или письмо бы написали в газету. Вон твой друг Волошин чуть не каждую неделю в газете стихи печатает, помог бы...

— Одно дело стихи, другое — письмо, — возразил Джонни. — Волокиту разводить...

— А ты решил, что так легче и скорее! И вон что натворил... — Борис Иванович кивнул на дверь, за которой слышался нестройный шум и взволнованный голос Веры Сергеевны.

Директор с упреком сказал:

— Думаешь, легко теперь будет читать лекцию? Твои друзья расходились, как на стадионе.

— А может, им интереснее слушать меня, а не лекцию, — сердито брякнул Джонни.

— А вот это, милый мой, демагогия.

— Что-что? — насторожился Джонни. К незнакомым словам он относился с подозрением.

— Это греческое слово, — разъяснил директор. — Демагог — это человек, который говорит вроде бы правильные слова, но прячет за ними всякие несправедливые мысли. Чаще всего в личных и корыстных целях.

— Значит, я в корыстных? — окончательно оскорбился Джонни. Отвернулся и стал разглядывать левую коленку. Он зацепился ею за край фанерной елки в момент похищения со сцены. На коленке была царапина. Длинная, но тонкая и неглубокая. Пустяк. Однако Джонни вспомнил, как бесславно покинул эстраду, и сказал:

— А еще директор...

— Я сейчас в отпуске, — возразил Борис Иванович. — Я действовал не как представитель школьной власти, а как частное лицо.

Джонни подумал, что в таком заявлении тоже достаточно демагогии, но высказать это не успел. В наступившей за дверью тишине раздался сильный и удивительно тонкий голос лектора:

— Товарищи дети! Приступая к этой лекции, я прежде всего хочу отметить, что в период усиления противоречий

между удельными феодальными княжествами возникновение вашего города в данном регионе было заметным фактором, оказавшим влияние на ряд процессов, которые в свою очередь...

С полминуты Джонни внимательно слушал, а потом с чувством сказал:

— Д-да...

Борис Иванович опять приподнял и почесал правую бровь. Почему-то вздохнул, посмотрел на Джонни и непедagogично предложил ему японскую жевательную резинку с пингином на фантике. Но Джонни отверг эту неуклюжую попытку примирения. Он холодно попрощался и ушел из парка.

Джонни брел — руки в карманы, голова ниже плеч. Настроение было сами понимаете какое. Правда, главное он успел: сказал со сцены о гаражах. Но какой скандальный конец!..

Хорошо, хоть Катька этого не видела, она до завтра уехала к бабушке. Но другие-то видели! А ведь среди этих других были не только друзья...

— Эй, артист!

Джонни рывком обернулся. Оказалось, его догонял Шпуня — давний и прочный недруг. Шпуня улыбался.

— Привет, Джонни! А ты правда как народный артист выступал. Только в конце непонятно: фьютъ — ножки дрыгнулись, и нет человека. Фокус, как у Кио... — Шпуня еще сильнее растянул свою безобразную, глупую, ехидную, гнусную и отвратительную улыбку и спросил: — А может, тебе от волнения кой-куда захотелось? Если брюхо болит, ждать, конечно, не будешь...

Отвечать на это было нечего, и Джонни приступил к действиям. Без слов. Он сделал красивый выпад, целясь кулаком точно в нос противника. Этот прием не раз помогал ему сбить со Шпуни лишнее нахальство. Но если не везет, так не везет! Джонни наткнулся на встречную атаку. Ему показалось, что в левом глазу вспыхнул бенгальский огонь. «Ох и синяк будет», — мельком подумал он и ухватил Шпуню за рубашку. Тот дал подножку, и оба покатались в неогороженный газон, где вместе с тощими цветами росла буйная уличная трава...

Сначала бой шел на равных, но скоро Джонни почему-то оказался лежащим на спине, а Шпуня, радостно со-

пя, сидел у него на груди. Джонни приготовился садануть его по хребту коленом и вдруг услышал:

— Стоп! Нарушение правил!

Шпуню сдуло, как семя одуванчика. Только простучали затихающей дробью его подошвы. А над собой Джонни увидел Бориса Ивановича.

Директор поставил Джонни на тротуар и осторожно вынул из его кудрей щепочки и сухие стебельки. Потом заметил:

— Хорошо он тебе припечатал. И уложил как миленького...

— Он?! Уложил?! — взвинтился Джонни. — Да это у меня прием такой: сперва поддамся, а потом... Он бы сейчас уже носом в траве копался! Ну почему вы не даете ничего довести до конца?

— Дорогой мой! Значит, я должен идти мимо, когда два ненаглядных питомца вверенной мне школы сцепились, как гладиаторы на арене Колизея?.. Впрочем, второго я не разглядел. Ты его знаешь?

— Еще бы, — хмуро откликнулся Джонни.

— А кто это?

Джонни поднял на директора взгляд. В Джонниных глазах (в правом — большом и ясном и в левом — слегка заплывшем) было безграничное изумление: неужели ему, Джонни Воробьеву, предлагают стать ябедой?

— Ну-ну, — смутился Борис Иванович. — Ценю твое благородство... Но скажи, тебе не кажется, что столько подвигов для одного дня — это чересчур?

— В самый раз, — буркнул Джонни, заправляя под ремешок парадную рубашку, которая была уже непарадная.

— Воробьев, — со вздохом сказал Борис Иванович. — Во мне крепнет желание обстоятельно побеседовать с твоими родителями.

— Вы в отпуске, — напомнил Джонни. — Вы сейчас не директор, а частное лицо.

— Да, верно... Что ж, это избавляет тебя от крупных неприятностей. На время...

Но судьба не избавила Джонни от неприятностей. Даже на время. Была суббота, и мама с папой оказались дома. Увидев сына с могучим синяком и в потрепанном состоянии, мама стала деловито капать себе валерьянку, а папа заходил по комнате и сказал:

— Опять... Какие же объяснения ты дашь на этот раз?

— Он первый начал, — сообщил Джонни, трогая синяк.

Шпунины кулаки были небольшие, но очень твердые, и под глазом сильно болело.

— Ах, первый! — воскликнул папа. — Этот злодей подошел к моему сыну и ни с того ни с сего трахнул его по глазу!.. Так это понимать?

— По глазу — это уже потом, — уточнил Джонни.

— Но все-таки драку начал не ты? — спросил папа с надеждой и сомнением.

Джонни не стал унижаться до лжи. Просто сказал:

— А чего он каждый раз дразнится?

— Ах, он дразнится!.. А ты дерешься! То есть на слова отвечаешь кулаками!.. Неужели ты до сих пор не уяснил, что человек, который надеется лишь на грубую силу, никогда не станет культурным членом общества? Имей в виду, что агрессивность характера совершенно не способствует становлению гармонично развитой личности...

Джонни опять потрогал синяк и вздохнул:

— Ты, папа, говоришь, как этот...

— Кто?

— Ну, этот... сейчас вспомню. Греческое слово. Де... де... де...

— Демосфен? — спросил слегка польщенный отец.

— А это кто?

— Знаменитый оратор в древней Греции...

— Нет, не то. Похоже на «педагога». А, вспомнил! Де-ма-гог.

Воробьев-старший тихо икнул и оторопело уставился на сына. Мама стала капать валерьянку на свою белую юбку.

— Это ты мне? Своему родному отцу? — тонким голосом произнес наконец папа.

Джонни слегка струхнул.

— А что? Это же приличное слово. Научное. Мне его Борис Иванович сказал.

— Так это он сказал тебе! — взорвался отец. — Потому что ты в самом деле демагог, разгильдяй, уличный пират, бич школы и несчастье родителей!

На «несчастье родителей» Джонни обиделся. Он хотел даже возразить, что не сам себя воспитывал, а именно родители, но не успел. Появилась Вера Сергеевна. Она свистела от гнева, как перекипевшая кофеварка.

И все пошло снова...

Наконец папа грозно сообщил:

— Довольно! Терпение у меня лопнуло!

Терпение Воробьева-старшего лопалось довольно часто.

Как правило, это не приносило Джонни заметных неприятностей. Но сегодня оно лопнуло окончательно. Поэтому Джонни будет сидеть дома до тех пор, пока не перевоспитается. Или по крайней мере два дня... Да, два дня он и носу не высунет на улицу! Будет заперт в этой комнате до понедельника! Где ключи от внутренних дверей? Почему в этом доме ничего никогда нельзя найти?

Мама с папой стали шарить по ящикам стола. Вера Сергеевна давала советы, где лучше искать. Джонни стоял посреди комнаты и молча наблюдал за этой суетой. Он считал ее неразумной по двум причинам. Во-первых, все старые ключи он давно отдал братьям Дориным, которые строили электронную модель марсианского ящера и собирали для деталей всяческую металлическую дребедень. Во-вторых, если арестанта запрут в этой комнате, где семья будет смотреть телевизор?

Наконец Джонни пожалел родителей и снисходительно сказал:

— Папа, зачем столько хлопот? По-моему, достаточно взять с меня слово, что я никуда не уйду.

— А ты дашь? — неуверенно спросил отец.

— Что же делать... — печально отозвался Джонни.

Он знал по опыту, что сияк все равно продержится не менее двух дней. Вообще-то Джонни не стеснялся боевых отметин, однако ходить с «блямбой», полученной от Шпуни, было унижительно.

Какой несчастливый день! Сначала дурацкая история на эстраде, потом этот «довесок». И главное, до сих пор так больно...

Воскресенье с утра до обеда Джонни провел, сидя на подоконнике. Сначала пятый раз читал «Трех мушкетеров». Потом, чтобы сделать приятное Вере, громко пел песни. Одну он даже повторил несколько раз. Это был боевой марш юнармейских отрядов школы № 2, который сочинил восьмиклассник Сергей Волошин — Джоннин друг и поэт:

...Пускай нам нынче утром
В бою не повезло,
Мы крепко стиснем зубы
Противнику назло!
Мы стиснем их крепче,
Подыдем снова флаг
И вдарим нынче вечером
Противнику во фланг!

Потом Джонни немного осип и стал слушать разговор, который вели за стенкой мама и Вера.

Мама говорила:

— Нет, Вера, ты совершенно не права. Он очень славный человек. И кроме того, извини меня, но тебе уже тридцать лет... ну, пусть двадцать девять. Это не девятнадцать...

Джонни сразу понял, что речь идет о Валентине Эдуардовиче. Дело в том, что Валентин Эдуардович приезжал сюда не первый раз. Это перед ребятами он выступал вчера впервые (Вера уговорила), а взрослым он читал лекции и раньше. С Верой он познакомился еще в мае. Водил ее в кино и несколько раз приходил в гости...

Мама продолжала доказывать:

— Ну хорошо, хорошо, я понимаю, что дело не в машине и не в квартире, хотя и это не лишнее... Но он прекрасно к тебе относится!

Вера сказала с легким стоном:

— Да. Но он лысый, как коленка.

Джонни хмыкнул, сравнение ему понравилось. Он поставил левую ногу на подоконник — так, что коленка оказалась перед глазами. Джонни представил, что это лысина.

Лысина была загорелая и не очень чистая. Ее пересекал боевой рубец. То есть это была засохшая царапина, однако в масштабах лысины она вполне могла сойти за след сабельного удара.

Видимо, лысина принадлежала старому храброму рыцарю, который провел жизнь в походах и битвах. В какой-то схватке с него сбили шлем, и вот — шрам.

Джонни, который сам был рыцарем в душе, посочувствовал старому бойцу и решил подарить ему новый шлем. На папином столе громоздился письменный прибор, который когда-то купил Джоннин прадедушка. На приборе возвышались могучие чернильницы синего стекла (в которых сейчас хранились канцелярские кнопки и скрепки). Медные крышки чернильниц были похожи на шишаки русских витязей. Джонни снял одну крышку и, вернувшись на подоконник, примерил ее на коленку.

Шлем оказался маловат. Если набекрень, то ничего, а если по-боевому, «на лоб», то никак не лезет. Это огорчило Джонни. Он со вздохом надел крышку на палец, поднял над головой и крутнул...

И тут его насторожило воспоминание.

Смутное воспоминание, размытое. Просто Джонни по-

думал, что где-то уже видел такую картину: шлем, наде-
тый на жердь или тонкий столб. Где видел? Когда?

Почему-то вспоминалась тесовая крыша сарая, теплый
вечерний запах травы, шепот неуклюжего Мишки Пани-
на... Ага! Они играли в разведчиков! Джонни и Мишка
лежали на крыше в засаде. Джонни обводил подслепова-
тым биноклем окрестности. В вдвоенный круг бинокля по-
падали деревья, заборы, ленивые куры, а противников не
было. Проплыл в поле зрения покосившийся дом бабки
Наташи, потом гряды на ее огороде... а над грядами...

Почему он сразу не сообразил? Ведь уже тогда мельк-
нула мысль: «Что-то не так...» Но, кажется, в тот миг за-
вопил «ура» и скатился с крыши в траву Мишка. Нача-
лись крики, погоня — и все это до позднего вечера. Дома
Джонни бухнулся в постель как подрубленный и наутро
ничего не помнил...

Но сейчас-то он вспомнил!

Может быть, еще не поздно? Может быть, пока никто
не обратил внимания?

Ох, какой он дурак, что обещал сидеть дома! Если бы
заперли, можно было бы удрать из окна. Подумаешь, вто-
рой этаж! А честное слово покрепче всякого замка.

Что ж, когда нельзя уйти, остается звать друзей. Луч-
ше всего Катьку. Наверно, она уже вернулась от бабушки.

Джонни прыгнул к столу, дернул ящик, отыскал там
карандаш и листок, нацарапал крупно: «Катя! Приходи,
есть дело».

Потом задумался. Весной такого письма хватило бы.
Но прошли времена раннего знакомства, когда Катька при-
бегала по первому зову. Сейчас она могла фыркнуть и
рассудить, что Джоннино дело подождет. Пришлось пи-
сать подробности...

Когда не следишь за почерком и ошибками, пишется
быстро, и Джонни сам не заметил, как накатал целую
страницу (правда, очень крупными буквами). Внизу он
расписался: «Дж». Теперь надо было искать гонца.

Минут семь или восемь Джонни сидел на подоконнике
и нервно хлопал по коленке сложенным в треугольник
письмом. Ждал. Наконец повезло.

— Юрик! — обрадованно завопил Джонни. — Эй, Юр-
ка-а!

Второклассник Молчанов ростом походил на дошколь-
ника, но был сообразителен и достаточно смел. Он и Джон-

ни познакомились еще в давние детсадовские времена и с той поры участвовали во многих славных делах. Тех самых, где Джонни выступал как полководец, а Молчанов как умелый и верный солдат.

Лучшего гонца и желать не надо.

Юрик на лету поймал письмо и заверил обожаемого командира, что доставит пакет без промедления.

Ах, если бы каждый знал, что ждет его через несколько минут!

Юрика ждали Шпуня и его приятель Рудольф Капустин. То есть они не ждали специально, а просто оказались на пути, когда Юрик со скоростью кавалериста вылетел из-за угла Крепостной на Песчаную. Рудольф Капустин был толстоват и выглядел неповоротливым, но в самом деле отличался быстротой решений и поступков. Правда, не всегда его поступки были благородными, однако это уже другой разговор... Юрик не успел ни отвернуть, ни затормозить — Рудька моментально сгреб его в охапку.

— Юрочка! — обрадовался Шпуня. — Куда мы так спешим? Как поживает славный генерал Джонни? Носит ли под глазом большой красивый орден?

Юрик забился, как мышонок в когтях безжалостного ястреба, и пропищал:

— Пустите! Меня в магазин послали.

— Нехорошо обманывать старших. В магазин без денег не бегают, — заметил пронизательный Шпуня.

В самом деле: в руках Юрик ничего не держал, а карманов на парусиновых шортиках не было.

— Может быть, денежки в этой бумажке? — поинтересовался Шпуня. Спрятанный на животе треугольник предательски просвечивал сквозь сетчатую майку.

Шпуня выдернул подол майки и подобрал упавшее письмо. Юрик обмер. Как он теперь покажется на глаза Джонни? Шпуня стал неторопливо разворачивать листок. Юрик рванулся и бесстрашно попытался трахнуть Шпуню ногой. Тот, ухмыляясь, отошел и прочитал:

— «Катя...» Ага, сердечное послание...

Юрик опять хотел вырваться, чтобы отобрать письмо или погибнуть в бою, но Рудольф сдвинул его и прижал спиной к своему мягкому пузу.

— «Приходи, есть дело...» — отчетливо читал мерзкий Шпуня.

Юрик начал колотить Рудьку затылком в грудь и пят-

ками по ногам. Но это было все равно что бить куриным перышком асфальтовый каток.

— «На огороде у бабки Наташи стоит пугало, — продолжал Шпуня. — На башке у пугала, по-моему, старинный шлем. Я точно видел. Бабка его, наверно, выкопала на грядках. Катька, если это настоящий шлем, знаешь, какой это клад! В сто раз лучше, чем жестянка с монетами! Можно его отдать в школьный музей. Музей сразу станет знаменитый. Катька, жми ко мне, потому что сам я никак не могу, засадили дома...»

Шпуня довольно хмыкнул и свернул письмо. Посмотрел на Молчанова, который уже не вырывался, а внимательно слушал. Сказал с удовольствием:

— Ты, Юрочка, передай своему Джонни, что пускай сидит спокойно. Мы справимся с этим делом без него и без Катьки... Рудик, отпусти ребенка...

Освобожденный Молчанов отскочил на несколько шагов, сказал с этого расстояния Шпуне и Капустину, кто они такие, и, всхлипывая, убежал.

Шпуня задумчиво уложил письмо в карман.

— Ну? — нетерпеливо сказал Рудольф Капустин.

— Дело интересное. Надо обдумать, — откликнулся Шпуня.

Рудька возразил, что надо не думать, а лезть в бабкин огород. Иначе Джонни успеет раньше.

— Он же сидит, — напомнил Шпуня.

— Ха! Ты что, не знаешь Джонни?

Этой фразой он склонил Шпуню к немедленным действиям.

Юрик Молчанов не убежал далеко. Он укрылся за ближним палисадником, чтобы не упустить Шпуню и Рудьку. Юрик понимал, что может заслужить прощение только одним способом: проследить за врагами и постараться сорвать их планы.

Враги свернули на Крепостную, и Юрик последовал за ними, прячась у заборов за кустами дикого укропа и репейника.

Домик бабки Наташи был очень стар и кособок, а забор — высок, хотя и непрочен. Юрик увидел, как Шпуня и Рудька несколько раз прошлись вдоль этого забора и остановились в наиболее удобном месте. Лезть в чужой огород среди ясного дня — дело отчаянное. Но, если время не терпит, приходится идти на риск. Шпуня кряхтя подса-

дил Рудольфа, а тот, оказавшись на заборе, легко вздернул за собой Шпуню. И оба скрылись.

Юрик не стал карабкаться за ними. Он знал, где есть узкая, но вполне подходящая для него лазейка. Этот ход прокопал себе бабкин лопоухий пес Родька — шалопай и приятель всех окрестных мальчишек. Ребята про лазейку знали, а бабка нет. Родька ей не признавался, мальчишки — тем более.

Раздвинув лопухи, Юрик скользнул в тесный лаз, прокрался вдоль забора и притаился в кустах смородины. Тут же подскочил Родька, узнал своего, лизнул Юрика в нос и побежал по делам — гонять от миски с кашей нахального петуха Маргарина.

Юрик взглядом индейского разведчика окинул территорию. Двухметровое пугало в остроконечном шлеме косо торчало над грядами. Недалеко от пугала качалась помидорная зелень. Там, видимо, пробирались по-пластунски Шпуня и Рудька.

Юрик решил, что выждет момент и поднимет шум, а сам ускользнет. Бабка выскочит и заметит похитителей. Тогда им будет не до шлема.

Но бабка Наташа появилась на крыльце без всякого зова. Раньше срока. Повертела головой и стала искать что-то в карманах передника. Юрик понял, что шуметь сейчас опасно: Шпуня с Рудькой притихнут, а бабка кинется ловить его, Юрика.

Могла и поймать. Она была подвижная и крепкая старуха, сама вела свое хозяйство и никогда ничем не болела. Только глаза ее стали в последнее время слабеть. Бабка обзавелась двумя парами очков: одни для ближнего расстояния, другие для дали. Эти очки бабка носила в многочисленных карманах цветастого передника и часто теряла их и путала.

Шпуня и Рудольф не видели бабку. Они видели теперь только свою цель — старинный шишकाстый шлем витязя. Достигнув подножия пугала, похитители вскочили. Тощий и легкий Шпуня запрыгал, пытаясь дотянуться до шлема. Но тот висел слишком высоко. Тогда Рудька ухватил пугало за дерюгу, и оно со скрипом легло на гряды.

— Эй! Что ли, есть там кто? — раздался громкий и ясный бабкин голос.

Шпуня с Рудькой подскочили, оглянулись и только сейчас заметили опасность. Рудька стремительно упал между грядами и заполнил своим грузным телом всю межу. Шпуне падать стало некуда. Он поджал ногу и раскинул

руки, стараясь доказать, что пугало — вот оно, никуда не делось.

Пока бабка Наташа была без нужных очков, такая замена могла сойти. Шпуня стоял не дыша, хотя у него сразу зачесался нос, а старые трикотажные штаны стали сползать, потому что резинка была слабая. Шпуня с завистью думал о толстом Рудькином животе, но сделать вдох боялся.

На бабкином носу появились блестящие окуляры. Шпуня замер и услышал, как звенит кругом мирная летняя тишина. В этой тишине бабка сказала:

— Тыфу, будьте вы неладными... — Значит, стекла оказались не те. Но бабка энергично продолжала поиски и почти сразу вынула другие очки. Все мальчишки знали, что в своих дальномерах она четко видит до самого горизонта. Бабка водрузила очки на нос, и Шпунины нервы не выдержали. Он ринулся в бег.

Рудольф бросился за Шпуней, и они в один миг достигли забора — как раз там, где была тайная лазейка. Шпуня рассчитал, что с размаха проскочит узкую дыру. И проскочил бы. Но толстый Капустин надеяться на это не мог и решил рывком преодолеть забор. Когда Шпуня стремительно ввинтился в лаз, Рудька вскочил на нижнюю перекладину. Она крикнула, опустила и припечатала Шпунину поясницу.

Рудька упал с забора на улицу, вскочил и помчался с быстротой, удивительной для столь упитанного школьника. Напрасно Шпуня сдавленно вопил ему вслед, умоляя о помощи. Капустин скрылся. Проклиная предательство, Шпуня задержался в ловушке. Но осевшая балка будто крепкой ладонью прижимала к земле похитителя исторических ценностей.

Юрик видел из укрытия, как дрыгаются и скребут по траве Шпунины ноги в выгоревших трикотажных штанинах. Увидел это и пес Родька. Подскочил и весело загавкал. Он, конечно, не хотел Шпуне вреда, а просто решил, что это игра, и радовался от души.

На шум подошла бабка Наташа. Она сменила дальномеры на очки ближнего прицела и некоторое время наблюдала за суетливым дерганьем ног. Потом через калитку вышла на улицу. Шпуня безнадежно затаих. Бабка с любопытством осмотрела его «с фасада». Они встретились глазами и ничего не сказали друг другу. Бабка задубелой ладонью бесстрашно ухватила и выдернула у забора крапивный стебель. Помахала им и пошла к калитке. Шпуня

проводил ее тоскливым взглядом. Потом слабо дернулся еще раз и стал ждать неизбежного.

Ждать пришлось долго. Бабка не спешила. Юрик видел из кустов, как она пошла в сарайчик и вынесла оттуда скамеечку, на которую обычно садилась, чтобы подоить козу Липу. Она протерла сиденье передником, принесла скамеечку к Шпунинным ногам, удобно села, положила на колени крапиву и аккуратно подпернула пышные рукава кофты. Юрик, замерев, как лягушонок вблизи от цапли, и не мигая, смотрел на зловещие бабкины приготовления...

А Шпуня ничего этого не видел и не чувствовал. Ему казалось, что времени прошло очень много. Он даже стал глупо надеяться, что бабка по старости лет про него забыла, крапиву отдала на обед Липе, а сама занялась хозяйственными делами. И может быть, сейчас на улице появится кто-нибудь из приятелей, освободит Шпуню, и они пойдут искать подлого и вероломного Рудольфа Капустина...

В конце улицы показался мальчишка-велосипедист. Шпуня задрожал от радостного нетерпения. Но тут же опечалился. Это был не союзник и вообще не мальчишка, а Катька Зарецкая в шортах и майке.

Шпуня схватил валявшуюся рядом суковатую палку и взял ее наизготовку, как автомат.

Катя подъехала и очень удивилась:

— Шпуня! Ты что здесь делаешь?

Именно в этот горький миг Шпуня ощутил, как заскорузлые бабкины пальцы взялись за резинку его штанов.

— Ды-ды-ды... — сказал он, делая вид, что ведет огонь короткими очередями. — Ды-ды-ды-ды... Ды-дых...

Каткины ресницы распахнулись от изумления.

— Уходи, — быстро сказал ей Шпуня. — Мы в войну играем, не мешай.

— С кем ты играешь? — опять удивилась Катька.

Вместо ответа Шпуня вдруг выкатил глаза и часто задышал.

— Шпуня, что с тобой?

— Ранили, — плаксиво сказал Шпуня. — Из огнемета... Да уходи ты!

— Кто тебя ранил? Никого не видно.

Шпуня опять задышал, будто глотнул горячей липкой каши, и со стоном объяснил:

— По тылам бьет, зараза, из укрытия... Ой, ой, ой... Ну, уходи же скорее, ты меня демаскируешь! Человек в засаде, а она...

Катя пожала плечами и уехала, не оглянувшись на

ненормального Шпанькова, который, видимо, совсем поглупел за каникулы...

Бабка тем временем отбросила измочаленный крапивный стебель, встала, ухватила крепкими руками перекладину и, кряхтя, приподняла ее.

Шпуня вылетел из лазейки, как... Можно сказать, как стрела, как пробка из бутылки, как ракета, как пуля. Но, пожалуй, он вылетел, как все это вместе взятое. И понесся, натягивая штаны почти до подмышек.

Бабка Наташа погрозила Родьке и понесла в сарай скамеечку. Юрик тихо подождал, когда она скроется. Потом проверил перекладину: не осядет ли опять? — и скользнул на улицу. Там он увидел Катю, которая возвращалась на велосипеде из магазина.

Юрик остановил ее и про все рассказал.

В ожидании Кати Джонни мечтал. Он закрывал глаза и представлял совсем как наяву, будто держит на коленях тяжелый, черный, рябой от старости шлем, с которого сыплются чешуйки ржавчины...

Вот это будет новость! На весь город. Надо попросить Серегу Волошина, чтобы написал в газету заметку. «Историческая находка школьника Евгения Воробьева...» Придется, конечно, ради справедливости и бабушку Наташу упомянуть. И обязательно Катю... А Катин двоюродный брат Тимофей пусть сделает снимок для газеты. С подписью...

В музее надо повесить под шлемом подробную надпись: кто нашел шлем и когда. После этого ни Шпунин синяк, ни история в парке не смогут ни капельки повредить Джонниному авторитету.

Тут Джонни одернул себя: надо прежде всего думать не о личных целях, а о научной пользе. Но о личных целях все равно думалось: «Придется перед газетной съемкой припудрить синяк, а то Шпуня будет всем показывать снимок и хвастать: это я ему вделал... И хорошо бы сняться прямо в шлеме...»

Джонни размечтался так, что не заметил, как Юрик и Катя перебежали улицу и проскочили во двор.

Их пустили к Джонни беспрепятственно. Хотя он и сидел под домашним арестом, на свидания с друзьями запрета не было.

Перебивая друг друга и веселясь, Катя и Юрик поведали Джонни, как был наказан Шпуня за свою вредность и коварство.

Но Джонни не стал радоваться. Гордая Джоннина душа содрогнулась, когда он представил, какое поругание достоинства и чести выпало на долю его несчастного друга.

— Чего смешного... — хмуро сказал он.

Катя, у которой был все же не такой рыцарский характер, заспорила. Шпуня, мол, сам виноват и получил, сколько заработал. Но Джонни сухо заметил, что есть вещи, которые нельзя желать даже врагу. И сделал строгий выговор Молчанову за то, что он не попытался освободить попавшего в ловушку противника.

Катя надулась, а Юрик нет, потому что безоговорочно верил Джонни. Он виновато отошел в сторону — обдумать недавние события и рассмотреть их с новой точки зрения.

Джонни покосился на сердитую Катку и деловито сказал:

— Теперь надо срочно разработать операцию «Шлем витязя».

Катя хихикнула:

— Вляпаешься, как Шпуня, бабка устроит тебе операцию...

— А что делать?

— Да очень просто. Пойти к ней по-хорошему и спросить, где нашла шлем и не отдаст ли для музея.

Это был не такой романтичный, но, пожалуй, самый правильный вариант. Иначе что может выйти? Бабка прочитает в газете о находке и не обрадуется, а по вредности характера подымет крик: стащили нужную вещь с огорода. Разве ей докажешь, что исторические ценности — общее достояние?

— Думаешь, бабка отдаст? — усомнился Джонни.

— А зачем он ей? На чучело можно что-нибудь другое приспособить.

— У меня ржавая немецкая каска есть, — подал голос Юрик. — Я ее у ручья откопал. Для пугала в самый раз.

И Джонни с благодарностью подумал, что для газеты надо будет сфотографировать и Молчанова.

Но тут же он опять забеспокоился:

— А бабка нас послушает? Она толком никого не помнит, подумает, что мы вроде Шпуни...

— С Викой пойдем, — сказала Катя. — Вику-то она знает.

Это было хорошо придумано. Восьмиклассница Вика иногда помогала бабке Наташе по хозяйству и пользова-

лась у нее полным доверием. Однако Джонни опять огорчился:

— Вы-то пойдете. А я должен сидеть.

— Отпросись. Думаешь, не отпустят?

Джонни вздохнул. Он знает, что отпустят, если очень попросить. Но просить — значит унижаться.

И все же дело есть дело. Джонни пошел к отцу.

— Папа, — сказал он, стараясь не терять независимо-го вида, — я не хотел об этом говорить, но у меня очень важная причина...

— Я понял, — сказал отец. — Проси прощения и уби-райся.

Это был не выход. Опеченный Джонни объяснил:

— Не могу я, папа. Я попросил бы, если виноват. А как, если я прав...

— Тогда сиди, — рассудил отец. — Страдай за правду.

Джонни застонал в душе, но сохранил внешнюю сдер-жанность. Подумал и предложил:

— Я мог бы пострадать позже. Завтра или послезавт-ра. Какая разница?

— Гм... — сказал отец и задумался.

Джонни осторожно проговорил:

— В конце концов, даже преступников иногда отпу-скают под честное слово. Помнишь, мы итальянский фильм смотрели? Там у одного свадьба была, и его на день выпу-стили из тюрьмы.

Отец с интересом взглянул на единственного сына:

— А что, у тебя уже свадьба?

— Да в тыщу раз важнее!

— В таком случае иди, — смилостивился отец. — Но имей в виду: отсидишь не позднее чем через три дня.

Они отыскиали Вику и объяснили, в чем дело. Вика ска-зала, что все это — Джоннина очередная фантазия и та-ких фантазий она слышала от него множество. Взять хо-тя бы историю с допотопным крокодилом, который будто бы завелся в ручье. Или случай с инопланетным кораб-лем, который сел на пустырь за стадионом! С ума сойти...

Но Джонни был Викин друг, и к бабке Наташе они пошли вместе. Позади всех шагал Юрик в громадной трес-нувшей каске. Он был в ней похож на тонкий несъедобный гриб...

Бабка Наташа встретила гостей во дворе. Вику она любила, поэтому и к спутникам ее отнеслась приветливо.

— Вот и ладно, что навестили. Как раз варенье клуб-

ничное свеженькое, чаек будем пить... Родька, брысь, не пыли хвостом!.. Вот это гости так гости. А то нонче один через забор пожаловал, так я его проводила по-своему... Заходите в дом...

В тесной комнатке она принялась всех рассаживать за столом.

— Ты, детка, вон туда лезь, в уголок. Маленький, проберешься. А железяку пока под стул затолкай... Да знаю, что каска, насмотрелась на их в свое время... Ты с Викушкой вот тут садись, а ты, мальчик, туда...

— Это не мальчик, а Катя, — уточнил Джонни.

— Ну и ладно, что Катя, теперь не разберешь. Все в штанах, и волосы одинаково стриженные...

У Кати и правда прическа была как у Джонни, только кудряшки темные.

— Да я ничего, — продолжала бабка, — я не против нонешней моды. Пушай кто как хочет, так и одевается, лишь бы люди-то были добрые, не проходимцы всякие. А то сегодня пришли двое, сами в галстуках да в шляпах соломенных, а глаза-то жуликоватые. Даже Родька загавкал не по-хорошему...

Оказалось, что недавно к бабке приходили два дядьки. Они упрашивали подписать бумагу, что она, Кошкина Наталья Федосьевна, согласна получить новую однокомнатную благоустроенную квартиру, а дом ее пускай сносят. Соседние владельцы, мол, уже согласились. На будущий год место здесь выровняют и построят кооперативный гараж...

— Еще чего! — взвился над стулом Джонни и на миг даже забыл про шлем. — Мало им нашей площадки!

— Баба Ната, не соглашайтесь, — обеспокоенно сказала Вика. — Они не имеют права, здесь зеленая зона. И места исторические.

— Я и сама знаю, что исторические. В этом доме еще бабка моя жила, она его у вдовы Полуархиповой сама купила... А этим лишь бы поближе к центру. Весь город задымили окаянными своими «жигулями».

— Вы бы их гнали отсюда, как Шпуню, — посоветовала Катя.

— Я и то... Говорю: «Что мне квартира? У моей внучки с мужем в Москве квартира трехкомнатная, они меня к себе чуть не силком тянули: «Правнучек годовалый Димочка по вас, бабушка, так скучает». А я все равно не могу. Липу я куда дену? Да и Родьку бестолкового жалко, беспризорный останется. Так я этим с бумагой и сказала:

«Покуда жива, от своего огорода не стронусь...» А они знаете что? С виду культурные, а говорят: «Вы же, бабушка, еще совсем крепкая, сколько ждать-то?» Тут уж Родька совсем лаем зашелся, они бумагу схватили да со двора...

Когда бабка закончила рассказ, Джонни постарался направить разговор в нужную сторону:

— Наталья Федосьевна, вы говорили, что дом у вас исторический. Может, здесь и вещи какие-нибудь находились исторические, не только ваша бабушка?

Бабка Наташа замигала, а Вика хихикнула и сказала в упор:

— Баба Ната, он вот про что: будто на вашем пугале старинный шлем висит, какие раньше у богатырей были.

Бабка снова замигала, соображая, и вдруг затряслась от мелкого смеха:

— Да не-е... Какие там богатыри. Это ступка. Шляпунто с чучелы ветром сшибает, а ступка, она тяжелая, вот я ее и приспособила...

Это был удар. И по Джонниным планам, и по его самолюбию. Уши у Джонни загорелись, как стоп-сигналы, а кудрявая голова поникла.

Катя его пожалела.

— Что-то не похоже, — сказала она. — Ступки не такие, у них донышки широкие.

— Эта ступка особенная, — возразила бабка Наташа. — Она вроде бокала была, а потом ножка у нее поломалась... Это еще бабушки моей имущество. Бабка-то Катерина Никитишна, царство ей небесное, знаменитая была на всю округу, травами людей лечила. А в этой ступке она, значит, всякие корешки да цветочки толкла, чтобы лекарства варить...

Джонни поднял голову.

— Все-таки вещь старинная, — сказал он неуверенно. — Может, сгодится для музея? А на пугало мы каску надеваем...

— Это можно, — охотно согласилась бабка Наташа. — Каска, она даже больше соответствует...

Все, кроме Вики, пошли в огород и «обезглавили» пугало. Джонни с печальным вздохом взял в руки то, что недавно считал шлемом витязя. Это была чугунная посуда. По форме она очень походила на фужер, у которого на папином дне рождения Джонни случайно перешиб ножку.

Пугало увенчали каской и вернулись в дом. Свой малоценный трофей Джонни положил в сених на лавке.

Вика уже поставила на стол чашки и солидную плешку с вареньем. Теперь она, сидя у окна, листала растрепанную большую книгу. Джонни хмуро глянул через Викино плечо. Она смотрела подшивку древнего журнала. Журнал назывался «Нива». Это было написано сверху листа завитушечными буквами, вокруг которых заплетались цветы и прыгали совершенно голые толстые мальчишки. Они что-то поливали из лейки. Видимо, эту самую ниву. На всей странице пестрели объявления и надписи со старинными «ятями», твердыми знаками и другими старорежимными буквами. А внизу был напечатан портрет круглощекого мужчины с громадными черными усами. Усы лихо загибались вверх. Рядом с портретом стояли слова:

ПЕРУИН-ПЕТО

Продираясь через «яти», Джонни прочитал: «Бесподобное, наилучшее и вернейшее средство для рощения волос. У кого едва видны мелкие волосы, скоро развивается пышная борода и роскошные, щегольские усы...»

Джонни вздохнул. Усы его не интересовали, а слова «Перуин-Пето» вызвали в голове печальные стишки:

Перуин-Пéто,
А шлема нету.
Перуин-Пето,
А шлема нету...

Сели пить чай. С горя Джонни подцепил полную ложку варенья и осторожно потянул над скатертью.

— Не жадничал бы ты, — прошептала Вика. — И сядь как следует.

Джонни (он сидел боком) подтянул ноги, чтобы сунуть под стол, и уронил с ложки на колено крупную каплю. Он ловко подцепил ее пальцем и почему-то вспомнил про лысину.

Вот бы ругался старый рыцарь, если бы на макушку ему плюхнулась такая жидкая лепеха! Ведь шлема-то нету...

Шлема-то нету...
Перуин-Пето.

«Ой-ей-ей, — словно кто-то шепотом сказал внутри Джонни. — Ой-ей-ей, товарищи...» Это рождалась в нем новая блестящая идея...

С минуту Джонни сидел, одеревенев и тупо глядя перед собой. Катя наконец спросила:

— Что с тобой?

Джонни прошептал:

— Как ты думаешь, бабушка бабки... то есть Натальи Федосьевны от всех болезней лечила?

Катя пожала плечами, а Вика сказала вполголоса:

— Джонни, опомнись. Она же знахарка была. Наверно, совсем неграмотная.

Бабка Наташа, видно, уловила суть разговора. Но не обиделась. Она с достоинством сказала:

— Бабушка моя Катерина Никитишна была ученая. Даже по-французски знала. Всяким другим ученым письма писала, потому что травами лечить — это ведь тоже по науке надо.

— А от лысости она лечила? — нетерпеливо спросил Джонни.

— Чего-чего?

— Я в журнале прочитал про лекарство, чтоб усы отращивать. А может, было и такое, чтоб на лысине волосы появились?

— Джонни, ты что опять придумал? — с беспокойством прошептала Вика. Но бабушка встретила Джоннин вопрос полным пониманием. Она разъяснила, что у Катерины Никитишны были средства от всех человеческих недугов (только от слабости зрения не было). Можно проверить. Книга с рецептами сохранилась до сих пор. Люди предлагали за нее бабушке Наташе крупные деньги, только она не отдала. Мало ли что. Вдруг заболит на старости лет, вот старинные рецепты и пригодятся.

— Джонни... — строго начала Вика, едва бабушка вышла. Но он сердитым шепотом сказал:

— Да подожди ты... Я, может, сделаю счастливыми двух человек.

Джонни слегка кривил душой. Он хотел сделать счастливыми троих: Веру, Валентина Эдуардовича и себя. Потому что, если Вера уедет с мужем в Москву и навсегда избавит Джонни от своей педагогики, разве это не будет счастьем?

Бабка Наташа вернулась с пухлой книгой, похожей на конторскую. Внутри книги на разлинованных желтых страницах были наклеены листочки с непонятными надписями, вырезки из газет и бумажные ленты со словами на иностранном языке.

— Ничего не понятно, — огорчился маленький Юрик. Джонни сердито засопел и сказал Вике, чтобы листала до конца.

Не зря сказал! В середине книги он увидел знакомое объявление с Перуином-Пето. Оно было наклеено в верхнем углу, а ниже — тонкий лист. Видимо, письмо. Его напечатали в давние годы на старинной машинке — тоже с «ятями» и множеством твердых знаков.

Взволнованным шепотом Джонни стал читать:

«Сударыня!

В ответ на Ваше любезнейшее письмо с ценными для меня советами посылаю Вам рецепт надежнейшего средства от облысения. Средство это разработано на основе знаменитого «Перуин-Пето», но действует во много раз сильнее. Посему опасайтесь, сударыня, касаться им незащищенных поверхностей кожи. Действие жидкости таково, что она через сутки вызывает произрастание волос даже на тех местах, где ранее они никогда не росли.

Рекомендуйте Вашим пациентам смазанный участок кожи укрыть и держать в тепле до появления первых признаков растительности.

Не сомневаясь в Вашей порядочности, сударыня, выражаю твердую надежду, что оный рецепт будете Вы содержать в полной тайне.

С совершенным почтением...»

Далее стоял витиеватый росчерк, а под ним порыжевшими чернилами были написаны столбиком непонятные слова. Иностранскими буквами.

— По-английски, что ли? — пробормотал Джонни.

— По-латыни, — сказала Вика. — Интересно, кто это разберет?

— Давай перепишем, — сказала Катя.

— Господи, зачем?

— Знаю зачем. Давай, — повторила Катя, и Джонни взглянул на нее с благодарностью и надеждой.

— Есть человек, он разбирается, — объяснила Катя.

Вика пожала плечами и спросила:

— Баба Ната, можно переписать?

Бабка Наташа сказала, что для хороших людей ничего не жаль. Дала кусок оберточной бумаги, а у Кати в кармашке нашелся карандашик.

На всякий случай Джонни попросил Вику переписать все: и латинский рецепт, и письмо.

Пока Вика, ворча, занималась «этой бредятиной», Катя рассказала, что в ее доме живет Вова Шестопалов, которого зовут Алхимик. Он очень умный, разбирается во вся-

ких веществах и ставит разные опыты. Еще в первом классе он изготовил из бритвенного крема, тертой селедки и черной туши искусственную осетровую икру, которую охотно ели все соседские кошки и сам Вовка. Наверно, ели бы и другие, но случайно на тубик с икрой сел Вовкин папа. Он был в белых брюках, и опыт пришлось прекратить.

Потом Вовка два раза взрывался во время опытов, но научных занятий не оставил. Он очень умный...

Джонни слушал это внимательно и с некоторой ревностью. В последних словах Кати он уловил излишнее восхищение и спросил:

— Если такой умный, зачем взрывался?

Но Катя объяснила, что это было давно, а теперь Алхимик достиг больших успехов и даже на отрядном сборе показывал научные фокусы.

Вика оторвалась от переписки. Она сказала:

— Чтобы опыты делать, надо химию знать. Ее с седьмого класса учат. А Вовка твой в котором?

Катя сообщила, что Алхимик перешел в пятый, но советоваться по химическим вопросам к нему ходят даже восьмиклассники.

— Хорошего конца у этой истории не будет, — уверенно произнесла Вика. И все же отдала Джонни бумагу с рецептом.

Когда попрощались с бабушкой Наташей и вышли в сени, Юрик напомнил:

— А ступка? Возьмем?

— Да ну ее к лешему, — сказал Джонни.

У Кати Зарецкой имелись три недостатка. Во-первых, она была дочкой Джонниной учительницы Инны Матвеевны. Во-вторых, она имела привычку ни с того ни с сего фыркать и обижаться. В-третьих, она ни в чем не хотела уступать Джонни.

Первый недостаток исчез, когда Джонни перешел в четвертый класс. Ко второму Джонни привык, потому что понял: обижается Катька не всерьез и ненадолго. Минут пять дуется, потом глянет синими глазищами — и будто ничего не случилось.

С третьим недостатком было труднее. Джонни, когда мог, сам по-рыцарски уступал Катькиным капризам, но не всегда была такая возможность.

Вот и сейчас. Велосипед был один, и Катька заявила, что станет крутить педали, а Джонни поедет на багажнике.

Джонни деликатно напомнил, что она все-таки девочка. А он все-таки мальчик и должен трудную часть работы взять на себя.

Катя в свою очередь напомнила, что велосипед-то принадлежит ей, девочке, а если некоторые мальчики хотят распорядиться, пусть ездят на своих.

Джонни вежливо сказал, что с такими мыслями лучше жить за границей, где частная собственность.

Катка сказала, что, если Джонни такой умный, не лучше ли ему одному идти к Вовке Шестопалову. И намекнула, что с незнакомыми людьми Вова разговаривает неохотно.

Джонни объяснил, что из-за ее, Каткиной, дурасти и вредности пострадает не он, а два совсем невиновных человека: Валентин Эдуардович и Вера Сергеевна, у которых не получится семейное счастье.

Тогда Катя дала покататься на велосипеде обалдевшему от счастья Молчанову, а сама пошла с Джонни пешком.

Вовы Шестопалова дома не оказалось. Пришлось им два часа сидеть у Кати, смотреть передачу «Для тех, кому за тридцать» и беседовать с Инной Матвеевной, которая с грустью вспоминала свой бывший третий «А» и уверяла, что такого замечательного класса у нее уже не будет.

Алхимик появился дома под вечер.

Джонни думал, что Вовка Шестопалов — худенький мальчик в очках, похожий на вежливого отличника, но оказалось, что это крупный скуластый парнишка с желтыми нахальными глазами. Очки, правда, были, но не обычные, а защитные, из пластмассы. Возможно, Вовка готовился к опасному опыту и надел их, чтобы поберечь глаза.

— Чего пришли? — спросил Вовка не так любезно, как хотелось бы.

Катя протянула листок.

— Сделаешь?

Видимо, она знала, как разговаривать с Алхимиком.

Вовка молча провел их в комнату с громадным столом. Стол был заставлен всякими склянками и пробирками, завален прозрачными трубками и разноцветными пакетами. Горела спиртовка, а над ней в стеклянном пузыре булькала оранжевая жижка.

Алхимик оставил гостей у порога, сел к столу, сосредоточенно прочитал рецепт. Что-то несколько раз подчеркнул в нем. Встал на табурет и выволок с полки пухлую книгу, похожую на словарь. Деловито перелистал. В пузы-

ре ухнуло, и над узким горлышком появился желтый дым, но Вовка не обернулся. Он шевелил губами. Наконец он шумно захлопнул книгу (в пузыре опять ухнуло) и произнес:

— Сернистого калия маловато... Ну, фиг с ним, попробуем.

— Вовочка, неужели сделаешь?! — возликовала Катя.

Это «Вовочка» неприятно кольнуло Джонни, однако надо было терпеть.

— Сделать можно, — сказал Вовка. — Только надо знать зачем.

— Тебе, что ли, не все равно? — неосторожно отозвался Джонни.

Шестопалов посмотрел на него в упор и жестко разъяснил, что за свою продукцию отвечает головой.

— Может, вы на пляже будете купальщикам пятки мазать. А я потом отдувайся?

Катя и Джонни заверили, что никогда не вынашивали столь бесчеловечных планов. Просто у Джонни есть знакомый, у которого из-за лысины висит на волоске личное счастье.

Вовка смягчился, но спросил:

— А рецепт откуда?

Рассказали про бабушку Наташу, про бабушину бабушку Катерину Никитишну, про ее книгу. Между делом упомянули в разговоре про ступку.

Ступка почему-то Алхимика заинтересовала:

— Она где?

— Да оставили там...

— Тащите, — распорядился Вовка.

— Зачем? — недовольно спросил Джонни.

— Для дела, — объяснил Шестопалов. — Древние лекари, они не дураки были, у них все было рассчитано. Может, в этой ступке отложения всяких веществ. Они положительно влияют на реакцию. Слыхали такое слово — «катализатор»?

Джонни такого слова не слыхал и сказал, что в ступке только отложения ржавчины. И подставка отбита.

Вовка разъяснил, что ржавчину он уберет, а ступку зажмет в слесарных тисках. От дальнейшей беседы он отказался. Дал понять, что если будет ступка, будет и лекарство. А если нет — до свидания.

Пришлось бежать к бабушке Наташе.

— Мы ваш подарок забыли. Можно забрать?

Но ступки в сених не было.

— Куда же она, окаянная, запропастилась-то? — расстроилась бабка. — Я ее с той поры и не видала... Неужто этот охломон унес?

— Какой?! — разом воскликнули Джонни и Катя.

— Да звала я тут одного... Чтобы помог, значит... — почему-то смутилась бабка.

— А как он выглядит? Может, помните? — без большой надежды спросила Катя.

— Где упомнишь-то... Худущий такой, волосы из-под шапки белобрысы торчат во все стороны... А шапку помню, она с козырьком вот таким большущим...

— Это же Шпуня! — воскликнула Катя. — Тот самый, которого вы...

Джонни дернул ее за руку. Зачем лишние слова, когда все ясно.

Весь день Шпуня испытывал жгучие чувства. Самым жгучим было желание отомстить бабке Наташе за обиду. И он задумал хитрую месть.

Напротив бабкиных ворот стояла будка с гладкими цементными стенками. Раньше в ней продавали керосин, а сейчас она была закрыта. На серой стене рядом с железной дверью Шпуня решил нарисовать бабку Наташу в образе отвратительной ведьмы.

Рисовать Шпуня умел. Он запасся цветными мелками и отправился выполнять свой опасный замысел. На всякий случай Шпуня изменил внешность: вместо ненадежных трикотажных штанов надел прочный джинсовый комбинезон, а на голову — круглую кепочку с козырьком в двадцать сантиметров. Козырек замечательно прятал в тени лицо. Среди мальчишек эта кепка была знаменита, но Шпуня боялся не ребят, а бабки.

На тихой улице было пусто. Шпуня приступил к работе. Он изобразил бабку верхом на помеле, в драной развевающейся юбке, лохматую, с крючковатым носом и громадными отвратительными ушами. На носу сидели две пары очков...

Сходство было так себе, приблизительное, но Шпуня не огорчился. Он решил, что для ясности дополнит портрет надписью, а пока стал рисовать людоедские клыки, которые торчали из бабкиного рта.

Когда к художнику приходит вдохновение, он не видит и не слышит ничего кругом. Шпуня забыл про бдительность... И кто-то ухватил его за лямки!

Шпуня оглянулся, пискнул и уронил мел.

— Рисуешь, значит... — сказала бабка Наташа. — Вот и ладно. Пошли.

Пленник слабо заупрямился. Но бабка была крепка, а Шпуня обмяк от неожиданного ужаса.

— Идем, идем, дело есть... — сказала бабка и повлекла добычу к своей калитке.

— Это не я! — загоlosил Шпуня. — Не имеете права!.. Я больше не буду! Меня и так...

Он попробовал присесть, но бабка Наташа приподняла его, как хозяйственную сумку, тряхнула и проговорила:

— Коли рисовать умеешь, значит, и писать можешь. А мне как раз писарь нужен. Чтоб, значит, писал по новейшей грамматике...

Шпуня наконец сообразил, что бабка его, кажется, не узнала. И себя на портрете не узнала тоже. Тут что-то другое...

Так оно и было.

После того как Вика, Джонни, Катя и Юрик ушли, почти сразу к бабке пожаловали вчерашние гости — с той же бумагой насчет сноса. Бабка взялась за швабру, а когда посетители убралась, она решила действовать активно. Вышла на улицу, чтобы найти кого-нибудь пограмотнее, изловила Шпуню и доставила в дом.

— Я говорить буду, а ты пиши. Без ошибок-то умеешь? — Она вынула из пыльного буфета чернильницу-непроливашку и дала Шпуне толстую ручку-вставочку со ржавым пером. Положила серый листок.

— Садись давай к столу.

— Ага, «садись», — с горькой ноткой сказал Шпуня и встал на табурет коленями.

— Пиши, значит... «В городской Совет от гражданки Кошкиной Натальи Федосьевны...»

И бабка продиктовала грозное заявление, в котором говорилось, что дом свой она, гражданка Кошкина одна тысяча девятьсот одиннадцатого года рождения, сносить не даст и никуда отседова не поедет, потому как для гаражей есть специальные места, а здесь живут пожилые люди и играют пионеры и школьники, которым нужны свежий воздух и зелень.

Вспомнив о бабкиной зелени, Шпуня передернулся и поставил кляксу. Под этой кляксой бабка вывела свою корявую подпись и пошла на кухню, чтобы принести скороспелое яблочко и одарить грамотного помощника. Шпуня, однако, не стал ждать награды и выскользнул в сени.

Здесь он увидел шлем.

Джонни встретился со Шпуней один на один. Пришел к нему домой и спросил:

— Шпуня, ты стянул эту штуку?

— Ха, — сказал Шпуня, стоя на пороге. — Докажи.

— Зря старался. Это не шлем, — объяснил Джонни.

— Врешь.

— Честное слово, — печально сказал Джонни.

Шпуня задумался.

— Ну и что? — спросил он наконец.

Скрутив в себе гордость, Джонни мягко проговорил:

— Слушай, отдай ее мне. Пожалуйста. Это старая сломанная ступка. Зачем она тебе?

— А тебе? — язвительно поинтересовался Шпуня.

— Мне — до зарезу, — признался Джонни. — А тебе она все равно ни к чему.

— Главное, что она тебе «к чему», — рассудительно заметил Шпуня. — Чего ж я буду ее отдавать? Разве мы с тобой друзья-приятели?

Это была удивительно здравая мысль: сделать пользу врагу — значит сделать вред себе.

Джонни понял, что не разбудит в Викторе Шпанькове ни благородства, ни сочувствия. Все было кончено.

— Эх ты, Шпуня ты и есть Шпуня, — презрительно сказал Джонни. Тот грозно прищурился, но Джонни продолжал: — Если бы я захотел, ты бы эту ступку сам ко мне домой притащил...

— Ха! Как это?

— Очень просто. Я бы сказал: «Шпуня, тащи. Или всем расскажу, как ты вляпался бабке в капкан, когда лазил за шлемом. Вот потеха!..»

У Шпуни округлились глаза и отвисла губа. Джонни усмехнулся:

— Думаешь, никто не видел? Юрка Молчанов не дурак, он выследил. И Катька знает... Но ты не дрожи, Шпуня, мы никому не скажем, хоть ты и... Ну ладно. Это ты на нашем месте всем бы начал звонить, а мы не такие. Спи спокойно, Шпуня...

Гордый и печальный Джонни ушел домой, размышляя о том, из-за каких пустяков ломается порой человеческая судьба. Он хотел уже ложиться спать, когда мама сказала:

— Там к тебе какой-то мальчик пришел. Опять у вас приключения на ночь глядя?

Джонни выскочил в коридор.

Шпуня, отведя в сторону глаза, протянул ему тяжелый газетный сверток в авоське.

— Шпуня... — проговорил Джонни. — Витька, ты это... Спасибо.

— Сетку давай обратно, — угрюмо сказал Шпуня.

Катя не спала. Она не удивилась, что взмыленный Джонни примчался к ней за час до полуночи. Инна Матвеевна тоже не удивилась: за три года она привыкла к характеру своего ученика Жени Воробьева. Немного удивилась Вовкина мама, когда Джонни и Катя затрезвонили в квартиру Шестопаловых. Она покачала головой, но ничего не сказала и пошла звать своего знаменитого сына.

Алхимик появился, поддергивая трусы и зевая.

— Рехнулись? Вы бы еще в три часа ночи...

Но тут он заметил ступку и замолчал.

— Вот, — сказал Джонни, протягивая посудину.

Вовка с почтением взял увесистый ржавый сосуд, покачал в ладонях.

— Ничего, — с удовольствием пробормотал он.

— Мы знаем как торопились! — объяснил Джонни. — Этот человек уезжает через два дня. Надо успеть.

— Два дня — это плохо, — сказал Вовка. — Это в обрез... Тут работы непроворот, да еще испытания не меньше суток...

— Вовочка... — жалобно начала Катя (Джонни слегка поморщился). — Вовочка, а может быть, ты прямо сейчас начнешь работать? Чтобы не терять ни часика...

— А спать за меня будет Пушкин?

— Вовочка... Ну, ты же ученый. Ученые ради науки... они даже на костер шли!

— Идите вы сами на костер, — бесчувственно отрезал Вовка, но вдруг поморгал и спросил: — А ступка эта... Вы ее только на время даете? Или...

Джонни горячо заверил Алхимика, что замечательная ценная историческая ступка дарится ему на веки вечные.

— Ну ладно, — смягчился Вовка. — Завтра наведаетесь...

Наведываться не пришлось. Джонни еще спал, когда примчалась Катя.

— Готово!

Джонни взлетел с постели.

— Принесла?

— Нет. Оно в холодильнике остывает. Вовка сказал,

что через полчаса можно забрать... Давай скорее, а то он заляжет спать, не достучимся!

Через минуту ранние прохожие вздрагивали и смотрели, как два курчавых мальчишки-велосипедиста летят, не разбирая дороги и пугая кур.

В конце Песчаной улицы, где начинались кварталы новых домов, светловолосый велосипедист хотел на скорости перескочить канаву и полетел в траву...

Джонни поднялся, качая головой. Катька подскочила и деловито ощупала его голову, руки и ноги. Она считала себя великим медиком.

— Да все в порядке, — нетерпеливо сказал Джонни.

— Не все, — возразила Катя. — Вон на коленке...

— Да это старая царапина!

— Я не про царапину. Вот здесь кожа чуть-чуть соскоблена.

— Да чуть-чуть же!

— Все равно. Если верхний слой кожи разрушен, могут проникнуть микробы и начнется воспаление... Придем к Вовке — продезинфицируем...

Джонни думал увидеть Вовку заспанным и хмурым, но Алхимик был весел и бодр — как истинный ученый, завершивший удачные опыты.

— Сейчас принесу. Хватит на дюжину лысых, — пообещал Вовка. Но Катя строго сказала:

— Постой. У тебя есть перекись водорода? Джонни коленку сбил.

Вовка пригляделся, пожал плечами, но ответил:

— Пожалуйста. У меня даже получше есть.

Он зачем-то притащил ком ваты, рулон бинта и плоский зеленый флакон. Скрутил ватный шиш и пропитал жидкостью из флакона.

— Давай ногу.

Джонни, привыкший уступать Катьке в мелочах (чтобы не уступать в серьезных вопросах), послушно поставил ногу на табурет.

У жидкости был странный, но приятный запах. Она холодила кожу.

— Все, — сказал Вовка, старательно помазав коленку. — Теперь надо забинтовать.

Тут же Джонни вскипел:

— Да вы что, сумасшедшие оба? Даже не поцарапано, а вы...

— Надо сутки в тепле держать, — объяснил Вовка. — Там же сказано.

— Что сказано? Где?

— Здесь. — Алхимик взял со стола знакомый лист. — Вот... «Смазанный участок кожи укрыть и держать в тепле до появления первых признаков растительности...»

У Джонни заглодело в желудке.

— Ты что? — спросил он слабым голосом. — Ты мне... этой дрянью мазал?

Он хотел торопливо стереть Вовкино снадобье ладошкой, но тот поймал его за руку.

— Не вздумай! Тогда и на ладони волосы полезут. Да и бесполезно, уже впиталось.

Джонни посмотрел на Вовку в упор неприятным взглядом.

— Проверить-то надо, — хладнокровно объяснил Алхимик. — Я за свою продукцию отвечаю.

— Ну и проверял бы на себе, дубина! — взвизгнул Джонни. — Мазал бы себе хоть... — он быстро взглянул на Катю, — хоть поясницу!

— Я, значит, делай, я мажь, я испытывай, — возразил Вовка. — Всю работу один. Я вам кто? Лошадь?

— Ты не лошадь. Ты осел, — печально возразил Джонни. — Как я теперь буду с волосатой коленкой?

Алхимик пожал плечами.

— Брить будешь, пока лето. А зимой все равно не видать. Даже теплее. По крайней мере, не будет ревматизма коленной чашечки.

В последних словах Джонни уловил издевательскую нотку и молча врезал коварному Алхимику по скуле. Вернее, хотел врезать. Вовка тоже был не промах, он защитился и двинул Джонни в плечо. Тот не устоял, но, падая, ухватил Вовку за ногу. Колбы на столе подпрыгнули и задребезжали...

Катя взяла с подоконника большую кастрюлю, тщательно понюхала содержимое, убедилась, что там вода, и аккуратно вылила ее на сцепившихся противников.

Джонни и Вовка, фыркая, разлетелись по углам комнаты. Вовка осторожно держался за нос, и это слегка примирило Джонни с действительностью.

— Я в общем-то и не хотел на тебе испытывать, — примирительно объяснил Вовка. — Я хотел помазать соседского кота, у него плешь от лишая. А ты сам, как нарочно, со своей коленкой...

— Джонни, — ласково позвала Катя. — Если уж Вовка сделал лекарство от облысения, то лекарство наоборот он еще легче сделает.

— Запросто!.. Со временем, — откликнулся Вовка.

— Давай бутылку, — хмуро сказал Джонни.

Вовка очень осторожно отлил половину жидкости из флакона в пузырек поменьше.

— Кое-что оставляю. Для кота... А ногу-то давай забинтуем. Всякий опыт надо доводить до конца.

Тугой бинт мешал сгибать ногу и крутить педали. Джонни и Катя пошли пешком, а велосипеды вели «под уздцы». Теперь Джонни размышлял спокойнее и находил, что у случившегося есть две стороны. Конечно, будут лишние хлопоты с бритьем, но в то же время он, Джонни Воробьев, станет единственным в мире человеком, у которого на коленке растут волосы. А быть в чем-то единственным всегда приятно: возможны известность и слава.

Джонни подумал, не поделиться ли этой мыслью с Катей, но Катя шла какая-то рассеянная и смотрела под ноги. Вдруг она сказала:

— А все-таки Шестопалов — молодец.

— Дурак он и нахал, твой Шестопалов! — моментально вспыхнул Джонни.

— Почему это мой?

— А кто все время «Вовочка, Вовочка»?

— А как бы я его упростила? С людьми надо лаской... Вот попробуй сам когда-нибудь — увидишь...

Джонни попробовал, когда начал разговор с Верой Сергеевной:

— Вера, скажи, пожалуйста, не могла бы ты объяснить мне, где живет Валентин Эдуардович? Извини, что я тебя отвлекаю, но мне очень-очень надо.

Ласка и вежливость не помогли.

— Уйди, чудовище, — сказала Вера. — Ты хочешь сделать ему очередную гадость?

Джонни потупил глаза.

— Я хочу извиниться... За тот случай...

Вера остолбенела. Она уронила черный грифель, которым красила ресницы, и забормотала:

— Тогда я... да, конечно... Сейчас... Женечка, а это правда?

— Честное слово, — мужественно сказал Джонни.

Вера суетливо написала ему гостиничный адрес.

— Только ты, Женечка, сегодня же... А то он завтра утром уедет.

— Ой! Он же хотел послезавтра!

— Его вызвали в институт принимать вступительные экзамены. Завтра в девять у него последняя лекция, а потом он на поезд... Ты иди лучше прямо сейчас, он у себя.

Джонни и сам понимал, что надо спешить. Но Вера уговорила его сперва надеть чистую рубашку, а потом припудрила синяк (который стал уже светло-желтым и называться синяком не имел права).

Видимо, она сбегала к телефонной будке и предупредила Валентина Эдуардовича, потому что он ждал Джонни. Он встретил его у входа в гостиницу, сказал надутый администраторше «это ко мне» и заговорил с Джонни, когда еще шли по коридору:

— Женья, я чрезвычайно рад, что вы пришли, но вы совершенно зря волнуетесь по поводу того случая. Уверяю, я на вас не в обиде... Вот моя комната... Вот, садитесь в кресло... Наоборот, ваше выступление доставило мне большое удовольствие. Оно было в меру темпераментным и крайне актуальным. В самом деле, эти безобразные современные постройки среди исторических кварталов у самого крепостного холма... Это чудовишно!

— Все-таки я виноват, — вздохнул Джонни, останавливаясь у громадного кресла. — Вы уж извините меня, Валентин Эдуардович... Но у меня еще один вопрос. Можно?

— Ну разумеется! Прошу.

— Можно прямо?

— Конечно!

— Совсем прямо...

— Да-да, Женья! Я весь внимание. Ваша прямота мне весьма импонирует.

Джонни встал за кресло, уперся подбородком в его шершавую спинку и поднял ясные глаза.

— Вам нравится Вера?

— А? — сказал Валентин Эдуардович и нервно погладил лысину. — М-м... То есть да. Да... Но, увы, мне кажется, я ей не нравлюсь.

— Это не так, — деловито объяснил Джонни. — Вы ей нравитесь. В общем. Ей не нравится только ваша прическа. То есть то, что прически нет...

Валентин Эдуардович опять хотел потереть свою блестящую голову, но раздумал. Снял очки и жалобно сощурился.

— Эх, Женья, — грустно сказал он. — Это не самый большой мой недостаток. Но, к сожалению, самый неисправимый.

— Может быть, исправимый, — возразил Джонни. —

Вот. — И он протянул пузырек и бумагу, где был переписан рецепт и письмо неизвестного лекаря.

Узнав, какое снадобье принес ему Джонни, Валентин Эдуардович заметно разволновался. Сначала стал смеяться печальным смехом, потом заходил из угла в угол и начал говорить, что он очень ценит Джоннины старания и очень благодарен ему за доброе отношение, но (увы, увы и увы!) в природе не существует сил, которые заставили бы облысевшую голову снова покрыться волосами. Если бы такие силы были, современная наука давно бы их открыла.

— Современная наука многое позабыла, — опять возразил Джонни. — Вот недавно в «Очевидном-невероятном» рассказывали про древнюю медицину. Там такие вещи делались, что сейчас никто не верит...

— Гм... — Валентин Эдуардович остановился. — В твоих рассуждениях много логики. Но... нет-нет, Женя. Спасибо, но я выглядел бы смешным в собственных глазах, если бы решился на такой эксперимент. Это недостойно здравомыслящего человека.

— Жаль... Ну, вам виднее, конечно, — вздохнул Джонни. — А пузырек я вам все же оставляю...

— Да зачем же он мне?

— А мне он и совсем ни за чем, — печально сказал Джонни.

Огорченный, он вышел на улицу. Странные люди — эти кандидаты наук. «Недостойно здравомыслящего человека...» Что тут недостойного? Взял бы да попробовал! Если Вовкино зелье действует, завтра утром, перед отъездом, Валентин Эдуардович был бы уже не лысый, а как бы стриженный под машинку. Сперва это некрасиво (Джонни знает по себе), но скоро волосы станут длиннее, и тогда делай прическу и сватайся на здоровье.

Трудное ли это дело — помазать жидкостью башку? Так нет же, принцип не позволяет... Зря только бедного Алхимика заставили ночью колдовать. Всей пользы от этого — Джоннина волосатая коленка...

Но... Стоп! Если волосы на ней прорастут — это же доказательство! Тогда уж Валентин Эдуардович не откажется. Надо завтра утром прибежать к нему и показать: «Вот! А вы спорили! Мажьтесь!»

А вдруг он уже вылил снадобье в раковину?

Джонни помчался назад, в гостиницу, но у самого входа вспомнил суровую администраторшу. Тогда он пошел вдоль здания, становясь на цыпочки у каждого окна: Ва-

лентин Эдуардович жил на первом этаже. В пятом или шестом окне Джонни увидел его.

Валентин Эдуардович стоял перед зеркальным шкафом и держал стеклянную пепельницу. Он осторожно макал в нее свернутый платок. Влажным платком Валентин Эдуардович старательно натирал свое блестящее темя.

Весь день Джонни хотелось посмотреть: что там с коленкой? Но Катя говорила:

— Не смей. Переохладишь, и сорвется опыт.

Иногда коленка чесалась, а порой кожу покалывало. Может быть, это проклеивались волосы.

Перед сном Джонни не выдержал и размотал бинт. Левая коленка была абсолютно гладкой — и на вид, и на ошупь. Она ничем не отличалась от правой, разве что была почище.

Сначала Джонни очень расстроился, но потом сказал себе, что горевать рано: прошло всего полсуток. Он снова забинтовал колено...

Проснулся Джонни рано. За ночь повязка сбилась. Джонни с замиранием души потянул из-под одеяла ногу...

И перестал дышать.

Коленка была черная.

Она была черная, как... Сказать «как у негра»? Но любой самый темный негр позавидовал бы этой густой, без всяких оттенков черноте. Коленка была такой, словно ее осторожно обмакнули в блюдечко с тушью. Лишь посередине тянулся, как розовая нитка, след от облупившейся царапины.

— Ой, мамочка... — с тихим стоном сказал Джонни и на правой ноге, будто левая коленка не просто почернела, а была раздроблена картечью, поскакал в ванную.

Сначала он мыл коленку горячей водой и туалетным мылом. Потом Вериным шампунем. Потом скреб нейлоновой мочалкой и даже попробовал оттирать пастой «гои».

С таким же успехом можно было стараться отмыть добела черный резиновый мячик. Джонни лишь добился, что коленка стала блестеть, как носок офицерского сапога, начищенного перед парадом.

Закрывая коленку ладонями, Джонни упрыгал в свою комнату и влез в модные вельветовые брюки, которые ему недавно подарили на день рождения.

Потом он сел на край постели и с головой ушел в черные думы.

Таким и нашла его прибежавшая Катя.

Она увидела на Джонни вельветовые клеши и обрадованно спросила:

— Получилось?

Джонни встал и молча подтянул штанину.

— Ой-я-я, — тихо сказала Катя. Села на корточки, внимательно обследовала коленку и подняла на Джонни синие страдающие глаза. — Чем оттирал?

— Всем. Даже купоросом, — процедил Джонни. — Подлец твой Шестопалов. Неуч. Шарлатан... — Он опустил брючину и печально сказал: — Пойду.

— Бить Вовку? — понимающе спросила Катя.

— Вовка подождет. К Валентину Эдуардовичу... Катька, он же думает теперь, что я нарочно...

— Ой-я-я, — опять сказала Катя. — Про него-то я забыла.

— «Забыла»! Зато я только про него и думаю! Вот выходит он на сцену, снимает по привычке берет...

— Ну, мне кажется, он увидел свою голову раньше, — успокоила Катя.

— «Раньше»... Не все ли равно? Ой, Катька... Может, бежать в тайгу или в Антарктиду?

— Я с тобой, — мужественно сказала Катя.

— Нет, — решил Джонни. — Лучше уж пойду к нему. Сам. Навстречу грозе...

— Я с тобой, — снова твердо сказала Катя. — Идем?

Но идти не пришлось. Раздался звонок, Джонни услышал, как мама пошла открывать дверь, а потом в передней прозвучал отчетливый голос Веры Сергеевны:

— Где. Этот. Изверг?

Вот уж не знаешь, когда ждать беды, а когда спасения... Гроза обошла Джонни стороной. Едва задела крылом. Потому что папа, услышав историю со старинным лекарством, вдруг согнулся пополам, будто ему в живот попали футбольным мячом, вытаращил глаза и начал дико хохотать. Он хохотал, икая, плача и даже булькая. Мама, которая пошла за валерьянкой для себя и для Веры, отдала ее папе.

Катя, увидев, что большой опасности для Джонни уже нет, незаметно подмигнула ему и тихонько исчезла.

Папа продолжал стонать от смеха. Мама вдруг начала кусать губы. А Джонни не улыбнулся. С непонятной грустью он смотрел, как Вера укладывает чемоданы.

...Она уехала после обеда. Вслед за Валентином Эдуардовичем, который укатил еще утром в туго натянутом на

уши берете. С мамой и папой Вера простилась очень ласково, а с Джонни сухо.

Вскоре после этого краска на Джонниной коленке пошла трещинками и кое-где зашелушилась. А еще через час начала отслаиваться тонкими пленками...

Под вечер Джонни сидел на подоконнике в покинутой Вериной комнате и задумчиво счищал с колена последние черные кожурки. Все в комнате было так же, как при Вере, — та забрала с собой только два чемодана, а крупные вещи решила увезти позднее.

Раньше Джонни приходил сюда — будто вступал на территорию, занятую враждебной армией, а теперь здесь ему ничего не грозило. И пришла к Джонни странная печаль.

В комнату заглянула мама. Задержалась в дверях. Внимательно посмотрела на Джонни и тихонько спросила:

— Ну? Что притих, искатель приключений?

Джонни поднял грустные глаза.

— Мам... А ведь в общем-то она совсем не плохой человек.

— Наконец ты это понял, — сказала мама.

— Да... — вздохнул Джонни. Иногда он умел быть самокритичным. — Знаешь, мама, мне даже кажется, что я буду по ней скучать...

Мама, как девочка, села на подоконник. Рядом с Джонни. Взяла его за плечи. Покачала туда-сюда.

— Эх ты, воробушек... Ничего, она будет ездить к нам в гости. А мы скоро поедem к ней на свадьбу...

— И я? — усомнился Джонни. — Думаешь, она мне обрадуется?

Мама засмеялась:

— Обрадуется. Не так уж она и сердится.

— А Валентин Эдуардович? Он-то, наверно, после этой истории меня и совсем видеть не захочет.

— Захочет. Знаешь, что он сказал? «Все это — досадная случайность. Я уверен, что Женя действовал из самых благородных побуждений...» А еще он попросил: «Передайте Жене, что он все равно кузнец моего счастья».

— Как это? — изумился Джонни.

— Ну, видишь ли... Когда Вера поняла, какие страдания он терпит, чтобы стать ее женихом, она больше не колебалась... В одной старинной пьесе есть такие слова: «Она меня за муки полюбила...»

Джонни задумчиво сказал:

— По-моему, она все решила еще раньше.

— Возможно. И все же этот случай был последней каплей...

Джонни подумал и хмыкнул:

— Ничего себе капля! Целый пузырек.

Мама посмеялась вместе с ним и поднялась.

— Посиди, — попросил Джонни. — Мне одному что-то скучно...

— Да, «посиди». А кто будет готовить ужин?.. Ты не заскучаешь, вон к тебе Катя идет.

— Где? — оживился Джонни. — Я не вижу... О-о-о! Вот это да!

Катка переходила улицу. Сейчас она была совсем не похожа на загорелого поцарапанного мальчишку. Она была прекрасна, как в тот день, когда Джонни первый раз увидел ее на весеннем карнавале. В светлом пышном платье и белых босоножках, она походила на маленького лебедя из балета Чайковского, который недавно показывали по второй программе.

Джонни почему-то заволновался, поправил вельветовую штанину и разгладил воротничок.

Катя впорхнула в комнату. Играя белой сумочкой, спускавшейся с плеча на тонком ремешке, она прошептала:

— Джонни, пойдем с нами в парк? Там выступает летний цирк, мама купила три билета.

— Как я пойду? — огорченно откликнулся Джонни. — Я досиживаю то, что осталось. Последний вечер сегодня...

— Отпросись, — пританцовывая, сказала Катя.

— Опять просить? Ну уж, фигушки!

— Тогда я сама... — Она выскочила за порог и через полминуты привела за руку Джонниного папу.

Поглядывая на Джонни, папа сказал:

— Вам, Екатерина Дмитриевна, я ни в чем отказать не могу. Этот герой может считать, что получил помилование.

— Не надо мне никакого помилования! — ошетинился Джонни.

— Здравствуй, я ваша тетя! А что тебе надо?

— Милуют тех, кто виноват...

— Ага. А ты, конечно, во всем прав! Так?

— Так, — задумчиво сказал Джонни.

— И, значит, по-прежнему будешь кулаками выяснять отношения с этим... со Шпуней!

Джонни подумал.

— Нет, пожалуй... Кажется, мы помирились.

Папа сказал с облегчением:

— Один вопрос отпадает сам собой... А как насчет звания «демагог», которым ты наградил родного отца?

Джонни восторженно и даже обрадовался:

— Да, тут я конечно!.. Это от необразованности. Ты уж, папа, не сердись.

— То-то же, — сказал отец. — Остался вопрос о твоём выступлении в парке.

Джонни опять опечалился и с гордостью человека, готового до конца страдать за истину, проговорил:

— Тут я все равно прав. Мне сам Валентин Эдуардович сказал.

— Он просто деликатный человек...

— Нет! Он всерьез говорил, что я хорошо выступил.

— Да, — вмешалась Катя. — В газете ведь так же написано.

— В какой газете? — разом спросили папа и Джонни.

— Вы не читали? — удивилась Катя. — Вы, товарищи, совершенно отстали от жизни.

Она достала из сумочки порядком помятый лист городской газеты. Наверху страницы было крупно напечатано: «Горны трубят! Пионерское лето в разгаре!» Джонни увидел несколько фотоснимков, на которых ребята качались на качелях, куда-то бежали, взявшись за руки, и били в барабаны...

— Вот... — Катя показала на маленькую заметку в уголке листа. Заметка называлась «На важную тему».

Папа и Джонни, стукнувшись над газетой головами, стали читать:

«В субботу ребята из городского пионерского лагеря с удовольствием прослушали лекцию об истории нашего родного города. Ее прочитал приехавший из Москвы кандидат исторических наук В. Э. Верхотурский. Перед лекцией выступил четвероклассник школы № 2 Женя Воробьев. В своей короткой речи он поднял серьезный вопрос о том, что некоторые владельцы частных автомашин нарушают существующие правила и ставят свои гаражи в самых неподходящих местах, в том числе и на площадках, которые ребята сами построили для своих игр. Надо надеяться, что городские власти не оставят эту тревожную проблему без внимания.

Член молодежного литературного объединения,
ученик девятого класса школы № 2 Сергей Волошин».

Джонни прыгнул к окошку и нырнул в него головой, словно хотел выброситься со второго этажа. Катя и отец

в панике вцепились в его штанины. Перегнувшись вниз, Джонни завопил:

— Серега! Се-ре-га-а!

На первом этаже открылось окно и показалась голова Сережки Волошина.

— Чего голосишь? Я работаю!

— Работай на здоровье! Только скажи, как ты эту заметку написал? Тебя же на лекции не было!

— Ну и что? Мне Борис Иванович рассказал. Он и в редакцию позвонил, просил, чтобы напечатали...

Джонни сел на подоконник и посмотрел на отца.

— Вот! А ты говоришь...

Джонни и Катя шагали по Песчаной улице к большим домам: надо было зайти за Катиной мамой. Вечер был очень теплый и хороший. Невысокое солнце будто рассыпало по крышам и тополям золотистый порошок. Было так красиво... И Катя была красивая. Джонни несколько раз отставал, чтобы полюбоваться ею с некоторого расстояния.

Красивая Катя наконец оглянулась и сказала:

— Что ты плетешься, как больная корова? И так проторчали у тебя дома с твоими спорами-разговорами. Вот опоздаем в цирк...

Джонни не терпел напрасных упреков. Ни от кого, даже от Кати, будь она хоть сама принцесса. Он тут же ответил, что нечего было к нему приходить. Шла бы без него, если торопится.

Катя объяснила, что тогда бы пропал билет.

— Позвала бы своего Вовочку, — посоветовал Джонни.

Катя вздохнула:

— Вовочка не может. Он тоже сидит...

— Так ему и надо, — проворчал Джонни. Но все же заинтересовался: — А за что?

— Помнишь, в каком флаконе было его лекарство?

— Откуда я помню?.. В зеленом каком-то.

— Это флакон из-под лосьона...

— Из-под чего?

— Ну, жидкость такая, вроде одеколona. Чтобы освежаться после бритья.

— А, знаю! У папы есть. Ну и что?

Катя печально сказала:

— Ничего особенного. Вчера утром Вовкин папа перепутал флаконы. Он протер нашим лекарством побритые щеки.

Тайна пирамид

Неудачный опыт

Дверь приоткрылась, в канцелярию просунулась кудлатая светло-желтая голова.

— Здравсте, Евдокия Герасимовна. Борис Иванович у себя?

— Директор занят, — без малейшей ласковости сообщила секретарша.

Голова вздохнула:

— Что же мне делать...

— Закреть дверь, Воробьев, вот что. Слишком часто ты заходишь к директору без всякого дела. Нашел себе приятеля.

Евдокия Герасимовна работала в школе тридцать лет и была старше Бориса Ивановича вдвое. Она твердо знала, что ученики не должны приходить к директору. Их должны к нему приводить. Пятикласснику Джонни Воробьеву эта точка зрения была известна. Он не стал с ней спорить и разъяснил:

— Я не сам. Анна Викторовна велела.

Евдокия Герасимовна проявила некоторый интерес:

— Вот как? Она удалила тебя с занятий?

Джонни не успел ответить. Из-за приоткрытой кожаной двери кабинета донеслось:

— Евдокия Герасимовна, там кто-то пришел?

— Воробьев из пятого «А», — последовал сухой ответ.

— Пусть... — сумрачно сказал директор. И пятиклассник Воробьев мимо поджавшей губы секретарши ступил в кабинет.

Там он еще раз сказал «здрассте» и еще раз вздохнул.

Борис Иванович меланхолично перебирал на столе ведомости и объяснительные записки прогульщиков. Буркнул:

— Садись, не торчи.

Джонни сдержанно вздохнул третий раз и опустился на краешек стула у двери.

— Ну? — спросил Борис Иванович. — Опять?

— Анна Викторовна. Из-за пирамид...

Борис Иванович поднял от бумаг лицо.

— Каких пирамид? Вы что, в пятом классе за геометрию взялись?

— Это не геометрия... Из-за египетских.

— Еще не легче... Насколько я знаю, Анна Викторовна ведет математику, а не историю.

— Математику, — подтвердил Джонни, разглядывая портрет симпатичного педагога в очках по фамилии Ушинский.

— Изложи суть события, — сказал директор.

— Подробно? — оживился Джонни.

— Кратко.

— Ладно. Пирамиды — это шляпы. Из картона. Ученые считают, что под такими шляпами мозги работают активнее. Мы эти шляпы специально сделали, потому что по математике сегодня самостоятельная работа. Сели, недели, а она... Анна Викторовна то есть... она в крик. Говорит, сорвали урок... Вот...

— Дальше.

— Я хотел объяснить. Она говорит: «Объяснять будешь директору. Иди и объясняй». Я пришел.

— Все?

— Все, — сказал Джонни. Педагог по фамилии Ушинский смотрел на него с сочувствием. Борис Иванович — без. Он знал, что Джонни Воробьев не нуждается в сочувствии, особенно если считает себя правым. Борис Иванович смотрел со смесью утомления и любопытства. Утомления было больше.

— Свихнусь я тут с вами, — сообщил он. — Только вторая четверть началась, а у меня уже давление, как у хронического гипертоника... В отпуск бы. На песочек, на берег. И чтобы лето кругом...

— Ой, хорошо бы, — искренне согласился Джонни.

Директор дотянулся до этажерки с газетами и папками. Из-под папок вытащил шахматы (они сухо гроыхнули в клетчатой коробке; директор быстро оглянулся на дверь).

— Давай? — сказал он Джонни. — Мне разрядка нужна...

— Давайте...

Доску положили на объяснительные записки. Джонни перебрался на подлокотник могучего кресла у стола и начал расставлять фигуры.

— В той четверти счет у нас был два-два, — напомнил Борис Иванович.

Джонни кивнул.

— А все-таки что это за идея с пирамидами? — спросил Борис Иванович. — И чья? Твоя?

— Не моя, а француза Антуана Бови. Он египетские пирамиды изучал и один раз задумался: почему в них мумии так хорошо сохраняются? А потом еще увидел, что если какой-нибудь зверь забредет в пирамиду и там помрет, он тоже не портится... И тогда этот Бови стал делать опыты: накроет картонной пирамидой котлету, и она остается свежей несколько месяцев... Эта самая котлета... А где еще белая пешка? Ой, вот она... И другие ученые тоже опыты делали. Например, тупая бритва под пластмассовой пирамидой за несколько часов делается опять острая. В Чехословакии даже специально такие пирамидки продаются для бритв... И растения под пирамидой лучше растут...

— И мозги лучше варят. Да? — подал голос Борис Иванович. В голосе его было все, кроме доверия. Но Джонни подровнял ряд черных фигур и ответил спокойно:

— Мы не успели коллективно проверить. Но так говорят... То есть пишут.

— Где пишут?

Джонни сходил к оставленному у двери портфелю. Принес потрепанный журнал. Это был мартовский номер «Юного следопыта» за восемьдесят первый год (судя по всему, добытый из макулатуры).

— Вот тут заметка. «Магическая сила пирамид».

— Дай-ка эту «Магическую силу»... И ходи. Твои — белые, прошлый раз ты черными играл.

Джонни двинул пешку. Борис Иванович тоже. Джонни еще. Борис Иванович, поглядывая то на доску, то в журнал, сходил опять. Джонни задумался. Борис Иванович бормотал:

— «...Если верить исследователям, процесс мышления облегчается и становится более интенсивным внутри пирамиды и в пирамидальной шляпе... Фактически перечень экспериментов бесконечен... Научного объяснения свойства пирамид пока не получили...»

— Я сходил, — напомнил Джонни.

— Сейчас... Ерунду какую-то напечатали, а вы верите... Тут и рубрика-то несерьезная: «Загадки, гипотезы, курьезы»...

— А почему тогда бритвы затачиваются?

— Ты это сам видел?

— А что, разве журнал может врать?

— Н-ну... Все равно чушь какая-то.

— Ну, пускай чушь, — покладисто сказал Джонни и вывел коня за линию пешек. — Все равно вреда от этого никакого нету. Чего было скандал устраивать?

— И большой был скандал? — нехотя спросил директор.

— Изложить в подробностях?

— М-м... нет. Анна Викторовна сама изложит на перемене.

— Со своих позиций, — сумрачно сказал Джонни и вывел на большую диагональ слона.

— Естественно, — заметил Борис Иванович. — Каждый заботится о своих позициях... Впрочем, ты не заботишься: смотри, сейчас тебе будет классическая вилка.

— Не будет, я вот сюда...

— А я так!

— Ах ты... — шепотом сказал Джонни и запустил пядерню в кудлатый затылок. С полминуты он сидел на подлокотнике в позе озадаченного павиана. Потом метнулся к портфелю и выхватил из него что-то плоское и картонное. Это «что-то» щелкнуло и развернулось. Джонни накрыл желтые космы картонной шляпой-пирамидой. Деловито вернулся к столу.

— Ну-ну, — сказал Борис Иванович. — Давай-давай...

Джонни «дал». Вывел ферзя из-под удара, спокойно посмотрел, как директор забирает белую ладью, и сказал:

— Шах.

— Подумаешь...
— Еще шах.
— Ну и...
— Ну и тогда ваш ферзь полетит.
— Ч-черт, — непедагогично высказался директор. Ферзя он спас, но потерял коня и слона. И задумался. Надолго.

Наконец Джонни деликатно покашлял.

— Подожди, — поморщился Борис Иванович. — Дайка... — Неожиданно он снял с Джонни пирамиду и накрыл ею свою волнистую русую шевелюру. — Ага... Хитрый трюк с пешкой у вас, товарищ Воробьев, не выйдет...

— Как сказать, — отозвался Джонни.

— Вот так и ска...

Ласково закурлыкал телефон. Борис Иванович посмотрел на него, как на отпетого нарушителя дисциплины. Трубку не взял. Приоткрылась дверь. Директор судорожно снял шляпу и положил перед собой. Джонни оглянулся. Он успел заметить, что у возникшей на пороге Евдокии Герасимовны от изумления сами собой воздвиглись на лоб очки. Джонни съехал с подлокотника и укрылся за высокой спинкой. Евдокия Герасимовна с придыханием сказала:

— Борис Иванович, вам звонят.

— Меня нет, — страдальчески произнес директор.

— Но... это заведующий гороно.

— Я на показательном уроке.

Джонни сквозь спинку кресла ощутил взгляд секретарши. И отчетливо понял, что ему, Джонни, здесь не место. Ученики не должны знать, что директор умеет говорить неправду.

— Я надеюсь, вы пошутили, — деревянным голосом проговорила Евдокия Герасимовна. — Я уже сказала Игорю Степановичу, что вы сейчас возьмете трубку.

На худом лице Бориса Ивановича отчетливо нарисовалась зубная боль.

— Да... — обреченно сказал он в трубку. — Да... Привет и тебе, дорогой Игорь Степанович... Ну, не хочу я об этом сейчас, не время. Так не хочу, что даже просил соврать уважаемую Евдокию Герасимовну, что меня нет. Но она неколебима в своих убеждениях... Да, писал, сам знаешь, раз говоришь. Нет, не так. Пока только просил узнать, есть ли возможность... Не надо, Игорь Степанович, мы оба знаем, что ты будешь рад... Зато спокойнее... Ну хорошо, хорошо. Потом... До вечера.

Он с облегчением плюхнул трубку на аппарат. Помолчал. Опять нахлобучил пирамиду, словно хотел ею защититься от всех неприятностей. Но тут же спохватился и надел ее на Джонни. И усмехнулся:

— Бедная Анна Викторовна... Представляю, что она испытала, когда увидела вместо ваших нечесанных макушек такие вот... четырехскатные крыши.

— Не знаю, что испытала, — насупился Джонни. — Но крик был большой... Она почему-то думает, что мы все ей назло делаем. А мы наоборот. Хотели процент успеваемости повысить.

— Не жалуйся, — сказал директор. — Она совсем не плохой человек.

Джонни защитил пешкой короля и пожал плечами.

— Никто не говорит, что плохой. Только неопытный... Мы на нее и не злимся. Если первый год человек с пятиклассниками работает, чего с него спрашивать... Может, еще воспитается.

— Будем надеяться, — сказал директор.

— А вы надеетесь? — осторожно спросил Джонни.

— Надеюсь... Я с Анной Викторовной как-то разговаривал про ее дела... и вообще про жизнь. Она говорит, что с детства мечтала учительницей стать. А раз человек мечтает... А то ведь есть такие, что идут в пединститут просто так, потому что больше некуда податься. А зачем соваться в педагоги, если сроду этого не хотел?

— А вы? — спросил Джонни и слегка испугался своей дерзости.

— Что?

— Ну, вы... хотели?

— Я хотел, — сказал Борис Иванович. — Я с восьмого класса с маленькими возился... А ты, кажется, с первого, да?

— При чем тут я? — подозрительно спросил Джонни.

— Это я так... Ах ты, как же я пешку-то прошляпил...

— Может, потом доиграем? — деликатно предложил Джонни. — А то вы сегодня какой-то... грустный.

— Думаешь, завтра буду веселее?

— Неприятности, наверно? Из-за нас, да? — посочувствовал Джонни.

— Не только из-за вас... Все одно к одному. Письмо вот пришло, что Ленка заболела. Дочка.

Джонни вскинул ресницы. Про дочку он слышал впервые. Директор жил один в комнате при школе.

— Она с матерью в Краснодаре, — объяснил Борис Иванович.

— А! Потому что здесь квартиру не дают, — догадался Джонни.

— Потому что... директор школы, а не доктор наук, — слишком ровным голосом сказал Борис Иванович. И вдруг смешал на доске фигуры. — Все, Джонни. Сдаюсь.

— Ну, зачем вы так? — смутился Джонни. — Могла быть ничья...

— Не люблю ничьих. Лучше давай еще раз. До звонка двадцать минут.

— Только вы возьмите сейчас мою шляпу. Чтобы равные шансы были, а то нечестно.

— Возьму...

«В этом что-то есть...»

Во второй партии Борису Ивановичу везло больше. Но он оставался невеселым. Неловко глянул на Джонни и сказал:

— Я тут слегка разболтался о семейных делах. Это между нами, ладно?

— Вы же меня знаете, — успокоил Джонни.

Борис Иванович наконец улыбнулся.

— Знаю... С самого начала. Мы ведь в один год с тобой в школу пришли. Ты в первый класс, я в директоры... А познакомились четвертого сентября, после шумной истории с водопроводом. Я тебя сушил в этом кабинете...

— Я помню, — поспешно сказал Джонни. — Вам шах, Борис Иванович. — Ему не хотелось касаться подробностей.

Борис Иванович поправил шляпу-пирамиду и продолжал вспоминать:

— А потом операция «Зеленый слон». Это уже в третьем классе...

Джонни заулыбался. Операция была героическая, стыдиться нечего.

— В общем, знаем мы друг друга пятый год, — подвел итог директор и задумчиво глянул из-под шляпы. — Поэтому ответь мне, Евгений Валерьевич, на один вопрос. Только честно.

— Если получится, — осторожно сказал Джонни.

— Получится. Скажи: какой я директор?

— Как это «какой»? — растерялся Джонни.

— Ну, какой? Плохой, хороший? Средний?

Джонни не думал ни секунды. Он сказал то, что знал:

— Самый хороший в Советском Союзе.

— Я серьезно...

— И я серьезно. Это все знают. — Джонни был даже слегка раздосадован. Он не любил говорить общеизвестные вещи.

— Все знают, — усмехнулся Борис Иванович. — Кто может знать про весь Советский Союз?

— Ну... это я так сказал. Просто лучше, чем вы, директору быть ни к чему...

— Ты, наверно, меня не понял, — вздохнул Борис Иванович. — Дело не в том, что мы играем с тобой в шахматы и я иногда прощаю твои фокусы...

— Ох уж, вы прощаете... — сказал Джонни.

— Однако... Согласись, что относясь с пониманием.

— С пониманием вы ко всем относитесь, — холодно зато сказал Джонни. — Я про это и говорю.

— Ты, кажется, обиделся... Или тебе показалось, что я напрашиваюсь на комплименты?

— Мне другое показалось, — хмуро сказал Джонни. — Кто-то считает, что вы не такой уж хороший директор, да? — И он посмотрел на телефон.

Борис Иванович тоже посмотрел на телефон.

— Вы им не верьте, — сказал Джонни.

— А ты не хотел бы стать директором? — вдруг спросил Борис Иванович.

— Как это? — изумился Джонни.

— Ну, не обязательно директором, а вообще учителем. Когда вырастешь.

Джонни не любил делиться планами на будущее. Даже с самыми хорошими людьми. Но сейчас разговор шел такой, что приходилось быть откровенным.

— Я еще точно не знаю, — неуверенно проговорил Джонни. — Вообще-то мне больше хотелось путешественником... Как Тур Хейердал, например. Или археологом, всякие тайны раскапывать. В общем, открытия делать.

— Хорошее занятие, — согласился Борис Иванович. — Я об этом тоже мечтал. Но, понимаешь... Тех, кто станет делать открытия, кто-то должен сначала учить...

— Я понимаю...

— И еще вот какая штука... Конечно, открытия делаются в экспедициях. И в лабораториях, и в космосе. Но не только. Есть еще работа: помогать людям делать открытия каждый день.

— Это, значит, нам помогать, — с пониманием сказал Джонни.

— Конечно. А разве нет? Разве, когда человек узнает букву «А», это не открытие? Или когда впервые слышит, что Земля круглая. Или про атомы...

— Или про пирамиды, — улыбнулся Джонни.

— Или про пирамиды... Кстати, в них, кажется, в самом деле что-то есть...

— Да? А почему вы решили?

— Потому что тебе мат, — с удовольствием сказал Борис Иванович.

— Как это?

— А вот так. Куда ты пойдешь? Сюда? Все равно...

Джонни не огорчился.

— Ладно. Значит, три — три, — сказал он и встал. Хотелось потянуться, но при директоре, особенно при самом лучшем, потягиваться неудобно.

Опять закурлыкал телефон. За дверью послышался сдержанный голос Евдокии Герасимовны:

— Бориса Ивановича нет, он на открытом уроке.

Джонни деликатно прикусил улыбку. Директор досадливо посопел. Потом сказал:

— А перед Анной Викторовной ты сегодня же извинись.

— Ну вот... — расстроено откликнулся Джонни.

— Не «ну вот», а извинись.

— Я, конечно, могу, — снисходительно сказал Джонни. — Только это непедагогично.

— Что-о?

— Она решит, что я и правда виноват, а это неправда. А обманом никого не воспитаешь.

— Но ты же в самом деле виноват!

— Я?

— А кто же! Ты — зачинщик. Эксперимент затеял, а посоветоваться с Анной Викторовной не подумался. Отсюда и скандал. Какое ты имел право ставить опыт на ее уроке без ее разрешения?

Джонни озадаченно взлохматил затылок.

— Да... Это я не сообразил... Я так и скажу: «Извините, что забыл посоветоваться».

— Вот-вот. Так и скажи.

— Так и скажу.

Пожалейте дракона!

После третьего урока Джонни повстречал на лестнице Инну Матвеевну. Она ужасно обрадовалась. Она сказала, что ищет его целый день!

— Жень, ты должен меня спасти!

— Ладно, — сказал Джонни.

Он, конечно, не знал, от чего надо спасать Инну Матвеевну, которая в давние времена учила его в младших классах. Но понимал, что это его долг. Кроме того, Инна Матвеевна была мамой Катьки Зарецкой. Если Джонни ее не спасет, Катька решит, что он поступил так назло. Ей, Катьке, назло. А это было бы мелко и недостойно.

— Спасу, — пообещал Джонни. — Сегодня?

— Да! Мы с моими третьеклассниками придумали новогоднее представление. Такой спектакль. Одна знакомая, одноклассница моя бывшая, она в библиотеке работает, написала целую пьесу. Очень славная пьеса, как раз для ребят, но там участвует чудовище...

У Джонни от сдержанного интереса под желтыми космами зашевелились уши.

— Прекрасное страшное чудовище, Змей Горыныч с тремя головами. Но его надо сделать, а никто не знает как. Они все у меня в классе какие-то бестолковые, ни капельки инициативы. Только галдят. Не то что были вы... Помнишь, каких прекрасных огнедышащих чертей вы мастерили во втором классе?

Джонни помнил. Он внутренне усмехнулся. Но он был джентльмен и не стал напоминать, что три года назад огнедышащие бесы из пенопласта и лампочек не вызывали у Инны Матвеевны столь большого восторга. Тем более что второклассники развлекались ими отнюдь не на празднике...

— Значит, чудовище... — задумчиво сказал он.

— Да! Жень, я дам тебе сценарий, он коротенький, ты его быстро прочитай, а после четвертого урока приходи к нам на классный час. Хорошо?

Джонни солидно кивнул.

— А почему ты к нам домой не заходишь, Жень? Так давно уже не был...

Джонни мигнул. Он умел себя сдерживать, но сейчас у него чуть-чуть не вырвалось:

«Спросите у Катьки».

И тогда, наверно, произошел бы такой разговор:

«У Кати? Жень... Неужели вы поссорились?»

«Вот еще...»

«А что же случилось?»

«Просто... как ни придешь — ее или дома нет, или торчит там Алхимик».

«Кто?»

«Ну, этот... Вовка Шестопалов из Катькиной школы. Шестиклассник...»

«Ах, этот... Я поговорю с Катей. Он, кстати, не очень мне нравится. Какой-то хулиганистый на вид».

«Что вы, Инна Матвеевна! Он нормальный парень! Он, знаете... такой целеустремленный. И способный. Мы с ним друг друга понимаем».

«Тогда почему нельзя дружить втроем?»

«Я это Катьке тоже говорил... И Алхимик, по-моему, говорил...»

«А она что?»

«Она?... Да ну ее, Инна Матвеевна. Давайте лучше про чудовище...»

К счастью, этот горький и недостойный Джонниного характера диалог лишь стремительно прокрутился у него в голове и оборвался, будто пленка в испорченном магнитофоне.

— Уроков задают выше головы, Инна Матвеевна. Не третий класс, — неохотно сказал Джонни. И стал заталкивать в портфель мятую тетрадку со сценарием праздника.

Сценарий Джонни прочитал на уроке истории. Несколько раз он морщился, будто разжевывал гнилую сливу.

Но на классном чае в третьем «Б», когда Инна Матвеевна рассадилась и успокоила галдящих питомцев, Джонни сказал:

— Это хорошая пьеса. Ваша знакомая, Инна Матвеевна, просто настоящая писательница... Только у меня тут одно маленькое замечание. Можно?

Инна Матвеевна радостно закивала.

— Значит, тут что... Двоечник Федя попал в Тридевятое царство, и этот Змей Горыныч должен его сожрать. Если Федя не решит задачку и не ответит на вопросы... А помогать Феде все ребята в зале должны, да?

— Совершенно верно. Это такой спектакль-игра.

— Игра хорошая, — вздохнул Джонни. — Только, наверно, ваша знакомая в школе давно училась. Сейчас про-

граммы посложнее. А тут задачка такая... уж совсем простенькая. Тут и думать нечего, даже двоечнику...

— Это, Женя, мы поправим. Нам главное — как со змеем быть!

— Я тоже думаю, как быть, — озабоченно произнес Джонни и обвел глазами класс.

В классе было разнообразное настроение. Кто-то слушал, кто-то зевал, кто-то на задних партах затевал нешумные потасовки. Кто-то вполголоса беседовал о своих делах. Инна Матвеевна несколько раз громко призывала к спокойствию и обещала «взять дневники».

Джонни подумал и прямо сказал:

— Инна Матвеевна, вы ведь еще не обедали...

— Н-нет... А что?

— Вы сходите в столовую, пока там народу немного. А мы тут все обсудим. — Джонни глянул на Инну Матвеевну ясно и ласково. Именно поэтому она заволновалась. Но что она могла сделать? Спорить с Воробьевым, когда он за что-то берется всерьез, бессмысленно.

— Но... здесь все будет спокойно?

Джонни снисходительно улыбнулся:

— Как в тихий час в санатории для глухонемых.

Он проводил бывшую любимую учительницу (и Катюшину маму) до двери, дверь прикрыл, повернулся на каблуках и отчетливо сказал третьему «Б»:

— Встать!

В третьем «Б» сидел всякий народ. Но среди всякого народа было человек семь, которые знали Джонни с детского сада. Люди из славной Джонниной армии — той, что не раз прославила себя хитрыми операциями с красивыми названиями, а Крепостную улицу и ближние переулки потрясала громовыми схватками в войне за справедливость.

Боевая дисциплина у этих ветеранов была в крови. Они пружинисто рванулись из-за парт и вытянулись, преданно глядя на командира.

И весь класс поднялся за ними: кто-то по привычке, кто-то с испуга, кто-то решил, что идет завуч Василиса Рудольфовна.

— Смир-рно... — сказал Джонни.

Каблуки щелкнули, и надвинулась такая тишина, что стало слышно, как на четвертом этаже воспитательница с продленки жалобно требует вызвать чью-то маму. Это было неразумно: от того и продленка на свете, что мамы на работе. Отметив про себя такую деталь, Джонни усмехнулся и заговорил:

— Вольно... Только без писка. Черт знает что! Вроде бы третий класс, а будто ясли на прогулке. Небось в пионеры скоро будете вступать, отряд появится. Ну и отряд будет! Стадо розовых мартышек!.. Димка, я тебе похихикаю... Слушайте все. Вопросы решаем коротко... Тебе что?

Белобрысая тощая девочка тянула руку. Она что-то пискнула — совсем неразборчиво от робости. Но чуткий Джонни уловил суть.

— В музыкальную школу? Пожалуйста. Музыка — вещь важная, без нее никуда. Кому еще в музыкальную? Тоже можешь идти. Кому во всякие бассейны и секции? Ух ты, сколько чемпионов! Ладно, топайте... А кто просто хочет гулять? В операции «Горыныч» будут участвовать только добровольцы, дело опасное... Ну, чего остановились? Кто пошел — гуляйте. А ты куда? Нет, вот ты, со звездой на рукаве! Ты командир звездочки? Командиры остаются на местах. Что значит «некогда»? Зачем тогда тебя выбирали? Инна Матвеевна назначила? Ну и... правильно назначила, если сами своими головами ничего не можете решить. А по закону командира должна выбирать звездочка. Ну-ка, эта звездочка, поднимите руки!.. Так. Предлагаю перевыборы. По-моему, самый хороший командир будет Мишка Панин... Кто там пишит «тройки»? Выбирают не за отметки, а за руководящий талант... Кто за? Кто против? Ясно, Мишка у нас скромный. Итак, Панин — командир. А ты, мальчик, теперь гуляй с чистой совестью... Кому попадет, мне? Тебе попадет? Ничего, скажешь: «Воробьев провел перевыборы»... Все, ближе к делу! Кто пошел — тот пошел, а добровольцы сели... Встать! Я сказал «сели», а не «грохнулись, как скелеты с балкона»... Сели... Вот так. Приступаем к первому вопросу. Пьесу все читали? Ясно. Понравилась?

«Добровольцы» молчали. Джоннины подчиненные презрительно, остальные — с вопросом в глазах и сомнениями в душе: какой ответ нужен решительному пятикласснику Воробьеву?

Джонни прошелся неторопливым взглядом по двум десяткам голов. И снисходительно сказал:

— Правильно. Пьеса «Федя и Змей Горыныч» — чушь на рыбьем жире. Манная каша... Таких глупых двоечников не бывает. Да и вообще! Стоит ехать в Тридевятое царство, чтоб таблицу умножения учить... Только вы про это Инне Матвеевне ни слова. А то она скажет знакомой, которая писала, а та страдать начнет. Писатели — они такие. У меня знакомый поэт есть в десятом классе, так с

ним беда. Чуть покритикуешь, а он потом два дня ходит, как отравленная лошадь...

— А что делать? — спросил с передней парты Дима Васильков — давний Джонни адъютант и соратник.

— Пьесу потихоньку переделаем, — пообещал Джонни. — Главное в конце. Это же свинство какое-то! Когда этот дурак Федя решает все задачки, Змей Горыныч подыхает! Зачем?

— Жалко Горыныча, — сумрачно сказал Мишка Панин.

— В том-то и дело! Он в пьесе самый симпатичный... И вообще, кто такой Змей Горыныч? По своей породе это трехголовый дракон. Животное самое редкое. Таких животных надо в Красную книгу заносить и охранять изо всех сил, а не наоборот... Ну кто там пишит, что сказка? В сказках они тоже повывелись. За последнее время ни одной сказки со Змеем Горынычем нет. Вот одну написали, да и то гробят зверя в конце. Надо, чтобы он не сдыхал, а подружился с Федей... Кто будет играть Федю?

— Он в бассейн ушел, — сказал Дима Васильков.

— А кто Горыныча играет, еще не назначили, — подал голос Панин. — Можно, я буду?

— Горыныча будут играть несколько человек, — разъяснил Джонни. — Это же громадина. Два человека надо, чтобы таскать такую махину, да по человеку на каждую голову.

Над партами взметнулись руки.

— Тогда я одну голову, — настаивал Панин.

— Ладно... Головы будут разные. Две пожилые, а одна молодая и веселая. Ну, вроде как мальчишка. Пускай ее зовут Степка или еще как-нибудь...

— Вовка!

— Лучше Никита!

— Сам ты Никита! Джонни, пускай Витька!

— Подумаем, — решил Джонни. — Эта голова раньше всех и подружится с Федей. И остальных уговорит... А играть ее лучше всего Юрику Молчанову, у него голос подходящий... А где Юрка?

Несколько человек нестройным хором объяснили, что Молчанов болеет уже две недели.

— Что с ним?

— Кажется, грипп...

— Не-а, он простыл...

— Или ангина...

— «Или ангина», — передразнил Джонни. — Две неде-

ли человек болеет, а вы к нему зайти не можете! — Он говорил сурово, чтобы приглушить голос собственной совести. — Лодыри. Небось всякие сборы про дружбу и товарищество проводите, а тут...

— Я заходил. Он весь простуженный, — сказал Панин. — И голосу никакого, только сипит и шепчет.

— За столько времени один раз один Панин заходил, — хмуро проговорил Джонни. — В разные свои бассейны и музыкальные школы каждый день мотаетесь, а к человеку зайти...

— Мы с Вадиком тоже ходили, — жалобно оправдывался Дима Васильков. — А его мама сказала, что он, может быть, заразный.

— Сами вы заразные. Ох, воспитывать вас и воспитывать... Ладно, слушайте задание. Операция «Горыныч», пункт номер один. Звездочка Панина пойдет на стройку у стадиона, там валяются куски проволоки. Нужны для каркаса. Остальные притащат из дома старые мешки (новые тоже можно) и всякий брезент. А все девочки — толстые иголки и нитки. Шить Горынычу шкуру.

— А огнем плевать Горыныч будет? — спросили с задней парты.

— Огнедышащую часть я беру на себя. А вы вот что... Операция «Горыныч», пункт номер два. К субботе каждый принесет по десять донышек от консервных банок. Банки надо найти, а донышки аккуратно вырезать. Белые и желтые, золотистые... Ну что, сами не соображаете зачем? Чешуя у дракона сама не вырастет... А те, кто сегодня ушел, принесут по пятнадцать донышек, нечего от общего дела увиливать... Теперь встали. Тихо, справа по одному — в раздевалку и по домам.

Маленькая девочка с большущими бантами нерешительно сказала:

— Извините, но у нас еще вопрос на классном часе. Обсуждение успеваемости. Инна Матвеевна говорила...

— Пожалейте Инну Матвеевну, — нахмурился Джонни. — Сколько ей тут с вами толковать об одном и том же? У нее семья, ребенок... К тому же все равно пол-класса разбежалось... А успеваемость надо не обсуждать, ее повышать надо.

— Как? — послышался робкий вопрос.

— Не словами, а делом. Я знаю один способ: с помощью пирамид... Только сперва посоветуюсь с Инной Матвеевной, а то вы тут нагородите фокусов...

Полупенни с корабликом

Маленький Юрик Молчанов был давним Джонниным адъютантом. Неизменным и беззаветным. Раньше он жил неподалеку от Джонни. Потом родители Юрика развелись, и он переехал с матерью к бабушке, в старый дом на краю оврага.

Дом был от Крепостной улицы за десять кварталов. Джонни заходил туда только один раз и, по правде говоря, не очень помнил дорогу.

Идти не хотелось. Беспокойства за Юрика Джонни не чувствовал. Простуда — дело обычное. Посидит Юрик дома, отдохнет от школьных забот, попьет чаю с бабушкиным вареньем — и снова за уроки.

Но не идти было нельзя. Всем известно, что Джонни — командир. У командира есть долг. Никуда не денешься. Особенно после того, как обругал третьеклассников за нечуткость. Лучше уж сходить, чтобы потом совесть не кололась и не кусалась, как сухой репей за воротом. Джонни знал, какое это вредное существо — совесть. Связываться с ней — себе дороже...

Денек был серый и зябкий. На подстывшую грязь сеялись редкие снежинки. Порой за низкими облаками угадывалось солнце, но не надолго. Чтобы не плутать в переулках, Джонни двинулся тропинкой вдоль оврага. Он долго продирался через ломкий бурьян вдоль щелястых заборов, за которыми гавкали незнакомые псы. Шепотом чертыхался и отдирал от штанов ржавые колючки чертополоха.

Наконец он увидел дом Юрика. Дом стоял на самом краю оврага, а маленькая, похожая на граненый фонарь веранда вообще висела над пустотой. То есть не висела, конечно, а упиралась в бурьянный откос двумя тонкими столбами. словно кто-то пристроил к старому кособокому дому стеклянную избушку на курьих ногах.

Крыльцо выходило в заросший кленами переулок (листья с кленов давно облетели, но семена-крылышки висели гроздьями и с тихим звоном терлись друг о друга). Джонни не нашел кнопки звонка и поколотил в дверь с осыпавшимся деревянным узором. Подождал, сердито пожал плечами, хотел поколотить еще... В сторонке, рядом с косыми воротами, звякнула щеколдой калитка. И Джонни увидел Юрика.

Юрик был в мохнатой шапке, в накинутом широком ватнике. Из-под ватника торчали длинные ноги в красных

байковых штанинах, толстых носках и громадных калошах. Юрик улыбался с нерешительной радостью.

— Я тебя в окошко увидел, — сказал он тихонько и сипловато. — Иди сюда. Там дверь давно заколочена...

В доме пахло чистыми полами, влажной кадушкой из угла и почему-то березовыми листьями. Как у знакомой бабки Наташи, к которой Джонни заходил иногда в гости. Джонни увидел плетенные из тряпичных жгутов половики и начал торопливо дергать молнии на сапожках (их, как всегда, заедало). Юрик скинул ватник и калоши и теперь топтался рядом. Поверх красной теплой куртки он был обвязан крест-накрест пушистым платком.

— Я тебе бабушкины тапки дам, — сказал он.

— А бабушка в чем останется? — строго спросил Джонни и поймал себя на том, что неизвестно отчего стесняется.

Юрик тихонько засмеялся и объяснил:

— Бабушки дома нет. Она теперь на работу устроилась, дежурит в красном уголке при ЖЭКе... А мама тоже на работе, я совсем тут один, — добавил он. Видно, почуял Джоннину неловкость.

Джонни наконец стянул сапоги, снял куртку и шапку. Выпрямился. Спросил, чтобы поддержать разговор:

— Чего это бабушка работать надумала? Она ведь уж... ну, пожилая совсем.

— Она на полставки. Сорок рублей — тоже заработок, — с незнакомой для Джонни серьезностью сказал Юрик. — Мама у отца деньги за меня брать не хочет, а жить-то надо...

Юрик переступил вязаными носками и вздохнул. Он казался очень тонким, несмотря на байковый костюм и платок. За окнами темнело, в кухне горела яркая лампочка. От этой лампочки Юркино лицо было совсем бледным. На скулах проступили еле заметные веснушки.

Джонни ощутил что-то вроде виноватости перед верным своим адъютантом. И подумал, что ничего он толком о Юркиной жизни не знает.

— С отцом, значит, совсем не встречаетесь? — тихонько спросил он.

— Мама его видеть не хочет, раз он... с другой женой теперь... А когда мамы нет, он приезжает... Два раза. Меня на мотоцикле катал... Джонни, ну чего мы на кухне стоим? Пошли!

В комнате тоже горел свет. На старинной кровати с медными шариками лежало скомканное одеяло, на одея-

ле — замусоленная книжка «Урфин Джюс и его деревянные солдаты». Юрик проговорил торопливо и опять сипловато:

— Джонни, ты садись. Вот хорошо, что пришел...

Джонни сел на краешек кровати (кровать задрезбалась сеткой). Хмуро объяснил:

— Эти балбесы только сегодня сказали, что болеешь... Ангина или ОРЗ?

— Пневмония, — с оттенком гордости откликнулся Юрик. — Меня бабушка малиновым вареньем лечит, а мама антибиотиками... Только это варенье они прячут, когда уходят. Говорят: «Налопаешься его, вспотеешь и еще лучше протынешь». А смородиновое не прячут. Будешь со смородиновым чай пить?

— Буду, — решительно сказал Джонни. Во-первых, надо было прогнать дурацкую неловкость. Во-вторых, ни в школе, ни дома он не успел пообедать. — А поесть у тебя что-нибудь найдется?

Юрик заморгал.

— Только манная каша...

Джонни тихо передернулся.

— Я ее сам не ем, — виновато прошептал Юрик. Мне оставят, а я так... Лучше уж чай.

— Значит, до вечера голодом сидишь? — почти по-настоящему возмутился Джонни. — И ничего приготовить не можешь? — Потом спохватился, вспомнив собственное раннее детство: — Или тебе не велят газ включать?

Юрик улыбнулся, блеснули ровненькие зубы (а летом он был щербатый):

— У нас электрическая плита... Почему не велят? Что я, дитя малое? Просто... Что готовить-то?

— Что готовить! А говоришь, не дитя... Картошка есть в доме? Чистить умеешь?

— Умею... Как-то не додумался.

— Пошли!

187

Если надо специально сидеть и разговаривать, бывает, что беседа не клеится. А за работой разговор идет сам собой.

Джонни и Юрик устроились на корточках перед корзиной с картошкой. Очистки сыпались на старую газету. Голые картофелины плюхались в кастрюлю, как веселые купальщики в бассейн. Джоннины — почаще, Юркины — не так быстро. Но все же Юрик чистил неплохо, стара-

тельно. Джонни его похвалил между делом и продолжал рассказ о пирамидах. О скандале в классе. И о том, как пирамида помогла директору выиграть шахматную встречу.

— Ну, правда, он и раньше играл неплохо, — признал Джонни заслуги противника.

— Удивительно, — вздохнул Юрик.

— Что? — не понял Джонни. Он подумал: может, Юрик считает удивительным, что он, Джонни, играет в шахматы с директором?

Но Юрик говорил не про то. Он знал, что Джонни мог бы сыграть и с самым школьным министром.

— Удивительно, зачем этим древним египтянцам такие пирамидищи? — Он поднял на Джонни очень серьезные глаза. — Вот этого я совершенно не понимаю...

— Это же фараоны велели для себя строить. Они думали, что если такие знаменитые, значит, памятник после смерти должен быть громадный.

Юрик пожал плечами, и пушистый платок на нем как-то зябко шевельнулся.

— А зачем громадный памятник, если человек умер? Вот когда у нас дедушка умер... а он знаешь какой знаменитый врач был на весь город... ему совсем небольшой памятник сделали. Просто камень — вот такой, — Юрик поднял над собой ладонку с ножом.

Джонни почуял Юркину печаль и какую-то тревогу. Он сказал осторожно, даже чуточку ласково:

— Ну ты, Юрка, подумай. Фараоны же ничего хорошего на свете не делали, только народ угнетали, их никто без пирамид и не запомнил бы. НÁ фиг они нужны? А твоего дедушку и так все помнят, он вон сколько хорошего разным людям сделал.

— Ага... он хороший был врач... — шепотом отозвался Юрик и опять взялся за картошку. — Всех лечил. Только себя не смог. Он от легких умер... Джонни, а бабушка за меня боится, что у меня легкие такие же слабые. По наследству.

Чтобы с ходу успокоить Юрика, Джонни сказал сурово и не очень обдуманно:

— Вот уж ерунда! Наследственность от деда не бывает, она бывает от отца!

И сразу понял: об отце-то лишний раз не надо бы... Он досадливо покряхтел и пробормотал:

— Ну, хватит уж. Давай сковородку.

На сковороде, под широкой эмалированной миской, нарезанная картошка шипела, потрескивала, бормотала. Из-под миски постреливали капельки масла. От шкворчащих звуков на кухне было очень уютно.

За окнами тоже было хорошо. К вечеру облака разбежались, теперь над кухонной разноцветной занавеской был виден зеленоватый закат, а повыше заката светил похожий чем-то на Юрика месяц — тоже тоненький и бледный. Юрик сидел у блестящей белой плиты и смешно морщился, когда стреляло масло. Но не отодвигался. Он увидел, что Джонни смотрит в окно, и сказал:

— Я люблю, когда тонкий месяц...

— Я тоже, — признался Джонни. — Он такой... Сказочный немножко.

— Ага... А бывает еще тоньше. Совсем вот такой. И тогда знаешь что бывает? Внутри у этого месяца такой серый круг, чуть заметный. Джонни, ты видел?

— Видел. Это темная Луна. Она от нашей Земли свет отражает, поэтому ее видно немножко. Это лучше всего зимой смотреть...

— Да... Джонни, а один раз я видел знаешь что? Месяц вот совсем тоненький, будто ниточка. А вокруг того темного круга тоже ниточка светится, еще тоньше. Будто золотистый волосок.

— Такого я не помню, — признался Джонни.

— А я видел. Правда!

— Это, наверно, верхушки на лунных горах светились, — сказал Джонни. — На границе света и тени. Я где-то читал про такое... Эта граница как-то по-научному называется. Что-то вроде «термометра»... А, «терминатор»!

Юрик, вывернув шею, все смотрел в окошко. Покачал ногой, пожалел:

— Досадно только, что месяц редко такой тонкий бывает... А зато, когда потолстеет, он похож на кораблик. Я с ним играю.

— Как? — удивился Джонни.

— Ну... — Юрик засмутился, громко ойкнул от очередной капельки масла, потер щеку, а потом рассказал все-таки: — Это простая игра. Я спать лягу, а он из-за края окошка выплывает. Тихо-тихо так... Сперва нос, потом серединка, потом весь. Надо только головой не шевелить и смотреть одним глазом. А потом правый глаз закроешь, а левый откроешь — и месяц опять спрятался. И снова потихоньку показывается...

«Надо попробовать», — подумал Джонни. И вдруг встревожился, даже обиделся за Юрика:

— А разве ты на кухне спишь? В комнатах-то окна в другую сторону!

— Я... — Юрик запнулся. Потеря острым подбородком о платок на плече. Тихонько признался: — У меня каюта есть... Морская. Хочешь, покажу?

Если выражаться точно, это была не каюта, а скорее корабельная рубка. Она располагалась внутри стеклянного «фонаря». С трех сторон светились прозрачные стенки в частых переплетах. За стеклами виден был дальний берег оврага с черными крышами и тополями. И месяц, конечно. Сейчас месяц казался гораздо ярче, потому что на него смотрели из темноты.

Юрик зажег лампочку. Она была слабая, желтоватая, но Джонни сразу увидел главное — штурвальное колесо посреди рубки. Конечно, колесо было не настоящее. Оно было велосипедное, с примотанными к спицам деревянными рукоятками. Рукоятки Юрик, видимо, выстругивал сам — они сохранили следы тупого кухонного ножа. Держалось колесо на сколоченной из досок стойке. К этой же стойке была прибита неструганая полочка, и на ней лежал маленький школьный компас. От пола к потолку уходила веревочная лесенка — будто ванты на парусном корабле.

Джонни мельком отметил про себя, что все это можно было сделать лучше. Аккуратнее, красивее и грамотнее. Но, если не придирается, здесь было неплохо. Да и что требовать от малыша Молчанова!

Джонни осторожно покрутил штурвал и сказал с уважением:

— Хорошо тут у тебя. Все как по правде...

Юрик заулыбался, вытащил из-за штурвальной стойки пухлую конторскую книгу.

— А вот еще... Это будто вахтенный журнал. Только я в него ничего не пишу, а наклеиваю. Я всё про всякие корабли собираю.

В книге были открытки и марки, фотографии из журналов — с фрегатами и эсминцами, подводными лодками и старинными каравеллами. Были газетные вырезки с заметками про морские приключения и аварии. А еще — смешные картинки про разные случаи из морской жизни.

Джонни стало по-настоящему интересно. Сначала он

листал стоя. Потом оглянулся: куда бы присесть. Увидел у стены голую раскладушку.

— Я на ней сплю, — объяснил Юрик. — То есть спал. Летом... Сейчас не разрешают, потому что здесь во все щели дует. Бабушка говорит, что я здесь и простудился...

— Ты давай не очень свою простуду затягивай, — предупредил Джонни. — Тебе нельзя с хриплым голосом. Кто будет Степку играть?

— Что... играть?

— Ой, я же не рассказал!.. Пошли, а то картошка подгорит.

Картошка не подгорела. Она оказалась в самый раз. Половину они съели, а половину оставили маме и бабушке («Вот удивятся! — радовался Юрик. — И не надо будет с ужином возиться»). Пока расправлялись с картошкой, Джонни рассказал про операцию «Горыныч». И про то, что голову Степку должен обязательно играть Юрка. Она, эта голова, должна будет песенки петь, а у Юрки вон какой голос певучий. Он еще в детском садике на утренниках с этим голосом выступал.

Юрик всю историю слушал весело, но под конец загрузил.

— Наверно, у меня не получится, — прошептал он.

— Получится, — твердо сказал Джонни. — В твоём возрасте все люди талантливые.

— Ну и что, что талантливые... А меня, наверное, в санаторий до самых каникул отправят и даже еще на каникулы. Врач сказала, что надо в санатории лечить, мама сейчас о путевке хлопочет. Это зимний санаторий «Березка». Для ребят. Там и школа есть.

— Жалко... — озадаченно сказал Джонни. И спохватился: — Ну, ничего. Зато вылечишься как надо. И там интересно, народу много. Это вроде пионерского лагеря.

Юрик, однако, не развеселился.

— А я в лагере ни разу не был... Джонни, мне что-то даже и не хочется. Дома, наверное, лучше. Я как-то привык...

И Джонни сразу понял: Юрик заранее боится, что будет скучать. По дому, по ребятам в классе, по своим кораблям. По маме и бабушке. И ведь в самом деле будет, никуда от этого не денешься. Такое почти с каждым бывает, кто уезжает надолго и впервые. И сам Джонни вроде не тихий мальчик, не плакса, а первые вечера в лагере, после отбоя... Да чего уж там...

Негромко и очень серьезно Джонни сказал:

— Надо перетерпеть, Юрик. Раз уж такое дело.

— Ага. Я буду... пере... терпловать. А может, еще и не получим путевку.

— Если поедешь, возьми с собой вахтенный журнал. Будешь и в санатории кораблики наклеивать.

— Ага, я буду...

Юрик сказал это так печально, что Джонни почувствовал себя виноватым. Ему, Джонни, покидать родной дом не надо было. А помочь Юрику он не мог. И утешить ничем не мог... Хотя...

Он полез в карман.

— Юрик! Раз ты все про корабли собираешь, я тебе одну штуку подарю. Вот... — Джонни раскрыл кулак. На ладони лежала желтая, размером с пятак, монетка.

Но это был не пятак, а британский полупенни 1957 года (HALF PENNY — было написано по кругу. Значит, половинка пенса, английский грош). Летом на Джоннин день рождения монетку подарила Катька. Подарила и тут же спросила:

«Правда, я на нее похожа?» — и ткнула в крошечный профиль королевы Елизаветы.

Джонни совсем не хотелось в этот праздничный день ссориться. Но истина была дороже, и он осторожно сказал:

«М-м... У тебя нос кверху закорючкой, а у нее вон какой рубильник».

«Ну, подумаешь, нос. Зато шея похожа. И волосы... Особенно ленты».

Джонни с облегчением согласился, что ленты похожи. И сунул полупенни в карман. Так эта денежка и кочевала у него по карманам. Ни на что другое она не годилась: коллекции монет у Джонни не было, а сменять полупенни на что-нибудь интересное — как-то неловко. Подарок все-таки.

Но сейчас Джонни отдал монету без раздумий. Ну и пусть подарок! Во-первых, он не главный, потому что Катька подарила еще книгу «Квентин Дорвард» из «Библиотеки приключений». Во-вторых, у него монетка все равно без дела, а Юрка обрадуется. В-третьих, пускай Катька дарит подарки Алхимику, а Джонни как-нибудь обойдется.

Юрик взял полупенни и даже дышать перестал. Конечно, не из-за королевы. На другой стороне был отчеканен старинный фрегат. Маленький, но такой... такой весь аккуратненький, четкий. Даже все ступеньки на вантах различимы, даже узор на вымпеле.

Юрик целую минуту смотрел на кораблик, улыбался и тихо качал монетку на ладони. Потом поднял на Джонни глаза. И глазами нерешительно спрашивал: «Это правда мне?.. А тебе не жалко?»

— Бери, бери, — сказал Джонни. — Я в них все равно не разбираюсь, а тебе пригодится.

— Это, кажется, «Золотая лань» Фрэнсиса Дрейка, — прошептал Юрик и погладил кораблик мизинцем. — Я на картинке видел.

— Вот и хорошо, что «Золотая лань»... Ладно, Юрка, я домой двинусь. Аннушка столько примеров задала решать! Это потому что самостоятельную работу в классе соврали.

— А ты под пирамидой решай.

— Я и так... В журнале написано, что эти пирамиды во всех делах помогают.

— Надо мне тоже попробовать, — сказал Юрик.

Он опять натянул ватник и шапку, сунул ноги в калоши и проводил Джонни до дверей. Из сеней пахло холодом.

— Смотри опять не застудишься, — ворчливо сказал Джонни.

— Ничего, я закутанный... Джонни...

— Что?

— Я забыл сказать... Спасибо за кораблик.

— Да ладно... — пробормотал Джонни и опять ощутил непонятную неловкость. Мельком глянул в лицо Юрика. Он привык смотреть на него сверху, но теперь Юркины глаза были почти вровень с Джонниными. Потому что Юрик стоял на пороге... Но нет, не на пороге он стоял: Джонни машинально посмотрел на Юркины калоши и увидел, что они на половицах. Рядом с Джонниными сапогами.

И наконец Джонни понял, почему Юрка сегодня кажется странным и чуточку незнакомым. Он очень вырос. Неужели за эти две недели? Или просто Джонни раньше не замечал?

«Когда люди болеют, они быстро растут, — подумал Джонни, — это все говорят».

Юрик сказал:

— Ты сейчас иди по этой улице до угла, там свернешь и сразу увидишь клуб строителей. А от него автобус прямо до Крепостной.

— Да ну его, этот автобус, он два раза в сутки ходит. Я пешком, напрямую...

— Тут переулки запутанные, а фонарей нет...

— По звездам дорогу найду, — усмехнулся Джонни.

Юрик вежливо засмеялся шутке.

— Да правда по звездам, — сказал Джонни. — Крепостной холм как раз на севере. По Полярной звезде доберусь.

— Ты все звезды знаешь?

— Да ну, «все»... Полярную, да еще Большую Медведицу, созвездие. Мне хватает... А Вовка Алхимик — он правда все созвездия сразу определяет. У него карта специальная есть... — Джонни и сам не знал, чего опять вспомнил Алхимика.

— А раньше еще звездные глобусы были. Старинные, — сказал Юрик. — Я видел в книге про Колумба.

— Они и сейчас есть, — возразил Джонни.

— Сейчас? По-моему, нету...

— Есть, — сказал Джонни. — Я сам видел в Москве. Там такой музей, называется «Выставка морфлота», в старой церкви на Сретенке. В нем всего много: модели всякие, карты, приборы штурманские. И глобус тоже. Вот такой, не очень большой, в ящике. Желтый, а звезды на нем черные... Он для того, чтобы по звездам в море путь прокладывать...

У Юрика глаза сделались большие и темные.

— А еще что там есть? — спросил он шепотом.

— Еще?.. Ой, Юрка, там еще корабельная рубка есть! Как у тебя. Только настоящая, с ледакола.

— Я и не знал, что в Москве такой музей есть... Вот бы побывать.

— Поедешь в Москву и побываешь.

— Я туда редко езжу. Маме некогда, бабушка говорит, что болеет... Я последний раз был давно, еще в первом классе...

Что мог сказать Джонни? Он, конечно, сказал:

— Можем вдвоем съездить! Тебя отпустят?

Юрик просиял:

— Меня с тобой хоть куда отпустят!

— Мы там несколько дней можем прожить, — вдохновился Джонни. — У Веры, у моей сестры двоюродной. Помнишь, в детском саду работала? Мы с ее мужем, с Валентином Эдуардовичем, знаешь какие друзья! Это тот, которому я прошлым летом нечаянно лысину покрасил. Помнишь?

Юрик радостно закивал. Как не помнить эту замечательную историю!

— Надо ему новый рецепт от облысения отвезти, — деловито сказал Джонни. — Древнегреческий. Вода, вскипяченная с семенами редьки. Я в одной газете вычитал...

— А когда поедем?

— Вернешься из санатория, и поедем. Дело нехитрое.

— Я в санатории буду дни считать, — серьезно сказал Юрик.

— Лучше не считай. Тогда они быстрее побегут, — посоветовал Джонни. — Ладно, Юрик, я пошел.

...Грязь окаменела от холода, снежная пыль на земляных комках серебрилась, когда из окон падал свет. И на дороге, в застывших колеях, блестела остекленевшая вода. Иногда в этих узких зеркальцах отражался месяц. Он светил Джонни в левую щеку. А впереди, под волнистым облаком, Джонни разыскал Полярную звезду. И улыбнулся. И подумал: «Почему это я не хотел идти к Юрику? Вон как хорошо все получилось».

Ближе к югу...

Как-то в начале декабря, после уроков, директор окликнул Джонни на улице, недалеко от школы:

— Воробьев! Придержи свой стремительный бег! Есть разговор...

— Ой, здрасте, Борис Иванович! — обрадовался Джонни.

— Здравствуй... Что-то давно не заходишь. Так и застряли мы на ничьей.

— Евдокия Герасимовна сердится, — со вздохом сказал Джонни. — Да и вы заняты все время. Комиссии какие-то...

— И ты занят сверх головы, я смотрю...

— Угу.

— Джонни... — задумчиво сказал Борис Иванович (взрослые никогда не называли так Воробьева, считали это имя несерьезным, но директор иногда называл. Только не часто и один на один). — Джонни... Дал бы ты мне доработать до конца полугодия...

— А что случилось? — перепугался Джонни. По-настоящему перепугался.

— Комиссии, про которые ты говоришь, ходят в школу не просто так. Ты не маленький, должен понимать. Они все смотрят и задают всякие вопросы. В том числе и такие: «Почему, уважаемый Борис Иванович, ваши младшие школьники по всему городу лазают на мусорных кучах и собирают всякую ржавую дрянь?»

— Это же операция «Горыныч»!

— Вот именно. Под руководством Евгения Воробьева, известного и другими скандальными операциями.

— Люди банки собирают, что тут такого? — обиделся Джонни. — Из чего чешую Горынычу делать?

— Лазанье по свалкам — это антисанитарное явление, — деревянным голосом сказал директор.

— Как металлолом собирать — это пожалуйста, — огрызнулся Джонни. — Все комиссии только поздравляют и радуются. А как для Горыныча — сразу придираются...

— Придираются не к Горынычу, — сказал Борис Иванович.

— А к кому?

Борис Иванович усмехнулся.

— Ни к кому... Просто делают вполне справедливые замечания: «Почему в прошлом году школа нарушила план «Зарницы» и вместо состязаний на полосе препятствий устроила **форменный бой**?» «Почему дети в теплую погоду ходят в школу без установленной формы?» «Почему старшеклассники выпускают такие **разухабистые** стенгазеты и позволяют себе критиковать учебный процесс?» И кстати: «Что это за слухи об антинаучном эксперименте с пирамидами?»

— Теперь десять лет будут вспоминать, — буркнул Джонни.

— Будут, пока я директор... А тут еще твой Горыныч...

— Банки мы уже собрали, — успокоил Джонни. — На трех драконов хватит.

— Дело не только в банках. У вашего дракона три головы, и ты наверняка в каждую пасть вставишь огнедышащий аппарат...

— Ну...

— Вот именно что «ну». Давай сразу договоримся: что-бы никаких пиротехнических эффектов.

— Как это?

— Так это. Чтобы ни пороха, ни селитры, ни секретных адских смесей...

— Я что, совсем идиот? — оскорбился Джонни. — Третьеклассники, они еще маленькие, при чем тут смеси...

— А операция «Зеленый слон»? Там были первоклассники.

— Так я и сам тогда... ну, не очень был, — самокритично признался Джонни. — А сейчас мы в глотки Горынычу импульсные лампы вставим. От фотовспышек. Братцы Дорины обещали сконструировать систему.

— Это безопасно?

— У них всегда все безопасно. Специалисты же...

— Может, все же прицепить к Горынычу огнетушитель?

Джонни понял, что это шутка, и деликатно посмеялся. Но директор остался серьезным и задумчивым. Джонни сбоку глянул ему в лицо и спросил прямо:

— У вас опять неприятности, да?

— Как тебе сказать... Не очень крупные, но... постоянные какие-то. Я, товарищ Воробьев, не справляюсь со своей работой.

— Ну уж!.. Это кто так говорит? — возмутился Джонни.

— Те, кому положено. Многие...

— А вы сами тоже так думаете?

— То, что думаю я, мало кого интересует.

— А что думаем мы... ну, вся школа? Также никого не интересует?

— Боюсь, что тоже... Поскольку я вас распустил.

— Как это?

— Слушай, Воробьев! Ты же вполне интеллигентная личность. Откуда у тебя такая привычка: «как это»?

— Больше не буду. А как это вы нас распустили?

— Так это — распустил. У меня излишне «пионерские» методы работы.

— Как э... Почему пионерские?

— Потому. Я же много лет работал вожатым. Вот и говорят: «Вы, Борис Иванович, до сих пор не забыли пионерское детство. А школа — не летний лагерь, здесь главное — дисциплина и стопроцентная успеваемость». Справедливо говорят, я это и сам отлично понимаю.

— Что, наша школа хуже других? — обиженно возразил Джонни.

— Отнюдь... В ней много хорошего. Но не директор.

— Ну уж... — опять сказал Джонни.

— Вот тебе и «ну уж». Так что постарайтесь не осложнять мне жизнь. Уяснил?

— Уяснил. Постараемся, — пообещал Джонни. И встретился: — Только что-то мне все равно не нравится...

— Что?

— Вы сказали... Вот это: «Дай мне доработать до конца полугодия». А потом что?

Борис Иванович сказал медленно и внушительно:

— Милый Джонни Воробьев! Как по-твоему: чем директор отличается от ученика? Подумай своей лохматой головой.

Джонни подумал.

— Ну... многим.

— Прежде всего тем, что ученика невозможно выставить из школы, если только это не законченный малолетний преступник... А с директором гораздо легче.

— Выставят? — шепотом спросил Джонни.

— Всякое может быть. Вот я и хочу дотянуть до зимних каникул, а там уступить место более опытным товарищам. Тихо и мирно.

— Не надо, — быстро сказал Джонни.

Борис Иванович невесело хмыкнул.

Джонни пообещал:

— Если мы виноваты, мы что-нибудь придумаем. Мы во всей школе...

— Дело не в вас. Дело во мне. Я не директор...

— Директор!

Борис Иванович тихонько засвистел на ходу. Это был «Марш юнармейцев школы № 2», сочиненный Сергеем Волошиным.

— Куда же вы денетесь-то? — горько спросил Джонни.

— Поделиться с тобой жизненными планами?

— Ага, — сумрачно сказал Джонни.

— Ладно, раз уж начал... На Южном берегу Крыма строят пионерский лагерь. Одно геологическое управление строит для своих ребятишек. Хороший лагерь, вроде Артека, только поменьше. Меня туда зовут начальником.

— Кто зовет? — насупленно спросил Джонни.

— Зовут... Люди, которые помнят меня вожатым. Считают, что это дело как раз по мне... Там хорошо. Там то, что я люблю.

— А здесь... уже не любите, что ли? — не очень вежливо сказал Джонни.

— Не любил бы, так и не раздумывал бы. А теперь маюсь... Только, пока ломаю голову, может случиться, что не окажется у меня дела ни здесь, ни там.

— Посреди учебного года директоров не меняют, — напомнил Джонни. Кое-что в школьной жизни он понимал. — И не отпустят вас.

— Отпустят. У меня завгороно давний друг, вместе учились. Он меня директором поставил... Он теперь и отпустит с радостью.

— Вот это «друг», — сурово проговорил Джонни.

— Зато на юге буду... К Ленке поближе. Тоже обстоятельство...

— Вы в нашу школу столько сил вгрохали, — напомнил Джонни.

- Ну и вгрохал. Думаю, что не зря.
- А теперь...
- А теперь... Ладно! Это все еще так, размытые в воздухе проекты. Может, ничего и не будет. Же^{нь}ка...
- Что, Борис Иванович?
- Только твое честное слово, что про это молчок.
- Я что, не понимаю?
- Знаю, что понимаешь. Только бывает, что разговаривается человек с друзьями о жизни, захочет поделиться и не выдержит, сболтнет незаметно.
- Джонни прикинул: с кем бы это он мог так разболтаться? И спросил хмуро:
- С кем, например?
- Ну... — Борис Иванович улыбнулся. — Например, с Катей Зарецкой.
- Вот уж!.. — вспыхнул Джонни.
- А что? Вы же такие друзья. Разве нет?
- Джонни помолчал. Потом сказал, глядя под ноги:
- Не знаю...
- Да? Ну, извини... Кажется, я вторгся в личные дела.
- Да вторгайтесь, пожалуйста, — тихо сказал Джонни. — Только я правда не знаю.

Мама сердилась. Они с отцом пришли на обед, а сын болтается неизвестно где, вместо того чтобы разогреть суп и сходить за хлебом...

— Где ты был? У вас четыре урока...

— Сбор проводил у третьеклассников. Потом еще с директором беседовали.

— Господи... Что ты опять натворил?

Джонни обиделся:

— Сразу «натворил»! Просто так разговаривали, по-хорошему.

— О чем это можно по-хорошему разговаривать с директором школы?

— О жизни, — веско сказал Джонни. — Разве директор не человек?

— Он-то человек... — многозначительно произнес папа.

— ...не то что ты, дорогой Евгений, — закончил фразу Джонни.

— Именно... Я имел беседу с вашей учительницей математики. Что это за трюк с пирамидами?

— С ума сойти! Этими пирамидами меня будут изводить до пенсии. Даже собственные родители...

- Дело не в родителях, а в учительнице...
- Я же перед ней извинился!
- Она говорит: «Он извинился так, будто сделал большое одолжение».
- Мне что было, голову песком посыпать?
- Голову посыпали не песком, а пеплом, — назидательно сказал отец. — И не в знак раскаяния, а в знак траура. Не трогай древние обычаи, если ты такой невежда.
- Почему это невежа?
- Я сказал «не-веж-да». Значит, ужасно необразованный.

Джонни оскорбился:

— То ругаетесь, что меня от книжек не оторвешь, то необразованный...

— Смотря какие книжки, — заметила мама. — Ты читаешь всякую фантастическую дребедень. А надо читать классику.

— Классику я тоже читаю, — сказал Джонни, устраниваясь за столом.

— Вымой руки, читатель!

— Я уже мыл... Я недавно «Петра Первого» прочитал.

— «Петра» ты осилил, потому что там пахнет приключениями, — проницательно заметил отец.

— А Пушкин? Тоже приключения?

— Конечно. «Дубровский», «Пиковая дама»...

— Я и «Евгения Онегина» читал.

— Всего? — недоверчиво спросил отец.

— Угу, — жуя горбушку, отвечивал Джонни. — Интересно стало: он Евгений и я...

— Ах, ну если с этих позиций...

Мама спросила издали, от газовой плиты:

— И что же ты там понял?

— То, что они оба болваны, — сообщил Джонни.

— Что-о? — сказала мама и уронила поварешку в горячую кастрюлю.

— Кто?! — сказал папа.

— Онегин и Ленский. Вздумали стрелять друг в друга из-за такой бестолковой девицы... Это, значит, нам с Алхимиком тоже надо было дуэль устраивать?

Клей «Собачья преданность»

Никаких дуэлей у них не было, и отношения оставались вполне приятельские. Алхимик был парень деловой и надежный. Серьезный. И сейчас Джонни собирался к нему,

чтобы клеить головы Горыныча. До сих пор это не получалось: упругие картонные выкройки разъезжались, канцелярский клей и мучной клейстер их не держали, эмульсия ПВА была лучше, но она тоже срабатывала не сразу. Место склейки надо было прижимать, а как сунешь под пресс драконью башку размером с бочонок?

Но вчера Алхимик сказал, что изобрел новый клей. Он схватывает сразу и намертво.

Это оказалось правдой. Когда Джонни пришел к Алхимику, тот клеил для третьеклассников шляпы-пирамиды. Вся работа занимала полминуты: ножницами — шелк-шелк, железной линейкой по линии сгиба — ж-жик, кисточкой по краям — р-раз! Согнул шапку, хлопнул по ней — готово!

— Держит, как электросварка, — похвастался Мишка Панин. Он и Димка Васильков уже сидели в новых шляпах. Еще двое мальчишек и третьеклассница Муравейкина ждали, когда Алхимик смастерит.

— Сделай и мне, — попросил Джонни. — Старая развалилась. А я привык, не могу без нее домашние задания делать, мозги выключаются.

— Неужели эти штуки по правде помогают? — усомнился Вовка Алхимик.

— У нас успеваемость на четыре процента повысилась, — похвастался Мишка. — Инна Матвеевна говорила.

— Только она говорила, что не из-за пирамид, а потому что Джонни стал наш вожатый, — уточнила Муравейкина.

— Это она в классе говорила, — подал голос робкий Дима Васильков. — А Катьке своей сказала, что, может быть, и пирамиды помогли. Потому что внушение получается. Как гипноз.

— Ну, если гипноз, тогда ладно, — сказал Алхимик. «Гипноз» — это было научно, а в науку он верил беззаветно.

А Джонни, услышав про Катьку, насупился. Вчера у него с Катькой было очередное решительное объяснение. Джонни сказал, что, если она по уши втюрилась в Алхимика, это ее личное дело. Ему, Джонни, на это наплевать (к тому же Алхимик парень вполне подходящий). Но почему при этом Катька шарахается от друзей? Например, от него, от Джонни? Он просто пришел к Инне Матвеевне (а даже и не к Катьке), чтобы договориться о репетиции, а она, Катька, смотрит на него, будто он сейчас начнет объясняться в любви...

Катька сказала, что он балбес. Ни в кого она ни вот настолечко не втюрилась (это во-первых), а смотрит она так потому, что у нее смертельно болит голова (это во-вторых).

— «Ах, у меня смертельно болит голова», — томно повторил Джонни и сказал, что так говорят лишь капризные дамы вроде Викиной тетушки Нины Валерьевны.

Катя сказала, что он законченный нахал и что все нынешние мальчишки совершенно не умеют себя вести с женщинами.

Джонни разъяснил, что она еще не женщина, а просто девчонка. То есть сплошное недоразумение. По-немецки, например, девчонка даже не женского, а среднего рода: «дас мэдхен».

Катька прищурилась, как в прежние хорошие времена. И сказала, что ответит сейчас по-японски. И потеряла левой рукой ребро правой ладони. Она две недели по самоучителю занималась каратэ и считала себя большим специалистом.

Джонни сообщил, что японских фокусов он не изучал, но может по-русски — сзади коленом.

Катька прикинула глазом расстояние до Джонни.

Джонни напомнил, что у нее «смертельно болит голова».

Катька сказала, что это ничего.

Тут вошла Инна Матвеевна и велела садиться за стол. За чаем Джонни и Катька слегка помирились, но досада в Джонниной душе осталась.

Сейчас, у Алхимика, чтобы эту досаду никто не заметил, Джонни торопливо проговорил:

— Сделай еще одну шляпу, для Юрика Молчанова. Он тоже обещал прийти.

— Он в больницу пошел, — сказал Панин.

— Опять, что ли, заболел?

— Да нет, на проверку какую-то...

— Все равно склей, — сказал Джонни Алхимику. Тот послушался.

Потом взялись за Горыныча. Выкройки драконьих голов были сделаны заранее, сгибы размечены. Через пятнадцать минут первая башка красовалась на столе среди химических склянок, паяльников и банок с разноцветными смесями.

— Ох и страшилище! — восхитилась Вероника Муравейкина. — А когда раскрасим, совсем красавец станет.

— Это Виктория эскиз делала, — объяснил Джонни, — моя соседка. Она — талант, в художественный институт собирается... А Серега Волошин в своем литературном кружке пьесу про Горыныча переписывает. Чтобы не такая глупая была...

— Ох и друзей у тебя, — с почтением сказала Вероника. — Целый город!

А ее одноклассник Владик Пистолетов (по прозвищу Наган, хотя наган это вовсе не пистолет, а револьвер) громким шепотом сказал:

— Ой...

Никто сперва не понял, почему «ой». Наган был человек веселый, круглолицый, с рыжеватыми торчащими волосами. Но теперь он вроде бы похудел, а волосы печально полегли.

— Встать не могу, — жалобно сказал Владик. — Наверно, на стуле клей был.

Алхимик бросился к нему, поднял за плечи. Легонький гнутый стул оторвался от пола и повис за спиной у Нагана. То есть даже не за спиной...

— Теперь всё, — деловито сказал Алхимик. — Дело мертвое. Этот клей называется «Собачья преданность».

— Почему? — спросил приятель Нагана Саня Чибисов.

— Потому что вечный и самый крепкий. Как собака верность. Собака хозяина ни за что не бросит, пусть он хоть какой. Хоть двоечник, хоть кто... Она не спрашивает. Привязалась навеки, вот и все...

И Алхимик вздохнул. Другие тоже из вежливости вздохнули. Все знали, что у Вовки Алхимика мечта — завести преданную собаку. Но он не мог себе это позволить. Собака требует забот, а Вовка всю свою жизнь посвятил научным открытиям.

— Мне такая преданность зачем? — отчаянно спросил Наган. — Мне так и ходить, что ли, с этим стулом дурачком?

Алхимик сказал, что стул можно разломать и оставить только фанерное сиденье. Оно не тяжелое.

— Балда, — уныло проговорил Наган и, кажется, подумал: «Не зареветь ли?» — Мне за штаны дома знаешь что будет? Они же школьные.

У Алхимика иногда в самые неподходящие моменты прорезался холодный юмор. Алхимик сказал, что, когда объясняешься с родителями, иметь сзади такой щит совсем не лишнее.

Джонни нахмурился. Третьеклассники — его подопеч-

ные, и он, как командир, обязан был защищать их от всяческих невзгод.

— Ты вот что, — сказал он Алхимику вполголоса, но решительно. — Давай изобретай какой-нибудь раствор, чтобы эту «преданность» отмачивать.

Алхимик понял наконец, что дело нешуточное.

— Растворитель для маникюрного лака надо. И скипидар... Скипидар есть, а растворителя... — Он развел пятистами от химикатов ладонями.

— У Кати Зарецкой есть, — сказала Вероника Муравейкина.

— Да ты что! — возмутился Панин. — Инна Матвеевна сроду маникюр не делала.

— Она не делала, а Катька пробовала, — невозмутимо сообщила Вероника. — Света Головкина рядом с ней живет, она говорила...

— Катька совсем рехнулась, — сказал Вовка Алхимик. — Я ей, дуре, покажу маникюр.

Джонни опять нахмурился. Маникюр — это, конечно, дурь, но какое право Алхимик имеет воспитывать Катьку?.. Однако прежде всего — штаны.

— Панин, дуй к Катьке за лаком, — приказал он. — А ты, Наган, вылазь из штанов, пока насквозь не проклеилось. Тогда совсем худо будет.

...Панин вернулся через двадцать минут. Вместе с Катей. Она принесла пузырек. Алхимик приготовил вонючий раствор. Штаны отодрали от стула вместе с тонким слоем фанерной дранки, потом отмочили растворителем и дранку. Наган снова сделался беззаботным и веселым. Пока штаны сохли, он, ловкий и вертлявый, в черном тренировочном костюме, радостно скакал по комнате, и рыжие прядки торчали у него как коротенькие рожки.

— А не вставить ли нам в спектакль чертенят? — раздумчиво проговорил Джонни. — Для массовости...

— В «Спутнике» кино идет «Чертенок», — поглядывая по сторонам, сказала Катя. — Сказочный фильм. У меня два билета есть... Вовка, может, пойдешь со мной?

— А Джонни? — хмуро спросил честный Алхимик.

— Ну... я же не знала, что он здесь, — ненатурально соврала Катька.

— Мишка, давай вторую башку клеить, — сказал Джонни.

Алхимик решительно произнес:

— Катерина, это свинство.

— Ох и грубиян ты, Алхимик.

— Какой есть...

— Можете идти без меня, вдвоем с Джонни, — сказала она голосом больной принцессы. — Могу оставить билеты.

— Можешь, так оставь, — отозвался Алхимик.

— Так, да?

— Так.

— Ну, и пожалуйста! А я пошла.

— До свиданья, — решительно сказал Алхимик.

Джонни отрешенно молчал.

— Пойдем в кино, Джонни, — сказал Алхимик. — Пусть... Доклеим вторую башку и пойдём...

Через полчаса они шагали к «Спутнику» и оба сердито молчали. Но, конечно, не друг на друга они сердились, а на глупую Катьку. А может, на самих себя. О чем думает Алхимик, Джонни не знал, а сам он думал, что Катька за последнее время кошмарно поглупела. Ей, дура, только бы поиграть в любовь и ухаживание... Ну что же, случилось, что и сам Джонни был не прочь поиграть. Но не до такой же степени, чтобы портить другим жизнь. И не будет он из-за Катьки страдать. Человеческая дружба — не собачья преданность, здесь голову иметь надо...

— Переживем, — сказал Джонни.

— Угу... — отозвался Алхимик. — А вон идет твой Молчанов.

Юрик шел навстречу. Увидел Джонни и заулыбался.

— Ты зачем опять в больницу ходил? — строго спросил Джонни. — Снова кашляешь?

— Да я все время помаленьку кашляю, — признался Юрик. И перестал улыбаться. — А в больницу — для анализов. Меня все-таки в санаторий посылают, в «Березку». На целый месяц.

— Месяц — это немного, — утешил Джонни. — Ты держись.

— Ага, я буду... Джонни... А когда приеду, все равно съездим с тобой, да?

— Куда? — не понял Джонни.

— Ну, в Москву-то! На морскую выставку!

— А!.. — Джонни помигал, вспоминая. — Ну, о чем разговор! Мы же договорились.

Юрик опять заулыбался. И они пошли к «Спутнику» втроем.

— Можно, я с вами на «Чертенка» пойду? — попросил Юрик. — У меня десять копеек есть.

— Ну о чем разговор, — снова сказал Джонни.

Однако оказалось, что билетов на этот сеанс уже нет. Юрик печально посмотрел на захлопнутое окошечко и опустил руки в полосатых варежках.

Алхимик задумчиво глянул на него из-под растрепанной и прожженной шапки.

— Вы вот что... Идите-ка вдвоем, без меня, — предложил он. — Я на эту картину не очень-то рвусь, у меня дел по горло...

Джонни обрадовался в душе: с Юркой ему было проще и легче. А Юрик — тот вообще просиял открыто.

Из вежливости они проводили Алхимика до угла кинотеатра. Там Юрик спохватился:

— Ой, а деньги-то! Ты возьми за билет.

— Я же его не покупал.

— Все равно. Катьке отдашь, — дернуло за язык Джонни.

Алхимик хмыкнул:

— Давай.

Юрик нашарил в кармане гривенник и еще пятак. Гривенник отдал, пятак зажал в варежке.

Алхимик ушел, Джонни и Юрик прошли в фойе.

— Давай глотнем газировки, — предложил Джонни. — В горле дерет от скипидарного запаха...

— А мелочь есть?

— У тебя же есть пять копеек. Мы по полстакана... Юрик тихонько улыбнулся:

— Это не пять копеек. Это твоя монетка с «Золотой ланью». — Он разжал ладошку.

— А-а... — улыбнулся и Джонни.

— Я ее всегда с собой ношу, — сказал Юрик.

Джонни кивнул.

— Джонни... — Юрик нерешительно поднял светлые глаза, в них была тревожная просьба. — Можно, я спрошу... про одно тайное дело? Совсем-совсем по-дружески, чтобы никому больше.

— Конечно! — Джонни отключился от других мыслей. У Юрки было что-то нешуточное.

— Джонни, я вот чего боюсь... там, в «Березке»... Если очень уж станет так... ну, домой захочется. Особенно вечером. В горле совсем заскребет... Может, от этого есть какие-нибудь таблетки? Ну, как от укачивания в самолете. Ты не знаешь?

— Не знаю... — растерянно ответил Джонни.

— Я боюсь, что вдруг не сдержусь...

— Юрка... Ну и не сдерживайся, — тихо сказал Джонни. — Если потихоньку, не при всех, то иногда можно... Даже помогает.

— Тогда ладно... — со вздохом проговорил Юрик. — А может, я и ничего. Я с собой эту монетку возьму. И буду сильно-сильно в руке сжимать, если заскучаю. — Юрик улыбнулся, но глаза его по-прежнему были серьезные. А Джонни вдруг опять подумал, что Юрка стал почти одного с ним роста.

Но мысль о Юрке тут же перемешалась с другой — снова о Катке и Алхимике. Это была колючая мысль: а почему Алхимик отдал билет? Пожалел Юрика и пошел домой к своим колбам? Домой ли? С Каткой они живут совсем рядом.

Подозрительность — нехорошее свойство. Но, с другой стороны, Джонни знал, что даже самые благородные люди иногда подвержены слабостям.

— Твой санаторий — не самая большая беда, Юрик, — с грустной доверчивостью сказал он. — Ты только не вздумай влюбляться.

Юрик раскрыл глаза широко-широко.

— Я что, ненормальный?

В дальнюю дорогу

Спектакль «Федя Мудрецов и дракон Горыныч» прошел с громким успехом. С таким, что его пришлось повторить на вечере старшеклассников и на общешкольном родительском собрании.

От начального сценария в спектакле осталось мало. Федя из унылого двоечника превратился в неунывающего и находчивого человека. Дракон Горыныч был уже не кроважидным чудовищем, а довольно добродушным зверем, несчастным от одиночества и необразованности. В конце спектакля Горыныч и Федя становились друзьями и дракон поселялся у Мудрецовых в гараже. Там он принимался за учебу: голова Степка — по программе третьего класса, голова Эдуард Коленкорович — в Институте охраны природы (заочно). И только голова Филиппыч от ученья отказалась, заявив, что она уже на пенсии...

Сергея Волошин с приятелями не только переделал пьесу. Он еще написал песенки: для Феди и для Горыныча — для каждой головы.

Кроме третьеклассника Мудрецова и дракона в пьесе участвовали Федины одноклассники, черти-подростки, ро-

дители, глупый волшебник Звездочеткин и учительница. И зрители утверждали, что все они исполняли свои роли, как народные артисты. Но, конечно, самый громадный успех был у Горыныча. Он хохотал, пел, танцевал, жаловался на судьбу, звенел и сверкал панцирной чешуей, махал перепончатыми крыльями. Пасти его полыхали электронными вспышками. На афише, где указывались исполнители, было написано: «Змей Горыныч — группа под управлением Е. Воробьева».

Группа — потому что Горыныча играли пять человек. Один двигал крыльями, еще один управлял электроникой (это был сообразительный Мишка Панин), и, кроме того, потребовался, как и было задумано, исполнитель для каждой головы. Голову Степку играла Вероника Муравейкина. У нее оказался звонкий мальчишеский голос. Правда, сама она была толстая и в очках, но под шкурой дракона этого все равно никто не видел...

Потом школьные праздники прошли, и начались новогодние каникулы. Третьеклассники забрали Горыныча себе. Лишние механизмы из него вытряхнули, а громадное сверкающее чучело таскали по улицам на палках — с хохотом и брэнчаньем. А еще интереснее было, когда они с Горынычем съезжали с крепостного вала.

С этого вала катались все мальчишки и девчонки города. Да и взрослые тоже. На санках, на специальных снежокатах, а чаще — на фанерках или пластмассовых подносах. Целые толпы с криками и смехом неслись вниз по накатанным обледенелым склонам и, как пестрый горох, рассыпались по площади, где стояла большущая елка.

И вот представьте себе: над разноцветными куртками и шапками, распахнувши зеленые крылья, летит с высокого склона серебристое и золотистое чудовище с тремя оскаленными головами!

Иногда компания третьеклассников, которая во время такого полета держала Горыныча над собой, рассыпалась по сторонам и дракон ехал вниз на собственном пузе. Но и тогда он высоко держал три головы с хохочущими зубастыми пастьми. И выше всех — голову Степку, на которой красовалась детская бескозырка с надписью: «Герой». Бескозырка не падала — Алхимик приклеил ее «Собачьей преданностью».

Алхимика Джонни увидел сразу, как поднялся на вал. И Катьку. Стоял уже совсем вечер, темно-синие сумерки. Но елка бросала с площади на гребень вала разноцветный

переливчатый свет, и всех было прекрасно видно, все лица различимы. По Катькиному лицу пролетали будто оранжевые и голубые прозрачные крылья. И черные кудряшки под вязаной шапкой искрились. И глаза... Джонни вздохнул: все-таки Катька была красивая.

— Привет, — сказал он. — Не могли уж зайти за мной, олухи...

— Мы хотели, — объяснил Алхимик слегка виновато. — Да, говорят, тебя сегодня дома не было.

Джонни хмыкнул и посмотрел на Катьку уже не так ласково. Ясно было, кто «говорят».

Но обижаться, ревновать и портить себе настроение не хотелось. Потому что был праздник и зимняя сказка вокруг. На площади у сияющей елки вертелись украшенные лампочками карусели. Мерцал и переливался ледяной терем. И всем-всем было весело.

Но Джонни не стал здесь кататься. Он снова сказал Катьке и Алхимику «привет» и пошел по гребню вала туда, где потише. К Песчаной улице. Здесь тоже была сказка, но другая, задумчивая. Огоньки внизу светили неярко, заснеженный сквер был похож на дед-морозовский лес, месяц сверху — уже не тонкий, налитой, похожий на запрокинутый кораблик — светил ярко. Небо вокруг него было зеленым, а клочковатые облачка серебрились. Старинные белые соборы высоко подымались над валом. Они казались вырубленными из громадных сахарных глыб, а сахар этот словно подсветили изнутри.

Народу в этом месте было немного. Но третьеклассники катались именно здесь. Человек десять. Они ездили со склона сами по себе, а утомившийся за день Горыныч отдыхал в кустах у подножия вала.

Третьеклассники шумно приветствовали Джонни, но кататься не перестали.

Джонни тоже стал кататься. У него был великолепный поднос из белой пластмассы. Такой громадный, что хоть втроем садись. Красными буквами на нем было написано: «FLUGTALER». Поднос подарила Вика, она же сделала надпись. И объяснила, что это означает по-немецки «летающая тарелка».

Тарелка и в самом деле была летающая. Скользящая пластмасса свистела по накатанным склонам почти без трения и выносила легонького Джонни на середину сквера — на поляну, где торчали вырезанные из сухих стволов богатыри и колдуны...

Джонни съехал несколько раз, потом наверху разговаривал с Мишкой Паниным.

— Сегодня днем Горыныча для телепередачи снимали, — сообщил Панин. — Дядька из Москвы приезжал с кинокамерой.

Джонни и обрадовался, и огорчился. Обидно стало, что его на съемке не оказалось.

— Мы сказали, что Горыныча ты придумал, — объяснил понимающий Панин. — Дядька твою фамилию записал. Это Джонни утешило.

Панин сообщил еще одну новость:

— От Молчанова открытка пришла из санатория. С поздравиением.

— Мне тоже, — сказал Джонни слегка досадливо, потому что его царапнула совесть. А царапнула она из-за письма. Письмо от Юрика пришло еще давно, в середине декабря. Молчанов писал, что живет хорошо, не скучает, но дома все равно лучше, только ничего не поделаешь, потому что надо хроническую пневмонию вылечивать до конца. Еще писал, что в санатории есть школа и он учится нормально и что у них тоже будут каникулы. Плохо только, что каникулы эти придется провести в «Березке», потому что смена кончается десятого января.

«Жалко, что мы с тобой в каникулы не поедem в Москву, — выводил Юрик большими, но ровными буквами. — Но потом все равно поедem, да?»

В конце письма, как печать, чернел натертый карандашом кружок — оттиск полупенни с корабликом. И Джонни хорошо вспомнил вечерний разговор дома у Юрика, жареную картошку и тонкий месяц в окне. И подумал, что надо Юрке ответить. Сразу же. Но сразу не получилось, потому что позвонил Борис Дорин, велел прийти за вспышками для голов Горыныча. Потом надо было учить математику, а то Анна Викторовна вкатит трояк за четверть (самое обидное, что все равно вкатала). Потом еще навалились какие-то дела... В общем, не написал Джонни ответ. А теперь и смысла нет писать. Пока письмо придет в «Березку», глядишь, и смена Юркина закончится...

— Ох, все-таки я такая свинья, — сказал Джонни. — Юрка мне и письмо, и открытку, а я так и не раскачался.

Обругав себя, он почувствовал кое-какое облегчение.

Мишка успокоил его еще больше:

— А мы писали ему от тебя привет. Димка писал. И что ты его вспоминаешь... Ну, помнишь, мы про него разговаривали, когда крылья Горынычу делали.

Джонни вспомнил: действительно разговаривали про Молчанова. Да и не один раз, кажется... Он обрадовался:

- Спасибо, Мишка. Голова у тебя варит.
- Ага... Можно, мы вместе на твоей тарелке скатимся?
- Давай.

Мишка был грузноват, но пластмассовый «флюгталер» будто не ощутил двойной тяжести и унес обоих пассажиров далеко в сквер. И замер на утопанной дорожке — прямо у ботинок высокого прохожего. Тот чуть не полетел с ног.

— Ой... мы нечаянно, — пискнул на всякий случай Мишка.

Прохожий сказал с высоты:

— Если не ошибаюсь, товарищ Михаил Панин и товарищ Евгений Воробьев...

— Здравствуйте, Борис Иванович! — хором обрадовались Джонни и Мишка.

— Осваиваем снежные трассы?

— Ага! — Джонни вскочил и отряхнулся. — Хотите с нами?

— Очень хочу. Но совершенно не могу. Во-первых, модное пальто обдеру, во-вторых, иду по делу... Джонни...

— А? — в один миг насторожился Джонни.

— Раз уж повстречались, может, проводишь немножко? Джонни сунул Мишке в варежку веревку от «флюгталера».

— Катайся пока на моей тарелке. Если задержусь, заставишь мне домой.

Осчастливленный Панин усвистал наверх.

Джонни и Борис Иванович неторопливо зашагали рядом и вышли из сквера на Песчаную. Горели желтые фонари, и утрамбованный на асфальте снежок тоже был от них желтым. На нем темнели переплетенные тени кленовых веток.

— Я на почту иду, — как-то нехотя сказал Борис Иванович. — Ты не торопишься?

— Нет...

Борис Иванович неловко усмехнулся:

— Я вот о чем подумал... Мы не первый раз так с тобой шагаем и беседуем о жизни.

— Мы пока еще ни о чем не беседуем, — осторожно напомнил Джонни.

— Да... В общем, так. Послезавтра еду в Москву, а оттуда лечу на юг.

— Зачем? — не понял Джонни.

— Ты разве забыл? Я говорил про лагерь.

— А... — сразу вспомнил Джонни. И опустил голову. И все стало... да нет, ничего не стало, все было прежним. Только скучно сделалось.

— Значит, насовсем? — негромко спросил Джонни.

— Пока на несколько дней. Посмотреть новое место, решить кое-какие вопросы. Потом вернусь еще, конечно, только ненадолго.

— А может, не надо? — сказал Джонни полупшепотом. И получилось жалобно, как у малыша.

— Не надо возвращаться?

— Не надо уезжать, — произнес Джонни уже иначе, неласково. — Это же от вас зависит.

— Кое-что от меня. Кое-что нет. И это «нет», братец мой, сейчас сильнее.

— Почему? — хмуро спросил Джонни.

— Обстоятельства. Ты ведь не маленький, должен понимать, что такое обстоятельства.

Джонни ровным голосом сказал:

— Я понимаю. Обстоятельства — это второстепенные члены предложения. Обстоятельства места, времени и образа действия.

— Угу... Только не всегда они второстепенные, если на самом деле. Они смешиваются — обстоятельства времени, образа действия и места. И получаются обстоятельства жизни.

— Вообще-то я слышал, что человек бывает сильнее обстоятельств, — так же ровно отозвался Джонни. — Это иногда и в книжках пишут. Но я сам в этом пока не разбираюсь.

— Ты обиделся?

— Нет, — честно сказал Джонни. — Только жалко...

— Что?

— Что уедете...

— Может быть, другой директор будет лучше.

— Может быть... Не в этом дело.

— А в чем?

— Ну что вы, не понимаете, что ли? — тихо сказал Джонни и пнул смерзшийся комок.

— Что... не понимаю?

— Просто жалко... что больше не встретимся.

— Да... — выдохнул Борис Иванович и помолчал. — Думаешь, мне не жаль? Если говорить честно, Женька, ты

был для меня в этой школе самое светлое пятно. Теперь-то я могу это сказать, бог с ней, с педагогикой.

— А я и так знал, — дерзко сказал Джонни.

Борис Иванович коротко засмеялся:

— Да? Ну и отлично.

— Ничего не отлично... Все равно больше не увидимся.

— Зачем уж так-то? «Больше не увидимся».

— А где? Ну, может, случайно когда-нибудь...

— Слушай! — Борис Иванович остановился. — Джонни! А давай я тебя летом в этот лагерь заберу! Мы с тобой там такие дела устроим! А? Давай! Хотя на все три смены!

Джонни тоже остановился. Потому что это была идея! Обстоятельства жизни сразу и сильно менялись.

— А это можно?

— А чего же? Я же буду начальник. В конце концов, не обязательно по путевке, будешь жить у меня.

Джонни задумался. Первая радость схлынула, теперь он размышлял спокойнее.

— Это хорошо, конечно... — вздохнул он. — Только на все лето нельзя. У меня и здесь куча дел. Раскопки под валом устраивать будем, крепостное подземелье искать...

— Но на одну-то смену можно!

— Да... — Джонни опять вздохнул. Потому что до лета было почти полгода. Целая бесконечность.

Борис Иванович его, кажется, понял. Помолчал, похлопал себя по карманам, будто искал сигареты, хотя не курил (по крайней мере при ребятах). Потоптался и вдруг предложил:

— А махнем сейчас вместе, а?

— Куда? — не понял Джонни.

— Туда, на юг. В лагерь... Мне одному лететь туда тоже как-то... несладко. А тут вдвоем. Веселее. А?

Джонни изумленно моргал.

— В самом деле! — Борис Иванович оживился. — Это же ненадолго! Туда и обратно — неделя, за каникулы управимся. Там сейчас, конечно, не лето, но все равно хорошо. Говорят, в этом году и зимы-то нет, бывает до десяти градусов тепла, а то и больше. Трава зеленая. В такую погоду даже миндаль начинает зацветать! Знаешь, как цветет миндаль? Листьев еще нет, а все ветки в цветах.

— Вы... это правда, что ли? — шепотом сказал Джонни.

— Конечно! Это же просто! Послезавтра вечером в Москву, там в аэропорт, а утром уже в Крыму... И к морю... Море всегда море, Джонни, не только летом... Вот

сейчас так и слышу запах водорослей. Побродим по берегу... Ты был у моря?

Джонни был. Но очень давно, больше чем полжизни назад. Он с родителями жил в пансионате в Анапе. Потом ему вспоминалась толпа на знойных пляжах, взбаламученное мелководье и постоянные мамины страхи, что он утонет или потеряется. А настоящее море он не запомнил. Уже потом из книжек он узнал, что море — это целая жизнь приключений, открытий и путешествий. И очень жалел, что раньше по молодости лет не понимал этого.

Теперь-то он познакомится с морем как следует!

Только... неужели это всерьез?

— Сейчас позвоню знакомому в Москву, чтобы заказал туда и обратно два билета, — решительно проговорил Борис Иванович.

— Ага... «два билета», — спохватился и приуныл Джонни. — Он сколько стоит, билет-то...

— У тебя же будет школьный, за полцены. Вернее, просто детский, тебе еще нет двенадцати.

— Полцены — это тоже... — грустно сказал Джонни. — Мы недавно холодильник новый купили.

— Как-нибудь... Я недавно получил гонорар за статью в «Семье и школе»... Я тебя в конце концов приглашаю. Ясно?

— Нет уж, — решительно возразил Джонни. — Лучше я скажу дома, что не надо к лету нового велосипеда. Этот год как-нибудь проверчусь на старом драндулете, Дорины починят. Только... — Он замолчал и виновато засопел.

— Что?

Джонни спросил тихо, будто он не храбрый пятиклассник Воробьев, а оробелый первоклашка:

— А вы не пошутили?

Желтый миндаль

Родители были ошарашены. По крайней мере мама. Она так и сказала:

— Я просто ошарашена. С чего это вдруг директору пришла такая мысль?

А папа добавил:

— Неужели ты ему не надоел в школе?

— Ну, во-первых, сейчас не школа, — возразил Джонни. — А во-вторых, мы все-таки друзья.

— О боже... — сказала мама.

— Бедный Борис Иванович, — сказал папа.

Потом они еще что-то говорили. Но это неважно. Важно, что в конце концов они согласились. Потому что они были лучшие на свете мама и папа (это Джонни знал твердо, хотя и усматривал у родителей отдельные недостатки). И потому что, когда просит сам директор школы, спорить неприлично. А то, что он уже не хочет быть директором, мама и папа не знали.

Конечно, они еще многое выясняли, уточняли, беседовали по телефону с Борисом Ивановичем и весь следующий день учили Джонни, как себя вести в дороге. Но это было даже приятно. Это как бы входило в подготовку к путешествию.

Джонни сперва проявлял спокойствие, но к вечеру не выдержал и объявил, что пора собираться. И выволок из-под шкафа пыльный чемодан.

— У тебя завтра еще целый день, — сказала мама.

— Ты сама говоришь, что я все делаю в последний момент, — упрекнул Джонни.

Он положил в чемодан общую тетрадь, чтобы вести путевой дневник. Потом карандаши — основной и два запасных. Мыло, пасту, щетку, полотенце. Фонарик — ночи на юге очень темные. Потом раскопал на антресолях кеды, а в шкафу полинялые шорты и две майки с изображением спортсмена-лучника.

— Джонни, ты спятил, — осторожно сказал папа. — Сейчас там не лето и даже не весна.

— Борис Иванович говорит, что в Крыму нынче очень тепло.

— Но не настолько же...

— Борис Иванович говорит, что, может быть, даже миндаль скоро зацветет.

— Миндаль цветет не раньше конца марта...

— А Борис Иванович говорит...

— Кроме того, миндаль совсем не свидетельствует о теплой погоде. Он...

— Ну, папа! — сказал Джонни, как человек, у которого отбирают сказку. — Чего раньше времени спорить? Там увидим.

Отец махнул рукой. Они с мамой собирались в Дом культуры на концерт московского пианиста. И через полчаса Джонни остался наедине с чемоданом.

Пусто стало и как-то сразу расхотелось торопиться. Но все же Джоннина радость не прошла. Просто она стала тихая и спокойная. Отчетливо тикал будильник, сделан-

ный в виде золотого ключика. В кухне, как сытый медвежонок, урчал новый холодильник. Эти звуки отзывались еле слышным звоном в тонких елочных шарах. Шары тихонько поворачивались на длинных нитках.

Джонни прикрыл чемодан и подумал: чем бы заняться? Пойти покататься с вала или включить телевизор? Но вместо этого он устроился в кресле перед елкой и стал разглядывать игрушки.

Игрушки были разные. Некоторые Джонни помнил, как помнил себя, они появлялись на елке каждый год. Например, этот желтый ватный цыпленок (порядком потрепанный) и эти старые серебряные рыбки. Но были и совсем новые звезды, фонарики и несколько блестящих шаров — малиновых и зеленых. Они походили на маленькие планеты...

Джонни смотрел на елку и тихонько прощался с ней. С зимой, со снежными каникулами. Завтра вечером укатит в Москву, а потом — туда, где нет ни снега, ни холода и где цветет загадочный миндаль.

Что это за цветы? Джонни раньше слышал такое название, но внимания не обращал. А сейчас задумался.

«Мин-даль, — сказал он одними губами. — Мин... даль...» Слово перекатывалось на языке, как стеклянная бусина. Урони — и зазвенит на полу.

Интересно, что это слово значит? А может, оно из нескольких слов?

«Мин» — по-голландски значит «мой». В книге «Петр Первый» Меншиков называл Петра «мин херц». Значит, «мое сердце». «Мин даль». Значит, «мой даль»? А что такое «даль»? Если бы даль «моя» — тогда понятно: широта какая-то, простор. Но здесь — «мой»... А если даль — это «он», тогда что?

Или кто?

Был человек с такой фамилией — Даль — друг Пушкина. Врач и писатель. Он еще словарь написал... Нет, цветы здесь ни при чем... Но зато словарь близко, у папы на стеллаже. И там слово «миндаль», конечно, есть!

Джонни вытянул с полки том с буквами «И — О» на корешке и нашел, что хотел. И узнал, что миндаль — это «дерево *Amygdalus napa*» и плод и орех его...». И дальше были еще объяснения про бобовник и персик и так далее. Но не было ни слова, какие у миндаля цветы. Джонни огорченно повертел книгу. Она была в ярко-желтом переплете. Папа купил словарь в букинистической лавке, томá были растрепанные, без корочек, и пришлось их отдать в

переплетную мастерскую. В мастерской нашелся только такой коленкор — будто лепестки подсолнуха.

— Мин-даль... — опять сказал тихонько Джонни, и ему показалось, что цветы миндаля такого же цвета, как корочки словаря.

Он поставил книгу, но к елке не вернулся, а прилег на диван у отцовского письменного стола — щекой на упругий валик. И стал смотреть на оконное стекло, которое было с одного угла затянуто морозным кружевом. Ледяные узорчатые листья искрились, небо за окошком начинало зеленовато светиться. Джонни улыбнулся, он понял, что сейчас в оконный квадрат станет медленно вливаться желтый, запрокинутый на корму кораблик...

Джонни не дождался кораблика. Потому что небо стало синим и очень высоким. И его сделалось много. Кругом. А сам Джонни оказался на крепостном валу, но это был не тот знакомый вал в их городе. Гораздо выше. И недалеко начиналось и убегало в дальнюю даль море, и оно было еще синее, чем небо.

На валу и на всем берегу сплошь цвели желтые деревья.

Это был не печальный осенний цвет, а солнечный, очень теплый. Летний. Как у одуванчиков, когда они в конце мая высыпают на лужайках. Цветущие деревья закрывали склоны и берег яркими грудями. Листьев не было, зато желтые гроздья цветов сплошь покрывали ветки и стволы. Громадные гроздья, по форме похожие на соцветия черемухи, только гораздо крупнее.

Цветочная гроздь качалась у самой Джонниной щеки. Джонни разглядел выпуклые лепестки, прожилки на них и мохнатые, как ножки шмеля, тычинки. От всплеска громадной радости Джонни зажмурился и глубоко-глубоко вдохнул теплый южный воздух. Солнце ласково трогало ресницы и лоб. У желтого миндаля запах был как у одуванчиков, когда в них с размаху зароешься лицом.

— Ура... — шепотом сказал Джонни. — Ой, какое ура... — Раскинул тонкие, незагорелые еще руки, оттолкнулся упругими кедами и кинулся со склона к морю.

Солнечный цвет летел ему навстречу. Пушистые лепестки облепили белую майку со стрелком из лука, мягко чиркали по голым рукам и ногам, губы стали сладковатыми от пылицы. А Джонни все мчался и теперь понимал, что бежит не с вала, а с крутой пирамиды, заросшей по самую верхушку желтым миндалем. Ветки делались все гуще, наконец сплелись в сетку, подхватили, подкинули над

желтой рощей легонького Джонни... И он ничуть не испугался, потому что падать стал медленно-медленно. И купался в солнечном тепле. И знал, что мягкие ветки подбросят его снова...

Слово «миндаль» тихонько звенело в воздухе — как стекляшки, которые девчонки просыпали на каменные ступени. «Мин-даль... даль... даль... динь... длинь...»

И когда желтые деревья погасли и Джонни понял, что этот перезвон — телефонный сигнал в прихожей, он ничуть не огорчился. Короткий южный сон был как неожиданный подарок. Еще одна радость ко многим радостям, которые ждали Джонни впереди. В этом сне все было такое настоящее, что Джонни запомнит его навсегда.

Телефон сыпал негромкий, но длинный и настойчивый звон. Джонни понял: это междугородный сигнал. Он не удивился. Двоюродная сестра Вера часто звонила из Москвы. И сейчас это, конечно, она. Будет передавать приветы от себя, от Валентина Эдуардовича и спрашивать, не приедет ли Джонни в гости. Небось и билет на какую-нибудь столичную елку для него раздобыла.

А он не приедет, он не может! Скоро он будет далеко-далеко! У самого моря!

Джонни, сияя, выскочил в прихожую. Подхватил скользкую трубку.

— Это ты, Вера?

— Это я, — сказал тонкий голос. Чуть-чуть знакомый, но непонятно чей. — Это ты, Джонни?

— Я... А ты? Ты кто?

— Юрка!

— Какой Юрка?

— Ну, это я! Молчанов!

Снова о пирамидах

Тревожиться было нечего. Совершенно нечего. И все-таки Джонни слегка вздрогнул. И спросил сердито, чтобы эту непонятную тревогу прогнать:

— Ты откуда взялся? Уже приехал?

— Нет, я из «Березки».

«А зачем звонишь?» — спросил Джонни. То есть нет, не спросил. Хотел только, но почему-то удержался. Сам не знал почему.

— Я не из самой «Березки», а со станции, — торопливо и звонко сказал Юрик (так чисто было слышно, будто он

рядышком). — Тут будка автоматная, на ближние города, вот я и звоню. По пять копеек спускаю.

— А почему ты на станции? Ты что, сбежал?

— Да нет! — Юрик переливчато засмеялся. — Ко мне мама приехала. Она может меня домой забрать, если я хочу.

— А тебя отпустят? Ведь еще целая неделя...

— Меня отпустят, если я очень попрошу и мама! Потому что наш врач говорит, что у меня уже все хорошо. Потому что я под пирамидой лечился.

— Что? — спросил Джонни слегка обалдело.

— Да! Я такую пирамиду из картонного ящика сделал и над кроватью устроил и под ней спал в тихий час и ночью. Ты же сам говорил, что пирамиды для всего полезны, и для здоровья тоже.

Джонни тоже засмеялся:

— И тебе разрешили?

— Ага! Я же говорю, у нас такой хороший врач. Он на нашего директора похож. Он сперва хохотал, а потом сказал: спи на здоровье под пирамидой, если тебе это помогает. Говорит, хуже не будет... А мне даже лучше! Это на рентгене видно!

«А зачем ты звонишь-то?» — опять подумал Джонни. Вообще-то ничего удивительного не было: дорвался человек до телефона и трезвонит на радостях. Свобода! Домой еду! Но беспокойство опять царапнуло Джонни.

— Юрка! Значит, ты сейчас домой поедешь?

— Я не знаю! Мы с мамой пришли тебе позвонить, можно ли?

— А я-то при чем? — изумился Джонни.

— Ну, потому что я сказал Владимиру Геннадьевичу, врачу нашему, что мы с тобой должны на каникулах в Москву поехать, что это очень важное дело. И маме сказал. Ну вот, Владимир Геннадьевич и говорит: если правда поедете, то отпущу. Раз уж такое это неотложное дело! А мама говорит: давай сперва спросим Джонни... Джонни! Мы поедем?

Сон про желтый миндаль опять колыхнулся в глазах у Джонни. Только не было упругой сетки из цветов, а будто носом о твердый ствол...

— Джонни!.. — обеспокоенно зазвенел Юркин голос.

— Да подожди ты! — отчаянно сказал Джонни.

— Я жду... Только у меня деньги автоматные кончаются.

— Ты же писал, что десятого числа приедешь!

— Ну да! Вот мама и говорит: позвони, вдруг Джонни занят в каникулы! А ты ведь не занят?

«А вот как раз и занят! Откуда я знал, что ты, балда такая, сорвешься из «Березки» раньше времени? Что же мне, от Черного моря отказываться? Я на юг улетаю!» — так Джонни должен был ответить по всем законам здравого смысла. Так он и ответит сейчас. Только секундочку он помедлил. Потому что дурацкое воображение не вовремя подсказало ему, как Юрка тихо опустит трубку и молча поднимет на мать невеселые глаза. И ничего даже не скажет — и так все будет понятно... Ну и переживет! Поспит еще недельку под своей пирамидой. Сам виноват. Кто его просил сваливаться как снег на голову...

Да не как снег. Он же спрашивает: можно или нет?

Вот и надо сказать: нельзя, уезжаю.

А может, соврать что-нибудь? Сказать, что сестрица Вера заблела и в Москву к ней сейчас нельзя? Тогда получится, что никто не виноват.

А разве сейчас кто-то виноват?

Не будет он врать. Не врал Джонни своим солдатам и адъютантам никогда в жизни. Всякое в жизни случилось, но такого не было. И сейчас не выйдет.

— Джонни! Ты что молчишь?

— Я думаю, — сумрачно сказал Джонни. Хотя чего было думать?

— Ты думай скорее, я последний пятак бросаю, — сказал Юрик уже с печальной ноткой. Почуял что-то.

— Я же не знал, что ты на неделю раньше...

— Я понимаю...

«А у меня самолетный билет до Симферополя!» Хотя еще неизвестно. Может, еще и не купили билет...

— Уже цифры зажглись, — как-то глухо сказал Юрик (теперь сразу слышно, что издаലെка).

— Ладно, я сейчас, — глупо ответил Джонни. — Я... Это... А что, больше нет денег?

— Нет... Подожди... Джонни, еще полминуты! — Голос Юрика звенел, как тугая струнка, которую дергают нервно и неумело. — Джонни!

— Что, нашел пятак? — совсем уже по-идиотски спросил Джонни.

— Нет! Я ту монетку спустил, с корабликом!

— Что-о?

— Потому что больше нету! Джонни! Ну, ты скажи, мне ехать или нет? Скорее! Нет или да?!

Если бы он спросил «да или нет», Джонни и ответил бы, наверно, что нет. «Нет, я не могу, Юрка!» Но Юркиным последним словом было «да». И в этом «да» звенел

такой отчаянный нажим, что Джонни рывкнул беспомощно и зло. Будто в рифму:

— Да!

Потом, испугавшись этого крика, добавил помягче:

— Ладно, приезжай...

Кораблик

Бориса Ивановича Джонни встретил на углу Крепостной и Первомайской. Директор шел в магазин за сосисками для ужина. Джонни сразу сказал ему, что лететь в Крым не может. И сразу объяснил почему.

Они пошли рядом. Как вчера. По заснеженному тротуару — желтому от фонарей и узорчатому от переплетенных теней.

— Да... Значит, не судьба, — сказал Борис Иванович. — Или, вернее, как раз судьба...

— Как это? — сумрачно отозвался Джонни.

— Такая, значит, у тебя судьба, Джонни Воробьев, — повторил Борис Иванович. — Ты командир. Ты никого из своих не можешь ни бросить, ни обмануть... Видишь, я тебя даже и не уговариваю лететь.

— Да, — сказал Джонни. И на миг он гордо поднял голову.

Он командир. Это было объяснение. Все делалось простым и точным. Но... это для Бориса Ивановича так делалось. А Джонни почти сразу почувствовал: нет, все гораздо сложнее.

Если бы он был командир, никаких осложнений не получилось бы. Он сказал бы своей армии коротко и четко: «Операция переносится. Уезжаю по делам». Армия, может быть, вздохнула бы, но ни роптать, ни укорять Джонни не стала. Она привыкла верить командиру во всем. Потому что он никогда не подводил... Ну, а если бы ожидалось важное и неотложное дело, если бы уехать в самом деле было нельзя. Джонни подчинился бы судьбе спокойно и гордо. Что поделаешь, такая командирская доля.

Но сейчас-то никакого срочного дела не ожидалось! И армия беззаботно веселилась на каникулах, и для Юрика не был он в эти дни командиром. И ничего не случилось бы, если бестолковый Молчанов еще недельку проторчал бы в санатории. Ну совершенно ничего не случилось бы...

И кой черт дернул Джонни за язык? «Ладно, приезжай»... Неужели человек не имеет права слетать на юг, если раз в жизни привалила удача?

Джонни разедала досада. Жгучая, как растворитель Алхимика. И пожалуй, досада эта была сильнее самой жалости о потерянном путешествии. Потому что получилось глупо. Непонятно получилось, а Джонни любил в жизни ясность.

Он не мог объяснить себе, зачем это сделал. И чего он испугался? Почему не сказал «нет»?

— «К-р-р, к-р-р», — отчетливо говорил под подошвами снежок, и Джонни шел, глядя на свои сапожки, и молчал. И Борис Иванович тоже молчал.

«Завтра он улетит, — думал Джонни. — Сперва на неделю, потом насовсем... Там хорошо, там миндаль...» И сделалось Джонни как-то одиноко. Будто совсем не осталось друзей. Он даже сердито хмыкнул — таким неправдашным было это ощущение.

Это у него-то нет друзей? Это он-то одинокий?

Уж чего-чего, а друзей у Джонни хватало. С самого раннего детства. Еще в детском садике...

«Это не друзья», — шепнул кто-то Джонни. Или сам себе он шепнул в глубине своих мыслей.

«А кто?» — ошетинился Джонни.

«Это верные твои солдаты и адъютанты. Они тебя слушаются, они тебя любят. Только это еще не дружба. Дружба — это если на равных...»

«А в классе...»

«В классе? Да-а... В классе ты авторитет. Сказал слово — и все открыли рты. Посоветовал — и все слушают. Пирамиды сделали... И ждут: что еще новенького подкинет Джонни Воробьев?»

«А Серега и Вика! А Степан и Борька Дорины!»

«Они выросли... Ты для них всегда был маленький Джонни, а теперь совсем... Они почти взрослые, им не до тебя...»

«Неправда! — взъярился Джонни. — Они все равно настоящие, они меня никогда не предадут...»

И это была правда. Если что случится, все придут на помощь: и третьеклассники с храбрым командиром звездочки Мишкой Паниным, и весь Джоннин пятый «А», и Вика, и Сережка Волошин, и Дорины. И даже Катька Зарецкая кинется на выручку, это уж точно. И деловитый Алхимик... А если придет к Джонни удача, они от души будут радоваться за него...

Но если нет ни беды, ни радости, а только обыкновенная жизнь? Тогда с кем ты можешь побыть рядом просто так? И поговорить о своем? О плавании на плоту вокруг

света или о тайнах подземелий. Или еще о чем-нибудь, как, например... Что «например»? С кем? Например, как с Молчановым, который тогда рассказывал о своих кораблицах. И о «вахтенном журнале», и о корабельной рубке... И о тонком-тонком месяце вокруг темной луны...

С Катькой сейчас про такое не поговоришь. Раньше можно было, а теперь... С Борисом Ивановичем? Он скоро уедет насовсем. И, кроме того...

«Что?» — нахмурился Джонни.

«Кроме того, признайся: в этой дружбе была для тебя капелька хвастовства. Для самого себя. А? Тебе нравилось, что с тобой дружит директор...»

«Нет! — огрызнулся Джонни. — Неправда... Не в этом дело».

«А в чем?»

«Я-то для него никакой не директор, а он со мной тоже дружит... Но теперь все равно. Он уезжает...»

«Ну и что же, что уезжает? Может, ты думаешь, что он тебя предал?»

«Не думаю. Просто его вынуждают обстоятельства... Есть у взрослых такое дурацкое слово — «обстоятельства». Это когда надо объяснить уважительную причину...»

«Но у тебя-то нет уважительных обстоятельств...»

«Но я и не поехал! Я же остался, черт возьми!»

«А по-че-му?»

«Потому что я испугался», — подумал Джонни.

Он подумал это без обиды на себя, а только с тепловатым смущением, будто от чьей-то излишней ласки. Он коротко, но глубоко вздохнул и помотал головой (так, что распущенные уши мохнатой шапки захлопали по щекам). Стало чуточку яснее на душе. Проще.

«Я испугался...»

«Чего?»

Джонни объяснить не мог ни словами, ни мыслями. Но он чувствовал: если бы сказал тогда «не приезжай», порвалась бы незаметная, неуловимо тонкая ниточка. Как та светлая паутинка, что связывает концы узенького месяца в первый день новолуния. Ниточка между ним и Юркой.

Джонни отчетливо представил, как в тесной телефонной будке нетерпеливо переступает большущими валенками и толкает в щель монетку с корабликом — будто последний патрон расходует — этот маленький Юрик Молчанов... А почему маленький? Они уже почти одного роста. Велика ли разница в два года? Между старшей и младшей

группой в детском саду велика. А между пятым и третьим классом — не очень. И чем дальше люди растут, тем больше эти два года стираются между ними... И кажется, Юрка понял это раньше Джонни. Понял, что теперь у них — по-другому...

— ...Не в том дело... — вполголоса сказал Джонни.

— Что? — не понял Борис Иванович.

— Не в том дело, что я командир, — сказал Джонни, глядя под ноги, на желтый от фонарей снежок. — Юрка Молчанов, он вот никакой не командир, а он на моем месте тоже не уехал бы.

— Да? — рассеянно спросил Борис Иванович. Наверно, просто так, лишь бы как-нибудь отозваться. Но Джонни ответил уверенно, будто поставил точку:

— Да.

И вспомнил свое «да» в разговоре с Юриком. Такое резкое и досадливое. И вдруг испугался, что для Юрика оно могло быть как обидный толчок локтем. Будто не «да», а наоборот.

«Но ведь я сказал еще: ладно, приезжай».

«А если уж было поздно? И... если он решил, что ехать не надо?»

Джонни испугался этой мысли неожиданно и сильно. И колючий страх сразу перебил другие заботы и тревоги. Джонни задержал шаг.

«Да нет, он придет, — сказал себе Джонни. — Не зря же он так ждал ответа. Раз любимую монетку с «Золотой ланью» не пожалел».

Конечно, Юрик придет. Сейчас он уже, наверно, сидит с мамой в электричке и смотрит в темное окно (а за стеклом по черным елкам, как по крутым гребешкам зыби, мчится, не отставая, месяц-кораблик).

«Но ему сейчас не до месяца», — понял Джонни.

Юрке не до месяца, не до зимних сказок. Он сидит и томится: а почему Джонни говорил так хмуро? И как он его, Юрку, встретит?

Эту тревогу далекого еще Юрика Джонни ощутил какой-то глубокой, тайной ниточкой-нервом — безошибочно и ясно. Как ощутил, почему — трудно разгадать. Тайны человеческой души такие же запутанные и неизученные, как загадки пирамид. Или даже сложнее...

Джонни сказал:

— Борис Иванович, я пойду. Я на вокзал. Надо узнать, во сколько приходит Юркина электричка.

— Иди.

Борис Иванович стянул перчатку, а Джонни потрепанную свою варежку, и они пожали руки. Коротко и просто, без лишних слов, без всякого значительного молчания и взглядывания друг другу в глаза.

— Увидимся еще, — сказал Борис Иванович.

— Счастливого слетать... Я пошел.

И Джонни не пошел, а побежал к серебристо мерцающему крепостному валу.

Борис Иванович... Рука так и просится написать: «Борис Иванович стоял и смотрел ему вслед». Но это неточно. Он смотрел себе под ноги. На тени кленовых ветвей, на втопанную в снежок коробку «Беломора»... А потом он посмотрел вверх, на снежные деревья. Там поднималась четырехэтажная школа. Она еле угадывалась в мутноватом почном небе: окна были непривычно темны: уроков нет — каникулы, а новогодние вечера уже прошли. Лишь кое-где окна чуть искрились — то ли отражали рассеянный свет месяца, то ли мерцали сами по себе.

Очень хочется написать, что, посмотрев на окна своей школы, Борис Иванович сначала тихо, а потом все решительней зашагал к отделению почты. И там вечерней дежурной телеграфистке сдал телеграмму для своего товарища, что на юг он не поедет и начальником лагеря он не станет... Но мы этого не знаем. И расстаемся мы с директором школы номер два здесь, на улице, когда он о чем-то думает и что-то решает, глядя на темные окна дремлющих классов.

Ладно. В конце концов, не он главный, наш герой. Главный — Джонни. Мы и с ним расстаемся, но здесь проще. По крайней мере сейчас проще. Джонни с разгона, не заметив крутизны, взлетел по тропинке на вал, промчался по нему шагов двести и по заснеженному склону ринулся вниз — к желтоватым огонькам Вокзальной улицы. Он мчался без тропинки, сквозь мелкие березки, которыми зарос восточный скат крепостного вала. Заснеженные ветки быстро, но мягко задевали его щеки, и он вспомнил на миг сон про желтый миндаль. Но только на миг. Он спешил.

А над ветками летел запрокинутый месяц-кораблик с серебристым клочком облака, похожим на вздувшийся парус.

1969—1984 гг.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОРУЖЕНОСЕЦ КАШКА

Повесть

5

БОЛТИК

Повесть

109

МУШКЕТЕР И ФЕЯ

и другие истории

из жизни

Джонни Воробьева

221

**Бегство рогатых
викингов**

222

След крокодила

247

Мушкетер и фея

275

Шлем витязя

317

Тайна пирамид

359

Крапивин В. П.

К78 Собрание сочинений: В 9 т. — Екатеринбург: Независимое издательское предприятие. «91», 1992. — Т. 3. — 416 с.: ил.

В девятитомное Собрание сочинений известного детского писателя В. Крапивина вошли наиболее популярные и любимые читателем произведения, написанные за более чем тридцатилетний творческий путь. Тома сформированы не по хронологическому принципу, в зависимости от времени создания произведения, а тематически. Первый и второй тома несут на себе автобиографический след, третий и четвертый по проблематике можно было бы назвать «семья и школа», далее следуют сказочные повести, повести о морских приключениях, фантастика. В замыкающем томе — новая и одна из последних по времени вещь: «Синий город на Садовой».

Адресуется всем любителям творчества В. Крапивина и тем, кто еще не открыл для себя этого мастера художественной прозы.

К **4803010201-002** **92**
92

ББК 84Р7

Владислав Петрович Крапивин

Собрание сочинений
в 9 томах,
том 3.

Редактор В. В. Артюшина
Художник П. В. Крапивин
Художественно-технический редактор
Н. Н. Заузолкова
Корректоры Т. А. Дрябина,
Н. Л. Федотовских

Сдано в набор 04.02.92. Подписано в печать 04.05.92.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 2. Гарнитура
литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84. Усл.
кр.-отт. 21,84. Уч.-изд. л. 25,0. Тираж 100 000 экз. За-
каз 66. С2.

Независимое издательское предприятие «91». 620086,
Екатеринбург, Посадская, 44-1-48.
Малое предприятие «Книга». 614001, Пермь, ул. Ком-
мунистическая, 57.

